

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРИЗРАК

ПОТРЯСАЮЩИЙ РОМАН
ТИБОР ФИШЕР

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Дэвид Митчелл

Литературный призрак

Посвящается Джону

...И если я, как мне кажется, знаю больше, — разве можно быть уверенным, что и от меня не укрылась пружина пружин?

Одни говорят, что нам никогда не узнать и что для богов мы — как мухи, которых бьют мальчишки летним днем, другие говорят, напротив, что перышка воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем.

Торнтон Уайлдер.

*Мост Короля Людовика Святого (Перевод
В. Гольшева)*

Окинава

*

Кто там дышит мне в затылок?

Оборачиваюсь. С шипением съезжаются створки тонированных стеклянных дверей. Ярко светит солнце. На залитой светом автостоянке ни малейшего движения. Вдали шеренга пальм и ярко-синее небо. В пустом фойе слегка покачиваются листья искусственных папоротников, вверх-вниз.

— Простите, господин?..

Поворачиваюсь обратно. Дежурная все еще ждет, протягивая авторучку. Улыбка сидит безупречно, как и униформа. Сквозь пудру на ее лице различаю поры, сквозь негромкую музыку в фойе слышу тишину, сквозь тишину — фон в колонках.

— Кобаяси. Я недавно звонил из аэропорта. Забронировал номер.

Покалывание в ладонях. Мелкие колючки.

— О да, господин Кобаяси...

А что, если она не поверит? Нечистые часто регистрируются в отелях под вымышленными именами. Чтоб предаваться блуду с иностранцами.

— Будьте добры, господин Кобаяси, впишите имя и адрес... Сюда и сюда... И укажите профессию.

Показываю забинтованную руку:

— Боюсь, вам придется заполнить анкету за меня.

— Конечно, конечно! Как это случилось?

— Зажало в дверях.

Она сочувственно содрогается и разворачивает бланк к себе.

— Ваша профессия, господин Кобаяси?

— Инженер-программист. Пишу софт по заказам разных компаний.

Она хмурится. Я не вписываюсь в ее анкету.

— Значит, у вас нет постоянного места работы?

— Впишите компанию, на которую я работаю в настоящее время.

С этим проблем не возникнет. Технический отдел Братства устроит любое подтверждение.

— Прекрасно, господин Кобаяси. Добро пожаловать в отель «Сад Окинавы».

— Благодарю.

— Цель вашего приезда — бизнес или туризм, господин Кобаяси?

Нет ли двусмысленности в ее улыбке? Подозрительности во взгляде?

— Всего понемногу, — отвечаю, голосом воздействуя на альфа-волны.

— Надеюсь, пребывание у нас доставит вам удовольствие. Вот ключ. Если возникнут затруднения, господин Кобаяси, обращайтесь. Мы вам охотно поможем.

Вы? Мне?!

— Благодарю.

Нечистота, нечистота. Эти окинавцы никогда не были чистокровными японцами. Другие предки, пожиже. Направляясь к лифту, спиной чувствую — экстрасенсорное восприятие работает, — что она усмехается. Она бы не усмехалась, если б знала, с кем имеет дело. Ничего, придет время — узнает. И все остальные тоже.

Огромный отель — и в полдень не видно ни души. Безмолвные коридоры тянутся вдаль, пустынные, как катакомбы.

В номере нечем дышать. В Прибежище запрещено пользоваться кондиционерами — они отрицательно влияют на альфа-волны. Из солидарности с братьями и сестрами я отключил кондиционер. Окно открыл, но шторы задернул. Кто знает, чей телеобъектив берет меня в этот самый момент на прицел.

Выглянул из окна — солнце ударило в глаза. Наха — бедный, уродливый город. Если бы не аквамариновая полоска Тихого океана вдали, вполне сошел бы за очередное щупальце Токио. Обычная красно-белая вышка с телепередатчиком, который на частотах, воздействующих на подсознание, транслирует правительственную программу промывания мозгов. Обычные здания супермаркетов, возвышающиеся, будто храмы без окон, маскируя нечистоту великолепием. Промышленные районы. Фабрики, отравляющие воду и воздух. Выброшенные холодильники на пустырях и помойках. Ох уж эти их города — рассадники мерзости и нечистоты! Я провижу Новую землю: могучая длань как метлой сметет скверну смердящую и вернет мир в девственное состояние. А затем Братство построит Град, достойный уцелевших, и они будут беречь его, как зеницу ока, во веки веков.

В ванной после омовения пристально рассматриваю свое лицо в настенном зеркале. Ты, Квазар, один из тех, кому предстоит уцелеть. Резкие черты — наследие предков-самураев. Четкие брови. Орлиный нос. Квазар, провозвестник. Его Провидчество в своей прозорливости избрал меня. Моя миссия — просиять на пороге царства верных. Одинокая

вспышка во тьме кромешной. Предвестник.

Жужжит вентилятор. Сквозь жужжание слышится плач ребенка. Девочки. Да, много слез проливается в этой юдоли греха. Приступаю к бритью.

Проснулся рано и долго не мог сообразить, где нахожусь. Мой сон, как мозаика, рассыпался на куски. Среди них мелькнул мой биологический отец. Еще там были господин Икэда, воспитатель старших классов, и паратройка придурков похуже. Помню день, когда эти придурки подговорили класс считать меня мертвым. К полудню забавлялась уже вся школа. Все притворялись, что не видят меня. Когда я заговаривал, делали вид, что не слышат меня. Новость дошла до господина Икэды, и что же он сделал, этот уполномоченный обществом пестун юных душ? Сукин сын перед отбоем устроил мне отпевание. Размахивал кадильницей и распевал молитвы, и все такое.

Пока Его Провидчество не вдохнул в меня жизнь, я был беспомощен. Я надрывался от плача, умолял их прекратить, но никто не видел меня и не слышал. Я был мертв.

После пробуждения обнаружил, что тело осквернено эрекцией. Очень уж много гамма-волн наложилось. Медитировал на портрет Его Провидчества, который всегда при мне, пока не прошло.

Что ж, если нечистым так хочется похорон, они их получают в избытке — во время Белых Ночей, накануне того, как Его Провидчество явится и провозгласит свое царствие. Похороны, на которых не будет скорбящих.

Я шел по Кокусай-дори, главной улице города, петляя и путая следы, чтобы сбить с толку ищек. К сожалению, мой альфа-потенциал еще слабоват, становиться невидимым пока не могу и вынужден отделяться от преследователей допотопными способами. Убедившись, что за мной нет хвоста, я нырнул в игровой центр, чтобы позвонить из телефонной будки. Телефон-автомат гораздо труднее засечь.

— Брат! Говорит Квазар. Пожалуйста, соедини с министром обороны.

— Да, брат. Министр ждет. Позволь поздравить тебя с успешным выполнением задания.

Прошло несколько минут. Министр обороны — любимец Его Провидчества. Он окончил Императорский университет. До того как услышать зов Его Провидчества, работал судьей. Он прирожденный лидер.

— А, Квазар! Отлично. Как самочувствие?

— Как всегда, прекрасно — я ведь на службе у Его Провидчества. И

аллергия прошла, вот уже девять месяцев не было ни одного...

— Мы очень довольны тобой. Его Провидчество высоко ценит силу твоей веры. Крайне высоко. Сейчас Он в уединении, медитирует на тебя. Только на тебя, чтобы укрепить твой дух и придать тебе сил.

— Министр! Умоляю, передайте Ему, что я бесконечно благодарен!

— С удовольствием. Но ты заслужил такое внимание. Идет война с мириадами нечистых, и подлинное мужество не останется без одобрения и награды. И еще. Сейчас тебе нельзя вернуться в семью, нужно переждать какое-то время. Я понимаю, ты огорчен. Кабинет министров считает, что семи дней будет достаточно.

— Слушаюсь, министр. — Я низко склоняю голову.

— Ты смотрел новости по телевизору?

— Министр, я сторонюсь лжи государства нечистых. «Зачем змее вслушиваться в голос своего заклинателя?» Пусть сейчас я вне стен Прибежища, но наставления Его Провидчества запечатлены в моем сердце. Представляю, какое осиное гнездо мы разворошили!

— Вот именно! Все только и твердят про террористов, показывают кадры, где у нечистых идет пена изо рта. Бедных животных почти жаль. Почти. Только они, как и предрекал Его Провидчество, совершенно забыли, что на их головы пали их же собственные грехи. Квазар, ты вправе гордиться собой — ты был избран одним из вершителей правосудия. Священное откровение номер тридцать девять гласит: «Гордость жертвоприношением не есть грех, но заслуженное самоуважение». И все-таки держись незаметно. Смешайся с толпой. Осмотри достопримечательности. Надеюсь, денег у тебя достаточно?

— Казначей был щедр, а мои потребности скромны.

— Ну вот и хорошо. Через семь дней свяжись с нами. Все члены Братства с нетерпением ждут возвращения своего возлюбленного брата, чтобы раскрыть ему объятия.

Я вернулся в отель для полуденного омовения и медитации. Поел крекеров, орешков кешью, немного салата из водорослей и запил зеленым чаем — автомат для продажи напитков стоит рядом с моей комнатой. После обеда взял у нечистой дежурной в фойе карту и выбрал достопримечательность, которую стоит осмотреть.

Штаб-квартира японской военно-морской базы расположена севернее Нахи, под поросшим невысокими деревьями холмом, с которого открывается вид на город. Во время войны штаб-квартира была так хорошо укрыта, что только через три недели после захвата Окинавы американцы

наткнулись на нее. Американцы вообще не блещут. Не видят даже очевидного. Десять лет тому назад их посольство имело наглость отказать Его Провидчеству в визе. Теперь-то, конечно, Его Провидчество может перемещаться, куда захочет, пользуясь техникой подпространственного перехода. Он не раз посещал Белый дом совершенно беспрепятственно.

Покупаю билет и спускаюсь по ступенькам в подземелье. Вокруг прохладный полумрак. Слышно, как где-то капает вода. Американских захватчиков здесь поджидал сюрприз. Чтобы не потерять воинской чести, весь личный состав базы в количестве четырех тысяч человек совершил самоубийство. За двадцать дней до прихода американцев.

Честь. Что этот суетный, одержимый идолами мир нечистых знает о чести и доблести? Я брожу по туннелям, касаясь стен рукой. Поглаживаю шрамы, оставленные разрывами гранат и кирками, которыми солдаты отрывали свою последнюю цитадель. Я ощущаю глубокое внутреннее родство с ними. Такое же чувство я всегда испытываю в Прибежище. С моим повышенным альфа-потенциалом я воспринимаю остаточное излучение душ героев. Брожу по туннелям, потеряв представление о времени.

Я уже собирался покинуть этот памятник человеческому благородству, когда прибыл автобус с туристами. Едва я глянул на них — с их фотоаппаратами, чипсами, тупыми кансайскими физиономиями, с их альфа-потенциалом ниже, чем у навозной мухи, — как пожалел, что у меня не осталось ни одного сосуда с очищающим веществом. А то бы метнул им вслед и запер всех в подземелье. Им бы выпала благодать пройти через спасительное очищение, как и тем, ослепленным погоней за деньгами горожанам, которых я очистил в Токио. А души юных солдат, которые давным-давно пожертвовали жизнью ради идеалов — и я был готов к этому всего трое суток назад, — обрели бы наконец покой. Этих героев предали марионеточные правители, погубившие нашу страну после войны. Так же как всех нас предаёт общество, превратившееся в рынок для «Диснея» с «Макдоналдсом». Все эти жертвы — ради чего они? Что построили на этой крови? Непотопляемый авианосец Соединенных Штатов Америки.

Но сосудов у меня не осталось, и приходится терпеть этих нечистых, болтающих, пердящих, смердящих, плодящихся и размножающихся кретинов. Я буквально чуть не задохнулся.

Спускаюсь с холма, шагаю под пальмами.

*

На ладони левой руки находится точка — альфа-рецептор. Когда Его Провидчество впервые удостоил меня личной аудиенции, Он повернул мою руку ладонью вверх и легонько надавил указательным пальцем на эту точку. Я почувствовал странный толчок, как удар электрическим током, только приятный, а после обнаружил, что моя способность к концентрации учетверилась.

В тот благословенный день, три с половиной года назад, шел дождь. С горы Фудзи строем спускались облака. Нивы вокруг Прибежища волновались под восточным ветром. Двенадцатью неделями раньше Братство зачислило меня на программу для начинающих, а утром мы с младшим секретарем казначейства завершили важное дело. Я подписал документы, которые освободили меня из плена материального мира. Отныне мой дом со всем имуществом, банковский и пенсионный счета со всеми накоплениями, автомобиль и даже карточка члена гольф-клуба принадлежали Братству. Я почувствовал такую свободу, о возможности которой даже не подозревал. Родные — я имею в виду нечистую, биологическую семью по плоти и крови — меня не поняли, как и следовало ожидать. Всю мою жизнь померяли они по линейке успехов и поражений, засекая каждый миллиметр в ту или иную сторону, и вот я сломал проклятую линейку об колени. В последнем письме, которое я получил от матери, она сообщала, что отец вычеркнул мое имя из своего завещания. Как сказал Его Провидчество в Священном откровении номер 71, «ярость одержимого бесом подобна крысе, которая тщится прогрызть Святую гору».

В конце концов, они меня никогда не любили. Они б и слова такого не знали, если б не телевизор.

В сопровождении министра безопасности Его Провидчество спускался по лестнице. По мере Его приближения становилось светлее. Сначала только Его ноги в сандалиях, затем пурпурная туника, а потом и весь Его возлюбленный облик возник передо мной. Он улыбнулся мне — благодаря дару телепатии Он уже знал, кто я и что сегодня сделал.

— Я учитель, — сказал Он.

Я опустился на колени, и Он дозволил мне поцеловать свой священный перстень с рубином. Я чувствовал его альфа-эманации, как компас чувствует магнитный полюс.

— Мастер! — ответил я. — Наконец-то я дома.

Его Провидчество говорил красиво и ясно, слова исходили будто не из

уст, а из очей.

— Ты вырвался из Обиталища нечистоты, младший брат мой. Сегодня ты обрел новую семью. Старую, плотскую семью ты оставил и присоединился к новой, духовной. Отныне у тебя есть десять тысяч братьев и сестер. К моменту, когда наступит конец света, нас будет миллионы по всему миру. Наша семья будет расти и пускать корни во всяком народе. Мы ищем плодородные земли в других странах. Наша семья будет расти, пока не вберет в себя весь мир. Это не фантазия. Это неизбежная грядущая реальность. Что ты сейчас чувствуешь, новообретенное дитя нашего царства без границ, без страданий?

— Блаженство, Ваше Провидчество! Какая удача — испить из источника истины, когда тебе нет еще и тридцати!

— Младший брат мой, мы оба знаем, что отнюдь не удача привела тебя к нам. Тебя привела любовь.

Он поцеловал меня. Словно уста вечной жизни коснулись моего лба.

— По словам министра образования, твой альфа-потенциал растет не по дням, а по часам, — сказал Мастер. — Если так пойдет и дальше, со временем мы сможем поручить тебе одно очень важное задание...

Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Они говорили обо мне! Я всего-навсего какой-то новичок, а они говорили обо мне!

В кофейнях и магазинах, офисах и школах, на гигантских экранах торгового центра, в каждой квартирке, похожей на клетку для кроликов, люди смотрят новости с репортажами об очищении. Горничная пришла прибраться в моем номере и без умолку тарыхтит об увиденном. Я не прерываю ее. Она спросила, что я об этом думаю. Ответил, что я всего-навсего инженер-компьютерщик из Нагои и не разбираюсь в таких вещах. Мое безразличие ей не понравилось, она не в силах сдержать возмущения. Приходится ломать комедию, чтобы не вызвать подозрений. Горничная упоминает о Братстве. Похоже, эти мерзкие журналисты тычут в нас свои грязные пальцы, хоть мы и предупреждали.

В середине дня выхожу купить шампунь и мыло. Дежурная сидит спиной, не отрывая глаз от телевизора. Телевидение извергает скверну и ложь, оно повреждает участок коры головного мозга, ответственный за альфа-потенциал. Но я подумал, что несколько минут не принесут мне большого вреда, и стал смотреть вместе с ней. Двадцать два человека очищены полностью плюс несколько сотен наполовину. Недвусмысленное предупреждение для нечистых.

— Не могу поверить, что это произошло в Японии, — говорит

дежурная. — В Америке — еще куда ни шло. Но чтобы у нас?

«Эксперты» за круглым столом обсуждают это «злодейство». Среди экспертов — девятнадцатилетняя поп-звезда и профессор социологии из Токийского университета. Почему японцев так интересует мнение поп-звезд и профессоров социологии? Без конца показывают одни и те же кадры: толпы недоочищенных пытаются вырваться из метро, зажимают платками рты, блюют и расцарапывают себе глаза. Как сказал Его Провидчество в Священном откровении номер 32, «если твой глаз влечет тебя ко греху, вырви его». Потом крупным планом — очищенные, смиренно лежат там, где их настигла благодать. Потом — их кровные родственники, рыдают в своем неведении. Потом — премьер-министр, самый непроходимый тупица из всех. Клянется, что не обретет покоя, пока «организаторы и исполнители этого чудовищного преступления не будут преданы суду».

Как слепы они в своем лицемерии! Неужели не видят, что настоящее злодейство — это ежедневное, ежечасное убийство души человеческой, которое совершается в современном мире! Братство всего лишь попыталось противостоять подлинному чудовищу — веку нынешнему. Преступному веку. Первая схватка в долгой войне, в которой нам суждено победить.

Неужели люди не могут понять, что сопротивление бесполезно? Этот жалкий политик, взяточник, лицемер, слепой таракан, неспособный даже уразуметь, в каком дерьме он барахтается. Неужели эти низшие, нечистые существа всерьез рассчитывают одолеть Его Провидчество и помешать Его замыслам? Одолеть Бодхисаттву, который может становиться невидимым по желанию, перемещаться в пространстве, дышать под водой? Предать Его самого и Его верных слуг их «суду»? Это мы — вершители правосудия! У меня лично альфа-потенциал пока слабоват — телепатией или телекинезом не воспользуешься, но ведь и нахожусь я за сотни километров от места чистки! Никому и в голову не придет искать меня здесь.

Я выскальзываю из прохладного вестибюля гостиницы.

Всю неделю веду себя тихо, но чрезмерная незаметность тоже может привлечь внимание. Поэтому я делаю вид, будто у меня деловые встречи, и с понедельника по пятницу ровно в восемь тридцать прохожу мимо дежурной, бросив через плечо «Доброе утро».

Время тянется еле-еле. Наха всего лишь заштатный городишко. По проспекту с важным видом расхаживают американцы с военных баз,

которыми усыпаны эти острова. Многие под руку с местными женщинами. Японки едва прикрыты узкими полосками ткани. Местные мужчины подражают иностранцам. Я хожу по универсам, смотрю на бесконечные толпы алчущих и покупающих. Хожу, пока ноги не заболят. Тогда отправляюсь в кофейню, там полки ломятся от журналов, а в них ничего, кроме забивающего мозги мусора. Прислушиваюсь к разговорам бизнесменов, которые покупают и продают то, что им не принадлежит. Потом снова гуляю. Рабочий день идиота, зевающего перед грохочущей пустотой игровых автоматов — как и я когда-то, пока Его Провидчество не открыл мне внутреннее зрение. Туристы с материка обходят сувенирные лавки, покупают коробки с низкопробным дерьмом, которое никому больше и не нужно. На тротуаре иностранцы продают без лицензии часы и дешевые украшения. Забрел я в галереи игровых автоматов, куда сползаются после школы дети с отравленными мозгами и прилипают к экранам, на которых сражаются злые киборги, призраки, зомби. Те же магазины, что и везде, — «Беннетон», «Найк», закусочные «Бургер-кинг»... Думаю, сейчас во всех городах мира центральные улицы похожи друг на друга. Я углублялся в закоулки. Во дворах хозяйки выбивают матрасы, как делали это и шестьдесят лет назад. Гончар с рябым лицом склоняется над своим кругом. Старик, сидя на крыльце, ремонтирует детский трехколесный велосипед. Кашляет, не вынимая сигареты изо рта. Похоже, смертельно болен. Женщина без единого зуба ставит свежие цветы в вазу у семейного алтаря. Один раз я отправился в старый дворец Рюкю. Во дворе — автоматы с напитками и магазин под названием «Святой рыцарь», в котором не продают ничего, кроме брелков для ключей и фотопленки. На древних бастионах копошились старшекласники из Токио. Мальчишки ничем не отличаются от девчонок — длинные волосы, серьги в ушах, брови с пирсингом. Девчонки — вылитые паукообразные обезьяны — хихикали в мобильные телефоны. Если возненавидеть их, придется возненавидеть весь мир.

Ну и отлично, Квазар. Значит, возненавидим весь мир.

Единственное приличное место в Нахе — это порт. Я смотрел на лодки, рыбаков, туристов и на огромные грузовые суда. Мне всегда нравилось море. Мой биологический дядя водил меня в порт, в Йокогаме. Мы обычно брали с собой карманный атлас и в нем искали города и страны, откуда прибыли суда.

Конечно, это было тыщу лет назад. До того, как мой подлинный отец призвал меня к себе.

Однажды днем, выйдя из альфа-транса, в котором пребывал после омовения, я заметил странную тень — круглую, со ступицами. Она уплотнилась и превратилась в паука. Я хотел бросить его в унитаз и смыть водой, но тогда он, к моему превеликому удивлению, просигналил мне альфа-послание! Конечно, это Его Провидчество посылает мне весточку. У нашего Учителя особое чувство юмора!

— Мужайся, Квазар, избранник мой. Мужайся и крепись. Такова твоя участь.

Я упал на колени перед паучком.

— Я знал, Отец, что Ты не забыл меня! — ответил я ему.

Паучок ползал по моему телу, а я не сводил с него глаз. Потом посадил его в баночку. Решил купить липучку, чтобы ловить мух и кормить меньшого брата. Мы оба посланники Его Провидчества.

Болтовня про «апокалиптическую секту» и «секту конца света» не прекращается. Как она меня бесит! Братство стремится к свету, а не к его концу. Братство — это не секта. Секта поработает. Братство освобождает. Главари сект — мошенники с лукавыми устами, они втайне содержат гаремы со шлюхами и гаражи с «роллс-ройсами». Я удостоился чести бросить взгляд на то, как живет Учитель и его ближайшее окружение. Ни одной особи женского пола в поле зрения! Его Провидчество освободился от липких пут сладострастия. Он избрал себе супругу только для того, чтобы она выносила ему детей. Младшим сыновьям членов кабинета министров и любимейшим ученикам дозволено прислуживать Учителю в его скромном быту. Из одежды на этих счастливицах только набедренные повязки, поэтому они могут принять позу лотоса в любой момент, когда Мастер изволит благословить их для медитации. И на все Прибежище только три «кадиллака». Его Провидчество прекрасно знает, когда беса вещизма, которым одержимы нечистые, следует изгонять, а когда использовать как троянского коня, чтобы проникнуть в их прогнившую крепость.

С целью отвести подозрения от Братства Его Провидчество допустил в Прибежище кое-кого из журналистов и разрешил заснять братьев и сестер во время занятий по наращиванию альфа-потенциала. Корреспонденты осмотрели также наши химические лаборатории. Министр науки сообщил им, что мы там изготавливаем удобрения. Поскольку в Братстве все вегетарианцы, нам нужно много капусты, пошутил он. Когда репортаж показывали по телевизору, я увидел знакомых братьев и сестер. С экрана они телепатически передали своему брату Квазару привет и ободрение. Я

засмеялся от радости! Эти грязные шакалы с телевидения пытаются обвинять Братство и даже не подозревают, что их поганый канал служит для связи со мной! Министр безопасности согласился дать интервью. Блестяще! Он опроверг все обвинения в причастности Братства к чистке. «Бесов возможно одолеть не иначе, как их же собственным оружием — хитростью», — учит Его Провидчество в Священном откровении номер 13.

А вот интервью с омраченными отступниками огорчили меня. Предатели. Братство приняло их в объятия любви, а они ее отвергли и, покинув Прибежище, вновь погрузились в зловонную пучину. В бесконечном своем милосердии Его Провидчество позволил оставить этим насекомым жизнь — если их прозябание можно назвать жизнью, — но при одном условии: они не будут клеветать на Братство. Если же они нарушат это условие и начнут распространять свои грязные измышления через прессу и телевидение, то министр безопасности уполномочен подвергнуть их чистке вместе с семьями.

На экране телевизора лица омраченных закрыты сеткой, но человека с моим альфа-потенциалом не проведешь дешевыми уловками. Я узнал Маюми Аои, которая вступила в Братство вместе со мной. На словах она клялась в верности Его Провидчеству, но в одно прекрасное утро мы обнаружили, что она сбежала. Мы сразу заподозрили, что она была агентом полиции. Послушав, как она лжет про жизнь в Прибежище, я выключил телевизор и решил больше никогда его не смотреть.

Опять звоню в Прибежище — после первого звонка прошла неделя. Отвечает незнакомый голос.

— Доброе утро. Говорит Квазар.

— А, Квазар. Министр информации сегодня занят. Я его заместитель. Мы ждали твоего звонка. Ты заметил, как нарастает истерика?

— Да, господин заместитель министра.

— Вот именно. Успех твоей операции по очистке даже превзошел наши ожидания. Его Провидчество приказывает тебе затаиться еще на пару недель.

— Я во всем подчиняюсь воле Его Провидчества.

— Кроме того, тебе следует перебраться куда-нибудь подальше. Просто так, на всякий случай. Наши братья в полиции сообщили нам, что твои приметы переданы в розыск. Нужно действовать осторожно и хитро. Официально мы отрицаем нашу причастность к твоей акции. Это позволит выиграть время и укрепить ряды Братства новыми братьями и сестрами. Такая тактика дала хорошие результаты в прошлом году, когда

проводилась пробная операция по очистке в префектуре Нагано. До чего же легко водить за нос этих навозных жуков!

— Вы правы, господин.

— Если тебя арестуют, ты должен взять всю ответственность на себя. Скажешь, что тебя исключили из Братства как сумасшедшего. После этого ты действовал сам, на свой страх и риск. Понял? Его Провидчество с помощью телепортации освободит тебя из тюрьмы.

— Слушаюсь, господин заместитель министра. Я во всем подчиняюсь воле Его Провидчества.

— Братство очень дорожит тобой, Квазар. Вопросы есть?

— Господин заместитель министра, я только хотел бы знать, начался ли второй этап великой чистки? Скажите, наши посланцы уже совершили телепортационный перелет? Они проникли в здания парламентов разных стран, чтобы заставить правительства всего мира принять учение Его Провидчества в качестве национальной программы? Боюсь, если мы промедлим, нечистые успеют...

— Квазар, ты забываешься! С каких пор ты уполномочен обсуждать внешнюю политику Братства?

— Простите, господин заместитель министра. Осознаю свою ошибку. Умоляю, господин заместитель министра, простите меня.

— Ты прощен, возлюбленный сын Его Провидчества! Тебе, наверное, очень одиноко вдали от семьи?

— Очень, господин заместитель министра. Но я получил альфа-послание моих братьев и сестер с экрана телевизора. А когда медитирую, Его Провидчество сам обращается ко мне с добрыми словами, поддерживает в изгнании.

— Вот и превосходно! Думаю, через две недели ты сможешь вернуться к нам. Если понадобятся деньги, свяжись с Тайной службой Братства, код тебе известен. А в остальном — веди себя как можно тише.

— Еще один вопрос, господин заместитель министра. Насчет этой отступницы, Маюми Аои...

— Министр информации уже в курсе. «А сплетники сплетен сами плетут паутину, которой будут удушены». Министр безопасности примет нужные меры, когда шумиха поутихнет. По всей видимости, до сих пор мы проявляли излишнее мягкосердечие. Но теперь вступает в силу закон военного времени.

Палит нестерпимая жара. Иду в порт посмотреть расписание движения катеров. Открываю карту. Карты я всегда любил больше, чем книги. Они

не важничают и не поучают. Никогда не выбрасываю карты. Острова выглядят очень заманчиво, величественные изумруды посреди небесно-голубого моря. Мне приглянулся один островок под названием Кумидзима. До него всего полдня пути на запад, и не такой уж он маленький, чтобы приезжий бросался в глаза. Катер туда отходит раз в день — в 6.45 утра. Я купил билет на завтрашний рейс.

Остаток дня просидел на причале. Повторял про себя все Священные откровения Его Провидчества, не обращая внимания на обтекающий меня поток пропащих душ.

Солнце, багровое и дрожащее, наконец закатилось. Я даже не заметил, как наступила темнота. Вернулся в отель и сказал дежурной, что закончил свои дела и рано утром отбываю в Осаку.

Поезд в токийском метро был набит битком, как вагон для скота. Битком набит человеческими органами, запрятанными в тела, запрятанные в одежду. Трясутся. Молчат. Потеют. Я побаивался, вдруг какой-нибудь кретин раздавит сосуды раньше времени. Наш министр науки подробно объяснил, как работает устройство. После того как я отверну крышку и нажму на три кнопки разом, у меня останется только одна минута, чтобы выбраться наружу, прежде чем соленоиды разобьют сосуды и великая чистка человечества начнется.

Я положил сумку на багажную полку и стал ждать назначенной минуты. Напрягая свои телепатические способности, постарался послать сообщения поддержки братьям-очистителям в разных вагонах метро по всему Токио.

Одновременно я рассматривал людей в вагоне. Тех, кому выпала эта честь — быть первыми в великой чистке. Немые. Унылые. Уставшие. Безмозглые. Ослы, втянутые в бесконечный водоворот лжи, страдания, неведения. Рядом ребенок в вязаной шапке, сидит за спиной у матери. На шапке вышита розовая Минни-Маус. Значит, девочка. Спит, пуская пузыри изо рта, от нее влажно пахнет, как от всех малышей. Чуть подалее — пенсионеры. В будущем их не ждет ничего, кроме маразма да инвалидной коляски в доме престарелых, под сенью магнолий. А вот молодые люди из клерков. Наверное, полны надежд, в голове только одно — жажда наживы и успеха любой ценой.

Жизнь и смерть этих одноклеточных — в моих руках! Что бы они сказали, узнай об этом? Как попытались бы отговорить меня? Как эти насекомые доказывали бы свое право на жизнь? Какие слова нашли бы? На каком языке головастик может общаться с богом?

Вагон покачивался, поскрипывал. Лампы мигнули, погрузив его на мгновение в полумрак.

Еще не пробил нас.

Мне припомнились слова, которые Его Провидчество сказал нам утром: «Там, за пределами пределов, куда не простирается человеческий разум, я видел комету. Новая Земля грядет. Приближается час последнего суда над грешниками. Ускорив его чуть-чуть, мы всего лишь избавим несчастных от их жалкой участи.

Дети мои, вы избранные, вы проводники Божественной воли!»

В эти последние мгновения, когда поезд подъезжал к станции, Его Провидчество укрепил меня, послав видение Будущего. Через какие-нибудь три года Его Провидчество войдет в Иерусалим. Тогда перед ним склонится мусульманский мир, а Папа Римский и далай-лама будут искать его благоволения. Президенты России и США передадут свои государства под власть Его Провидчества.

В июле все обсерватории мира зарегистрируют приближение кометы. Пройдя рядом с Нептуном, она достигнет Земли и закроет Луну, она будет полыхать на небе даже среди бела дня — над аэродромами, вершинами гор и стогами городов! Нечистые бросятся навстречу этому чуду. И примут от него погибель! Земля подвергнется мощному микроволновому излучению кометы, от которого будут защищены только люди с высоким альфа-потенциалом. Нечистые же станут умирать, корчась в собственной блевотине, выцарапывая себе глаза, задыхаясь от запаха собственной плоти, жарящейся прямо на костях. А выжившие станут обитателями Рая. Тогда Его Провидчество явит свою Божественную природу — она, словно бабочка, родится из куколки его тела.

Я засунул руку в спортивную сумку с дырочками и на ощупь отвинтил крышку. Теперь нужно нажать три кнопки и удерживать в течение трех секунд, чтобы запустился таймер. Один. Два. Три. Новая Земля грядет. Затикали часы истории. Задергиваю молнию на сумке, незаметно ставлю ее на пол и украдкой задвигаю ногой под сиденье. В вагоне так тесно, что зомби ничего не заметили.

Да свершится воля Его Провидчества.

Поезд въезжает на станцию и у платформы замедляет ход. Вот и все...

Внутри вагона нарастает шум, но я не желаю, не желаю вслушиваться в слова.

Если когда-нибудь этот шум обратится в слова — не сейчас, конечно, еще не сейчас, может, и никогда... Что тогда?

Я смешался с толпой, которая двигалась к эскалаторам. Прочь отсюда.

У меня за спиной поезд набирал скорость, погружаясь в удушливый мрак.

*

В потных ладонях покалывает. Чайка, важно прохаживаясь по подоконнику, смотрит на меня. До чего злое у нее лицо.

— Ваше имя, господин?

Старуха — хозяйка гостиницы ослабилась. С какой целью, интересно знать? Чтобы я понервничал? Черных дыр у нее во рту больше, чем желтых зубов.

— Меня зовут Токунага. Бунтаро Токунага.

— Токунага... Красивое имя. В нем есть что-то величественное.

— Никогда не задумывался.

— Чем занимаетесь, господин Токунага?

Опять вопросы. Без конца вопросы. Когда же нечистые угомонятся?

— Служу в маленькой компании. Ничем не знаменитая компания на окраине Токио. Работаю начальником компьютерного отдела.

— В Токио? Правда? А я никогда не бывала на большой земле! К нам приезжает много отдыхающих из Токио. В сезон, конечно. Сейчас почти никого, сами видите. Я только раз в году езжу на большой остров, проведать внуков. У меня четырнадцать внуков, представляете? «Большой остров» — конечно, я имею в виду Окинаву, а не Японию. Там побывать я даже не мечтаю!

— Вот как?

— Говорят, Токио ужас какой большой город! Даже больше Нахи. Значит, вы начальник отдела? Как, наверно, гордятся вами родители! Просто замечательно! Вы уж заполните эту дурацкую анкету, сделайте милость! Я бы не стала вас утруждать, но дочка с меня спросит. Такой порядок, ничего не поделаешь. Лицензия, налоги, сами знаете. Чепуха на постном масле, ей-богу. А куда деваться? И сколько времени вы проведете у нас на Кумидзиме, господин Токунага?

— Полагаю, пару недель.

— Правда? Надеюсь, вам не будет скучно. Островок-то наш невелик, сами видите. Но рыбу лови сколько влезет или серфингом занимайся, а хочешь — ныряй, хоть так, хоть с аквалангом. А в остальном жизнь у нас очень тихая, очень. Не то что в Токио, думаю. А жена, наверное, скучает без вас?

— Нет, не скучает, — отвечаю я. Пора заткнуть ей пасть, — По правде говоря, у меня траурная поездка. Жена скончалась в прошлом месяце. От

рака.

Тут челюсть у старой карги отвисла.

— Боже мой, боже мой, — прошептала она, прижав ко рту ладони, — Вот ведь как... А я-то, дура, прямо по больному... Дочка сгорит со стыда за меня. Просто не знаю, что и сказать...

Старуха с виноватым видом сопит, что весьма противно — изо рта у нее разит креветками.

— Не надо переживать. Смерть избавила ее от страданий. Пусть это жестокое избавление, но избавление. Так что не упрекайте себя. Я немного устал. Вы не проводите меня в мою комнату?

— Да-да, конечно... Вот тапочки. Заодно покажу вам, где ванная. А это наша столовая. Идите за мной, ах, бедняга вы, бедняга... Подумать только, что вы пережили... Боже мой... Но вы правильно сделали, что приехали к нам... Кумидзима, знаете, лечит любые раны. Я просто убеждена в этом...

После вечернего омовения чувствую усталость, которую не смогли одолеть никакие упражнения по альфа-медитации. Проклиная собственную слабость, ложусь в постель и погружаюсь в глубокий сон, почти бездонный.

Когда я все-таки достигаю дна, то оказываюсь в туннеле. Безлюдный туннель метро, кругом только рельсы и трубы. Моя обязанность — патрулировать туннель, охранять его от дьявола, который обитает под землей. Вдруг ко мне подходит офицер и строго спрашивает:

— Что вы тут делаете?

— Выполняю приказ, господин.

— Какой приказ?

— Охранять туннель.

— В Прибежище, как всегда, неразбериха, — присвистнул он. — Появилась новая опасность. Дело в том, что дьявол может вас схватить, только если знает. Пока храните свое имя в тайне, вы недосыгаемы для него. Как вас зовут, дежурный?

— Квазар, господин.

— Да нет, как вас звали в прежней жизни? Ваше настоящее имя?

— Танака. Кэйсукэ Танака.

— Ваш альфа-потенциал, Кэйсукэ Танака?

— Шестнадцать целых девять десятых.

— Место рождения?

И вдруг я понимаю, что попался. Офицер — он и есть дьявол. Он расколол меня вопросами и теперь может схватить. Последний шанс

спасти — не подавать виду, что я обо всем догадался. Продолжаю кое-как барахтаться, но тут в туннеле появляется девушка. Она приближается к нам, в руках у нее футляр со скрипкой и цветы. Я видел ее где-то раньше. В моем грязном прошлом, до очищения. Дьявол в обличье офицера поворачивается к ней и начинает ту же игру.

— Разве вы не слышали о дьяволе? Кто разрешил вам пройти сюда? Назовите имя, адрес, род занятий! Немедленно!

Я хочу спасти ее. Без всякого плана в голове хватаю за руку, и мы мчимся из всех сил.

— Почему мы бежим? — спрашивает она.

Иностранка на холме, смотрит, как погружается в землю деревянный столб.

— Некогда объяснять! Офицер — он вовсе не офицер. Это оборотень. Тот самый дьявол, который живет в туннеле.

— Уверяю, вы ошибаетесь!

— Что? А вы откуда знаете?

Мы бежим, крепко держась за руки. Тут я решаю взглянуть ей в лицо и поворачиваюсь. Она искоса смотрит на меня и улыбается — ждет, когда я оценю зловещую шутку. Вот оно, подлинное лицо дьявола.

Утром выхожу пораньше, чтобы осмотреть остров. Море бирюзового цвета с молочным отливом. Ноги утопают в горячем белом песке. Встречаются птицы, которых я никогда раньше не видал, и бабочки, розовые, как лосось. Вдоль берега гуляет влюбленная парочка, а с ними — собака лайка. Юноша не переставая что-то шепчет на ухо девушке, а та не переставая смеется. Собаке очень хочется поиграть с палкой, но не хватает ума сообразить, что палку нужно принести хозяевам под ноги. Когда парочка проходит мимо, замечаю, что они без обручальных колец. В занюханном магазинишке купил пару рисовых колобков на завтрак и банку холодного чая. Поел, сидя на траве. Пытался припомнить, когда же в последний раз я чувствовал себя своим в каком-либо месте. Если не считать Прибежища, конечно. После еды иду дальше. Миновал старое камфорное дерево и поле, где пасся на привязи козел. Жара стоит такая, что крестьяне в широкополых плетеных шляпах обливаются потом. Из их приемников доносятся жестяные звуки поп-музыки. На обочине ржавеют автомобили, решетки радиаторов проросли травой. Далеко в море выдается одинокая коса, на ней стоит маяк. Я подошел к нему. На дверях — замок.

Какой-то фермер притормозил у обочины и предложил подбросить. Я стер ноги до крови, поэтому согласился. Говорит он на жутком местном

диалекте, и я с трудом разбираю его слова. Он начал беседу с погоды, и я издал все междометия, какие полагаются в таком случае. Затем он перешел к моей персоне. Он знает и в какой гостинице я остановился, и на какой срок, и мое вымышленное имя, и профессию. Он даже выразил мне соболезнование по поводу смерти жены. Слово «компьютер» он произносит, как бы заключая его в кавычки.

В гостинице всюду идет обмен сплетнями. Телевизор мигает, звук выключен. На кофейном столике — пять чашек с зеленым чаем, над ними поднимается пар. Вокруг стола расположилась компания: мужчина, с виду рыбак, женщина в синих мужских штанах, она и сидит по-мужски, тощая женщина с тонкими губами и еще один мужчина с огромной бородавкой, которая свисает у него над глазом, словно гроздь винограда.

Все внимают старухе, хозяйке гостиницы.

— У меня до сих пор перед глазами стоят эти кадры! По телевизору показывали, как все случилось. Несчастные люди бежали, прижимали платки ко рту... Кошмар! Просто кошмар! Добро пожаловать, господин Токунага. А вы в тот день были в Токио?

— Нет. Уезжал по делам в Иокогаму.

Я просканировал мозги всех присутствовавших — не шевелятся ли там подозрения на мой счет. Нет, все в порядке.

Рыбак закурил и спрашивает:

— А что там творилось на следующий день?

— Испуг, конечно. Всеобщая паника.

Женщина в штанах кивнула и сложила руки на груди.

— Одно утешает — похоже, этой банде сумасшедших скоро конец.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я. Голос вроде не дрогнул.

— А вы разве не слышали? — удивляется рыбак. — Полиция захватила штаб-квартиру Братства. Давно пора. Их банковские счета заморожены. Их так называемому министру обороны предъявлено обвинение в убийстве бывших членов секты. Еще арестованы пятеро участников диверсий в метро. Двое повесились в камерах. Но в предсмертных письмах сказали достаточно, чтобы продолжить аресты. Да вот же, возьмите мою газету.

Я отдергиваю руку от пачки пропитанных ложью, ядовитых листков.

— Нет, спасибо! А что слышно про Учителя?

«И пусть даже ветви сгорят в лесном пожаре, но могучий ствол даст новые побеги!»

— Про кого, про кого? — Бородавчатый морщит нос, будто резиновый. Мне захотелось вонзить ему в шею острые ножницы.

— Ну, про главу Братства.

— А, вы про этого мерзавца! Скрывается, как последний трус. Бежал, словно крыса. — Бородавчатый задыхается от ненависти.

Каким беспросветным зверинцем стал этот мир, если ангелов тут мешают с грязью!

— Он просто дьявол, вот он кто! Самый настоящий, из преисподней.

— Дьявол, который вырвался на волю! Пожалуйста, вот ваш чай, господин Токунага! — Старуха налила мне чашку зеленого чая.

Мне хочется, с одной стороны, поскорее запереться в своей комнате и все обдумать, а с другой стороны, выведать у них побольше.

— Он морочит головы несчастным дуракам, которые попадают к нему в лапы. Разыгрывает из себя отца, а потом посылает их на преступления. Они делают за него всю грязную работу. Исполняют его кошмарные фантазии. А он как будто и ни при чем.

Их тупость и слепота меня убивают. Как сделать, чтобы этот сброд начал хоть что-то понимать!

— Просто в голове не укладывается, — встреваает женщина в штанах. — Как это все возможно? Он ведь там не один, правда? В Братстве было много умных людей, с университетскими дипломами, из хороших семей. Полицейские, учителя, ученые, адвокаты. Уважаемые люди. Как они могли поверить в этот альфа-бред? Почему захотели стать убийцами? Почему? Неужели в мире столько зла?

— Промывание мозгов, — говорит бородавчатый, переводя палец с одного собеседника на другого. — Промывание мозгов.

Тощая женщина держит кепку и не сводит глаз с вышитого на ней дракона.

— Дело не в этом. Они вовсе не хотели стать убийцами. На самом деле они хотели отречься от своего внутреннего «я».

Крайне противная особа. И голос ее словно доносится из соседней комнаты.

— Я не совсем поняла вас, — говорит та, что в штанах.

— Общество. — Тощая произнесла это слово так, что я сразу понял: учительница. — Общество — как строгий родитель. Оно требует, чтобы мы отказались от части своей свободы, а взамен дает нам блага цивилизации. Мы получаем защиту от голодной смерти, от бандитов и от холеры. Это честная сделка. Договор подписывают от нашего имени в момент нашего рождения, а система образования помогает нам понять его условия. Однако у каждого есть внутреннее «я». Оно решает, в какой мере принимать этот договор. Внутреннее «я» берет на себя ответственность за

нашу жизнь. Мне кажется, вся эта молодежь, которая вступила в Братство, просто не выдержала личной ответственности и перепоручила ее Учителю. Им оставалось только выполнять приказы. А Учитель вон как распорядился их жизнями.

— Можно подумать, вам все известно, — не удержался я.

Тощая смотрит мне прямо в глаза. Я выдержал ее взгляд. А у нас в Прибежище женщин учат смирению.

— Но почему? — Рыбак опять закурил и затянулся. — Почему его последователям так хотелось отказаться от своей воли?

— Об этом надо бы спросить их самих. — Тощая не сводит с меня взгляда. — У каждого, наверное, свой ответ. Кто-то находит удовольствие в унижении и рабской зависимости. Кто-то страдает от страха и одиночества. Кто-то тоскует по чувству сопричастности. Кто-то хочет стать большой рыбой в маленьком пруду. Кого-то привлекает магия. Кто-то хочет отомстить родителям и учителям, которые всем сулят успех в будущем, а посулы не всегда сбываются. Этим людям нужен красивый миф, который невозможно осуществить — а значит, испортить. Отказ от своей воли для них — цена ничтожная, и они охотно платят этой монетой за счастье. Ведь в Новом мире своя воля им не понадобится.

Я больше не в силах слушать этот бред.

— А может, вы все чересчур усложняете? Может, они просто любят своего Учителя? — Я залпом выпиваю свой чай, слишком горький и слишком горячий — язык обжег. — Могу я получить ключ от своей комнаты?

Старуха не спеша подает мне ключ.

— Вы, наверное, очень устали — так долго гуляли. Жена моего племянника видела вас аж возле маяка!

Да, от ближних на этом острове не укроешься. Разве что от дальних.

Я лежу на кровати и плачу.

О мои братья и сестры, совершившие самоубийство! Кто вы, мои соратники, павшие в этом последнем бою, и за что вам такая участь? Все-таки мы — настоящие герои! Погибнуть всего за несколько месяцев до скончания века нечистых! На пороге Новой эры, которая вот-вот наступит! Меня очень удивило, что министр обороны позволил себя схватить. Ведь у него такой высокий альфа-потенциал! Он в состоянии диссоциироваться на молекулы и просачиваться сквозь стены.

Паучок в банке умер. Ну почему, почему, почему?

После вечернего омовения я пошел прогуляться по рыбацкой деревне. Дети помладше с диким визгом играют в какую-то непонятную игру. Подростки околачиваются у перекрестка, вырядившись с явным намерением походить на своих токийских сверстников, которых видят на фотографиях в журналах. Мамаши сплетничают у входа в универсам. Меня так и подмывает крикнуть им: «Скоро наступит конец света, и все вы изжаритесь в огне Белых ночей!» Из бара доносится местная мелодия — пронзительно-резкая, визгливая... В конце улицы меня встречают горы, море и ночь.

Бреду по усыпанному галькой берегу. Вижу пластмассовые буйки; скорлупки орехов сейшельской пальмы, по форме напоминающие женские бедра; всякий прибитый к берегу хлам: резиновые перчатки, жестянки от пива, бутылки, флаконы от моющих средств. Слышу кряхтение и повизгивания, доносящиеся из-под перевернутых облезлых лодок, которым не суждено больше плавать. Вдали какая-то тень зажигает огонек.

Его Провидчество говорит со мной — я слышу Его голос в плеске волн и в шорохе прибоя, облизывающего гальку. К чему телефоны, когда существует телепатия? Его Провидчество поведал, что преданному бойцу Квазару уготована в этой пьесе величайшая роль. Наступили Судные дни, о которых говорится в Священном откровении номер 143. Учитель сообщил, что я буду пастырем верных во времена Белых ночей. И когда комета возвестит наступление Новой эры, я встану одесную Его Провидчества, буду Его именем вершить правосудие и излучать свет мудрости. Я послал Его Провидчеству ответ — что готов умереть за Него. Что люблю Его, как сын отца, а защищать готов, как отец сына. За сотни миль от меня Его Провидчество улыбнулся в ответ. Комета появится перед самым Рождеством. Новая эра не за горами. Обновленное человечество поселится на самом чистом из островов, и уцелевшие назовут меня отцом. Там не будет обидчиков и не будет обиженных. Все самонадеянные, тупые, неверующие нечестивцы изжарятся в своем невежестве, как в масле. А мы будем вкушать папайю, орешки кешью и манго, учиться делать самые простые орудия труда и расписные горшки из глины. Его Провидчество выберет тех, у кого наиболее высокий альфа-потенциал, и научит нас высшим ступеням альфа-медитации: мы сможем совершать астральные путешествия и посещать другие звезды.

Я опускаюсь на колени и благодарю Господина за поддержку. Над заливом восходит луна и одна за другой зажигаются те самые звезды, на которые мы скоро полетим.

Девочка в вязаной шапке, которая спала за спиной у матери, открыла глаза. Мои глаза. Бестелесный хор что-то поет, не умолкая. В моих глазах отражается ее лицо. Она знает, что я намерен сделать. И умоляет не делать этого. Но ведь она все равно обречена на смерть во дни кометы! Пойми, Квазар, ты просто избавляешь ее от новых страданий в мире нечистых! Невинные наверняка воскреснут, но уже в Новом мире! Очистись и укрепись в своей вере, пока не поздно!

В темноте на часах светятся цифры 1.30. От жуткого караоке сотрясаются стены. Я не сомкнул глаз. Под пропотевшей простыней — как в смиренной рубашке. Боль все глубже запускает пальцы в виски. Пульс бьется с переборами, резко возрос уровень гамма-ритмов. Пошатываясь, плетусь в туалет. По цвету и консистенции мое дерьмо напоминает мазут. Стараюсь думать об Учителе. Что бы Он на моем месте сказал той девочке? Взгляд блуждает по истертому узору линолеума. Принимаю

обжигаяще горячий душ.

Впервые после вступления в Братство покупаю в этом пустом туалете пачку сигарет из автомата. Закурив, возвращаюсь в номер. Я на грани срыва.

*

На ладонях появились красные пятна. Моюсь по семь-восемь раз в день, но ничего не помогает — по всей коже сыпь. По утрам стал смотреть телевизор. Ведется следствие, Братство хотят разгромить, а его членов объявить вне закона. Мое имя также упоминают в новостях, показывают фотографию из архивов Братства. К счастью, на ней я с бритым черепом и с альфа-усилителем на голове, поэтому узнать меня трудно. Из всех участников акций в метро на свободе остался я один. Показали моих кровных родителей — как под натиском репортеров они бегут, уворачиваясь от вспышек, и прячутся в машине моей сестры. Его Провидчество задержан, Ему предъявлены обвинения в подготовке геноцида, мошенничестве, похищении людей и применении психотропных средств категории один. В новостях все время крутят одни и те же кадры — агенты нечистых запикивают Его Провидчество в автомобиль и везут сквозь толпу, которая требует Его крови. Этот эпизод показывают с утра до вечера, сопровождая зловещей музыкой. Хотят убедить безмозглых тварей, что Он злодей, как Дарт Вейдер, что Его нужно ненавидеть и проклинать. Все члены правительства также арестованы. Они низко пали — дают показания друг на друга в надежде, что смертный приговор заменят пожизненным заключением. Против меня дал показания министр образования. Даже супруга Его Провидчества отреклась от Учителя — говорит, ничего не знала об изготовлении отравляющего газа. Это она-то, которой так не терпелось поскорее начать чистку! Одна телевизионная компания даже послала своих шакалов в Лос-Анджелес, чтобы снять элитную школу в Беверли-Хиллз, где учатся сыновья Его Провидчества.

Из порта звоню в Прибежище.

— Сообщите ваше имя, место жительства и род занятий, — отвечает металлический голос.

Коп. Даже если у тебя альфа-потенциал, как у навозной мухи, копа почуешь за версту. Я повесил трубку.

Плохо дело, однако. В Японии для меня ничего не осталось. Мой паспорт находится в Международном отделе Братства, поэтому искать помощи у наших братьев в России или в Корее я не могу. Деньги опять же на исходе. Собственных средств у меня нет вообще: после церемонии

посвящения Братству перешло все до последней иены. Кровные родственники от меня отказались и выдадут полиции. Да и старые друзья из прошлой омраченной жизни тоже выдадут. Впрочем, меня это не огорчает. Когда наступят Белые ночи, все они пожнут то, что посеяли. Моя настоящая семья — это Братство.

У меня остается еще одна надежда. Тайная служба Братства. В новостях ничего не сообщают об их аресте — может, они успели уйти в подполье. Набираю засекреченный номер телефона и произношу пароль: «Собаке нужен корм».

Молча жду, как меня учили в Прибежище на инструктаже. Не вешать трубку: сотрудник Тайной службы сам отключится, когда специальная аппаратура регистрирует мои координаты. И тогда мне вышлют помощь. Мастер левитации прилетит с бумажником, полным хрустящих купюр. По моим альфа-сигналам он найдет меня, когда я буду один бродить на берегу или спать в тени пальмы. Я проснусь, и он склонится надо мной — возможно, осиянный, как Будда или архангел Гавриил.

Остров Кумэдзима похож на грязную, кишашую насекомыми тюрьму. Подумать только, что некогда это был главный центр торговли между Империей Рюкю и Китаем. Причаливали и отчаливали корабли, а в них специи, рабы, кораллы, слоновая кость, шелк, мечи, кокосовые орехи, пенька. В порту кипела жизнь, кричали грузчики, старухи с весами, сидя на коленках, торговали сушеной рыбой и фруктами. Девушки с податливыми грудями выглядывали из пыльных окон, заставленных цветочными горшками, шептали, зазывали...

Все это в прошлом. В далеком прошлом. Теперь Окинава — горстка жалких островов, из-за которых ссорятся владельцы, в глаза их не выдавшие. Никто не хочет признавать, но ведь эти острова сейчас погибают. Молодежь уезжает в Японию. Сельское хозяйство приходит в упадок из-за отсутствия субсидий и твердых закупочных цен. Когда японские пацифисты добьются своего и захватчики-американцы уберутся восвояси, закрыв военные базы, экономика Окинавы охнет и сдохнет. Рыбу ловят тралами. Дороги не ведут никуда. Всякое новое строительство заканчивается появлением бетонного фундамента, кучи гравия и зарослей чертополоха. Где, как не в этих местах, продолжить великое дело Его Провидчества! Я сгораю от желания разбудить этих людей, поведать им о Белых ночах и Новой эре! Но я не имею права рисковать, привлекая к себе внимание. Моя последняя защита — в незаметности. Без нее останется рассчитывать только на свой альфа-потенциал новичка.

Вчера со мной разговаривал местный полицейский-усач. Я проходил мимо, когда он наклонился завязать шнурки.

— Как отдохнули, господин Токунага?

— Замечательно. Благодарю вас, господин полицейский.

— Я слышал про вашу жену. Примите мои соболезнования. Такое горе!

— Вы правы, господин полицейский. — Я напряг весь свой альфа-потенциал, чтобы заставить его поскорее отвязаться.

— Значит, завтра уезжаете, господин Токунага? Госпожа Мори, хозяйка гостиницы, говорила, что вы на пару недель.

— Хочу остаться еще. По крайней мере на несколько дней.

— Вот как? Разве вам не нужно на службу?

— У меня компьютер последней модели. Мне не обязательно находиться в Токио, я могу работать и здесь. А тишина и покой повышают работоспособность.

Полицейский кивнул понимающе.

— Я вот что подумал... У нас ребята недавно организовали компьютерный клуб при школе. Моя невестка, жена брата, работает там директором. Госпожа Ои. Да вы с ней уже встречались, у госпожи Мори. Госпожа Ои, она из деликатности сама вас не осмелится беспокоить... Вот я и подумал...

Я молча ждал.

— Может быть, выкроите время и придете рассказать ребятам, чем занимается настоящая компьютерная компания, да еще в Токио? Конечно, если это вас не очень затруднит.

Итак, я попал в ловушку. Но безопаснее отвертеться потом, чем отказаться сразу.

— Хорошо, с удовольствием.

— Огромное вам спасибо! Обрадую невестку, когда буду у брата...

На пляже встретил собаку лайку. Завидев меня, она залаяла. Я сразу понял, что Его Провидчество избрал ее для разговора со мной.

— А ты как думал, Квазар? Неужели рассчитывал, что зачинать Новую эру — эру человека осчастливленного — будет легко и просто?

— Нет, мой господин, не рассчитывал. Но когда же мастера йогической левитации проникнут в Белый дом и в Европарламент и потребуют вашего освобождения?

— Кушай яйца, возлюбленный сын мой.

— Кушать яйца, мой Господин?

— Яйцо символизирует воскресение, Квазар. И соси побольше апельсиновых леденцов на палочке.

— А они что символизируют, Учитель?

— А ничего. В них много витамина С.

— Слушаюсь, мой Господин. И все-таки когда же мастера йогической левитации...

Но вместо ответа — только собачий лай да удивленный взгляд влюбленной парочки, которая внезапно выскочила из-за груды ржавого железа. Мы все трое смутились. Собака задрала лапу и справила нужду на гусеницу старого трактора. Океан равнодушно шумел.

Маленькая девочка в вязаной шапочке. Она улыбнулась мне. Значит, я ей понравился. Чепуха, как я мог ей понравиться? Просто непроизвольное сокращение лицевых мускулов, вот и все. Она лопотала и улыбалась мне. Ее мать повернулась узнать, кому улыбается дочка, и тоже улыбнулась мне. У нее были ласковые глаза. А я не улыбнулся в ответ. Я отвел взгляд в сторону. Лучше бы я улыбнулся им. Нет, лучше бы они не улыбались мне. Выжили они? Или отравились газом? Сумка стояла как раз напротив них. Если им не удалось вырваться из вагона, то газ быстро добрался до их губ, глаз, ноздрей, легких...

Мамочка. Папа!

Мы же только защищались! Не выходит из головы один случай. Я тогда служил у министра информации. Родственник одной нашей духовной сестры, кажется дядя, обратился в суд, чтобы помешать ей продать семейную ферму и землю. Он был адвокат по недвижимости. Секретная служба доставила этого родственничка к нам на допрос. Его Провидчество сразу понял, что перед ним убийца, подосланный нечистыми. Воображают, что Его Провидчество можно убить! Просто смешно! Да любой у нас в Прибежище знает, что лет тридцать тому назад во время поездки Его Провидчества в Тибет святой по имени Арупадхату вселился в тело Его Провидчества и открыл Ему тайны высвобождения духа из оков плоти. Это случилось в самом начале восхождения Его Провидчества на Святую гору. Даже если тело Его Провидчества будет разрушено, Он просто покинет старую оболочку и переселится в новую так же легко, как я переселяюсь из отеля в отель. Он может переселиться хоть в своего убийцу.

Короче, пришлось этому адвокату сделать «укол правды», и он во всем признался. В его задачу входило подбросить лишенный запаха яд в посуду

для приготовления риса. Супруга Его Провидчества лично вела допрос, я слышал.

Сами видите! Мы только защищались.

На пальцах рук начали слезать ногти.

Днем иду к маяку. Сажу на камне, смотрю на волны, на птиц. В сторону китайского берега в обход Тайваня движется тайфун, горизонт темнеет. На западе сгущаются тучи, ветер усиливается. В штабе, конечно, обдумывают мое положение и скоро примут решение. Не понимаю — что стряслось? Еще пара месяцев — и мой альфа-потенциал достиг бы 25 единиц. Я стал бы одним из двухсот самых продвинутых жителей Земли — Его Провидчество сам так сказал. Он вручил мне несколько своих ресниц, чтобы я проглотил их. За успешное прохождение начального курса меня наградили пробиркой со спермой Его Провидчества, сперму я тоже принял внутрь. Сперма Его Провидчества подавляет нечистые гамма-ритмы, которые препятствуют обновлению. После этого из отряда, занятого уборкой туалетов, меня перевели в отряд чистильщиков. Впервые в жизни меня оценили по достоинству.

Ветер раскачивает туда-сюда искореженную полусорванную крышу над заброшенным сараем.

А что, собственно, стряслось? Все в порядке, Квазар. Твоя вера привлекла к тебе внимание Его Провидчества. Твоя вера проведет тебя через Судные дни, через Белые ночи, ты ступишь на Новую землю. И сейчас твое спасение лишь в твоей вере.

Все-то на этом богом забытом острове рассыпается, разваливается. Нужно было оставаться в Нахе. А то затерялся бы в заснеженной деревне, или на ледяном Хоккайдо, или вообще в столице. Интересно, а что стало с господином Икэдой? Где заканчивают жизнь люди, которые дошли до края пропасти?

Тайфун приближается.

Никогда не раздвигаю занавески на окнах. Нашему министру обороны сообщили, что правительство нечистых разработало микрокамеры — их вживляют в черепа чайкам, которые потом проходят специальный курс дрессировки в шпионской школе. Я уж не говорю об американских разведывательных спутниках, опутавших все небо над земным шаром. Они ведут слежку за Братством по поручению политиков и евреев, которые давным-давно устроили масонский заговор и поощряют китайцев загрязнять родник истории человечества.

Сижу на пустынной косе, прислонясь спиной к стене маяка. Вдали показался свет фар. Он приближается, нащупывая меня. Оглядываюсь вокруг — нельзя ли где спрятаться. Негде. Чайка устала на меня. Какое злое у нее лицо. Подъезжает синяя с белым машина. Наконец я заметил, куда можно спрятаться. Но уже поздно. Передняя дверца открывается, и салон озаряется слабым светом.

Они разыскали меня! Остаток жизни в камере...

И вдруг, как ни странно, меня охватывает чувство облегчения. Все кончилось. По крайней мере, можно перестать убегать.

В мутном квадрате света показалась рука, затем ее обладатель.

— Господин Токунага, если не ошибаюсь?

Я мрачно киваю и делаю шаг навстречу поймавшим меня.

— Вы-то мне и нужны. Меня зовут Ота. Я начальник порта. Это мой брат разговаривал с вами насчет лекции в школе, где работает моя жена. Давайте отвезу вас в город. Вы наверняка устали — вон в какую даль забрались, и все на своих двоих.

Я послушно сажусь в машину, пристегиваю ремень дрожащими руками.

— Как хорошо, что я мимо проезжал. Было штормовое предупреждение, слышали? Гляжу — сидит кто-то, сгорбился, вид такой, словно ждет конца света. Не Токунага ли это, думаю. Неважно чувствуете себя сегодня?

— Нормально.

— Наверное, вы переусердствовали с морским воздухом. Наш воздух хорошо освежает мозги, но не в лошадиных же дозах... Вы очень много гуляете... Мне сказали про вашу жену... Искренно вам сочувствую.

— Смерть — это часть жизни.

— Верная мысль, согласен. Но ведь чувства так трудно себе подчинить.

— Только не мне. Я прекрасно умею подчинять свои чувства.

Он притормозил и погудел козлу, стоявшему посреди дороги. Козел презрительно фыркнул и удалился в поле.

— Надо сказать госпоже Бэссё, что Калигула опять сбежал. Козы всё сожрут. Так вы говорите, что умеете подчинять свои чувства. Замечательно, замечательно. Будет преступлением, если вы тут не поныряете, это я вам точно говорю. Какие у нас рифы! К северу от экватора лучших просто не найти — так все считают. А наша молодежь, она ждет не дождется, когда к ним в школу придет настоящий компьютерщик! Может, и не бог весть какие отличники, но ребятки они

славные. Господин Токунага, если вы свободны завтра, жена приглашает вас на обед. Расскажите немного о себе, господин Токунага.

Дорога сворачивает к порту, как и все дороги на этом острове.

Туча вычеркивает одну за другой звезды с ночного неба.

Токио

*

Дождливое утро. Весна опаздывает. Я тоже. Горожане спешат на работу, подняв воротники и зонтики. Промокшие вишневые деревья на задворках домов выглядят совсем по-зимнему — морщинистые стволы, изрытые оспинами. Я выудил из кармана ключи, поднял ставни и открыл магазин.

Пока закипает вода, просматриваю почту. Несколько заказов на диски — отлично. Счета на оплату — плохо. Пара запросов от постоянного клиента из Нагано по поводу редких пластинок, о которых я никогда не слышал. В общем, макулатура. Совершенно заурядное утро. Пора выпить чашку черного китайского чая. Ставлю очень редкий диск Майлза Дэвиса, который Такэси откопал в коробке со всякой музыкальной всячиной, купленной в прошлом месяце на аукционе в Синагаве.

Это шедевр. «Мне и не приходило в голову»^[1] — тут и счастье, и отчаяние. Ювелирная работа сурдиной, звук трубы сфокусирован в один луч. Медная тарелка солнца спряталась за облаками.

Первым покупателем на этой неделе оказался иностранец — то ли американец, то ли европеец, а может, австралиец. Попробуй разбери их — они же все на одно лицо. Короче, долговязый прыщавый иностранец. Но коллекционер настоящий, не праздный зевака. В глазах — искра одержимости, пальцы привыкли быстро-быстро перебирать метровые стопки дисков: так кассир в банке пересчитывает банкноты. Он купил минтовый первопресс «Бурного понедельника» Кенни Бёррелла^[2] и «Путешествие в Данию» Дюка Джордана, пластинка 1973 года^[3]. Еще на нем была крутая футболка: Бэтмэн облетает небоскреб, а за ним тянется звездный шлейф. Я спросил, из какой он страны. Он ответил: «Большое спасибо». Все-таки европейцам плохо дается японский.

Чуть погода звонит Такэси:

— Сатору! Как отдохнул вчера?

— Неплохо. С утра — урок игры на саксе. Потом прошвырнулся с Кодзи. Проводил Таро до дому из пивной.

— Чеков на эпические суммы не присылали?

— Нет, ничего особо эпичного. Мелочевка всякая. А ты как провел выходные?

Собственно, ради этого вопроса он и звонит.

— Забавно, что ты спросил! В пятницу познакомился в одном клубе в Роппонги с божественной крошкой!

Даже по телефону почти слышно, как у него текут слюнки!

— Двадцать пять лет!

Для Такэси это идеальный возраст, он на десять лет старше.

— Помолвлена!

А это обстоятельство привносит аромат адюльтера и снимает с Такэси ответственность. «Трахаться только с теми женщинами, которые рискуют больше, чем ты» — таков его девиз.

— Тусовались до четырех утра. Просыпаюсь в субботу днем, какой-то отель в районе Тиёда, одежда — задом наперед. Понятия не имею, как мы там оказались! Тут она выходит из душа — голая, загорелая, капельки стекают по коже! И черт подери — опять хочет!

— Да, райское наслаждение. Вы еще встретитесь?

— А как же, конечно встретимся. У нас же любовь с первого взгляда! Сегодня обедаем во французском ресторане в Итигаве.

Это значит, что сегодня они будут заниматься любовью в итигавском доме свиданий.

— Seriously, видел бы ты ее попку! Два спелых персичка! Едва коснешься — и сок потек повсюду!

Обойдусь без этих подробностей.

— Так ты говоришь, она помолвлена?

— Ага. С клерком из отдела технологии и производства чернильных картриджей для фотокопировальных устройств компании «Фудзицу». Он знаком со знакомым начальником ее папы.

— Вот уж повезло парню.

— Да нет, все нормально. Никто ж не видал, верно? Из нее получится милая маленькая женушка, бьюсь об заклад. Ей только захотелось немного перебеситься, прежде чем заделаться домохозяйкой на всю оставшуюся жизнь.

Видимо, она и впрямь из ряда вон. Такэси как будто даже забыл, что всего две недели назад пытался помириться с женой, с которой они живут раздельно.

А дождь все идет и идет — вместо покупателей, те сидят по домам. То усиливается, то затихает, то опять усиливается. Телефонные провода потрескивают рядами статического электричества. Как перкуссия

Джимми Кобба в композиции «Синее на зеленом»^[4].

Такэси все не кладет трубку. Пожалуй, мне пора вставить словечко.

— А что она из себя представляет? Я имею в виду характер.

— Отменный, — отвечает Такэси так, словно речь идет о новом сорте рисового печенья. — Ну ладно, мне пора. Пойду взбодрю моего агента по недвижимости. А то вообще не шевелится, и дело ни с места. Нет, лучше вылью ушат дерьма на его менеджера. А ты давай там, торгуй как следует, заработай мне побольше денежек. Если что, звони на мобильный.

Вот уж чего я никогда не делаю. Он вешает трубку.

Двадцать миллионов людей живут и работают в Токио. Город так огромен, что никто не знает, где он заканчивается. Он давно уже вышел за пределы равнины и с запада карабкается в гору, а с востока наступает на залив. Город непрерывно перечерчивает свои границы. К моменту, когда очередной путеводитель выходит из печати, он уже успевает устареть. Город раскинулся широко, высоко и глубоко. Непрерывное движение у тебя под ногами и над головой. Люди, эстакады, автомобили, тротуары, линии подземки, офисы, небоскребы, трубопроводы, жилые здания обступают со всех сторон, наваливаются на тебя. Нужно усилие, чтобы сопротивляться этой массе, иначе превратишься в пылинку, в муравья, затянутого в водоворот. В городах поменьше человек может использовать для самозащиты, чтобы отделить себя от других, внешнее пространство. Другое дело — Токио. Здесь человек лишен этого пространства, будь он хоть президент компании, хоть гангстер, хоть политический деятель или сам император. В вагонах метро тела вдавлены друг в друга, несколько рук цепляются за один поручень. Окна квартир смотрят только в окна квартир.

Поэтому в Токио, если хочешь спастись, ты должен создать *внутреннее* пространство — у себя в голове.

Все решают эту задачу по-разному. Кто-то выбирает физическую нагрузку до боли, до седьмого пота, до изнеможения. Их можно видеть в спортзалах, в оснащенных тренажерами бассейнах. Они же бегают трусцой в маленьких вытопанных скверах. Кто-то предпочитает другое прибежище — телевизор. Там нарядно и весело, там вечный праздник и не смолкают шутки, а законсервированный смех на всякий случай подсказывает, когда смеяться. Новости из-за рубежа обработаны с тонким расчетом: волновать, но не слишком, а ровно настолько, чтобы дать человеку повод еще раз порадоваться, как повезло ему родиться в своей стране. Под музыку вам объяснят, кого ненавидеть, кого жалеть, над кем смеяться.

У Такэси тоже имеется свое личное пространство. Это ночная жизнь. Клубы, бары и женщины, которые водятся там.

Есть множество других пространств такого же рода. Все вместе они образуют еще один Токио, только невидимый: он существует лишь в нашем сознании, сознании его обитателей. Интернет, комиксы, голливудское кино, апокалиптические секты — это все «углы», куда человек может забиться, чтобы почувствовать себя отдельным, то есть индивидуумом. Иные с ходу начинают вам рассказывать про свой «уголок» и тараторят без умолку весь вечер. Другие хранят свой «уголок» в тайне от чужих глаз, словно садик высоко в горах.

Люди, которые не смогли найти себе прибежища, бросаются в конце концов на рельсы подземки.

Мое прибежище — джаз. Джаз — самый прекрасный из всех «уголков» на свете. Краски и чувства там рождаются из звуков, а зрение ни при чем. Ты становишься слепым, но видишь больше. Вот почему я работаю в магазине у Такэси. Только об этом никогда никому не рассказываю.

Звонит телефон. Мама-сан.

— Сато, дорогой, Акико и Томоми подхватили этот жуткий грипп, который гуляет по городу, да и Аяка еще не оправилась. — (Аяка сделала аборт на прошлой неделе.) — Поэтому я сама открываю бар. Придется пойти пораньше. Ты сможешь где-нибудь пообедать?

— Мне восемнадцать уже исполнилось! Я смогу где-нибудь пообедать, что за вопрос!

Она смеется своим каркающим смехом.

— Ты славный мальчуган! — И вешает трубку.

Настроение — как у Билли Холидей. Я имею в виду «Леди в атласном платье», которую она записала после дозы героина и бутылки джина за год до смерти^[5]. В голосе — обреченные ноты осеннего гобоя.

Интересно, что случилось с моей настоящей матерью. Не то чтобы я сгораю от любопытства. Толку-то сгорать. Мама-сан сказала, что ее депортировали обратно на Филиппины и запретили приезжать в Японию. Но иногда, очень-очень редко, я думаю о ней — где она сейчас, что делает и вспоминает ли обо мне.

Мама-сан сказала, что, когда я родился, моему отцу было восемнадцать лет. Теперь мне столько же. Его, конечно, выставляют жертвой. Этаким невинный мальчик, которого соблазнила коварная иностранка — сцапала, как акула, чтобы заполучить визу. Ясно, что правды я не узнаю, если только не разбогатею и не найму частного сыщика. Думаю, у семьи моего

отца водятся денежки, если он в моем нежном возрасте мог ходить по хостесс-барам, а потом выйти сухим из этой скандальной истории. Интересно знать, какие чувства они с матерью питали друг к другу, если питали.

Он заходил однажды. Сто процентов — это был он. Крутой мужик лет под сорок. Ботинки на толстой подошве, темно-коричневая замшевая куртка. Серьга в одном ухе. Мне с первой минуты его лицо показалось знакомым, будто где-то раньше видел. Подумал: наверное, музыкант. Он прошелся по магазину, спросил пластинку Чика Кория^[6], которая у нас, к счастью, оказалась. Он расплатился, я упаковал диск, и он вышел. Только тут я сообразил, на кого он похож. На меня.

Я попробовал рассчитать вероятность нашей случайной встречи в таком мегаполисе, как Токио, но калькулятор зашкалило — не влезали все знаки после запятой. И я подумал — а что, если он инкогнито приходил посмотреть на меня? Может, он думает обо мне, как и я о нем. Много времени должно пройти, прежде чем мы, сироты, научимся трезво относиться к таким вещам. При первом же удобном случае кидаемся все романтизировать, да еще как! И притом я не то чтобы настоящий сирота, сиротства я не испытал. У меня всегда была Мама-сан.

Я выскакиваю на минутку, чтобы почувствовать капли дождя на коже. Вдохнуть свежего воздуха. Фургон резко тормозит и гудит старушке, которая толкает перед собой тележку. Та оглянулась и замахала на него руками, как колдунья. Фургон гуданул еще раз, словно разозлившись. А вот плывет длинноногая красавица в норковом пальто, она не сомневается в своей безумной привлекательности. За ней вышагивает богатенький муж и ведет на поводке морщинистого пса с высунутым до земли языком. Женщина переводит взгляд в сторону и, прежде чем скрыться из виду, замечает на мгновение выпускника средней школы, гробящего свои молодые годы в убогой лавчонке, где и посетителей-то почти не бывает.

Таково мое место в этой жизни. На память приходит еще один диск Билли Холидей. Однажды душным долгим вечером в Чикаго она спела «Будет другая весна»^[7], а зал аплодировал ей, пока не кончились силы.

Телефон.

— Привет, Сатору. Это я, Кодзи.

— Ничего не слышу! Что за грохот там у тебя?

— Я из институтской столовой.

— Как экзамен по машиностроению?

— Пришлось здорово потрудиться...

На самом деле он почти не готовился.

— Поздравляю! Значит, в храме побывал не зря? Когда объявят результаты?

— Недели через три-четыре. Главное, все позади. Уже хорошо. А поздравлять меня пока рано... Слушай, отец сейчас в Токио. Мама сегодня готовит сукияки^[8]. Вот они и подумали — может, зайдешь, поможешь нам с ним управиться? Как ты, старик? А засидимся — переночуешь в комнате сестры. Она с классом уехала на экскурсию на Окинаву.

Про себя хмыкаю и крикаю. Вообще-то родители Кодзи — славные, порядочные люди, одно плохо — считают своим долгом наставлять меня на путь истинный. Никак в толк не возьмут, что меня вполне устраивает моя жизнь — с дисками, с уроками игры на саксофоне и с моим личным «углом». В основе их участия лежит жалость, а вот жалости я не перевариваю, лучше буду дерьмо ложкой лопать, как и полагается сироте.

Но Кодзи — мой друг. Пожалуй, единственный.

— Спасибо, приду с удовольствием. Что захватить?

— Ничего, захвати себя.

Значит, цветы для мамы и пиво для папы.

— Я буду сразу после работы.

— О'кей, до встречи.

— До встречи.

Это время дня ассоциируется у меня с Мэлом Уолдроном^[9]. Магазины закрываются рано. Хозяин овощной лавки заносит внутрь ящики с белым редисом, морковкой и корнями лотоса. Опуская ставни, замечает меня и сдержанно кивает. Он никогда не улыбается. Прогрохотал грузовик, и стайка голубей рассыпалась в разные стороны. Нотки «Одиночества» падают тяжело, словно камушки на дно глубокого колодца: играет Джеки Маклин^[10], и столько печали и тяжести в звуках его саксофона, что им не подняться над землей.

Открывается дверь, впуская запах чистого, промытого дождем воздуха. Входят четыре старшеклассницы, но одна из них — совершенно, совершенно особенная. Она сияет и переливается, как квазар. Я понимаю, это звучит глупо — но что поделаешь, если она светится!

Три вертихвостки сразу бросились к прилавку. Хорошенькие, спору нет, но можно подумать, что все трое вылупились из одного яйца. Волосы одинаковой длины, губки одного цвета, одинаковые фигуры в одинаковой

школьной форме. Одна из них — видимо, заводила — жеманным и капризным голосом требует последний хит, от которого сейчас балдеют все подростки.

Я не очень-то прислушиваюсь к ним. Я не умею описывать женщин, не то что Такэси или Кодзи. Но если вы слышали «После дождя» Дюка Пирсона^[11] — то вот, четвертая так же чиста и прекрасна.

Она остановилась у окна и смотрит на улицу. Что ее там привлекает? Чувствуется, что она стесняется своих одноклассниц. Да и как может быть иначе! Она — такая живая и настоящая рядом с этими картонными куклами. Она живет настоящей жизнью, которая и делает ее такой настоящей, и мне хочется узнать эту жизнь, прочесть, как книгу. У меня появилось дико странное чувство. Точнее, я подумал... Не помню точно, что я подумал... Впрочем, вряд ли я думал вообще...

Она замерла и слушает музыку! Боится шевельнуться, чтоб не вспугнуть музыку.

— Так есть у вас этот диск или нет, я спрашиваю? — повысила голос вырезанная по трафарету девчонка. Наверное, нужно долго тренироваться, чтобы ваш голос зазвучал так противно.

Две другие захихикали.

У заводилы зазвонил телефон, и она вынимает трубку.

Я разозлился на девиц из-за того, что мешают смотреть на четвертую.

— Слушайте, наш магазин для коллекционеров. То, что вам надо, продается в ларьках с игрушками у метро.

Богатые девчонки из Сибуи — дворняжки, откормленные трюфелями. Девушки в баре у Мамы-сан — те вынуждены были пройти суровую школу выживания. Им нельзя потерять клиентов, нельзя потерять лицо, нельзя потерять себя. Да, жизнь оставила на них глубокие шрамы. Но они уважают себя, и это сразу видно. Они уважают друг друга. И я уважаю их. Они настоящие.

А в этих девчонках, которые молятся на глянцевые журналы, в них нет ничего настоящего. У них журнальное выражение лица, они щебечут на журнальном языке и одеты все по-журнальному. Они сами сделали свой выбор. Не знаю, можно ли их винить. Конечно, шрамы не украшают. Но посмотрите! Эти девчонки такие же пустые, глянцевые, одинаковые и бездушные, как их журналы.

— Мальчик слегка не в духе сегодня? Подружка продинамила? — Заводила наклоняется над прилавком и трясет головой в нескольких сантиметрах от меня.

Я представляю, как она с таким же выражением лица переходит из бара

в бар, из бара в автомобиль, из автомобиля в дом свиданий.

Подружки прыскают со смеху и оттаскивают ее прежде, чем я успеваю придумать в ответ что-нибудь остроумное. У двери они мешкают.

— Ну, что я тебе говорила! — фыркает одна девица.

Другая все еще болтает по телефону.

— Понятия не имею, где мы, — говорит она. — Какой-то паршивый магазин возле паршивого сарая. А ты где?.. Так ты идешь? — Заводила поворачивается к *ней*, а *она* все так же стоит у окна и слушает Мэла Уолдрона.

«Нет, — гипнотизирую ее. — Скажи „нет“ и останься со мной, в моем углу».

— Повторяю, — отчеканивает заводила. — Ты — идешь — с — нами?

Может, она глухонемая, думаю я.

— Да, пожалуй, — откликается она удивительным голосом. Таким живым и настоящим.

«Оглянись, — умоляю я. — Оглянись. Взгляни на меня. Хотя бы раз — взгляни на меня».

В дверях она оборачивается и смотрит на меня через плечо. Мое сердце подпрыгнуло, как на батуте, а она следом за остальными вышла на улицу.

*

Вишневые деревца подают кое-какие надежды. Коричневые ветки на концах припухли, и сквозь кору вот-вот прорежутся почки. Голуби курлычут и прохаживаются с важным видом. Меня давно интересует — они напускают на себя важность, чтобы произвести впечатление на противоположный пол, или они задаваки по натуре? Вот что следовало бы изучать в школьной программе. А не всякую чепуху типа «как называется столица Монголии». Воздух стал теплым и влажным. На улице чувствуешь себя, будто залез в палатку. Слышно, как в соседнем здании дрель вгрызается в бетон. Такэси сказал — готовится к открытию очередной магазин спортивного снаряжения для серфинга и водных лыж. Просто диву даешься, сколько у нас в Токио любителей серфинга и водных лыж.

Включаю сборник Чарли Паркера на полную громкость, чтобы заглушить скрежет металла по бетону. Чарли Паркер, страстный и порочный, уж он-то не понаслышке знал, что такое безжалостность. «Расслабляясь в „Камарильо“», «Так ли глубок океан», «Все на свете — ты», «Из ниоткуда», «Ночь в Тунисе»^[12].

Я набрасываю на ту девушку легкую накидку, и она выскользывает за порог, под небо Северной Африки.

Быть белой вороной, как я, — ничего хорошего. Могут и заклевать.

Однажды мы с Кодзи пошли в Роппонги, он был в ударе и завел знакомство с двумя девчонками из Шотландии. Я-то сперва подумал, что они учительницы в какой-нибудь задрипанной английской школе, но нет, оказалось — «экзотические танцовщицы». Кодзи здорово говорит по-английски — в классе всегда был из первых. Я-то не особо налегал на английский — это девчачий предмет, но, когда открыл для себя джаз, признался английским дома, сам, чтобы читать интервью с великими музыкантами, а они все сплошь американцы. Но читать — это одно, а говорить — совсем другое. Поэтому Кодзи приходилось работать за переводчика. Так вот, эти девчонки сказали, что у них на родине каждый стремится быть не как все. Ради этого красят волосы в такой цвет, как ни у кого, покупают одежду, как ни у кого, слушают музыку, которой никто не знает. Просто не верится! Потом они спросили: отчего здесь наоборот, все девчонки хотят походить друг на друга? Кодзи ответил: «Потому что они девчонки! Почему все копы одинаковые? Потому что они копы, вот почему». Тогда одна из этих шотландок спросила: а почему японские ребята, как обезьяны, подражают американцам? Одежда, рэп, скейтборды, стрижки. Я сказал — дело не в том, что они так уж обожают все американское, просто они отвергают все японское, доставшееся от родителей. Но поскольку собственной молодежной культуры у нас нет, вот им и приходится брать первое, что под руку попадет, а это, естественно, американское. Но вообще-то не американская культура имеет нас, а мы имеем ее.

Переводя последнюю фразу, Кодзи запнулся.

Я начал расспрашивать девушек про личное пространство: есть ли у них по жизни свой «угол». Подумал, такой разговор как раз в тему. Но ничего путного не добился, если не считать того, что в Японии, дескать, квартирки ужасно маленькие, а у них в Англии все дома с центральным отоплением. Потом подошли их приятели моряки. Две крутые американские гориллы. Они без особого интереса смерили нас с Кодзи взглядом сверху вниз, и мы отчалили, решив, что самое время пропустить по стаканчику в баре.

Да, жизнь у меня, конечно, не такая, как у всех. Пока учился в средней школе, все меня доставали из-за того, что нет родителей. Даже подработать и то было сложно устроиться — все равно как если у тебя родители корейцы. Людям до всего есть дело. Проще, конечно, было сказать, что

родители погибли в автомобильной катастрофе, но я не собираюсь врать в угоду каждой дубовой башке. К тому же, если ты говоришь о человеке, что он умер, судьба может понять это как подсказку и пошлет ему смерть. Да-да, у нас в Токио слухи распространяются телепатически. Город гигантский, но всегда есть кто-то, у кого есть знакомый, который знает твоего знакомого. Анонимность не исключает совпадений, она только делает их более поразительными. Вот почему я убежден, что мой отец вполне мог зайти в мой магазин.

Так что с младших классов я вынужден был драться. Я часто проигрывал, но это не важно. Таро, вышибала в баре у Мамы-сан, всегда говорит мне, что лучше терпеть поражение в драке, чем терпеть обиду. Проиграть бой лучше, чем отказаться от него: так ты закаляешь волю, а это главное. Таро повторяет: люди уважают того, у кого сильная воля, а труса не уважает даже трус. Таро научил меня, как ударить головой, если противник выше ростом, как бить коленом в пах, как выкрутить руки. Поэтому в старших классах уже мало кто решался меня задевать. Помню, однажды возле школы меня поджидала шайка парней из якудзы: чьему-то брату я на перемене раскровенил нос. До сих пор не знаю, кто предупредил Маму-сан — Кодзи, наверное, — потому что она в тот день послала Таро встретить меня. Он выждал, когда в парке меня окружили, вылетел из засады и сделал из них семь лепешек дерьма. Вот так-то. Мне сейчас пришло в голову: а ведь Таро, по сути, всегда был мне как отец.

В магазин входит мужчина в кроваво-красном кожаном пиджаке. Не обращая внимания на меня, он нашел стеллаж с Чарльзом Мингусом^[13] и скупил почти все, что было на полках, включая раритеты. Купюры в десять тысяч иен он комкал, как туалетную бумагу. Скидкой не поинтересовался, хотя я охотно ее предоставил бы. И вот я остался один на один с кучей денег. Сразу звоню Такэси сообщить хорошую новость. Пусть заедет вечером, заберет деньги — у него проблемы с наличными, я знаю.

— Вот это да! — обрадовался Такэси. — Тогда живем, малыш! Просто здорово, здорово, здорово!

В трубке слышатся звуки галлюциногенной музыки — напоминает мигрень и стоны изнемогающей от щекотки женщины.

Сообразив, что вклинился не вовремя, я прощаюсь и вешаю трубку.

Между тем еще только одиннадцать утра!

В конце школы Кодзи оказался самым высоколобым у нас в классе, а значит, тоже не таким, как все. Аутсайдером. Вообще-то он мог бы учиться

в школе гораздо лучше нашей, но, пока ему не исполнилось пятнадцати, отца часто переводили с места на место, и Кодзи нелегко было каждый раз заново приспособливаться. К тому же у Кодзи всегда были страшные проблемы с физкультурой — спортсмен из него никакой. Клянусь, я не видел, чтобы он хоть раз за три года попал мячом в кольцо. А однажды, когда он размахнулся что есть мочи, бейсбольная бита вырвалась у него из рук, полетела, как ракета, и угодила прямо в господина Икэду, нашего учителя физкультуры, боготворившего Юкио Мисиму. Правда, я не уверен, что он за всю свою жизнь хоть одну книгу прочел до конца.

От смеха меня аж скрючило пополам, поэтому я не видел, смеялся еще кто-нибудь или нет. Этот смех мне дорого обошелся: весь семестр убирал туалет вместе с Кодзи. Тогда-то я и узнал, что он увлекается игрой на фортепьяно. А я как раз начинал играть на саксофоне. Так вот мы с ним и подружились. Благодаря самому вонючему учителю физкультуры и самому вонючему туалету во всей системе национального образования.

Один из наших завсегдатаев, господин Фудзимото, заходит во время своего обеденного перерыва. Прозвенел дверной колокольчик, и под порывом ветра затрепетали бумаги на прилавке. Как всегда, господин Фудзимото смеется. Он смеется, потому что рад меня видеть. Он кладет на прилавок стопку книг для меня. Я каждый раз пытаюсь отдать ему деньги, а он каждый раз не берет. Говорит — это плата за мои консультации по джазу.

— Здравствуйте, господин Фудзимото! Как дела на работе?

— Отвратительно!

Господин Фудзимото всегда говорит очень громко, при любых обстоятельствах. Как будто больше всего на свете боится, что его не услышат. А когда он хохочет от души, то просто чувствуешь, как звуковая волна толкает тебя в грудь.

Наш магазин приютился между кварталом Отэматти, где расположены офисы, и кварталом Отяномидза, где расположены издательства, и наши покупатели, как правило, работают либо там, либо там. Отличить одних от других не составляет труда. Большие деньги накладывают на своих служащих особый отпечаток. Взгляд у тех делается пронзительный, голодный. Трудно описать словами, но это так. Для них внутреннее прибежище — деньги. К тому же деньгами можно измерять свою значимость.

А служащие издательств — совсем другой народ, они одержимы маниакальной веселостью. Господин Фудзимото — прекрасный тому

пример. Он каламбурит без конца и бездарно. Вот образчик:

— Добрый день, дорогой Сатору! Ты бы не мог попросить Такэси, чтобы он поставил сюда стул поудобнее? А то он, как всегда, гуляет, а тебе — сиди и сиди!

— Ну что вы! Я не сижу, я работаю. — В ожидании развязки я проявляю осторожность.

— А я и сказал — тебе «си-ди», СД! — хохочет он.

Я невольно морщусь, но его это не смущает. По нему, чем хуже, тем лучше.

На этот раз господин Фудзимото ищет чего-нибудь в духе Ли Моргана^[14]. Я рекомендую ему «Кадиллак для папочки» Хэнка Мобли^[15], и он покупает не раздумывая. Я знаю его вкус. Чем фанковой, тем лучше. Когда я передаю ему сдачу, он неожиданно серьезнеет. Снимает очки с толстыми стеклами, протирает их и говорит более официальным тоном:

— Позволь поинтересоваться, Сатору. Не собираешься ли ты в следующем году подавать документы в колледж?

— Да что вы, нет, конечно...

— Ты еще не выбрал профессию?

Он уже не раз заводил этот разговор. Я знаю, к чему он клонит.

— Нет; правда, пока у меня нет конкретных планов. Поживем — увидим.

— Конечно, Сатору, это абсолютно не мое дело, и прости, что вмешиваюсь. Я позволяю себе это лишь потому, что у меня на работе открылась пара вакансий. Конечно, скромных. Немногим лучше должности редакционного мальчика на побегушках, по сути. Но если ты заинтересуешься, с радостью дам тебе рекомендацию. И на собеседование устрою. По-моему, неплохой вариант. Знаешь, когда-то я сам начинал с этого. Длинный путь начинается с первого шага.

Я обвожу взглядом магазин.

— Это очень заманчивое предложение, господин Фудзимото. Но я не знаю, что сказать.

— Обдумай все хорошенько, Сатору. Я на несколько дней уеду по делам в Киото. Пока не вернусь, собеседования не начнутся. С твоим хозяином я сам могу поговорить, если это тебя смущает. Я знаю, Такэси хорошо к тебе относится, так что не станет вставлять палки в колеса.

— Нет, не в этом дело. Благодарю вас. Просто я должен все хорошенько обдумать. Еще раз благодарю... Сколько с меня за книги?

— Нисколько. Это гонорар за твои консультации. Некоторые образцы мы бесплатно раздаем для рекламы. Карманные издания классики в мягкой

обложке. Помню, тебе понравился «Великий Гэтсби». Я принес рассказы Фицджеральда в новом переводе Мураками. Еще «Повелитель мух». Вот это очень смешно. И новый Гарсиа Маркес.

— Вы очень добры.

— Ерунда! Так ты всерьез подумай об издательской карьере. Не худший способ зарабатывать на жизнь.

Последнее время я часто думаю о той девушке. Двадцать, а может, тридцать, а может, сорок раз на дню. Когда начинаю думать о ней, уже не хочу останавливаться, как не хочется зимним утром вылезать из-под теплого душа. Я приглаживаю пальцами волосы и рассматриваю себя, используя вместо зеркала диск Фэтса Наварро^[16]. Встретимся ли мы еще? Я даже не помню точно ее лица. Нежная кожа, высокие скулы, миндалевидные глаза. Похожа на китайскую императрицу. Думая о ней, я вспоминаю не лицо. Просто впечатление. Звук, для которого еще не придумано слов.

Я сам на себя злюсь. Не то чтобы я рассчитываю снова встретить ее. Токио есть Токио, как ни крути. И потом, допустим даже, что мы встретимся. Из чего следует, что она обратит на меня хоть малейшее внимание? Моя голова так устроена, что я могу думать зараз только об одном. По крайней мере, надо думать о чем-то толковом.

Я начинаю обдумывать предложение господина Фудзимото. И вправду — что я тут делаю, в этом магазине? Кодзи строит свою жизнь. Все мои одноклассники либо учатся в колледжах, либо пристроены в хорошие фирмы. Мама Кодзи регулярно докладывает мне об их успехах. А я что делаю тут?

За окном проехал парень в инвалидной коляске.

Стоп, стоп. Это мой угол, мое место в жизни. Главное, не забывать. Время послушать джаз.

«Подводное течение» Джима Холла и Билла Эванса^[17]. Зыбь на море, ветер колышет поверхность воды, потом стихает, и в неподвижном зеркале отражаются деревья. Другая песня, в ней — все краски нашего моря.

И та девушка тоже. Обнаженная, она плывет на спине, течение несет ее, как буюк.

Заварив себе зеленого чая, я смотрю, как над чашкой подымается пар и смешивается с воздухом суматошного дня. Кодзи постучал в окно, широко улыбнулся, прижался лицом к стеклу и стал похож на пьяного карлика.

Я улыбаюсь в ответ. Он входит своей размашистой прыгающей

походкой.

— Где это ты витаешь? — спрашивает он. — Я по дороге заглянул в кондитерскую. Как насчет ванильного бисквита?

— Отлично. Сейчас налью тебе чаю. Вчера получили прекрасный диск Кита Джаррета^[18], ты обязан послушать! Просто не верится, что он сочиняет в машине, на ходу!

— Печать гения. Может, когда закончишь работу, сходим куда-нибудь, посидим?

— Куда?

— Не знаю. Туда, где бывают сексапильные девушки, которые изголодались по свежему мужскому телу. Может, в бар Студенческого союза? Но если ты сегодня вечером занят поиском смысла жизни, отложим до другого раза. Закурим?

— Давай. Бери стул, садись.

Кодзи очень нравится разыгрывать из себя законченного бабника с черствым сердцем, на манер Такэси. На самом деле сердце у него зачерствело не больше, чем ванильный пончик. Еще и поэтому я люблю его. Закуриваем.

— Кодзи, а ты веришь в любовь с первого взгляда?

Он откидывается на спинку стула и плотоядно оскаливается.

— И кто же она?

— Нет, нет, нет. Никто конкретно. Я спрашиваю в принципе.

Кодзи задумчиво смотрит в потолок. Наконец выпускает колечко дыма и изрекает:

— Я верю в страсть с первого взгляда. Только нужно сохранять твердость, иначе превратишься в слизняка. А в слизняков, милый мой, не влюбляются. Ни в коем случае не смей показывать свои чувства. Иначе ты пропал. — Кодзи смотрит этаким Хамфри Богартом. — Будь загадочен, малыш. Будь крут. Понял?

— Понял, понял. Буду брать пример с тебя. Когда ты прошлый раз влюбился, ты был крут, как Бемби. А если серьезно?

— А если серьезно... — Кодзи выпускает еще одно колечко дыма. — Любовь, по-моему, вырастает из понимания, разве нет? Нужно очень хорошо узнать человека, чтобы полюбить его. Поэтому любовь с первого взгляда — явное противоречие. Если, конечно, с первым взглядом не происходит мистическая загрузка гигабайтов информации из одного мозга в другой. Но это ведь маловероятно, правда?

— Хм. Кто его знает...

Я налил другу чашку чая.

*

Вишневые деревья как-то вдруг все покрылись цветами. Волшебная кипящая пена колыхается над нашими головами, окрашивая воздух в цвет, который невозможно описать простыми словами вроде «белое» или «розовое». Как невзрачным деревцам из безымянных закоулков удастся породить эту нездешнюю материю? Ежегодное чудо, которое не укладывается у меня в голове.

Это утро звучит, как Элла Фицджеральд. На свете много чудес, что ни говори. Достоинство, благородство, доброта и юмор встречаются там, где не ждешь. Уже старухой, с ампутированными ногами, в инвалидной коляске, Элла пела как девочка, которая только что окончила школу и встретила первую любовь.

Звонит телефон.

— Это Такэси.

— Привет, босс. Как твои дела? Хорошо?

— Ничего хорошего. Хуже некуда.

— Что случилось?

— То, что я идиот. Полный идиот. Законченный идиот. Почему, почему люди так по-идиотски себя ведут?

Он уже напился вдрызг, а я успел выпить только чашку чая.

— Скажи, Сатору, в каком месте у человека рождаются такие желания? Нет, ты мне скажи! — требует Такэси, словно я наверняка знаю, но из вредности отказываюсь открыть секрет. — Полчаса судорожных объятий, несколько укусов, три секунды оргазма — если повезет, полчаса приятной полудремы, а когда очнулся — понимаешь, что ты просто мерзкий кобель и спустил в унитаз миллионы сперматозоидов и шесть лет брака. Почему мы устроены таким образом, ну почему?

Не знаю, как ответить, чтобы было и честно, и утешительно. Так и говорю:

— Не знаю, Такэси.

Тогда Такэси рассказывает мне всю историю, причем раза три.

— Понимаешь, за мной заехала жена. Мы условились пообедать вместе, хотели обсудить наши отношения, договориться до чего-нибудь... Я купил ей цветы, она мне новый полосатый пиджак... Ужасно отстойный, конечно, но главное — она помнит мой размер, понимаешь... Это как трубка мира... Мы уже собирались выходить, но тут она зашла в ванную... И что она там нашла, как ты думаешь?

Я хотел было сказать «труп домработницы», но вместо этого

переспросил:

— Что?

— Косметичку домработницы. И платье. И еще записку. Губной помадой на зеркале.

— И что она написала?

— Не твое дело.

Я слышу позвякивание льдинок — Такэси доливает в бокал.

— Короче, жена все прочла, спокойно вышла из ванной, облила пиджак водкой, подожгла и ушла, не сказав ни слова. Пиджак скукожился и расплавился.

— Такова сила письменного слова.

— Пошел к черту, Сатору. Мне бы твои годы! Как все просто было тогда! Что я наделал? Скажи, откуда пошел этот миф?

— Какой еще миф?

— Такой, который отравляет жизнь всем мужикам. Что жизнь без секса, без обмана и без тайны — только полжизни. С чего это взяли? И ладно бы встретил королеву красоты, потерял голову. Так нет же, нет. Тупая шлюха-домработница. Ну почему? Ради чего?

Мне же только девятнадцать. Окончил школу в прошлом году. Я и правда не знаю.

Мне очень жалко его, когда он так убивается. Слава богу, в магазин входят Мама-сан и Таро, и я могу с чистой совестью оставить без ответа его вопросы, на которые ответа нет.

Если бы Мама-сан была птицей, то доброй белой вороной.

Таро никак не может быть птицей. Из Таро скорее получится танк. Уже много-много лет он повсюду сопровождает Маму-сан. Это началось задолго до моего появления. Их отношения имеют глубину, в которую мне не дано проникнуть. Я видел старые фотографии шестидесятых-семидесятых годов. Они были прекрасной парой, в своем роде, конечно. Сейчас они напоминают хрупкую госпожу с верным бульдогом. Ходят слухи, что в молодости Таро выполнял кое-какую работенку для якудзы. Выбивание долгов и тому подобное. У него до сих пор остались дружки в этом мире, и эти связи бывают очень кстати, когда «Дикой орхидее» приходит время платить за крышу. Мама-сан получает шестидесятипроцентную скидку. Те же дружки, связанные с городской администрацией, помогли мне получить полноценное японское гражданство.

Мама-сан принесла мне обед.

— Я знаю, ты проспал сегодня утром, — каркает она. — И все из-за ночного разгула.

— А у вас когда разошлись последние посетители?

— В полчетвертого утра. Люди с «Мицубиси»... Один из них положил глаз на Юми-тян. Настаивает на встрече в субботу.

— А что сказала Юми-тян?

— «Мицубиси» всегда платит в срок. У них в фирме каждый месяц выделяют деньги на развлечения, и их обязательно нужно потратить. Я пообещала ей новый наряд, что-нибудь пошикарнее, если она согласится. Кроме того, мужчина женат, так что осложнений не предвидится.

— А вы хорошо развлеклись с Кодзи вчера вечером? — Таро оглядывает помещение, как телохранитель, который оценивает варианты для отхода.

— Да, — киваю. — Я немного перебрал. Потому и проспал.

Таро хохотнул:

— Он славный парень, твой Кодзи. На него можно положиться — не обосрет. Цыпочек подцепили?

— Только таких, которых интересует одно: тонированные у тебя в гоночной машине стекла или нет.

— Слушай, у женщин ведь кроме головы есть еще кое-что, — опять хохотнул Таро. — Как раз сегодня утром Аяка сказала, что парень твоего возраста должен почаще трахаться — для здоровья...

— Таро, оставь Сатору в покое, — ласково улыбается мне Мама-сан. — Сакура зацвела — как на картине, правда? Мы с Таро пройдемся по магазинам, а потом поедem в парк Уэно. Девочки госпожи Накамори пригласили наших на праздник цветения сакуры, и мы с Таро заглянем проверить, не натворят ли они чего. Ах да, чуть не забыла. Госпожа Накамори спрашивает, не сможете ли вы с Кодзи сыграть в ее ресторанчике в следующее воскресенье? Тромбонист из ее постоянной группы сломал руку. Попал в переделку, что-то там с куском водопроводной трубы и зверями из зоопарка, я не вникала в подробности. Короче, бедняга сможет разогнуть руку не раньше чем в июне. Так что вся группа осталась не у дел. Я сказала госпоже Накамори, что не знаю, когда у Кодзи снова начнутся занятия в колледже. Может, ты сам позвонишь ей сегодня или завтра? Пошли, Таро. Нам пора.

Таро берет книгу, которую я читаю.

— Что за штука? «Мадам Бовари»? Чудик француз написал? Что ты об этом думаешь, Мама-сан? Учиться не пошел, как мы его ни уговаривали, а на работе читает, а? — Он читает вслух строчку, которую я подчеркнул: —

«До идолов дотрагиваться нельзя — позолота пристаёт к пальцам»^[19], — и на мгновение призадумывается. — Забавная штука книги. Да, Мама-сан... Пойдем-ка лучше.

— Спасибо вам за обед, — говорю я.

Мама-сан кивает:

— Аяка приготовила. Пожарила угря — знает, как ты его любишь. Не забудь поблагодарить ее вечером. До свидания.

Небо становится все голубее. Я ем обед, думая о том, как хорошо было бы тоже оказаться в парке Уэно. Девушки у Мама-сан ужасно славные. Относятся ко мне как к младшему брату. Они бы расстелили под деревом большое одеяло и пели старинные песни, а слова придумывали сами. В Сибуя и тому подобных местах мне доводилось видеть пьяных иностранцев. Они превращаются в животных. С японцами так не бывает. Выпив, они становятся более легкомысленными, но не звереют. Для японца алкоголь — это способ выпустить пар. А у иностранцев алкоголь, похоже, разводит пары. И еще они целуются на людях, ей-богу!

Я своими глазами видел, как они засовывают девушке в рот язык и тискают ее за грудь. И это в баре, у всех на виду! Я к этому никогда не смогу привыкнуть. Мама-сан велит Таро говорить иностранцам, что у нас в баре нет мест, или выставляет им такой астрономический счет, что другой раз они уже не суются.

Диск закончился. Я доел последний кусочек жареного угря с рисом и маринованным перцем. Аяка умеет приготовить вкусный обед.

Заболела спина. Рановато. Молод я для болей в пояснице. Наверное, из-за неудобного стула: на нем не распрямиться. Когда Такэси выкарабкается из очередного финансового кризиса, попрошу его купить новый стул. Однако, судя по всему, ждать мне придется долго. Что бы еще послушать? Роюсь в ящике с неразобранными пластинками, который Такэси оставил на полу за прилавком, но там нет ничего новенького. Конечно, подыскать что-нибудь можно — все-таки у нас в магазине двенадцать тысяч наименований. И вдруг мне становится страшно — а что, если музыка больше меня не греет?

День выдался хлопотливый. Наплыв и просто зевак, и покупателей. Я не заметил, как наступило семь часов. Снял кассу, положил выручку в сейф, который стоит в крошечной служебке, включил сигнализацию и запер дверь в служебку. Потом засунул в сумку «Мадам Бовари», коробку

из-под обеда и диск Бенни Гудмена^[20], который хотел послушать вечером, — прелести служебного положения. Гашу свет, выхожу и закрываю входную дверь.

Я уже опускал ставни, когда в магазине зазвонил телефон. Черт подери! Первое желание было притвориться, что ничего не слышу, но потом подумал — тогда весь вечер промаюсь догадками, кто бы это мог быть. Начну обзванивать одного знакомого за другим, выяснять, не звонил ли он мне. А если окажется, что звонил, придется объяснять, почему я не взял трубку... Нет уж, к черту! Проще сейчас открыть магазин и ответить.

Потом я много раз думал об этом: не зазвони телефон в тот момент, не реши я вернуться и снять трубку — не произошло бы то, что произошло.

В трубке раздался незнакомый голос, глухой и напряженный:

— Говорит Квазар. Собаке нужен корм.

Фигня какая-то. Я подождал, что будет дальше. В трубке слышался шорох, похожий не то на шум волн, не то на гул в галерее игровых автоматов. Я молчал — чокнутым лучше не отвечать. Далее ничего не последовало. Словно на том конце тоже чего-то ждали. Я оказался терпеливее и, когда там дали отбой, повесил трубку, ничего не понимая. А, фиг с ним.

Я стоял спиной к двери. Она открылась. Звякнул колокольчик, и я подумал: «Нет, только не это! Рабочий день уже закончен!» Я обернулся и чуть не упал прямо на лимитированный бокс-сет Лестера Янга^[21] — пол почему-то качнулся под ногами.

Это ты! Стоишь и всматриваешься в сумрак моего уголка.

Она стояла передо мной. Она пришла одна. Она заговорила. Я часто прокручивал в воображении нашу встречу, но всегда первый шаг делал я. Я даже не понял, что она сказала. Она пришла!

— Вы еще работаете?

— ...Да!

— Как-то не похоже. Свет уже погашен.

— ...Да, ну, дело в том, что я собирался закрывать, но еще не закрылся, а пока я не закрылся, я работаю. Пожалуйста!

Я включил свет:

— Вот видите!

Надо говорить спокойнее. Выгляжу, наверное, как младшеклассник.

— Не хотелось бы задерживать вас. Вам, наверное, пора домой.

— Задерживать? Что вы, нисколько вы меня не задерживаете. Ничуть. Я к вашим услугам. Пожалуйста. Проходите.

— Спасибо.

«Я», живущее в ней, глядело глаза в глаза моему «я».

— Знаете... — начал было я.

— Понимаете... — начала она.

— Простите. Продолжайте, — сказали мы хором.

— Нет, продолжайте вы, — повторил я. — Вы дама.

— Вы подумаете, что я чокнутая. Я была здесь дней десять назад. —

Она непроизвольно покачивалась на каблуках. — У вас играла музыка. Она не выходит у меня из головы. Фортепьяно и саксофон. Я понимаю, вряд ли вы помните тот день, и ту музыку, и меня... — Она помолчала.

У нее необычная манера говорить. Может, из-за акцента, не знаю. Мне это очень нравится.

— Вы были здесь две недели назад. Точнее, две недели и еще два часа.

— Так вы меня помните? — обрадовалась она.

— Еще бы! — Я засмеялся и не узнал собственного смеха.

— Со мной была кухня с подружками. Они довольно противные. Считают меня дурой, потому что я наполовину китайка. Мама у меня японка. А вот отец — китаец из Гонконга. Я живу в Гонконге, — сказала она с вызовом, это надо было понимать так: «Да, я не чистокровная японка и не скрываю этого, нравится это вам или нет».

Я вспомнил барабан Тони Уильямса в «Тишине»^[22]. Точнее, даже не вспомнил, а почувствовал, глубоко внутри.

— Ну и что? Какая разница? Я сам наполовину филиппинец. А та мелодия называется «Одиночество». Ее написал Мэл Уолдрон. Хотите послушать?

— А можно?

— Конечно можно. Мэл Уолдрон — я на него просто молюсь. Готов встать на колени, когда слушаю. А Гонконг — он какой? Похож на Токио?

— Приезжие говорят, он грязный, шумный и противный. А по мне, так ничего лучше нет. На всем белом свете. Устанешь от Коулуна — можно сбежать на острова. На остров Лантау, например. Там на холме сидит большой такой Будда...

У меня вдруг возникло чувство, будто я персонаж из книги, которую кто-то сочиняет, но потом оно рассеялось.

*

Вишня отцветает. Молодые зеленые листочки, пока еще шелковистые и гибкие, сохнут на ветках. В воздухе дрожат мандолины и цитры. В потоке горожан не заметишь ни одного пальто. Иные даже без пиджаков. Что ни

говори — эта весна уже не первой свежести.

Звонит телефон.

— Привет. Кто она?

Это Кодзи из студенческой столовой.

— О ком ты?

— Не валяй дурака! Ты прекрасно понимаешь, о ком я! Эта девушка, которая вчера у госпожи Накамори ловила каждое твое слово! Постой-постой, ее имя начинается на «Томо», а заканчивается на «ё». Точно-точно, Томоё!

— А, вот ты о ком...

— Ну, хватит! Я что, не видел, как вы переглядывались весь вечер?

— Тебе показалось.

— Нет, вы переглядывались! Все в баре заметили! И крот бы заметил! Ее отец заметил. Таро заметил. Потом подошел ко мне спросить — кто такая. Я-то надеялся у него что-нибудь разузнать. Он велел допросить тебя с пристрастием. Сам знаешь, Таро долго ждать не любит. Так что давай колись.

— Да нечего мне рассказывать! Она заходила ко мне в магазин четыре недели назад. На прошлой неделе пришла опять. Мы поболтали, в основном о музыке. Потом встретились на неделе еще раз или два. Вот и все.

— Раз или семь, ты хочешь сказать.

— Ну ты и сам все понимаешь...

— Не вполне. Не успел с ней вчера перекинуться словечком. Не хочу показаться нескромным, но скажи, пожалуйста, под юбочку ты уже залез?

— Она порядочная девушка!

— Разве порядочная девушка — не женщина?

— Нет. Не залез.

— Да, ты всегда был тяжел на подъем, Сатору. Что тебе мешает?

— Что мешает...

Диву даюсь, сколько воспоминаний хранит моя память! Ее плечи. Мы бродим по улицам, укрывшись под одним зонтом, и я накидываю свою куртку ей на плечи. Ее рука в моей руке. В кинотеатре я весь сеанс держу ее за руку. Ее зажмуренные от смеха глаза. Уличный артист стоит неподвижно на пьедестале, но как только мы бросаем ему в ящик монетку, он оживает и принимает другую позу — до следующей монетки. А вот она пытается сдержать смех, глядя, как я катаю шары в боулинге, — полная катастрофа. Лежит на одеяле в парке Уэно, и лепестки сакуры падают нам на лица. Сидит на этом самом стуле в этом самом магазине и делает

домашнее задание под мою любимую музыку. Вижу ее сосредоточенное лицо и прядь волос, которая почти касается тетради. Я помню, как поцеловал ее в шею в кабине лифта и как мы отпрянули друг от друга, когда внезапно открылась дверь. Помню, как она рассказывала мне про своих золотых рыбок, про маму, про Гонконг. Помню, как она заснула на моем плече вечером в автобусе. Помню, как она сидела напротив меня за столом. Я не сводил глаз с ее лица, а она рассказывала мне про древние племена, которые хоронили своих вождей в курганах на Токийской равнине. Помню взгляд, которым она смотрела на меня вечером у госпожи Накамори. Мы с Кодзи сыграли «Около полуночи»^[23] так здорово, как никогда раньше. И еще сколько всего я помню!

— Не знаю, Кодзи, что мне мешает. Может быть, то, что ничего не мешает.

Так ли это? Сколько раз мы с ней в принципе могли зайти в дом свиданий. Конечно, я хотел ее. Но...

— Не знаю, Кодзи. Дело не в том, что я так уж робок с девушками. А в чем — не знаю.

Кодзи издает глубокомысленное сопение, как в тех редких случаях, когда ничего не может понять.

— Когда же я сподоблюсь увидеть ее опять?

— Возможно, никогда. — Я запнулся. — Она возвращается в Гонконг, в международную школу. В Токио она приезжает с отцом раз в два года на несколько недель. Повидать родственников. Нужно смотреть правде в глаза, Кодзи. Встреча маловероятна.

— Это чудовищно! Ужасно! — Кажется, Кодзи огорчен даже сильнее моего. — Когда она улетает?

Я смотрю на часы:

— Через полчаса.

— Сатору! Останови ее!

— Я думаю... ну, в смысле, что...

— Не думай! Действуй!

— Что ты предлагаешь? Похитить ее? Но она сама распоряжается своей жизнью. Она хочет поступить в университет в Гонконге, изучать археологию. Мы встретились, нам было хорошо вместе. Очень хорошо. А теперь пришла пора расставаться. В жизни такое случается сплошь и рядом. Можно писать письма. В конце концов, мы ж не влюблены так, что жить друг без друга не можем. Ничего подобного...

— Бип-бип!

— А это еще что?

— Извини, у меня тут лажометр зашкалило.

Я откопал старый альбом Дюка Эллингтона. Он напоминает мне о допотопных граммофонах, дурацких усиках и довоенных голливудских мюзиклах. Обычно от него у меня поднимается настроение. «Сядь на поезд А»^[24] — в этой композиции столько непрошибаемого оптимизма!

Я пялюсь в темную лужицу на дне чайной чашки и думаю о Томоё в пятидесятый раз за час.

Телефон. Скорее всего, это Томоё. Так и есть. В трубке слышен гул взлетающих самолетов и голос диктора.

— Здравствуй, Сатору!

— Привет.

— Я звоню из аэропорта.

— Слышу.

— Ужасно жаль, что вчера мы не смогли попрощаться по-человечески. Мне так хотелось поцеловать тебя.

— И мне. Но кругом было столько народу...

— Спасибо, что пригласил нас с папой к госпоже Накамори. Папа тоже благодарит. Он уже сто лет ни с кем так весело не болтал, как вчера с Мамой-сан и Таро.

— А о чем они говорили?

— О делах, наверное. У папы доля в одном ночном клубе. И концерт нам очень понравился.

— Да какой концерт! Просто мы с Кодзи.

— Вы оба прекрасно играете. Папа только о вас и говорит.

— Ну... Прекрасно играет только Кодзи. Благодаря ему и я звучу сносно. Он звонил двадцать минут назад. Надеюсь, мы не слишком липли друг к другу вчера в баре. Кодзи говорит, все что-то заметили.

— Пустяки, все в порядке. Слушай! Надо знать папину манеру выражаться намеками. В общем, он приглашает тебя приехать в отпуск! Говорит, что найдет бар, где ты сможешь играть на саксе. Если захочешь, конечно.

— Он знает? Про нас?

— Понятия не имею.

— Вообще-то Такэси до сих пор ни разу не давал мне отпуска. Точнее, я ни разу не просил...

— Скажи, сколько времени нужно заниматься, чтобы достичь такого уровня исполнения? — Она решает сменить тему.

— Да разве это уровень? Вот Колтрейн^[25] — это уровень. погоди секунду!

Я быстренько ставлю «Сентиментальное настроение»^[26]. Мирр и фимиами. Минутку слушаем вместе, как Джон Колтрейн играет вместе с Дюком Эллингтоном. Мне нужно ей так много сказать.

Вдруг в трубку врываются короткие гудки.

— Деньги кончились. А, вот еще монетка, — успевает крикнуть она. — Пока!

— Пока!

— Когда прилечу, я...

В трубке только шум.

В обеденное время заходит господин Фудзимото. Взглянув на меня, смеется.

— Добрый день, дорогой Сатору! — радостно возглашает он. —

Погодка сегодня — загляденье! Что скажешь об этой красоте?

Положив на прилавок стопку книг, он с гордым видом приподнимает брови и слегка оттягивает свой галстук-бабочку. Совершенно нелепый: ярко-зеленый в горошек.

— Уникальная вещь! — откликаюсь я.

— И я так считаю! — Он расцветает от удовольствия. — Мы устроили на работе конкурс на самый безвкусный галстук. По-моему, я всех сделал!

— Как съездили в Киото?

— Киото есть Киото. Храмы и святилища. Встречи с типографистами. Надутые лавочки воображают, будто только им ведомо, что хорошо, что плохо. Слава богу, я дома. Родился токийцем — умрешь токийцем.

— Господин Фудзимото! — приступаю к заранее заготовленной речи. — Когда я рассказал Маме-сан, что вы любезно предложили мне помочь с устройством на работу, она велела передать вам и вашим коллегам вот это. Пригодится на вечеринке в честь цветения сакуры.

Я водружаю на прилавок огромную бутылку рисовой водки.

— Сакэ! — восклицает господин Фудзимото. — Вот уважил так уважил! Царский подарок! Мои коллеги его оценят, не сомневайся. Огромное спасибо.

— Нет, это вам спасибо за вашу заботу. Только, пожалуйста, извините и не обижайтесь на меня, я не могу принять ваше великодушное предложение, я слишком невежествен для такой работы.

— Ну что ты, какие там обиды. Я все понимаю, ей-богу. Я просто хотел на всякий случай... — Господин Фудзимото, сильно моргая, поискал подходящее слово, не нашел и рассмеялся. — Я нисколько не обижаюсь. Тебе просто не хочется стать таким, как я, верно?

Это соображение развеселило его, похоже, гораздо больше, чем меня.

— Мне не пристало судить о вас, — говорю я. — Но я был бы рад походить на вас. У вас замечательная работа. Невероятные галстуки. Отличный музыкальный вкус — вы прекрасно разбираетесь в джазе.

Улыбка вдруг сходит с его лица. Он переводит взгляд за окно.

— Вот последний цветок сакуры. На дереве он все время меняется, стремясь к совершенству. А достигнув его, опадает. Когда коснется земли — его неминуемо растопчут. Вот и получается, что абсолютно прекрасен он только то мгновение, пока находится в полете... Мне кажется, только мы, японцы, в состоянии понять это. Как ты думаешь?

По улице, тархтя, словно захмелевший «бэтмобиль», проплывает фургон, установленные на нем колонки голосят:

— Голосуйте за Синидзу! Только он знает, как победить коррупцию!

Синидзу не подведет! Синидзу не подведет! Синидзу не подведет!

— Почему все происходит именно так, как происходит? — Господин Фудзимото шевелит ладонью в воздухе. — После газовой атаки в метро, посмотревшись репортажей по телевизору, я все пытаюсь понять... Почему вообще что-либо происходит? Какая сила удерживает мир и не дает ему рассыпаться в прах?

Я никогда не понимаю, когда господин Фудзимото спрашивает, а когда его вопросы — чистая риторика.

— А вы знаете?

— Не знаю. — Он пожимает плечами. — Честно, не знаю. Порой мне кажется, что это главный вопрос жизни, а все прочие — только его отrostки.

Он проводит рукой по редющим волосам.

— Как ты думаешь, может быть, ответ — любовь?

Я пытаюсь и не могу заставить себя думать — в уме мелькают разные картинки. То отец — человек, которого я считаю отцом, — глядит на меня через заднее стекло автомобиля. То мужчина в деловом костюме, который три или четыре года тому назад упал на тротуар с девятого этажа, когда я выходил из «Макдоналдса». Он лежал метрах в трех от меня. Рот приоткрыт, словно от удивления. Темная струйка изо рта растекалась на тротуаре между осколками зубов и стекла. Потом вдруг — брови Томоё, ее нос, ее шутки, ее акцент. Томоё сейчас летит в Гонконг.

— Тут нужна мудрость, господин Фудзимото. Я еще слишком молод, чтобы ответить на этот вопрос.

Улыбка возвращается на лицо господина Фудзимото, его глаза пропадают в морщинках.

— Это очень мудрый ответ, Сатору!

Он купил диск Джонни Хартмана с прекрасной версией «Пусть песня рвется из моей груди»^[27] и попрощался.

Комар жужжит над ухом, как миксер на третьей скорости. Покрутив головой, прихлопываю мерзавца. Начался сезон комаров. Я как раз собираю его останки в бумажку, когда входит жена Такэси, с которой ему так и не удалось помириться. Она подняла солнцезащитные очки на макушку, и они утонули в густых прекрасных волосах. Ее сопровождает одетый с иголочки господин — адвокат, сразу догадался я. Они оглядывают все вокруг. Когда устраивался на работу, я провел целый вечер у них с Такэси в Тиёде. Но сейчас она еле кивнула, словно не узнала меня. Адвокат, тот вообще не замечает моего присутствия.

— Помещение *он* арендует. — Жена Такэси произносит местоимение с особой горечью, как и подобает бывшей жене. — Но стоимость товара довольно высокая. По крайней мере, *он* всегда хвастал своим ассортиментом. Хотя, конечно, реальную прибыль приносят парикмахерские салоны. Этот магазинчик — всего лишь *его* хобби. Одно из многих, между прочим.

Адвокат молча слушает.

Они направляются к выходу. В дверях жена Такэси оборачивается и говорит:

— А тебе, Сатору, пусть это послужит уроком. Никогда не принимай важных решений, от которых зависит жизнь, под влиянием чувства! Того и гляди — подсунут тебе закладную на карточный домик! Попомни мои слова.

И выходит.

Я размышляю над ее словами, а сам слушаю Чета Бейкера. Труба рвется в никуда и хочет там остаться. А его голос — бормотание дзэнского монаха в ласковой пустоте. *Моя смешная голубка, Ты не знаешь, что такое любовь, Я без тебя прекрасно поживаю*^[28].

Телефонный звонок. Такэси вне себя. И снова пьян.

— Не впускай! — истерически орет он. — Ни за что не впускай эту бешеную корову!

— Кого?

— Ее! И чертова кровопийцу адвокатишку сраного! Который должен был представлять меня! Они ж намылились с серпом по мои яйца! Только не позволяй им рыться в дисках! Не показывай счета! Они не имеют права! Срочно спрячь лимитированный первопресс Армстронга! И золотой диск «Первого плавания»!^[29] Засунь хоть в трусы, слышишь!

— Такэси!

— Что?

— Уже, Такэси.

— Что уже?!

— Они уже приходили. Пробыли несколько минут, адвокат просто осмотрел помещение, и все. Они не проверяли счета и ничего не пытались оценивать.

— Офигеть! Просто офигеть. Нет, ну какова, а! Это не женщина, это коровье бешенство на двух ногах! Правда, на каких ногах... — вздыхает он и вешает трубку.

Солнечные лучи ластятся и чуть не мурлычут. На стене слегка колышутся тени от веток и листьев. Вспомнилось, как много лет назад девушки Мамы-сан катали меня на лодке по озеру. Это одно из самых первых воспоминаний моего детства.

Забившись в свой угол, чувствуешь себя, конечно, безопасно, но порой так одиноко.

Что же мне делать? Я закатываю рукав рубашки и смотрю на предплечье. Томоё синей ручкой вчера нарисовала там змейку. Я спросил: почему змейку? А она рассмеялась словно шутке, понятной только ей.

У меня в голове встретились две мысли.

Первая шепчет: мы не переспали друг с другом, потому что секс завершил бы начало наших отношений и положил начало их завершению.

Вторая настоятельно требует действовать.

Может, жена Такэси и права — нельзя принимать жизненно важные решения, руководствуясь только чувствами. Такэси, кстати, частенько говорит то же самое. «Наутро после блядок может выясниться, что они тебе не по карману», — любит он повторять. Да кто они такие, в конце концов, Такэси и его жена, чтобы учить жить других? Если не любовь, тогда что?

Я смотрю на часы. Пятнадцать ноль-ноль. Ее отделяют от меня тысячи километров и один часовой пояс. Позвоню — и оставлю Такэси деньги, чтобы не удивлялся, когда придет квитанция.

— Приветик! — откликается Томоё, словно я звоню из автомата за углом. — А я распаковываю чемоданы.

— Соскучилась?

— Капельку, совсем чуть-чуть!

— Ну ты и врушка! Не сомневалась, что позвоню?

— Не сомневалась.

Я чувствую улыбку в ее голосе.

— Когда прилетаешь? — спрашивает она.

И мы с ней говорим, не можем наговориться: каким рейсом лучше лететь, куда пойдём в Гонконге, что она скажет отцу и как мне разумней распорядиться своими жалкими сбережениями. Так из своего угла я попадаю прямиком в рай.

Гонконг

*

Луна, луна среди бела дня...

Похоже, будильник законтачен с датчиком у меня в мозгу, который посылает сигнал руке, та послушно приподнимается и передает команду указательному пальцу, и он выключает будильник буквально за секунду до того, как эта зараза начнет трезвонить. И так каждое утро, каждое божье утро — не важно, сколько виски я принял накануне вечером и в котором часу добрался до постели.

Забыл.

Черт подери. Этот жуткий, кошмарный сон. Не могу припомнить подробностей. Да и не хочу, если честно. Облава на наш офис. Хью Ллуэллин ворвался вместе с начальником китайской полиции и командиром моего скаутского отряда (на его «вольво» я в детстве насрал, в прямом смысле слова). Все на роликах. Я тороплюсь стереть файлы, связанные со счетом 1390931, их почему-то оказалось ужасно много, и в спешке не могу правильно ввести пароль. К-А-Т-И-Ф-Р, нет, К-Т-И, нет, опять неправильно, и опять надо все заново. А они все ближе и ближе, поднимаются с этажа на этаж. От их шагов расплескался кофе, и чашки подпрыгивают в лужицах. Электрический вентилятор мерно шумит, и неоплаченные телефонные квитанции хлопают крыльями, как летучие мыши в сумерках... Окно открыто. Сорок дней и ночей подряд дует ужасный ветер. Мышь в обмороке, не реагирует на двойной щелчок. Может, что-то важное связано с этим сном? Забыл.

Сколько раз мне снились сны про компьютер? Хорошо бы вести дневник снов, но даже это обернется против меня в случае чего. Представляю, как репортеры опубликуют самые скандальные куски, а тюремные психологи будут обсуждать клубничку. Интересно, кому и когда впервые приснился компьютерный сон? Еще интереснее, снятся ли компьютерам сны про людей?

Ох уж этот Ллуэллин в роговых очках. Я встретил его вчера — и вот нате, сукин сын уже проник в мое подсознание.

Минутная стрелка снова сигналит. Секундная стрелка крутится и крутится, сматывая мгновения моей жизни, как сматывают на катушку веревочку воздушного змея, когда пора идти домой. Черт. Времени в обрез

— начал расходовать утренний лимит. По утрам чувствую себя таким же разбитым, как вечером. Разбитый, как пасхальное яйцо. Вот-вот скорлупа посыплется. И похоже, опять начинается простуда, серьезно. А все этот Гон-хренов-Конг. Вечно хожу распаренный, как печеное яблоко. Кстати, сейчас Пасха. Ну давай, Нил, давай. Прими поскорее душ. Горячий душ творит чудеса. Херня. Немного порошочка сотворило бы чудо, но не осталось ни крупинки.

За волосы вытаскиваю себя из кровати. Ногами плюхаюсь в тарелку с вафлями. Дерьмо! Сегодня придет горничная. Надеюсь, приберет тут. По крайней мере, когда вернусь, в доме будет еда. Конечно, китайская, но все же лучше, чем опять вафли, брр.

Тащусь в гостиную. На автоответчике — сообщение. Слава богу, додумался включить немой режим перед тем, как залечь, а то бы шиш поспал. Заваливаюсь на диван с телефоном и нажимаю кнопку «прослушать».

«Проснись и пой, Нил! Это Аврил. Спасибо, что смылся вечером. Не забудь, на 9.30 у тебя назначена встреча с адвокатами господина Вае, а Тео хотел заранее ознакомиться с отчетом, так что тебе лучше прийти не позже 8.45. Пей скорее свой кофе. До скорого».

Аврил. Красивое имя у этой глупой шлюшки.

Не очень-то расслабляйся, Нил. Раз, два, три, встали! Говорят тебе — «встали». Марш на кухню. Кофеварка. Выбросить старый фильтр. Мусорное ведро переполнено. Чертова горничная. Ладно и так. Вставим новый. Банка с кофе. Насыпать побольше, к черту ваши рекомендации, премного благодарен за науку. Включить кофеварку. Густой, крепкий напиток — для тебя, старина Нил, для тебя, дружок. То, что надо. Совсем забыл — еще есть холодильник. Открыть. Половинка лимона, три бутылки джина, пакет молока — срок годности истек месяц назад, банка засохших бобов и... вафли. Слава Тебе, Боже, Ты все же есть на небесах — у меня остались вафли. Вафли в тостер. Теперь двигай в спальню, Нил. Белые рубашки в шкафу, все эти шкуры белого дьявола, она вешает их туда каждое воскресенье. Ну, я ей задам, если опять повесила мимо плечиков. Надо быть внимательнее.

Нет, все в порядке. Висят ровными рядами. Трусы и брюки с вечера валяются на стуле. Дешевый стул из гнутых трубок. Жалко кресла времен королевы Анны^[30].

Из всех вещей в этой квартире оно одно было старше меня. Ушло вслед за Кати. Давай, Нил, одевайся — брюки, рубашка, пиджак. Чего-то не хватает. Ремень. Черт подери, где ремень? Отлично. Очень забавно. Где

ремень, черт подери?

Из гостиной послышалось жужжание — включился кондиционер. Сейчас иду в гостиную. Ремень будет на спинке дивана. А если нет — ну не знаю, что сделаю. Взорвусь!

Иду в гостиную. Ремень висит на спинке дивана. Ну вот и прекрасно, черт подери.

Молодец. Оделся, а душ не принял. От меня за версту воняет, а тут назначена встреча с этими, как их там, с шишками из Тайваньского консорциума.

— Ты кретин, Нил, — говорю я вслух.

Никто не возражает.

Почему-то когда ты себя называешь кретином, никто не возражает. Душ сожрет остаток утреннего лимита. Пока не отработаю распорядок — рас-порядок! — утренних процедур до автоматизма, вечно буду опаздывать на паром и выдумывать уважительные причины.

Выключаю кондиционер.

— Сейчас только май, черт тебя подери. Хочешь меня заморозить до смерти, да? С кем ты тогда будешь дурака валять, скажи?

В ванной обнаруживаю, что *она* опять развлекалась с жидким мылом. Кати всегда покупала жидкое мыло во флаконах с пульверизатором. И горничная тоже. И все было хорошо, пока *она* не обнаружила, как весело — брызгаться из пульверизатора. Лепехи мыла повсюду — на стенах, на раковине, на полу в душевой кабинке, на вешалке, там — ну да, как раз там, — куда я только что повесил рубашку. Везде эти мерзкие пятна, похожие на брызги засохшей спермы.

Прекрасная забава, черт подери. Вытереть, что ли, эту срань?

Странно, что горничная никогда не прикасается к гигиеническим принадлежностям, оставшимся после Кати. Словно это мое имущество. Интересно, почему я до сих пор не избавился от женского барахла. В шкафу лежит упаковка тампонов. Две упаковки. С двумя капельками и с тремя. Горничная ни разу не взяла ни одного. Не понимаю почему. Может, это одна из китайских причуд — не пользоваться тампонами. Ведь не надевают же они памперсов на младенцев, и те кладут прямо в трусы, где угодно и когда угодно. Но при всем при том горничная пользуется тальками, увлажняющим кремом, пеной для ванны — очень охотно, без зазрения совести. И почему она, собственно, должна испытывать угрызения совести по этому поводу, если не испытывает по другим?

Сую голову под душ. Намочить, шампунь, втереть, взбить пену, смыть, восстановитель, все пальцы в мыле, смыть, вытереть. На все две минуты.

Помылся — и хорошо, а о расплате подумаем потом.

Досуха вытираюсь, втягиваю живот. Но в последнее время это мало помогает. Нил, когда у тебя начала расти эта хреновина? По идее, от постоянного стресса я должен терять в весе. Не сомневаюсь, что и теряю, но из-за диеты из вафель, фруктовых пастилок, сигарет и виски набираю больше, чем теряю от стресса. Пузо как у беременной. Тьфу! Меня даже передернуло от отвращения. Интересно, если бы Кати удалось забеременеть, изменилось бы что-нибудь или нет? Завязал бы я тогда, пока еще мог? Или только стал бы еще больше мучиться? Если только можно мучиться еще больше и... не умереть. Не знаю.

Запахло горелым. Черт! Утюг!

Да нет же, я не включал утюг. Пахнет горелыми вафлями. Черт, черт, еще раз черт. Завтрак пропал к чертовой матери. Можешь уже не спешить, Нил, у этих вафель нет никакой надежды на спасение. Они зашли слишком далеко, они уже не вафли. Когда вафля перестает быть вафлей? Когда она превращается в кусочек угля, черт бы его побрал. Придется для питательности насыпать побольше сахара в кофе, другого выхода не вижу. Жидкий завтрак. Очень жидкий. Из-под двери показалась темная струйка. Кровь, что ли? Чья кровь? Ее? В этой квартире всего можно ожидать, больше я ничему не удивлюсь. Нет, жидкость темно-коричневая. Дьявол! Я же сунул в кофеварку новый фильтр, не вынув старый, а мы ведь знаем, что бывает в таких случаях, правда, старина Нил?

Бегом на кухню. Отключить кофеварку, отключить тостер, отключить эту головную боль. Не угодно ли стакан чистой воды на завтрак, Нил? Почему «спасибо, не стоит»? В чем проблема, Нил? Ах, нет чистых стаканов. Ну что ж, тогда бутылку чистой воды. Превосходно. Приятного аппетита, Нил. Окидываю взглядом свои кухонные владения. Видок — будто Кит Мун похозяйничал здесь месяц. Хотя нет, Кит Мун против меня — чистюля^[31]. Извини, дорогая, приберу потом. Да приберу, приберу, ты же прекрасно знаешь.

Надевай галстук, Нил, и бегом на работу. Этим узкоглазым толстосумам и так придется тебя ждать, нельзя испытывать их терпение. Сумасшедшее утро. Даже в окно не успел взглянуть — что за погода. Читаю прогноз на пейджер: облачно, без осадков. Значит, зонтик не понадобится. Непогода по-азиатски. Картинка так и стоит перед глазами: голые холмы, туман, сонное море.

Радио оставляю включенным — для нее, как, бывало, моя мама — для собаки. Из спальни слышны новости по-китайски, на кантонском диалекте. Не знаю, как она к ним относится — иногда слушает, иногда выключает,

иногда ловит другую волну.

— Будь умницей, веди себя хорошо, — говорю, завязывая шнурки на ботинках.

Беру кейс и свою связку ключей.

Кати обычно отвечала:

— Слушаюсь и повинуюсь, мой охотник-добытчик.

Эта никогда не отвечает.

Выхожу наконец. Ну все, вышел.

Лифт как раз идет вниз. Слава богу. А то опоздал бы на автобус к парому. Двери открываются. Втискиваюсь внутрь, со всех сторон меня сжимают мужские тела. Кто желтоватый, кто розовато-серый, но все мы принадлежим к одному племени. Обитатели одной резервации финансового благополучия — а иначе нам было б не по карману это жилье. В лифте пахнет пиджаками, лосьоном после бритья, кожаными ремнями, гелем для волос и еще чем-то затхлым. Может, застоявшимся тестостероном. Все молчат. Похоже, не дышат. Я поворачиваюсь так, чтобы мой член не упирался в член другого добытчика, и в поле зрения попадает дверь моей квартиры с номером 144.

— Нехороший номер, — сказала когда-то госпожа Фэн. — Дело в том, что «четыре» по-китайски произносится так же, как «смерть».

— Нельзя же всю жизнь только и делать, что избегать цифры «четыре», — возразила ей Кати.

— Допустим. — Госпожа Фэн прикрыла свои печальные глаза. — Есть еще одна проблема.

— Какая же? — спросила Кати, улыбаясь мне краешком рта.

— Лифт, — ответила госпожа Фэн, открыв свои пронизательные глаза.

— Надеюсь, вы не имеете в виду, что лифта тоже надо избегать! У нас четырнадцатый этаж! — сказал я.

— Нет. Но лифт находится как раз напротив вашей квартиры!

— И что? — Кати больше не улыбалась.

— Двери лифта — это пасть! Она пожирает удачу. Удача не переступит порога этой квартиры.

Я взглянул вверх — и увидел себя в окружении сонма моих же неподвижных голов, взирающих на меня вниз сквозь закопченное стекло. Вроде как повстречался с собственным привидением.

— К тому же вы находитесь на острове Лантау, — добавила она, словно вспомнив еще об одном важном обстоятельстве.

— А чем плох остров Лантау? Это единственное место в Гонконге, где

можно поверить, что мир когда-то был прекрасен.

— Мы не любим это место. Слишком оно северное. И слишком восточное.

Дзинь, звякает звонок. Дзинь, дзинь. Второй этаж. Первый. Слава богу, автобус еще не ушел. Мы дружно бросаемся через дорогу и штурмуем его. У меня в голове крутится музыка из «Джеймса Бонда». Вспомнилось, как мальчишками, играя в войну, мы погружались на какбудтошний бронетранспортер.

Автобус переполнен — место есть только наверху, и то стоячее. Ничего не имею против. Это мне напоминает час пик на старой доброй кольцевой линии в старой доброй Англии. Сейчас как раз начинается сезон крикета. За что я люблю автобус — за то, что с момента, когда садишься в него, и до момента, когда переступаешь порог офиса, от тебя ничего не зависит. Ничего не нужно решать. Превращаешься в зомби.

И тут у какого-то придурка звонит мобильный телефон. Чуть не дырявит барабанные перепонки. Невыносимо! Да ответит он или нет? Давай же отвечай, глухой придурок! И чего это все уставились на меня?

Ах да, это мой телефон. Когда эти штуки только-только появились, сначала всем казалось — ура, супер, до чего удобно! Потом спохватились, поняли — удобно, как электронный ошейник у заключенных, склонных к побегу. Спыхватились, да поздно.

Вынимаю телефон, включаю — останавливаю волну, которая прошла через пространство и завершает свой путь у меня в ухе.

— Алло, Броуз слушает.

Вот, теперь самый последний кретин в этом автобусе знает, что моя фамилия — Броуз.

— Нил, это я, Аврил.

Ясно, что Аврил. Кто ж еще? Похоже, она даже ночует в офисе. Она всю трудилась над отчетом для тайваньцев вчера вечером, когда я уходил совершенно без сил. Без сил — как сегодня утром, как всегда. В компании «Жардин-Перл» пашет целая армия адвокатов. А в «Кавендиш» — раз, два, и обчелся: только я, да Аврил, да Мин, который даже договор на аренду квартиры — моей квартиры — толком составить не смог. Китайцы — это уже плохо, агенты по недвижимости — еще хуже, но китайские агенты по недвижимости — эти ребята явно служат дьяволу. Может, они и юристы, но денежки они гребут определенно на *той* службе! Этот долбаный отчет для тайваньцев! Вдобавок ко всем моим неприятностям я должен еще разбираться в этом лабиринте цифр, мелких букв, подвохов. В принципе хорошо, что Аврил занимается этим дерьмом,

но иногда она так достает. Ее прислали из Лондона в январе, поэтому она от усердия землю носом роет. Совсем как я три года назад.

— Хорошо выспался, Нил?

— Плохо.

Аврил хочет доконать меня и выжать извинение за то, что рано ушел вчера. Точнее, уже сегодня. В час ночи. Рано, кто ж спорит. Но могла бы уже угомониться, черт возьми.

— Я насчет папки с материалами по Микки Квану.

— А что с ней?

— Не могу ее найти.

— А!

— Так где же она? Ты смотрел ее вчера поздно вечером. Перед уходом. Пошла к черту, Аврил.

— Я смотрел ее вчера рано вечером. За шесть часов до ухода.

— Но ее нет у тебя на столе. И в кабинете у Гилана тоже нет. Значит, она может быть только у тебя в шкафу. Лично я не касалась ее со вчерашнего утра. Может, ты... Может, она куда-нибудь задевалась? Завалилась опять? Может, в ящике твоего стола?

— Аврил, я на острове Лантау, в автобусе. Отсюда не видно моего стола.

Сквозь толщу пиджаков, галстуков, тел, ушей, которые притворяются, что не слушают, до меня доносится смешок. Хихикает, идиот. А может, кто-то просто чихнул.

Аврил — это экспериментальный образец ходячего здравого смысла: чувство юмора отсутствует напрочь. Надо ей дать прозвище Спок^[32].

— Я не всегда улавливаю, Нил, что ты хочешь сказать. Я понимаю, что тебе сейчас не видно твоего стола. Прекрасно понимаю. На всякий случай напоминаю, если ты опять забыл: Хорас Чен и Тео хотят ознакомиться с отчетом по делу Вае через пятьдесят две минуты. Уже через пятьдесят одну. Тебя нет на месте, потому что ты на острове Лантау, в автобусе. Ты появишься не раньше чем через тридцать восемь минут. Даже через сорок одну минуту, если ты не позавтракал и заскочишь за пирожками. Господин Чен всегда приходит на десять минут раньше. Значит, к тому моменту, когда ты войдешь в кабинет, упомянутый отчет должен быть полностью закончен, и это придется сделать мне. Для этого мне нужна папка с материалами по Микки Квану, вот я ее и разыскиваю.

Я вздохнул. Постарался придумать что-нибудь уничтожающее в ответ, но силы меня покинули. Простуды замучили, никак не отвяжутся. Надо с ними что-то делать.

— Ты все правильно говоришь, Аврил. Но честно, искренно, клятвенно, дико заверяю, что не знаю, где эта папка.

Автобус виляет туда-сюда. За окном промелькнули теннисные корты, международная школа, берег залива. Рыбацкая джонка в тепловатой белесой азиатской воде.

— Нил, у тебя ведь сохранилась копия на винчестере?

Тут я встрепенулся:

— Да, но!..

— Тогда я зайду в твой компьютер и распечатаю файл еще раз. Там же не больше двадцати страниц, да? Скажи мне свой пароль.

— Боюсь, что не могу этого сделать, Аврил.

Молчание. Аврил думает.

— Боюсь, что тебе придется, Нил.

Мне вспомнилось, как свежевали зайца — где-то я это видел. Ножом вспороли шкуру, вывернули наизнанку по всей длине, от заячьих зубов до заячьего пениса. Только что был заяц как заяц, как бы заснувший, и вот уже — вытянутая окровавленная тушка.

— Но...

— Слушай, Нил, если ты скачал картинки со шведских садистских порносайтов, это останется между нами, клянусь.

Как бы тихо я ни говорил, все равно человек десять услышат.

— Я не могу сказать тебе пароль. Это нарушение конфиденциальности.

— Нил, ты, наверное, не въезжаешь... То есть наверняка не въезжаешь. Иначе б не ушел вчера так рано домой. Мы рискуем потерять этот договор. Он стоит восемьдесят два миллиона. Голландцы и Ситибанк каждую ночь поют Вае серенады под балконом. И поют они слаще нас. Без ресурсов Микки Квана мы не сможем компенсировать потери в Бангкоке и Токио, и тогда наша песенка спета. Ну и конечно, мистер Кавендиш точно будет знать, кто виноват: я не хочу, чтоб собак вешали на меня. Ты, может, и рад будешь провести остаток жизни, заведая «Макдоналдсом» в Бирмингеме, но я хочу от жизни чуточку больше. Быстро говори пароль! В конце концов, поменяешь его, когда придешь на работу. Твоя конфиденциальность будет нарушена всего сорок девять минут! Ну, давай! Если ты не доверяешь мне, то кому ты вообще доверяешь?

Да господину Никому, вот кому я доверяю, черт возьми. Я натянул пиджак на голову и засунул телефон под мышку. Квазимодо Броуз, да и только.

— К-А-Т-И-Ф-О-Р-Б-С, — прошептал я. Главное, удержаться и не попросить ее не совать нос, куда не следует; тогда уж точно сунет. —

Теперь ты счастлива?

Нужно отдать Аврил должное, она не стала издеваться. Лучше бы стала. Неужели я докатился до того, что вызываю у людей только жалость?

— Принято. Встретимся в кабинете у Тео. Не бойся, я никого не подпущу к твоему компьютеру.

Автобус подъехал к порту. Как всегда, в бухте Дискавери турбопаром готовится к отправке. Но можно не спешить: раздался только первый гудок. Второй гудок через минуту. Третий — через две. Паром отправится через три минуты, а от автобуса до парома хватит шестидесяти секунд, если проездной в кармане. А он у всех в кармане. Времени еще целый вагон. «Тойота-лэндкрузер» за это время успеет подъехать. Двери автобуса с шипением открываются, и толпа вываливается наружу. Пассажиры выпрыгивают один за другим, автобус покачивается в такт.

Может, *она* здесь, рядом? Касается моей руки? Почему я всегда думаю, что *она* весь день сидит дома? Гораздо логичнее предположить, что *она* гуляет, бродит по окрестностям. *Она* же не любит одиночества.

Прекрати, Нил. Это твоя квартира, твой «домашний очаг». Ты возвращаешься туда, потому что тебе больше негде жить. Не тащи *ее* за собой на остров Гонконг. Может, *она* не может передвигаться по воде. Вот именно, китайцы придерживаются такого мнения. *Они* не умеют летать по воздуху — поэтому в святых местах видны следы. И передвигаться по воде тоже не могут. А вдруг могут?

Двадцать шагов до билетного контроля. Надеюсь, утренний кризис идет на убыль. Настоящий криминал надежно упрятан среди многочисленных файлов на моем жестком диске, и вероятность, что Аврил случайно наткнется на него, очень мала, а искать у нее времени нет. Да и мотивов тоже. К тому же она слишком тупа. По мере того как приходно-расходные операции по счету 1390931 становятся все запутаннее, мои меры предосторожности становятся все изощреннее, а вранье все менее правдоподобным, так что один прокол потянет за собой другой. Правда заключается в том, что подпевалы Денхольма Кавендиша не желают знать правды, которую может унюхать даже человек, чьи умственные способности подпорчены Итоном. Не волнуйся, Нил. Аврил просто распечатает свой бесценный файл, и все. Гилан заварит кофе, густой, как битум, — хоть трещины в асфальте заделывай. Я навешаю Тео на уши лапшу про чересчур рьяных аудиторов, и, как все начальники, он с важным видом задаст несколько примитивнейших вопросов. Затем Тео навешает службе аудита лапшу про капиталы, размещенные в японских банках, в двойных хедж-фондах. Они наступят Джиму Хершу. Тот навешает лапшу

хозяину Ллуэллина — дескать, холдинговая компания «Кавендиш» невинна, как овечка, и грязные слухи, которые распространяются — будем откровенны, старина, этими китайцами, — лишены всяких оснований, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, под чью дудку сейчас пляшет Гонконгская народная полиция, не так ли, дружище? И скоро мы получим наши шестизначные премии, из которых пятизначная сумма уже потрачена, а оставшееся в течение ближайших восемнадцати месяцев материализуется в виде автомобилей, вещей, развлечений. Ты снова сделал это, Нил. Прошел по краю. Девять жизней? Скорее, на хер, девятьсот девяносто девять.

Все в порядке, Нил. Второй гудок. Остается 60 секунд.

Нил, почему же ты не садишься на паром?

Такое чувство, будто вот-вот стошнит, и начинаешь перебирать в уме — что съел.

Но я вообще ничего не ел.

В чем же дело? Может, *она* принуждает меня остаться? Удерживает за руку?

Нет. *Она* здесь ни при чем. Я прекрасно чувствую, когда *она* рядом. Сейчас *ее* здесь нет. К тому же *она* меня ни к чему не может принуждать. Решаю я. Я хозяин положения. Таковы правила игры.

И вообще, есть кое-что поважнее, чем *она*.

Вчера вечером мы с Аврил готовили отчет для господина Вае, магната-судовладельца. От чертова компьютера у меня болели глаза, живот сводило от голода — один сэндвич за весь день. Около полуночи у меня начала кружиться голова. Я вышел в кафе, что через дорогу от башни «Кавендиш», и заказал самые большие дерьмобургеры, какие они только делают, целых две штуки, и положил в кофе десять кусков сахара. Я смаковал каждый глоток, и моя кровь затрубила, как архангел Гавриил, когда сахар проник в нее. Что-то сверхъестественное.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Кругом, куда ни кинь взгляд, зажигались и гасли неоновые буквы. Играла музыка, старый хит Лайонела Ричи про слепую девочку^[33]. Очень жалостливый. Когда-то я расстался с невинностью под аккомпанемент этой песни, задыхаясь под грудой курток, на вечеринке у приятеля в Телфорде. Не понимаю, какого черта я делал в Телфорде. Не понимаю, какого черта вообще делают в Телфорде.

Тут вошел этот парнишка со своей девушкой. Он заказал гамбургер и колу, она — ванильный коктейль. Он взял поднос, поискал свободный столик — их не было — и встретился взглядом со мной. Он подошел и на

плохом английском спросил, нельзя ли подсесть ко мне. Он не был китайцем. Китаёзы скорее умрут, чем сядут за один столик с нашим братом. Или плюхнутся, не спросив разрешения, словно ты пустое место. Одно из двух. Я кивнул, стряхнув пепел с сигареты. Он очень вежливо поблагодарил меня по-английски. «Супасибо барисоё», — сказал он.

Девушка точно была китайкой, готов поклясться, но разговаривали они по-японски. У парня был футляр с саксофоном и маленький рюкзак, на котором еще болталась бирка авиакомпании. Они, похоже, едва-едва школу закончили. Ему не помешало бы как следует выспаться. Они не обнимались и не лизались, как принято у китайской молодежи в наши дни. Просто держали друг друга за руку через столик. Я, конечно, не понимал, о чем они говорят, но, по-моему, они строили планы на будущее. У них был такой счастливый вид. И воздух между ними так раскалился, что я подумал — они еще не спали друг с другом. Не было этой ленцы, выражения самоуверенной собственности, которое появляется после первых нескольких раз.

Если бы в этот момент из заляпанной бутылки с кетчупом вылез Мефистофель и сказал: «Нил, если я превращу тебя в этого парнишку, согласишься отдать душу дьяволу на веки веков?» — я бы ответил, не задумываясь: «Забирай, на хер, скорее». Японский он там парнишка или нет.

Я посмотрел на свой «ролекс»: четверть первого ночи. Что за жизнь.

Я ошибся насчет неба. Оно не белесое, нет. Если присмотреться — скорее цвета слоновой кости. А над вершинами гор, жемчужными от солнца, видно сияние.

И море не пустое. Там, вдали возвышаются острова. На горизонте, справа.

Как четыре росчерка кисти на новом свитке, который висит в комнате госпожи Фэн, четырьмя этажами выше нас.

Так-так. Нил, позволь напомнить тебе кое-что. На твоей кредитной карте значится сумма, которой позавидовал бы сам Билл Гейтс. Твой развод будет стоить тебе почти всех денег, которые ты считаешь своими. Юристы, замазанные в таких делишках, как ты, никогда не опаздывают на встречи с господином Вае. Тайваньские магнаты-судовладельцы завтракают с политиками столь влиятельными, что по мановению их руки небоскребы могут тронуться с места.

Десять секунд до третьего гудка! Размышляй над своими жизненными проблемами во время обеденного перерыва — ха, когда это у меня в

последний раз был обеденный перерыв, — не важно, когда угодно, но только не сейчас. А сейчас немедленно, сию секунду, прыгай на этот чертов паром. Больше повторять не буду.

От магазина галопом бежит человек. Энди Как-его-там. Помню его в лицо с тех времен, когда посещал поло-клуб на острове Лантау. На этом чертовом острове не найдешь ни одного чертова пони. Галстук от Ральфа Лорена развевается на ветру, как змея, шнурки на ботинках развязались. Да, Энди Как-тебя-там, ты должен сейчас в оба смотреть под ноги — того и гляди свалишься и лоб разобьешь, а Джилл слетит с горки^[34].

— Задержите паром! Погодите!

Ба! Прямо Лоуренс Оливье^[35], а не Энди Как-его-там.

Неужели вот так и она смотрит на меня? Равнодушно, с примесью насмешки?

Китаец-дежурный возле турникета — наверное, сводный кузен брата-близнеца водителя автобуса — нажимает на кнопку и запирает турникет. Энди Как-его-там завершает свой полет, хватается за преграду и, с трудом удержавшись, чтобы не завить, как обезумевший арестант за решеткой, умоляет:

— Пожалуйста!

Китаец-дежурный едва заметно кивает на табло «Паром отбывает».

— Пожалуйста, пропустите меня!

Дежурный качает головой и уходит в свою будку пить кофе.

Энди Как-его-там тихо мычит, нашаривает в кармане мобильный телефон, роняет его. Поднимает и, удаляясь прочь, разговаривает с неким Ларри, что-то сочиняет на ходу, притворно смеется.

Паром отчаливает от пристани, расстояние от берега до него быстро увеличивается.

Иногда я перестаю тебя понимать, Нил.

*

Кати настояла на том, чтобы я не провожал ее в аэропорт. Ее самолет улетал днем в одну из самых сумасшедших пятниц. От моего рабочего стола осталось узкое ущелье между двумя готовыми вот-вот рухнуть горами срочных контрактов. Поэтому в тот день мы пораньше выехали из дома и позавтракали в кафе на пристани у парома. Да, в том самом кафе, вон там. Где сейчас у окна сидит Энди Как-его-там — он поставил на столик ноутбук и стучит по клавишам с таким остервенением, будто пытается успеть предотвратить ядерную войну. Надо же, он и не подозревает, что сидит за тем самым столиком, за которым мы с Кати

прощались навсегда.

Прощались навсегда — как звучит. На самом-то деле прощание Нила Броуза и Кати Форбс мало походило на высокую драму. Нам нечего было сказать, а может, слишком много нужно было сказать друг другу, но после стольких ночей молчанки вдруг оказалось, что наше время истекло. Я плохо помню, о чем мы говорили. Кажется, о планировке аэропортов, о том, чтобы не забывал поливать растения, о том, что Кати скоро снова увидит Лондон. Было такое ощущение, словно мы познакомились накануне вечером, провели ночь в отеле и впервые проснулись рядом друг с другом. На самом деле мы не занимались сексом уже пять месяцев, а не с тех пор, как все стало ясным.

Черт подери, это было ужасно. Кати уходила от меня.

Гораздо лучше я помню, о чем мы не говорили. Мы не говорили о госпоже Фэн. Мы не говорили о *ней*. Мы не говорили о том, по чьей вине — черт, неужели, страдая бесплодием, люди за тысячи лет не придумали лучшего слова, чем «вина», — у нас ничего не получается. Кати всегда отличалась добротой. О возможности лечения, клиниках, усыновлении, обо всех этих полумерах мы не говорили вообще никогда — нас они не устраивали. Если сама природа, будь она проклята, не хочет сделать свое дело, значит, не нам ее подменять, черт подери. Мы не говорили о разводе, потому что он нависал над нами, как эта гора. И о любви мы не говорили. Вот что досаднее всего. Я ждал, что Кати заговорит первая. Она, наверное, ждала, что я. А может, просто наше время истекло и эти слова перешли по наследству к романтичным несмышленишкам, родившимся лет на семь-восемь позже нас. К парнишкам вроде того, которого я видел вчера в кафе. Теперь любовь существует для них. Не для нас, старых перечников за тридцать. Забыть о любви.

Раздался гудок парома. Я стоял на мостовой, как раз на этой розовой плите, где стою сейчас. Я хорошо запомнил ее — хожу мимо каждый день. Я подумал, что на прощание надо бы ее обнять. Может, даже поцеловать.

— Тебе пора на паром, — сказала она.

Ну что ж, раз ей так угодно.

— До свидания, — ответил я. — Приятно было побыть твоим мужем.

В тот же миг я пожалел о сказанном. И до сих пор жалею. Эти слова прозвучали как эффектный удар напоследок. Она повернулась и пошла прочь. Я иногда думаю — если бы догнал ее, что тогда? Жизнь началась бы заново или я получил бы затрещину? Теперь я этого не узнаю. Послушный зову гудка, я пошел на паром. К стыду своему, я не оглянулся, когда паром отчалил, поэтому не знаю, махала ли она вслед. Зная характер

Кати, думаю, что вряд ли. Как бы то ни было, через сорок пять секунд я уже забыл про нее. Все мое внимание приковали десять строк мелким шрифтом на пятой странице «Саут Чайна бизнес ньюс». Новый американо-британо-китайский следственный орган под названием «Инспекция по перемещению капиталов» произвел обыски в офисах торговой компании «Шелковый путь». Эта компания неизвестна в широких кругах, но мне-то она известна очень хорошо. Я, лично я, следуя полученным инструкциям, перевел на счет компании «Шелковый путь» 115 миллионов долларов со счета 1390931 не далее как в прошлую пятницу.

Черт подери...

Вокруг ни души.

Дорога от пристани до припортовой деревни проходит мимо поло-клуба. Флаги над ним сегодня уныло повисли. За клубом дорога превращается в тропинку. Тропинка обрывается у пляжа — впадает в дорожку, которая вьется вдоль берега. Я никогда не ходил этим путем, поэтому понятия не имею, куда он приведет. Рыбак натруженными руками вытягивает сеть, он оборачивается, и наши взгляды на секунду скрещиваются. Подписывая договора краткосрочного найма жилья, я совсем забыл, что есть люди, которые живут на этом чертовом острове всю жизнь, от рождения и до смерти.

По выходным отец брал меня с собой на рыбалку. На мрачноватое озеро, затерянное в Сноудонии. Папа работал электриком. Это настоящая работа, честный труд. Ты прокладываешь проводку, устанавливаешь людям распределительные щитки, чтобы у них был свет, делаешь настоящий ремонт вместо их самодельного тяп-ляп, чтобы они не спалили свои дома. Папа — ходячий кладезь расхожей мудрости. «Дай человеку рыбу, Нил, и ты накормишь его на один день. Научи его ловить рыбу — и ты накормишь его на всю жизнь». Мы сидели на берегу озера, когда я сказал ему, что собираюсь в Политехнический, изучать финансы. Он кивнул, сказал: «Со временем можно будет получить хорошую работу в банке» — и отвел взгляд. Наверное, тогда я и ступил на этот путь, который привел меня сюда. Последний раз мы с отцом ездили на рыбалку в тот день, когда я сообщил ему, что получил назначение в гонконгский филиал компании Кавендиша. С жалованьем втрое больше, чем у моего бывшего школьного директора. «Здорово, Нил, — сказал отец, — Мама лопнет от гордости». Я ждал от него более бурной реакции. Он к тому времени постарел, вышел на пенсию.

Честно говоря, рыбачить мне было скучно. Лучше бы посмотрел

футбик по ящику. Но мама настаивала, чтобы я ездил с отцом, и теперь я рад, что слушался ее. Даже сейчас при слове «Уэльс» чувствую во рту вкус сэндвичей с тунцом и яйцом, некрепкого чая с молоком и вижу отца, как он пристально вглядывается в темную воду озера, окруженного холодными горами.

В *ее* появлении было что-то общее с жужжанием холодильника. Когда ты осознаешь этот звук, оказывается, что исподволь успел к нему привыкнуть. Я не припомню, как долго, возвращаясь домой, мы обнаруживали, что шкафы распахнуты, кондиционер включен, а занавески раздернуты. Мы с Кати жили вместе и потому не особо задумывались. Кати приписывала все эти действия мне, а я — Кати. *Ее* появление не сопровождалось драматическими киношными эффектами. В комнате ничего не клубилось, тени не мелькали, на экране компьютера не появлялись напечатанные невидимой рукой послания, и магнитные буквы на холодильнике не складывались сами собой в слова. Ничего такого, как в «Полтергейсте» или «Экзорцисте». Скорее похоже на болезнь, которая развивается так постепенно, что ее невозможно заметить, пока она не достигнет летальной стадии. Так, пустяки: вещи обнаруживались черт знает где. Банка с медом в платяном шкафу. Книги — в посудомоечной машине. Все в этом роде. Ну и конечно, ключи. Ключи особенно. У *нее* просто страсть к ключам. Нет, *она* не из тех гостей, которые нагло заваливаются в дом среди бела дня. Мы с Кати сперва шутили: «Ха, опять призрак заходил».

Мне кажется, в конечном итоге именно *она* серьезно повлияла на нашу судьбу — нас троих. И дело тут не в разбитых вазах.

Я прекрасно помню тот день, когда жужжание переросло в отчетливый гул. Это случилось прошлой осенью, воскресным утром. Я остался дома, а Кати отправилась за покупками. Я валялся на диване, один глаз — в газету, другой — в телевизор. Показывали третий «Крепкий орешек», дублированный на кантонском диалекте. Я заметил, что на ковре у дивана играет маленькая девочка: лежит на животе и дрыгает ногами, как будто плывет.

У меня не было никаких сомнений в ее присутствии. И вместе с тем я был совершенно уверен, что никаких маленьких девочек в доме находиться не может.

Вывод напрашивался сам собой.

От страха волосы зашевелились у меня на голове, словно подул ветерок.

— Хорошо бы сюда еще несколько агентов ФБР, — сказал болван депутат, который не верил в возможности Брюса Уиллиса.

Рассудок вернулся, предъявил удостоверение. Он приказал вести себя так, словно ничего предосудительного не происходит. А что мне оставалось делать? С воплями броситься вон из квартиры — куда? Все равно рано или поздно придется вернуться. К тому же Кати надо побереечь. Не докладывать же ей, что мы с утра до вечера, с вечера до утра живем под наблюдением призрака. И вообще, стоит опустить подъемный мост — и мало ли кто еще придет по нему? Я заставил себя снова уткнуться в газету и сделал вид, что читаю статью, пусть она хоть на монгольском языке.

Рассудок заковал Страх в наручники, но это не мешало Страху орать во всю глотку: «В твоей квартире поселился призрак, черт возьми! Призрак, ты слышишь, кретин?»

Она по-прежнему плавала на ковре. Только перевернулась на спину.

Нужно отложить газету. Итак, если *она* здесь, значит, я сошел с ума? Или я сошел с ума, если *ее* здесь нет?

Что я мог сказать о *ней*?

Только то, что *она* не причиняет мне зла.

Я свернул газету и прямо посмотрел туда, где, по моему мнению, была *она*.

Никого. И ничего.

«Ну, что я говорил!» — сказал, ухмыляясь, Рассудок.

«Нил, — сказал Нил. — Ты сходишь с ума».

Я решительно направился на кухню.

За спиной раздалось хихиканье.

«Мудак», — сказал Страх Рассудку.

Щелкнул замок, звякнули об пол ключи — Кати уронила связку. Я вышел в коридор. Кати наклонилась за ключами, поэтому, слава богу, не видела выражения моего лица.

— Уф! — разогнулась она с улыбкой.

— Добро пожаловать! — приветствовал я ее. — Что это у тебя? Шампанское?

— Шампанское, омары и баранина, мой охотник-добытчик. А ты спал, да? Тебя пошатывает.

— А... да. Задремал. Неужели я опять забыл про твой день рождения?

— Нет.

— В чем же дело?

— Я как следует накормлю тебя, чтобы у тебя было игривое настроение и много спермы. Я хочу ребенка. А как ты?

А я как Кати.

Я очутился в каком-то грязном дворе, окруженном покосившимися домишками рыбаков. Здесь дорожка разветвляется на множество тропок. Черный пес пристально смотрит на меня единственным глазом, оценивая, что я за птица. Лучше бы он сидел на цепи. А вдруг он бешеный? Из-за кочана капусты размером с шалаш выглядывает женщина. Она спрашивает:

— Ищете дорогу к большому Будде?

Я посмотрел на себя со стороны, ее глазами. Во двор забрел черт-иностранец. Ноги по щиколотку в грязи, ботинки из Пенсильвании, шелковый галстук из Милана, кейс набит всякими японскими и американскими штучками, которые стоят больше денег, чем она видела за три года. Что она должна подумать?

— Да, — киваю я.

Она машет тупорылым овощем в сторону одной из тропинок.

— Большое спасибо, — благодарю я.

Протопанная тропинка, углубляясь в лес, становится все менее проходимой. Со всех сторон надвигаются листья, ветки, сплетения корней, наросты, шипы и заросли кустарников. Какая-то неказистая, грязноватого цвета птичка поет в зелено-опаловой чаще. Сухая трава. Земля, камни, черви шевелятся у меня под ногами.

Я ни на что не обращаю внимания. Солнце начинает припекать.

Слышится рокот вертолета. А вдруг это Аврил и Гилан разыскивают меня? В шлемах, с биноклями у глаз. Потом Аврил выступит перед камерой, как репортер, собирающий информацию о дорожных пробках. Я даже рассмеялся. Шорох в подлеске. Я замер, прислушиваясь, но все затихло. Или показалось. Хотел бы я знать, на острове Лантау водятся змеи?

Тридцать один денек в сентябре,

В апреле, июне и в ноябре.

Все остальные — насрать... [36]

Насекомые, страдая от жажды, с жужжанием вьются возле моего лица — не терпится отведать моего пота.

Теперь на сцене должна появиться горничная.

Бог свидетель, что идея обзавестись прислугой пришла в голову Кати.

У меня этого и в мыслях не было, не я ее нанимал, и первые шесть месяцев — до нынешней зимы — я даже ее в глаза не видел. У меня с ней ничего не было, пока Кати не уехала в Англию. В нашей фирме есть кружок мужчин, которые нанимают прислугу с прицелом, что она будет не только выбивать пыль и отводить детей в школу. В «Кавендише» предпочитают филиппинок — они более сговорчивы, потому что у них нет гражданства. К тому же филиппинка знает: чем услужливей она будет, тем скорее хозяин, покидая Гонконг, порекомендует ее своему преемнику.

Может, Кати наслушалась разных историй, бывая в женских клубах. Поэтому, наверное, она решила взять горничную-китайку. Я очень удивился, когда Кати сказала, что ей нужна прислуга. Родители Кати имеют дипломы Кембриджа и принадлежат к верхним слоям среднего класса, но семейный бюджет у них куда ниже среднего. Они использовали старые связи и затягивали пояса потуже, чтобы отдать детей в хорошие школы. Мы познакомились с Кати в адвокатской конторе в Лондоне, отнюдь не в палате лордов.

И вот мы очутились здесь, в колонии. Прошу прощения, в бывшей колонии.

Я расстроился, когда обнаружил, что Кати подпала под влияние женского клуба. Но вынужден был согласиться, когда она заявила, что я не из тех, кто в состоянии поддерживать порядок в доме. А ей — и опять я ничего не смог возразить — будет трудно справляться одной, когда она забеременеет.

Подозреваю, дело было еще и в том, что Кати увлеклась идеей наведения межкультурных мостов и решила сделать своим хобби постижение загадочной китайской души.

Если это подозрение верно, то Кати сильно просчиталась. Хобби ничего не принесло ей, кроме огорчений, которые тут же по эстафете передавались мне, как только я переступал порог дома. Кати дарила ей подарки — она брала, не сказав ни слова в ответ. Кати жаловалась: горничная угрюма, непредсказуема и делает толстые намеки, что ее родственники умирают с голоду, а ей не хватает денег спасти их. Кати подозревала, что по ночам она подрабатывает в баре. У Кати пропали золотые серьги, хотя она и не была вполне уверена, что виновата горничная. Оглядываясь назад, я думаю: может, это дело рук нашей призрачной дочурки?

— Если ты недовольна, уволь ее, и все.

— Но ведь у нее семья голодает!

— Это не твои проблемы! Ты же не Леди Благотворительность.

— Рассуждаешь как законченный законник.

— А у тебя голова только ею и забита с утра до вечера.

— Нил, я хочу, чтобы ты поговорил с ней.

— Почему я?

— Я пыталась, но в китайской культурной традиции женщины уважают только мужчин. Только мужчин признают. Держись с ней потверже, и все. Я дам ей выходной в субботу, а в воскресенье, когда ты дома, попрошу прийти. Пожалуйста, не забудь. Ничего не намечай на воскресенье.

— А как насчет золотых сережек?

Про них не следовало вспоминать.

После того как с большим трудом наконец удалось успокоить Кати, я спросил, что, собственно, я должен сказать горничной.

— Скажи, что есть определенные требования, которые она должна выполнять. Что у нее есть обязанности. Скажи — может, она чего-то не поняла, потому что мы плохо объяснили, когда нанимали ее.

— А если она просто ленивая сучка, и все? Почему ты думаешь, что мои слова на нее подействуют?

— Ну как же, китайский менталитет! У китайцев такая психология: если им дать понять, кто хозяин, они слушаются. На меня она смотрит как на кусок собачьего дерьма. Жена Тео рассказывала, у них такие же проблемы. Даже если она не поймет слов, не беда. Все, что нужно, эти люди понимают по интонации.

Вот так в воскресенье и состоялась моя встреча с горничной. Видит бог, я этого не хотел — Кати сама свела нас.

Я предполагал увидеть уборщицу. Горничная есть горничная. Ей оказалось лет двадцать восемь — двадцать девять. Она была в униформе — белая блузка с черной юбкой, черные колготки — и слегка вспотела. Она безразлично выслушала, как я отбарабанил свой монолог, стараясь не смотреть ей в глаза. У нее были прекрасные густые волосы и смуглая кожа. Увидев ее, я уже через тридцать секунд понял: рано или поздно мы с ней окажемся в постели. И я знал, что она тоже это понимает.

С этого самого момента, даже в те ночи, когда мы с Кати занимались любовью по три раза кряду, чтобы она забеременела, я закрывал глаза и представлял, что подо мной лежит горничная.

Тропинка, огибая монастырь, резко поднимается в гору и ведет в самую сердцевину разгорающегося утра. Скоро полоса деревьев остается далеко внизу. Никогда не предполагал, что в этих краях так много неба! Я снимаю пиджак и перекидываю его через плечо. Кейс по-прежнему сжимаю в руке.

Дойдя до выступа скалы, присаживаюсь. Сердце грохочет как барабан. Взял я с собой таблетки или нет? Доктор, который лечит сотрудников компании Кавендиша, китайский шарлатан, сказал: «Принимайте по три таблетки в день, и все будет в порядке». Я спросил, что за таблетки. Он ответил: «В этой бутылочке зеленые, в этой — красные, а в этой — синие». Простите, доктор. Сегодня прием ваших таблеток отменяется.

На небе — сплошная алхимия. Солнце растопило свинцовую серость и превратило ее в серебро. Сквозь серебро постепенно начинает просвечивать голубизна. Хороший будет денек.

Поросшая бурым плюшем глыба подняла голову, посмотрела на меня с сочувствием и замычала. Когда в последний раз я был рядом с коровой, если не считать отбивной? Не помню. Давным-давно, в Уэльсе. Гонконг поблескивает вдали сквозь дымку. Небоскребы тянутся кверху, тесня друг друга, как деревья в джунглях.

Зазвонил мобильный, и меня как током тряхнуло.

Черт, что же я натворил. Боже, помоги мне проснуться, очнуться, вернуться на землю!

Корова опять печально замычала. Да в бога душу мать! Я адвокат. Я живу в мире, где «тринадцать» означает только одно — «тринадцать миллионов баксов». А я прогуливаю работу, как школьник контрольную по математике. Эти тайваньцы! Думай! Какая причина покажется им достаточно веской, что можно привести в свое оправдание? Похищение? Сердечный приступ? Аврил знает, что я принимаю лекарства от сердца. Припадок? Думай, думай! Сильный, невыносимый, мучительный приступ тошноты. А как я объясню, почему не сел на паром? И вообще, придется платить доктору, выписывать рецепт, искать внушающих доверие свидетелей...

Отвечай! Отвечай же!

Включаю телефон и отвечаю, э...

Похоже, Нил, на этот раз ты решил довести дело до настоящего кризиса.

Э... Не слышу ничего, кроме ударов сердца, — словно близкие разрывы гранат.

— Нил? Нил? — доносится из трубки. Аврил, конечно. — Нил, где ты?

Большая муха села мне на колено. Готичный три-цикл. Я снова расслабился.

— Нил! Ты слышишь меня? Чен Юн здесь. Он предельно вежлив, но совершенно не понимает, что могло тебя так сильно задержать. И я тоже не понимаю. И Джим Херш вряд ли поймет. Если Чен Юн недостаточно

важная персона, чтобы ты поспешил, то имей в виду, из Петербурга тебе уже дважды звонил господин Грегорский, и сейчас даже не девять.

Я смотрю на свой «ролекс». Боже, как время пролетело. Корова нахмурилась, донесся запах ее свежей лепешки.

— Я знаю, что ты там, Нил. Я слышу, как ты дышишь. Сейчас тебя может спасти только одно — если твой паром перевернулся. Нил, ты слышишь меня, Нил? Если ты не в состоянии говорить, хлопни два раза по телефону, хорошо?

Ага! К ее хамскому тону примешивается нотка сомнения. Я хихикаю. Умница Аврил всегда найдет выход. Она далеко пойдет, наша Аврил.

— Нил! Ничего смешного! Ты срываешь крупнейший контракт, который нам когда-либо светил! О котором можно было только мечтать! Я вынуждена сообщить господину Кавендишу. Ты ведь не рассчитываешь, что я буду тебя покрывать?

Да заткнись ты уже, достала. Нажимаю «отбой» и кладу телефон на теплый камень.

В небе кружит гриф и проплывает облако в форме наковальни.

Их появление невозможно заметить. Они таятся в укромных уголках, куда никто не заглядывает, чтобы смахнуть пыль. Они разрастаются до невероятных размеров, а ты не подозреваешь о них — ни во сне, ни наяву. А потом в один прекрасный день происходит случайная встреча! И твои тайные желания вырываются на свободу. Вот о чем ты все время мечтал, сам того не зная. Один беглый взгляд — и все заградительные сооружения рушатся...

Аврил добралась до моего пейджера. Это черт знает что такое, оказывается, я до зубов вооружен всякой хренью, по которой меня можно достать. Разоружаюсь, как Джон Уэйн^[37] после того, как перестрелял легион гнилозубых мексиканских бандитов. Открываю кейс. О-па! А вот и папка с надписью «Микки Кван»! И еще визитная карточка Хью Ллуэллина. Бросаю пейджер и мобильный телефон в кейс. Распрямляюсь, как следует размахиваюсь и запускаю кейс в полет. Он описывает изящную параболу. До меня доносится жалобный писк — пейджер мяукает, как дорогой породистый котенок. Кейс падает на крутой склон и скользит вниз, подпрыгивая и кувыркаясь в воздухе, выписывая кульбиты, разгоняясь до убийственной скорости, как горная львица, как сорвавшийся акробат, как лемминг, как Хрюша из «Повелителя мух»^[38], на мгновение зависает в лучах утреннего солнца, словно невесомый.

В следующее мгновение он с шумом плюхается в море...

*

Видимо, Кати перед отъездом забыла уволить горничную.

Через неделю после того, как Кати улетела, я вернулся с работы поздно вечером и обнаружил, что грязное белье выстирано, туалет и ванная надраены, окна сияют. Она даже погладила рубашки, благослови бог ее маленькие китайские грудки с сосочками, как ягоды кизила.

Конечно, я решил не отказываться от ее услуг. А то вечно приходится записывать в календарь-памятку все дела, вплоть до посещения туалета. Серьезно.

Горничная сразу сообразила, что Кати уехала.

Она пришла в воскресенье утром. Я лежал на диване и смотрел «Улицу Сезам». Я услышал, как повернулся ключ в замке. Она вошла в гостиную, будто хозяйка. Фартучка на ней не было.

Она прикрыла за собой дверь, подошла ко мне, словно я неодушевленный предмет, опустилась на колени, сжала мой член в руке и стала его массировать. Зелибоба пел песенку про то, как звук «а» на письме

волшебнo превращается в букву «о». Я попытался поцеловать ее, но она оттолкнула меня свободной рукой, а второй рукой орудовала все энергичнее. Задрала мне футболку. Брюки стянула ногой. Спортивная девушка. Не выпуская мой член из руки, она повела меня, как быка на веревочке, в спальню, и уложила на постель, с той стороны, где спала Кати. Потом сбросила трусики и придавила мне коленом грудь. Я потянулся расстегнуть ей блузку, но она предостерегающе зацокала языком — «тсс, тсс», шлепнула меня, вонзила когти мне в мошонку и не убирала их, пока я не попросил пощады. Только тогда она заговорила — в первый и, кажется, в последний раз.

— Скажи: я хочу тебя, я не хочу суку Кати.

— Да, да.

— Скажи!

— Я хочу тебя.

— Дальше скажи. Кати сука. Кати дрянь. Не женщина. Настоящая женщина ты. Скажи.

У меня язык не поворачивался.

Не выпуская моих захваченных в заложники яиц, она одной рукой стянула с себя блузку и расстегнула лифчик. В соседней комнате раздалось хихиканье. Соски у нее поднялись и потемнели — что-то сказочное.

— Ну?

— Она сука. Дрянь. Ты настоящая женщина.

— Дать мне много денег. Ее вещи. Мне подарок.

— Она почти все увезла.

— Нет. Много есть. Теперь я. Все мое. Скажи.

Ее ладонь быстрее и быстрее скользила по моему члену.

— Теперь все твое, — выдохнул я.

Она положила мою руку себе на грудь.

— Скажи: ты сильнее я.

— Ты сильнее меня.

Покончив с формальностями и утвердив условия договора, она легла на меня, ее грудь коснулась моей груди. У меня мелькнула мысль о мерах предосторожности, но в следующую секунду я забыл обо всем. Только ритмичные волны влажного тепла. Глубже и глубже. Быстрее и быстрее.

Я хотел поменяться с ней местами, но она укусила меня, отпихнула локтем и снова залезла наверх.

А потом жужжание вентилятора над нашими телами. Ничего не осталось от горячего прилива — только запах и пена отлива. Я чувствовал... Не знаю что. Может, ничего. Слушал финальные аккорды

«Улицы Сезам».

Она встала с кровати и присела к туалетному столику Кати. Открыла ящик, достала ее коралловое ожерелье. И надела на шею. Более тонкую, чем у Кати.

Я снова хотел ее. Все равно платить придется по полной. Не только деньгами. Нужно не продешевить и взять свое. Я подошел и взял ее сзади, на туалетном столике. Разбив нечаянно зеркало.

Секс с горничной превратился в наркотик. Один раз попробовал — и зависимость становилась все сильнее. Я думал о ней на работе. Когда я возвращался домой, мой член вставал, едва ключ касался замочной скважины. Если уже в прихожей чувствовался запах духов Кати — значит, она пришла. Если нет... приходилось довольствоваться виски. В офисе Хьюго Хэмиш и Тео решили, что я страдаю от разлуки с Кати, уговаривали после работы сходить в «Бешеных псов», пропустить по стаканчику. Чтобы развеяться. По правде сказать, воспоминания о Кати не особо терзали меня. В моей памяти они в другой кабинке, и, пока не понадобятся, случайно я на них не напорюсь. Горничная — другое дело. Мысли о ней меня преследуют неотвязно.

Как-то раз я вернулся домой и увидел в прихожей тапочки госпожи Фэн. Я понял, что к нам пришла беда. Госпожа Фэн и Кати сидели за столом в гостиной. Они вели разговор об обличьях дьявола. Окончательный приговор Нилу Броузу был только что вынесен.

— Нил, — произнесла Кати директорским тоном: она всегда прибегает к нему, когда сильно волнуется, но хочет показать, что полностью владеет собой. — Госпожа Фэн рассказывает мне о нашей гостье. Сядь, послушай.

Мне хотелось пива. Хотелось в душ. Хотелось бифштекса с жареной картошкой и посмотреть матч «Манчестер юнайтед» — «Ливерпуль» по кабельному.

— Выслушай госпожу Фэн! Это очень важно! Сядь!

Раньше сядешь — раньше выйдешь. Я вздохнул.

Госпожа Фэн терпеливо ждала, пока я усядусь и перестану ерзать.

Она смотрела на меня так пристально, словно проводила опознание моей личности. Я почувствовал себя подозреваемым.

— В этой квартире живете не только вы, — изрекла госпожа Фэн.

— Знаю.

— Еще маленькая девочка. Сейчас она прячется. Боится меня.

Ничего удивительного, подумал я. Глаза у госпожи Фэн прямо как стеклянные двери. Когда она моргает, я отчетливо слышу, как скрипят

створки.

— Есть три варианта. Первый. Давным-давно нежеланных детей привозили ночью на остров Лантау и бросали тут умирать от холода и голода среди диких зверей. Может, ваша девочка из этих. Но вряд ли — эти, древние, не любят селиться в современных домах. Второй вариант. Когда японцы во время войны оккупировали Гонконг, они вывозили сюда арестованных и заставляли рыть себе могилы. А потом расстреливали на краю. Может, девочка украла какую-нибудь ерунду, и ее расстреляли. Третий вариант. Девочка — дочь белого специалиста, который тут жил, и горничной. Мужчина уехал, а горничная бросила девочку возле дома.

— Любящая мать, — вставил я.

— Нил, помолчи!

— Мальчик — это, конечно, бесчестье. Но девочка — еще хуже. С девочками часто так поступают, если родители бедны. Даже когда оба они китайцы и состоят в законном браке. В будущем расходы на приданое могут совершенно разорить родителей. Думаю, ваша девочка из них.

Почему они в четыре глаза смотрят на меня? Чем я провинился?

— Тут есть один нюанс, — сказала Кати. — Госпожа Фэн сказала, что такая девочка может привязаться к мужчине. То есть к тебе.

— Ты хоть соображаешь, что говоришь?

— Госпожа Фэн говорит, что девочка ревнует тебя ко мне. Видит во мне соперницу. Я не смогу забеременеть, пока мы живем в этой квартире. Нам нужно уехать с острова Лантау. Передвигаться по воде они не умеют.

— Мне кажется, доктор Чен несколько правдоподобнее объясняет, почему чета Броуз-Форбс никак не может обзавестись наследником.

Черт, не стоило это говорить.

— Значит, по-твоему, это все плод моего воображения?

— Нет. В доме, пожалуй, и правда кто-то завелся. Но космические цены на жилье в районе Виктории — более осязаемая реальность. Когда речь идет о деньгах, китайцы сразу забывают про свой хваленый фэн-шуй. Так что, Кати, выбрось это из головы. Переезд туда нам не по карману. А о том, чтобы перебраться в Коулун, где обитает всякий сброд и рулят триады, и речи быть не может. Родишь там ребенка, а его нарубят на кусочки и насушат из них лекарств.

Госпожа Фэн молча наблюдала эту сцену. Готов поклясться, не без удовольствия.

— Госпожа Фэн, — обратился я к ней. — Вы знаете все на свете. Скажите, что нам делать? Вызвать экзорциста?

Мой сарказм пропал зря. Госпожа Фэн кивнула в ответ:

— В рядовом случае — да, конечно, я могла бы порекомендовать квалифицированного геоманта. Но ваша квартира так плоха, что ничего, я уверена, не поможет. Вам нужно переехать.

— Мы не переедем. Мы не можем переехать.

Госпожа Фэн встала из-за стола:

— В таком случае позвольте попрощаться.

Кати тоже поднялась и пробормотала что-то вроде «прошу вас, останьтесь, выпьем чайку», но госпожа Фэн уже направлялась к выходу.

— Остерегайтесь того, что за стеной, — бросила она на ходу, не оборачиваясь.

Я размышлял над тем, что значат ее слова. Кати ушла в комнату для гостей и захлопнула за собой дверь. Щелкнул замок.

Сумасшедший дом, просто сумасшедший дом. Я достал банку пива и лег на диван. Готовить ужин не было сил. Спасибо тебе, Кати. За целый день не удосужилась сварить обед. Видимо, занималась привидением.

Никогда не думал, что в этой чертовой квартире столько замков и запоров.

Мальчик с девочкой в кафе вчера вечером. Не выходят из головы.

Мы с Кати. Куда подевалась Любовь?

А Любовь занялась сексом. Раз за разом, раз за разом, пока это ей не наскучило до зеленых чертиков. Seriously. Тогда она осмотрелась вокруг: чем бы еще заняться. И тут увидела, что у всех старых добрых друзей народились славные ребяташки. Любовь решила последовать их примеру, но, как она ни старалась оплодотворить себя, месячные неуклонно приходили в свой срок. И тогда Любовь обратилась в клинику по лечению бесплодия, и там ей открыли правду. Насколько я могу судить, труп Любви и поныне там. Вот вам, мальчики и девочки, история про то, куда девается Любовь.

Я хочу вернуться в кафе и сказать им: «Послушайте меня! Вы больны, оба. Вы все видите в искаженном свете».

Да кто ты такой, Нил, чтобы ставить людям диагнозы?

В тот же вечер позвонила Кати. Едва горничная успела уйти. Не прошло и двух минут. Я, весь потный, шел в ванную принять душ. Как это женщины умудряются даже на расстоянии учуять такие вещи? Совершенно пьяная, она обращалась к автоответчику. Я стоял в гостинной голый и слушал, вдыхая запах секса, который витал в воздухе после того, как я не знаю сколько раз трахался с горничной, которую Кати ненавидела.

— Нил, я знаю, что ты дома. У нас пять часов. А у вас там сколько? Одиннадцать, что ли?

Я понятия не имел, который час.

— А я тут смотрю по телику, как наших разделявают в Уимблдоне. Вот... И вообще. Чего я хотела сказать? Забыла. У меня все в порядке, спасибо, а ты как поживаешь? А у меня все в порядке. Вот. Ищу квартиру... Почти нашла. Подписываю договор. Вот. Через неделю переезжаю в Ислингтон, в маленькую такую квартирку. Трубы там, правда, очень гудят. Зато нет привидений. Прости. Это не смешно. Аудиторствую в одном агентстве, временная работа. Так, чтобы набить руку. А Вернвуд переехал на Уолл-стрит. На его месте уже какой-то шустряк, только-только из экономической школы. Вот... Слушай, может, ты перешлешь как-нибудь мне кресло королевы Анны? Оно кой-чего стоит... На прошлой неделе говорила с твоей сестрой. Столкнулись с ней совершенно случайно... Забавно, правда? Она говорит, ты продлил контракт еще на восемнадцать месяцев... А ты не собираешься прилететь на Рождество? Может, встретимся? Это мне вдруг в голову пришло... Хотя... Вряд ли у тебя найдется время... Тебе столько людей нужно повидать... И вообще. Послушай, у тебя в квартире остались мои драгоценности. Мы же не хотим, чтобы горничная все сперла и сбежала в Китай, правда? Вряд ли она вернет ключи, которые украла... Поэтому тебе лучше поскорее поменять замок. Вот... А у меня все в порядке. Надо только немного отдохнуть. Да... Без малого сорок лет — не шутки. Вот... Может, позвонишь, когда вернешься? Если не очень устанешь... Я не буду спать. Хочу посмотреть парные финалы, а это еще не на один час... Ах да, вот что я хотела сказать! Твоя мама просит тебя позвонить — сестра велела передать. У отца опять эта штука, как его... панкреатит. Теперь вроде все... Пока... Звони...

Я так и не позвонил ей. А что я мог сказать?

Чья-то могила. Надгробие обращено к морю. Солнце стоит высоко и палит нещадно. Снимаю галстук, вешаю на сук. Нечего и пытаться разобрать имя того, кто покоится здесь. Самая дикая в мире система письма состоит из тысяч иероглифов. Я знаю пять: алкоголь, гора, река, любовь, выход. Иногда я думаю: эти иероглифы и есть настоящие китайцы. Живучие, они уцелели на протяжении веков, хитрые, они прячут свой смысл за внешней похожестью друг на друга, чтобы дурачить иностранцев. Устойчивые ко всяким воздействиям извне. Сам Мао не смог одолеть собственный язык и подвергнуть его реформе.

Теперь я спускаюсь по склону. Остались позади быстрые ручьи,

заросли, полные птичьего щебета, бабочки с большими, как блюдца, и полосатыми, как зебра, крыльями. Два или три раза я терял тропинку, и два или три раза она сама находила меня. Это напомнило мне, как я бродил по Национальному парку в Уэльсе. Сколько времени пройдет, пока поймешь, что везде все одинаковое. И женщины тоже.

На этот раз тропинка пропала окончательно. Нужно возвращаться, глядя под ноги, продираться через колючие заросли и густую траву. Я присел на землю и посмотрел прямо перед собой. Видно, как строят новую посадочную полосу для аэропорта на искусственном, насыпном полуострове. Ползают крошечные бульдозеры. Струйки пота текут у меня по спине, по груди, по животу, под животом. Брюки прилипли к бедрам. Стоило бы принять таблетки, но они в кейсе на дне залива.

Интересно, пошлют кого-нибудь искать меня? Мина, наверное. Сама Аврил сейчас, конечно, занята — шарит по моему жесткому диску, а Тео Фрезер стоит у нее за спиной. Как далеко они зайдут? Все эти письма из Петербурга, семи- и восьмизначные суммы переводов, куда только не...

Если вы никогда не жили под одной крышей с призраком, вам очень трудно представить, каково это. Вы, наверное, думаете, что человек круглые сутки ходит сам не свой, в страхе и напряжении, и хватается за телефон, чтобы позвонить экзорцисту. Ничего подобного. Скорее это похоже на то, будто рядом живет очень независимая кошка.

Последние несколько месяцев я жил с тремя женщинами. Одна была призраком, а сейчас стала женщиной. Другая была женщиной, а сейчас стала призраком. Третья была призраком и останется призраком. Но эта история совсем не про нее. Призрак находится в тени, где ему и полагается быть. Если призрак выходит из тени, он становится человеком.

Мы с Кати возвращались с какой-то дурацкой корпоративной вечеринки. Вместе вошли в вестибюль, я поставил на пол кейс, проверил почтовый ящик. Вынул несколько писем. В лифте надорвал конверт и тут вспомнил, что забыл кейс внизу. Когда поднялись на четырнадцатый этаж, Кати вышла, а я поехал вниз. Взяв кейс, поднялся наверх и, когда двери лифта открылись, увидел, что Кати по-прежнему стоит на площадке перед квартирой. Я сразу понял: что-то стряслось.

Кати дрожала, белая как мел.

— Дверь заперта. Изнутри. Изнутри.

Грабители? Не успели уйти?

Мы оба знали — грабители ни при чем.

Она вернулась.

Понятия не имею, как я сообразил, что делать. Я достал из кармана ключи и погромел связкой. Потом резко толкнул дверь.

Она распахнулась в темноту квартиры.

За всю ночь Кати не сказала ни слова, хотя не спала — я это чувствовал. Оглядываясь назад, думаю, что это и было началом конца.

Ну вот, я спустился по склону.

Мимо едет автобус — набит битком, как обычно. Люди глазают по сторонам. Черт подери эту их китайскую манеру в упор пялиться на тебя! Это так невежливо! Подумаешь, европеец загорает в костюме. Возвращается в будний день с прогулки в горы. Что особенного? Никогда раньше не видели, что ли?

А солнце-то, солнце! Удар как у боксера. Того и гляди отправит в нокаут. Снова пролетел вертолет, наполнил долину гудением. Давно надо было побывать в этих местах. Меня ждали, а я не сделал ни шагу навстречу. Только мотался туда-сюда, в офис и обратно на этом чертовом пароме через реку Стикс.

Интересно, а где живет горничная? В Коулуне или в каком-нибудь из новых районов? От порта до дому добирается на автобусе или ловит машину. Все приличные магазины остаются далеко позади. В подобном районе, наверное, живет и Мин. Узкие улочки. Стены зданий до пятнадцатого этажа заляпаны вывесками — грязные мастерские, стрипклубы, пункты обмена валют, ресторанчики и бог знает что еще. Вверху огрызок грязного неба. Шум, конечно, никогда не затихает. В головах у китайцев, должно быть, есть какой-то звуковой фильтр: в этой какофонии они умеют выделить только ту партию, которая их интересует. Такси, дешевые плееры, пение из храмов, спутниковое ТВ, завывания продавцов, усиленные мегафонами. Чем дальше идешь, тем сильнее становится запах грязи, мочи и дим-сума^[39]. В подъездах маячат личности, которым давно пора побриться и сменить рубашку, — предлагают наркотики. Карабкаешься вверх по лестнице (лифты в таких местах вечно не работают), там в крошечной квартирке ютится семья из семи человек. Они бранятся, смотрят телевизор, пьют. Даже не верится, что я работаю в этом же городе. Даже не верится, что в районе горы Виктория здания похожи на маленькие дворцы. Где-то там, наверное, японский парнишка сейчас восстанавливает пострадавшие от перелета биоритмы. А его девушка подает ему на серебряном подносике чай с лимоном. Или нет, скорее всего, ее горничная подает ему чай с лимоном. Интересно, как они

познакомились? Ужасно интересно.

Каждый город состоит из множества городов.

Когда я впервые прилетел в Гонконг — еще без Кати, она прилетела позже, — мне дали один день, чтобы я оправился от джетлага. Я чувствовал себя прекрасно, поэтому решил воспользоваться выходным и осмотреть город. Я куда-то заехал на трамваях, и меня охватил ужас от нищеты вокруг. Передвигаясь по подвесным дорожкам, я чувствовал себя спокойно только в окружении деловых костюмов и кейсов. В вагончике фуникулера я поднялся на вершину горы Виктория. Тут прогуливались жены богачей, няни с ребяташками, парочки подростков, разглядывающие другие парочки. С прилавков на колесиках — такие сооружения мой отец называл базарными тачками — торговали путеводителями, кокосовыми орехами, пакетиками с легкими солеными закусками, которые так обожают китайцы и индийцы. На одном лотке нашлись путеводители на английском и открытки с видами, я купил несколько. Неожиданно груда тряпья у прилавка зашевелилась и что-то протявкала по-китайски. Оттуда высунулось сморщенное грязное лицо и с омерзением уставилось на меня. Меня передернуло. Продавец рассмеялся и сказал:

— Не бойтесь, он безобидный.

Нищий захрипел и повторил свои слова, только медленнее и громче.

— Что он говорит? — обратился я к продавцу.

— Просит милостыню.

— Сколько ему нужно?

Дурацкий вопрос.

— Он просит не денег.

— А чего?

— Времени.

— Что это значит?

— Он думает, что у вас много лишнего времени, раз вы его тратите зря.

Язык стал сухой и шершавый. Хочется пить... Я выпил бутылку воды вместо завтрака и с тех пор ничего не пил. Обычно я пью кофе или виски. Старик фермер поджигает какие-то палочки. Бамбук? Похоже на фейерверк. Лиловыми завитками дым тянется через дорогу. У меня на глаза наворачиваются слезы. Я сижу под густым раскидистым деревом, веткам которого не удастся полностью скрыть небо, как словам не удастся полностью скрыть то, что стоит за ними.

Кусты одичавших красных роз разрослись вдоль стены из камня, который осыпается, превращаясь обратно в песок. Собака на привязи

зашлась в истерике, когда я подошел. Шквал оскаленных зубов и остервенелого лая. Думает, что я привидение. Матрасики, выставленные проветриваться. Звучит китайская поп-музыка, ужасная, трескучая. Двое стариков сидят неподвижно в комнате без всякой мебели. Над их чашками поднимается пар. Лица ничего не выражают. Ждут чего-то. Как хорошо было бы зайти и сесть рядом с ними. Я бы отдал им мой «ролекс». Они бы улыбнулись и налили мне жасминового чая, и нам было бы хорошо.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Неоновые буквы снова и снова посылали свои сообщения. Парнишка японец со своей девушкой незаметно исчезли, как это я прозевал, черт подери. Лайонел Ричи допел, замолчал. Второй гамбургер остыл, затвердевший жир вставал в горле комом, и я не смог доесть. Зазвучала «Богемская рапсодия»^[40] в немыслимой обработке, с текстом на кантонском. Пора возвращаться в офис, готовить отчет для господина Вае, а то Аврил разыграет страдания пресвятой мученицы в трех актах. Сейчас, последняя песенка, последняя чашка сладкого, как сироп, кофе, и я буду пай-мальчиком, вернусь на контрольную. Заиграли «битлы», «Черного дрозда»^[41]. Никогда раньше не вслушивался в эту вещь. Красота. Просто красота.

— Нил Броуз?

Голос с валлийским акцентом, незнакомый и знакомый одновременно. Парень что твой Мистер Крот, взгляд из-за стекол в роговой оправе.

— Да?

— Меня зовут Хью Ллуэллин. Мы встречались у Тео и Пенни Фрезер на новогодней вечеринке.

— А, да... Хью... Конечно, конечно.

Киваю. Я его отродясь не видывал.

— Не возражаете, если я займу кресло за вашим столиком?

— Конечно, пожалуйста. Если только этот пластиковый стул, привинченный к полу, можно назвать креслом. Простите мне мою дырявую память, Хью. Вы из какой компании?

— Раньше работал в «Жардин-Перл». Сейчас — в Инспекции по перемещению капиталов.

Черт. Ну теперь-то я вспомнил. Тогда у Тео мы поговорили о регби, затем немного о бизнесе. Потом я совершенно выбросил его из головы.

— Браконьер подался в лесники, да?

Хью Ллуэллин в вельветовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, улыбаясь, переставил тарелки с подноса на стол. Овощной бургер и

чашка с кипятком, в котором расплывался пакетик чая. Валлиец, мать его так.

— В народе еще говорят: «Чтобы поймать вора, нужно быть вором», — ответил он.

Да, мой отец часто повторял эту поговорку.

— Читал о ваших наездах на эту, как ее... Вроде «Шелковый путь», да?

— Да-да. Не передадите ли мне кетчуп, будьте любезны.

— До меня дошли кое-какие занятные слухи о том, что они отмывали деньги для крупнейших наркодельцов из Кабула. Это правда? Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу.

Хью откусил кусок овощного бургера, пожевал немного, улыбаясь, и проглотил.

— А до меня дошли кое-какие занятные слухи касательно счета один три девять ноль девять три один.

М-мать. Я чуть не сблеванул съеденный дерьмо-бургер.

— Не понимаю, о чем вы! — рассмеялся я.

Глупо, преступники всегда говорят именно эту фразу.

— Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу. — Хью, улыбаясь, подцепил вилкой чайный пакетик.

— Это что, шифр кодового замка?

— Нет. Это секретный счет холдинга «Кавендиш», к которому имеете доступ только вы.

Итак, он раскрыл карты.

— Это проверка на вшивость или у вас есть ордер на мой арест?

— Я предпочел бы, чтобы у нас с вами состоялся дружеский разговор.

— Мистер Ллуэллин, вы даже не представляете, во что впутываетесь.

— Мистер Броуз, Андрея Грегорского я знаю гораздо лучше вас. Уж поверьте. Вас подставили. На моих глазах это происходит не впервые. Как вы думаете, почему его имя нигде не фигурирует? Ни в одном документе, ни в одном файле. Так же, как и имя Денхольма Кавендиша. Потому что они к вам нежно привязаны? Исключительно вам доверяют? Для них вы просто очередной пуленепробиваемый жилет.

Много ли ему известно?

— Это самый обычный счет, предназначенный для...

— Я не хочу, чтобы вы ложью загоняли себя в угол, мистер Броуз. Я знаю, что у вас и в личной жизни сейчас сложный период. Но если вы откажетесь от сотрудничества со мной, к концу недели дело примет совсем плохой оборот. Я ваша последняя соломинка.

— Мне не нужны соломинки.

Он пожал плечами, проглотил последний кусок овощного бургера. Я даже не заметил, как он с ним расправился.

— Тогда наш дружеский разговор закончен. Вот моя визитная карточка. Очень рекомендую вам до завтра передумать. До свидания.

Хлопнула дверь. Я сидел, уставившись на свой недоеденный дерьмобургер.

Я уже вошел в башню «Кавендиш», но в вестибюле передумал. Попросил дежурного минут через пять сообщить Аврил, что я ушел домой. Двадцать минут прождал паром в порту, глядя на сияющие небоскребы у черной воды. По дороге домой обналичил в банкомате три четверти моего счета — на всякий случай, если мои кредитные карты заморозят. Автобус надо было ждать минут тридцать, поэтому прошелся пешком в прохладном сумраке.

Она поджидала меня. Кондиционер шпарил в режиме холодильника.

— Какого черта, скажи на милость! У меня куча дел!

Обиженное молчание в ответ.

— Мне нужно много чего обдумать, поняла? Я ложусь спать.

Я спрятал деньги в коробку из-под обуви и задвинул ее под туалетный столик Кати. До прихода горничной надо будет перепрятать в более надежное место. По воздействию она — наркотик, но по сути, конечно, сука и воровка.

*

Я вышел к храму. Где-то журчит вода. Оказывается — рядом фонтанчик, который сторожат два дракона. Умираю от жажды, к черту гигиену. Я пью до тех пор, пока вода не начинает булькать у меня в животе. Смерть от обезвоживания точно не входит в мои планы. Мне хочется окунуть лицо и руки в эту прохладную, прозрачную воду. Снимаю «ролекс», вешаю на нос дракону, стягиваю рубашку и окунаюсь в фонтан с головой. Под водой открываю глаза, вижу, как скользит по дну легкая рябь и прыгают солнечные зайчики.

Ну, теперь куда? Одна тропинка под гору, другая в гору. Пошел под горку и через двадцать метров оказался у выгребной ямы. Возвращаюсь к драконам — придется карабкаться в гору. Чувствую себя гораздо, гораздо лучше. Как будто организм перестал тратить силы на борьбу с простудой и предпочел ей подчиниться.

Тропинка забирает все круче вверх. Иногда приходится помогать себе руками, чтобы не сорваться. Деревья растут плотно, образуя густые влажные заросли, через которые пробиваются иголки света, острые и

яркие, как лазерные лучи. Снимаю пиджак и швыряю его в заросли черники. Он порвался в клочья. Может, пригодится какому-нибудь монаху или беженцу. Птицы наполняют воздух своими звонкими голосами и блестящими глазами.

Я выпал из времени.

Хотел посмотреть, который час, но часы-то остались на носу у дракона.

Хватаюсь за корень, чтобы подтянуться, но рука срывается, и я лечу вниз на несколько ярдов. Слышится хруст. Но нет, я цел и невредим. Выпрямляюсь в полный рост. Фантастическое ощущение. Чувствую себя бессмертным.

Сверху нависает скала, огромная, как дом. Я беру ее приступом, словно мальчишка, и вот уже озираю свои владения с вершины. «Боинг-747» величественно, не спеша, заходит на посадку, разрезая день, как бритвой, ревом двигателей. Я машу ему. *Она* тоже машет, весело так, аж подпрыгивает. Все-таки *она* со мной. Приятно доставить радость хоть одному существу. Даже если оно не вполне существует.

— Она меня любит, — заявила горничная.

Она голышом крутилась перед зеркалом, прикладывая к себе одно за другим летние платья Кати. Если какое-либо ей нравилось, она его примеряла. Если подходило, клала в Катину сумку «Луи Вуитон». Если нет — отбрасывала в сторону.

Я распростерся на кровати, пригвожденный неизбывной тяжестью в гениталиях.

— Кто?

— Маленький девочка.

— Какая еще маленькая девочка?

— Твой маленький девочка. Живет здесь. Меня любит. Хочет сестричка. Играть чтобы.

Ветерок осторожно раздвинул занавески. Ей-богу, эти китайцы чокнутые на всю голову.

Когда Кати позвонила в последний раз, она была совершенно трезва. Это не предвещало ничего хорошего.

— Добрый день, автоответчик Нила. С тобой говорит Кати Форбс, бывшая жена Нила. Как ты поживаешь? Работаешь, бедняга, без выходных. Нил совсем обленился и разучился снимать трубку, а также пользоваться номеронабирателем. Передай, пожалуйста, Нилу, следующее. Я стала гордой владелицей роскошного особняка на северо-востоке Лондона. Лето

стоит такое дождливое, какого не было уже много лет, и поля для крикета размыло. Дважды в неделю я хожу на сеансы к доктору Ключи, он прекрасно помогает от депрессии. Арчи Гуд взял на себя роль моего адвоката и отправит бракоразводные документы в конце недели. Объясни, пожалуйста, Нилу, что я не хочу его ограбить, а требую только то, что принадлежит мне по праву. Если он потрудится оторвать свою задницу от дивана и перешлет мне кресло королевы Анны, это благоприятно отразится на моих требованиях. Нилу прекрасно известно, что эта вещь перешла ко мне по наследству и я ею очень дорожу. Спокойной ночи.

Вот ключ к пониманию Нила Броуза: он — человек каморок, кабинок, кабинетиков. Горничная находится в одной кабинке, Кати — в другой, маленькая гостя — в третьей, «Кавендиш, Гонконг» — в четвертой, счет 1390931 — в пятой. И в каждой живет свой Нил Броуз, который действует совершенно независимо от прочих. Вот как я устроен. Мое будущее — еще в одном кабинетике, но я не спешу в него заглянуть. Вряд ли мне понравится то, что там.

Как ни странно, горничная оказалась права. Когда я возвращался домой и застал ее там, атмосфера была ощутимо иной. Мирный Сибелиус вместо бурного Вагнера. Такое впечатление, будто *она* сидит под столом и возится со своими куклами — если б *она* реально существовала, конечно. *Она* никогда не беспокоила нас с горничной, и даже занавески висели так, как перед моим уходом. Ну разве что донесется легкое шлепанье *ее* ножек по мраморному полу в гостиной, и все.

В отсутствие же горничной в воздухе пахло скандалом. То же самое происходило, если я уезжал в командировку. Однажды я на несколько дней ездил в Кантон — та еще дыра. Вернувшись, я застал *ее* в дикой ярости — *она* рвала и метала, и мне пришлось долго оправдываться, обращаясь к пустоте.

Я достиг гребня горы. Дальше идти некуда. Из-за верхушек камфорных деревьев виднеется голова Будды, совсем рядом. Вот он, Большой Будда. Платиново-серый, спряденный на прялке синева. Деревья обернулись грезой о деревьях. Кот-тень, тень кота.

Кожа зудит. Бессмертие под вопросом. Солнце жарит так, что я скоро превращусь в кусок ветчины. Наверное, я сорвал ноготь на ноге — в ботинке хлюпает что-то мокрое и теплое. Под саднящей кожей еле-еле

сокращаются мои органы — еще работают, но все медленнее и медленнее, словно обессилевшие пловцы.

Откуда там, наверху, над твоей, Будда, головой появилась луна? Белая, голубая, клокочущая. Бесшумная печь, где сгорает солнечный свет. Луна, луна, среди бела дня.

Похоже, я вляпался в былой и грядущий век. Столпотворение: туристы, автостоянка, сувенирные ларьки, рекламные щиты, мотоциклы. Толкучка возле билетных касс — только англичане и славяне умеют правильно стоять в очереди... Люди совсем рядом. Нет, далеко. Между нами стена сверкающей жидкости. Доносятся слова чужих языков.

Полные губы Будды величаво сложены. Будто вот-вот с них сорвется слово, но нет, никогда не сорвется. Глаза под опущенными веками скрывают истину, в которой так нуждается мир.

Луна явно издевается. Рога у месяца то в одну сторону, то в другую. Если бы мне сейчас повстречался тот старик нищий, я бы сказал ему: «Прости, старик, мне нечего тебе дать. Нет у меня больше времени. Ни пары минут. Ни пары секунд, черт подери».

Вот интересно — тот парнишка с саксофоном, он играет где-нибудь в баре, наверное? Может, в центре, может, в Коулуне. Я бы хотел его послушать. Хотел бы посмотреть, как его девушка смотрит на него. Очень хотел бы. Вряд ли теперь это получится. Хорошо бы поболтать с ними. Узнать, как они познакомились. Расспросить про джаз и почему Джон Колтрейн так знаменит. Как много хочется узнать, как много. Надо спросить его, почему я женился на Кати и правильно ли я поступил, что подписал все эти бракоразводные документы и выслал ей. Будет ли Кати счастлива в конце концов? Встретит ли она мужчину, который будет любить ее, а его сперма будет по всем показателям высококачественной? Получится ли из нее нежная, любящая мать, или с годами она превратится в запойную стерву? Прищучит Хью Ллуэллин Андрея Грегорского, или Андрей Грегорский прищучит Хью Ллуэллину? Расширит ли господин Вае, магнат-судовладелец, свою империю? Выиграет «Манчестер юнайтед» кубок или нет? Выпадут ли зубы у Коржика из «Улицы Сезам»? Наступит ли конец света после Рождества?

Она легонько касается меня, дует мне в затылок, и в воздухе начинают кружиться мириады листьев. Вся моя кожа горит, словно чужая. Новый маленький Нил внутри старого приоткрывает глаза. На солнце они

серебристые, а в тени синие. Он ждет только, когда моя кожа лопнет от нестерпимого жара, и тогда он выберется наружу и побежит прочь. Печень нетерпеливо ерзает. Сердце. Последние удары. Как называется маленький орган, который перерабатывает сахар?

Как я здесь очутился?

Отец бы сказал про Денхольма Кавендиша — «сэра Денхольма Кавендиша»: «Образование заместо ума».

— Итак, Найл. — Д. К. решительно сжимает губы, как старый генерал, которым он себя мнит. Свою речь напыщенный старый осел оснащает драматическими паузами, и тогда становится слышна суэта в башне на всех двадцати этажах под нами. — Поговорим о том, как мы представляем вашу миссию в Гонконге. Ключевой вопрос тут: что, по-вашему, представляет собой холдинг «Кавендиш»?

Нет, Д. К. Ключевой вопрос тут: какой ответ вы хотите услышать?

Не ошибись, Нил. Дай ему почувствовать интеллектуальное превосходство. И не вздумай сказать, что он настолько туп, что даже имя сотрудника не может произнести правильно.

— Это крупнейшая юридическая и инвестиционная корпорация, сэра Денхольм.

Отлично. На его лице появляется вдохновенное выражение, будто его посетило прозрение, за которым последует откровение:

— Да, мы корпорация. Крупнейшая корпорация. Но этим дело не ограничивается, поверьте мне, Найл. Мы семья! Верно я говорю, Джим?

На лице Джима Херша появляется улыбка, которая означает: «В самое яблочко попали, сэра!»

— А семьи без ссор не бывает. Случалось, мы с Джимом глаза другу другу выцарапывали, да, Джим, старина?

— Кто старое помянет... — улыбается Джим.

Ах ты, Джим Херш, лощеный американский выкормыш.

— Вот видите, Найл? Лизоблюдов в «Кавендише» на дух не выносят. Мы одолели все трудности! Превозмогли! А как? — спросите вы. А я вам отвечу: мы понимаем, что взаимовыручка превыше всего. Сотрудничество. Дружеская рука. Взаимное доверие. Взаимопомощь.

Он закурил сигару, подобно Уинстону Черчиллю, и посмотрел на портрет своего дедушки, который, в свою очередь, смотрел на него. Я с трудом сдерживал смех. У этого человека в голове ничего, кроме шаблонов и банальностей. Как он с такими трухлявыми мозгами умудряется руководить юридической фирмой, у которой филиалы разбросаны по пяти

континентам? Ответ очевиден: он только воображает, что руководит.

— Чтобы играть на азиатском рынке, нам потребуется... Как это, Джим, я на днях сформулировал? В разговоре с Грейнджером?

— Насколько я помню, сэр Денхольм, вы сказали: «Нам потребуются чутье и дерзость при разработке новых стратегий».

— Вот именно! Чутье! И дерзость! Вы понимаете? *Чутье! И дерзость!* При *разработке новых стратегий!* Ситуация в Лондоне или там в Нью-Йорке всем ясна и понятна. Игровые поля размечены, ворота установлены. Но Азия — это последний неосвоенный рубеж. Разбойники-коррупционеры засели на китайских холмах, и грабят, и грабят. Законность? Забудьте про нее! Все куплены. Все до последнего человечка. Если мы хотим добиться успеха в Азии, мы должны играть по их правилам, но играть лучше! Мы должны быть оригинальнее в операциях с капиталами! Необходимо переосмыслить правила игры. Увидеть, куда бить, даже если стойки ворот невидимы! И любыми средствами обыграть! Улавливаете, Найл?

— На сто процентов, сэр Денхольм!

О чем толкует старый хрен?

— Я хочу добавить в ваш гонконгский портфель специальный счет. Для моего партнера. Это один парень из России, живет в Петербурге. Да вы с ним обязательно познакомитесь. Он скоро приедет. Отличный парень. Его зовут Андрей Грегорский. Из сильных мира сего. Он оказал нам несколько очень важных услуг.

Д. К. наклонился, стряхнул пепел с сигары в пепельницу причудливой формы, инкрустированную лотосами и орхидеями из янтаря и нефрита.

— Он попросил меня открыть счет для его операций с нашим гонконгским филиалом. Я хочу поручить этот счет вам.

— Что я должен делать?

— То, что он скажет. Перечислять деньги. Сколько скажет, куда скажет, когда скажет. Детские игрушки для профессионала с вашим опытом.

Дошли наконец до сути.

— Думаю, что справлюсь, мистер Кавендиш.

— Соблюдайте строжайшую конфиденциальность. Только вы, я, Джим да мой дед с этого портрета. Понимаете?

Еще бы, прекрасно понимаю. Старый хрен хочет, чтобы я нарушил закон.

— И еще один вопрос имеет значение. Собственно, только он один и имеет значение.

На кончике носа у него угри — руки чешутся выдавить.

— Кишка — у — вас — не — тонка? — Сигарой Д. К. будто подталкивал каждое слово мне навстречу.

Я же юрист по финансовым вопросам. Я каждый день нарушаю закон.

— Кишка вроде крепкая, сэр Денхольм. В штаны пока не клал.

Д. К. помолчал, обдумывая мой ответ. Затем разразился хохотом. Он хохотал, широко разевая рот, брызгая слюной, капли долетали до моего лба. Джим Херш улыбался — ну прямо менеджер, позирующий для фотографии в местной газетке. И я улыбался тоже.

Не знаю, как далеко в историю имеет смысл углубляться.

Вот такие факты, например. Английские торговцы наркотиками прибрали к рукам Гонконг в 1840-е годы. Нам нужны были китайские пряности, шелк, фарфор. А китайцам не нужны были наши ткани, инструменты и селедка. Не пользовались они спросом, хоть ты тресни. И тогда англичане решили создать спрос: они стали приучать население к опиуму — наркотику, который китайское правительство объявило вне закона. Китайцы, естественно, взбунтовались против этого правительства. Мы тут как тут, вышвырнули его к чертовой бабушке и посадили в Пекине новое, марионеточное. Которое в парках повесило таблички: «Собакам и китайцам вход воспрещен». А эту часть страны мы оккупировали и превратили в торговую базу. Свинское поведение, если вдуматься. И *их* же теперь обвиняем в ксенофобии. Представьте на минутку, что колумбийская мафия в начале двадцать первого века вторгается в Вашингтон и заставляет Белый дом легализовать героин. И успокаивает при этом: «Не волнуйтесь, ребята, уже уходим. Пока то да се, окопаемся во Флориде, не возражаете? Премного вам благодарны». Гонконг превратился в торговый плацдарм самого большого и населенного континента на планете. Вследствие чего у нечистых на руку юристов по финансовым вопросам разыгрался зверский аппетит.

А может, причинно-следственные связи тут ни при чем? Может, все дело в цельности природы?

Тут я, и тут я, и там я, и там я, и здесь.

Ничего удивительного, что я вконец увяз. Я распределил свое возможное будущее по нескольким счетам, и вот на всех по нулям.

Глубокие мысли для мелкого продажного юриста.

Я утыкаюсь лбом в асфальт, он мягкий, словно щечка спящего ребенка.

Подтягиваю ноги к животу, как эмбрион в утробе. Вокруг меня жидкая оболочка, а в ней плещутся какие-то голоса. Что со мной происходит, черт возьми?

Понял! Вот что мне предстоит сегодня сделать!

Умереть.

Веселенькое дельце!

Подумать только.

Мне тридцать один — и нате вам, умираю к чертовой матери.

Аврил дико разозлится. А когда узнает Д. К. — мне придется распрощаться с шестизначной премией за хорошее поведение. Как отнесется к этому Кати? Вот в чем суть. А папа?

Веселенькое дельце...

Она проходит сквозь стену из ног и торсов. Смотрит на меня сверху вниз и улыбается. Глаза у *нее* мои, а фигурка — точь-в-точь как у горничной, только в миниатюре. *Она* протягивает мне руку, и мы вместе идем мимо зевак — они чем-то потрясены, возбужденно размахивают руками, но жвачку жуют не переставая. Интересно, что произвело на них такое впечатление?

Не разнимая рук, мы поднимаемся шаг за шагом навстречу Большому Сияющему Будде, все выше и выше, сияние ярче и ярче, и нас подхватывает слепящая метель...

Святая гора

*

Вверх, все выше и выше. Или вниз.

На Святой горе нет других направлений. Все эти ваши «лево-право», «север-юг», «запад-восток» оставьте в долине. Здесь не пригодятся. Сделаешь десять тысяч шагов — поднимешься на вершину.

Теперь у нас есть и дорога. Видала я ее. Автобусы, грузовики едут вверх-вниз. Важные толстые люди добираются от Чэнду, а то и еще дальше, в собственных автомобилях. Да, я сама видела. Гарь, гуд, шум, бензин. А то еще ездят в такси, развалятся на заднем сиденье, как индюки. Разве они не заслуживают, чтоб их обмишурили? Кто ж совершает паломничество на колесах? Даже Будда за таких паломников не даст и совка куриного помета. Откуда я знаю? Он Сам мне сказал.

На Святой горе прошлое рано или поздно смыкается с будущим. В долине про это забыли, но мы-то, горные жители, живем на молитвенном колесе времени.

Вот девочка. Это я. Развешиваю мокрое белье на веревке, которую натянула между форточкой и Деревом. Вот он, наш чайный домик, воры обходят его стороной, а Дерево предупреждает обезьян, чтобы не таскали у нас вещи. Я тихонько напеваю. Весна. Туман на склонах густой и теплый. От белых клубов отделяется какая-то процессия и решительно направляется к нам.

В процессии десять человек. У первого в руках знамя, у второго — что-то вроде лютни, я таких раньше не видела, у третьего — ружье. Четвертый по виду лакей. Пятый одет в шелковые одежды цвета солнца на закате. Шестой в военной форме. Остальные четверо — носильщики с багажом.

Я бегу позвать отца. Он за домом сажает сладкий картофель. Куры подняли переполох, совсем как мои старые тетушки в деревне. Когда я возвращаюсь с отцом, путники уже поравнялись с чайным домиком.

У отца глаза лезут на лоб. Он рухнул на колени, меня тоже дернул вниз, в грязь рядом с собой.

— Ах ты, глупая сучка, — шипит он. — Это же Сын Военачальника! В ножки кланяйся!

Мы стоим на коленках, упираемся лбами в землю до тех пор, пока кто-

то из путников не хлопает в ладоши.

Поднимаем головы. Кто же тут Сын Военачальника? Человек в шелковом наряде смотрит на меня, улыбается краешком рта.

Лакей спрашивает:

— Господин, не угодно ли вам немного отдохнуть?

Сын Военачальника кивает, не отводя от меня взгляда.

Тогда лакей орет моему отцу:

— Чая! Быстро! Самого лучшего, какой есть в твоей тараканьей дыре! Иначе воронье еще до вечера выклюет твои глаза!

Отец поднялся и махнул мне. Велел мне начистить самые лучшие чайники, а сам стал класть свежие угли в жаровню. Я никогда прежде не видала Сына Военачальника.

— Который из них? — спрашиваю отца.

Отец бьет меня ладонью по затылку.

— Не твое собачье дело.

Потом испуганно оглядывается на мужчин, которые смеются, глядя на меня. Мои уши горят.

— Вон тот важный господин в нарядном платье, — бормочет отец довольно громко, его могут и услышать.

Сын Военачальника — ему, наверное, лет двадцать — снимает шляпу и откидывает волосы со лба. Лакей, взглянув на нашу лучшую утварь, рывкнул отцу:

— Ты с ума сошел?

Один носильщик вынимает из багажа два серебряных чайника, украшенных золотыми драконами с рубиновыми глазами и изумрудными зубами. Другой раскрывает складной столик. Третий стелет белоснежную скатерть. Мне кажется, я вижу сон.

— Пусть чай подаст девчонка, — говорит Сын Военачальника.

Пока я наливаю чай, он ощупывает меня глазами, я кожей чувствую. Все молчат. Я не пролила ни капли.

Я смотрю на отца, ожидая знака одобрения или хотя бы поддержки. Но ему не до меня — он озабочен спасением собственной шкуры.

Мужчины заводят разговор на мандаринском наречии, таком звонком, нарядном. Красивые непонятные слова проплывают от одного к другому. Они упоминают кого-то по имени Сунь Ятсен^[42] и еще кого-то по имени Россия и Европа. Вооруженные силы, налоги, должности. Из какого мира прибыли эти люди?

Отец снял с меня платок, велел подобрать волосы и умыть лицо. Потом послал отнести еще чаю, а сам встал в тени и незаметно наблюдает за

гостями, ковыряя в зубах палочкой для еды.

Туман становится все гуще. Гору совсем затянуло белым киселем, и день, словно увязнув в нем, замер на месте. Звуки стихли.

Сын Военачальника вытянул ноги, откинулся на спинку стула и стал ковырять в зубах золотой зубочисткой.

— После такого горького чая хорошо бы шербета. Эй ты, крысиное отродье, чего там прячешься в тени? Я позволяю тебе подать мне кувшин лимонного шербета.

Отец падает на колени и говорит, не отнимая губ от земли:

— У нас нет такого шербета, мой господин.

Сын Военачальника смотрит на своих спутников.

— Какая тоска! Так и быть, мандариновый тоже сгодится.

— Шербета нет вообще, мой господин. Приношу свои извинения.

— Извинения ты приносишь? Я твои извинения в рот не положу. Я сжег себе нёбо этой смесью из крапивы и лисьего дерьма, которую ты выдаешь за чай. Думаешь, у меня желудок как у коровы?

Взглядом он предлагает свите посмеяться его шутке, что все и делают.

— Ну ладно. Ничего-то у тебя нет. Подашь мне на сладкое свою дочку.

Ядовитый шип вонзился, выгнулся, переломился.

Отец приподнимает голову. Мужчина в военной форме кашляет.

— Как прикажете понимать этот кашель? Отец велел мне совершить паломничество, будь оно проклято. Но он не говорил, что я должен отказывать себе даже в пустяковом развлечении.

Лакей смотрит на моего отца, как на пыль под ногами, и бросает:

— Ступай приготовь комнату на верхнем этаже. И уж постарайся для его светлости.

— Господин... Ваша светлость... То есть... — сдавленно бормочет отец.

Сын Военачальника изображает жужжание овода.

— Хуже насекомого! Не можешь поверить своему счастью? Отдайте ему один чайник. Мне эти чайники никогда не нравились. Теща подарила на свадьбу. Приданое. Драконы уж очень напоминают ее. Более чем щедрое вознаграждение за прочистку дыры у деревенской девки. Сиамская работа. За такой шедевр она у тебя по крайней мере должна быть целкой.

— Даю слово, мой господин, целехонька. Она у меня нетронутая. Но к нам сватаются несколько завидных женихов из лучшего общества...

Лакей вынул меч из ножен и посмотрел на хозяина. Тот немного подумал и сказал:

— Из лучшего общества? Плотник с угольщиком предлагают свои

болты? Ладно уж, отдайте ему оба чайника. Только больше не торговаться, мистер насекомое. На сегодня хватит искушать удачу.

— Мой господин не зря славится щедростью! Неудивительно, что, услышав имя моего господина, люди плачут, вспоминая его доброту...

— Заткнись.

Отец оборачивается ко мне:

— Ты слышала волю господина? Подготовься!

Я чувствую запах пота, который исходит от гостей. Готовится что-то невыносимое. Вообще-то я знаю, откуда берутся дети. И почему дурная кровь каждый месяц вытекает из моего тела, тетушки, которые живут в деревне у подножия горы, мне рассказали. Но все же...

Будда смотрит на меня из-за Древа — там его святилище. Мне страшно, и я прошу его, чтоб было не очень больно.

— Давай, давай! — Лакей толкает меня в спину мечом. — Наверх.

Его последнее пыхтенье — и тишина, в которой запел черный дрозд. Я лежала с открытыми глазами — они не закрывались. А его не открывались. Я мысленно ощупывала свое тело, пытаюсь понять, где болит сильнее. Казалось, он порвал меня всю, снаружи и внутри. Я насчитала семь мест на теле, где он впивался клыками в мою кожу и кусал. Вонзал ногти мне в шею, расцарапывал лицо, сворачивал набок голову. Я не издала ни звука. Зато он стонал за двоих. Ему было больно?

Наконец я почувствовала, что он съезжился внутри меня. Потом зашевелился, поковырял в носу. Когда он отвалился, что-то вытекло из меня и потекло по бедрам. Я посмотрела: на нашей единственной простыне расплывалось большое пятно густой крови, смешанной с чем-то белым. Он подтерся моим платьем и критически оглядел меня:

— М-да, на богиню красоты не похожа, верно?

Он оделся, поставил ногу мне на живот и глядел с высоты. В глазах потемнело, я плохо различала его лицо. На мою переносицу шлепнулся большой плевок.

— Тьфу, ободранный кролик.

Паучок между балками все плел и плел свою паутину.

— Господин насекомое! — донеслось, когда он спустился по скрипучей лестнице. — С тебя причитается. За то, что я объездил твою кобылку.

Взрыв смеха в ответ.

Будь я мужчиной, догнала бы его и вонзила в спину кинжал. Как только гости отбыли, отец, не сказав мне ни слова, отправился продавать чайники.

Из сумрака возникла старая женщина — она медленно поднялась по лестнице ко мне в комнату. Я лежала и размышляла, как защититься, если на обратном пути Сын Военачальника опять остановится у нас.

— Не бойся, — сказала старушка. — Дерево поможет тебе. Оно подскажет, когда нужно бежать и прятаться.

Я догадалась, что она — призрак, потому что ее губы шевелились беззвучно, и лишь когда они сомкнулись, я услышала слова. И еще потому, что свет от лампы проходил через нее насквозь и у нее не было ног. Я поняла, что она добрый дух, потому что она присела на сундук в изголовье моей кровати и запела колыбельную про кота, который плывет на лодочке по реке.

Через десять, а может, через двадцать дней вернулся отец — без гроша. Я спросила его, где же деньги, а он ответил, чтоб не совалась, а то высечет. Зимовали мы в деревне вместе с моими двоюродными сестрами, и они рассказали, как было дело. Отец отправился в Лэшань и там потратил половину моего выкупа на опиум и бордели. На вторую половину купил еле живую лошаденку, которая издохла по дороге.

Я была наверху, когда до меня донеслись голоса. Как парень с девушкой подошли, я не видела. Я их услышала, когда они были уже возле Дерева. Сквозь щель в стене я немного подглядела за ними. Ее лицо было сильно раскрашено, как у дочери торговца или у продажной женщины. Грудь очень пышная. У юноши на лице такое выражение, какое бывает у мужчин, когда они сильно хотят чего-нибудь. И девушку не сопровождала никакая пожилая родственница! Она отвела руки за спину и прислонилась к Дереву там, где его ствол так красиво изгибается, как девичья фигура. Там еще каждую весну цветут фиалки, но этого она не могла видеть.

Юноша тяжело дышал.

— Клянусь, я буду любить тебя всю жизнь! Правда!

Он положил руки ей на бедра, но она сбросила их.

— Ты обещал мне радиоприемник. Где он? Давай!

Голос у девушки капризный и властный.

— Я готов отдать тебе жизнь!

— Принес свой приемник или нет? Такой маленький, серебристый, ловит Гонконг?

Я спустилась во двор. Лестница скрипела, но они были так поглощены каждый своим интересом, что заметили меня, только когда я подошла к курятнику.

— Не угодно ли чаю?

Они отпрянули друг от друга. У парня уши покраснели, как помидор. Она, наверное, благодарна мне за то, что я спасла ее честь. Нет, не похоже. На лице ни малейшего смущения, руки сложены, ноги расставлены широко, как у мужчины.

— Да, чаю.

Они подошли к чайному домику. Девушка села нога на ногу, достала из сумочки зеркальце и губную помаду. Он сел напротив и уставился на нее, как пес на луну.

— Приемник, — требует она.

Он достал из своей сумки блестящую коробочку и вытянул из нее длинный прутик. Девушка взяла, прикоснулась к коробочке пальцем, и откуда ни возьмись в комнату ворвались женский голос, южный ветерок, слова любви, музыка.

— Откуда она поет?

Девушка соизволила заметить меня.

— Это последний хит из Макао. А ты уже слышал его? — обратилась она к спутнику.

— А то нет, — мрачно ответил он.

Все-таки есть на свете вещи, которых я никогда не пойму.

Отец орет на меня так, что куры переполошились.

— Ах ты, грязная шлюха! Идиотка! И это после всего, что я сделал для тебя! Всем для тебя пожертвовал! А ты вот как отблагодарила меня! Если б ты родила мальчика, Сын Военачальника озолотил бы нас! Озолотил! Мы жили бы у него во дворце! Я был бы важной шишкой! Слуги со всех сторон! Подносят заморские фрукты! А ты! Кто ж захочет признать такое непотребство?

И он ткнул пальцем между ножек моего ребеночка. Дочка заплакала. Всего пять минут от роду, и вот уже первый урок.

— Ты продалась за паршивый горшок! Угробила все мои надежды выдать тебя удачно замуж!

Одна из тетушек выводит его из комнаты.

Дерево заглядывает в окно и улыбается мне.

— Правда, она красавица? — спрашиваю я.

На личике моей девочки затрепетали зеленые тени от листьев — Дерево кивает.

Спустя несколько дней все было решено. Мою дочь возьмут на воспитание родственники, которые живут в долине, на расстоянии трех

дней верхом. У них богатое хозяйство, много земли, для них еще один рот не обуза. Дядюшка сказал — дальнейшее расстояние покроет позор, который я навлекла на семью. Хотя честь мне, конечно, ничто не вернет. Может, через несколько лет какой-нибудь старый вдовец и согласится взять меня в жены вместо сиделки. Если только мне повезет.

Я тогда же решила, что постараюсь обойти такое везенье стороной.

Мои дядюшки порешили, что японцы никогда не заберутся ни вглубь, до Янцзы, ни вверх, в горы. Каждый знает, что японскому солдату нужно куда больше кислорода, чем обычному человеку, поэтому они никогда не одолеют Святой горы. И значит, война нас не коснется. Многих местных парней призвал Военачальник, и их послали воевать на стороне какого-то союза, но за пределами долины. В далеком, может, и вовсе несуществующем мире, в краях со странными названиями — Маньчжурия, Монголия и еще как-то.

Ни черта мои дядюшки не смыслят. Однажды мне приснилась пещера, а в ней — глиняный кувшин с рисом. Я спросила монаха, что значит мой сон, и он ответил — это знак от Учителя нашего, Будды.

Когда на Святой горе дует ветер, он приносит звуки издалека, а ближние звуки уносит вдаль. Чайный домик скрипит от старости — ленивый отец ни разу в жизни не взял в руки молотка, чтобы его подправить, и Дерево тоже скрипит. Так и вышло, что мы ничего не слышали, пока не раздался стук в окна.

Отец спрятался в шкаф. Я прислушивалась с тревогой, но заранее приняла судьбу, уготованную мне Учителем нашим Буддой. Закуталась в шаль. Эти люди говорили не на нашем языке. И даже не на кантонском или мандаринском наречии. Они издавали странные звуки, вроде тьякканья. Я смотрела на них сквозь щели в досках. При свете лампы толком не разглядишь, но на вид вроде почти как люди. Мой двоюродный брат рассказывал мне, что у чужеземцев нос как у слона, а волосы как у большой обезьяны. Но эти выглядели в общем как мы. На форме вышит значок, похожий на головную боль, — красный кружок с полосками наподобие приступов боли.

Вдруг прямо в лицо ударил свет фонарей, нас с отцом схватили и потащили вниз. В комнате валялись перевернутые горшки и миски, горели фонари, было полным-полно мужчин. Они нашли и разбили наш ящик с деньгами. Над значками у них еще какая-то штучка с крыльями. И кругом пахнет мужчинами, мужчинами, мужчинами. Нас поставили перед

мужчиной в очках, с блестящими усами.

Я была кормильцем в семье, но молча уставилась в пол.

— Чашку хорошего зеленого чая, господин? — прошептал отец, не переставая дрожать.

Этот, в очках и с усами, мог говорить на кантонском наречии, только выжато, как бельевым катком.

— Мы ваши освободители. Мы реквизируем эту деревенскую гостиницу именем его величества императора Японии. Святая гора теперь входит в состав Азиатской зоны процветания. Мы прибыли сюда, чтобы освободить нашего пострадавшего Китай-батюшку из-под ига европейских империалистов. Немцы не в счет, этот народ хранит честь и расовую чистоту.

— О! — говорит отец. — Это хорошо. Я уважаю честь. Я и сам пострадавший отец.

Тут хлопнула дверь — я даже сперва подумала, что это выстрел, — и вошел военный, весь увешанный медалями. Блестящие Усы отдал честь Увешанному Медалями и что-то протявкали. Увешанный Медалями внимательно посмотрел на моего отца, затем на меня. Улыбнулся краешком рта. И что-то негромко протявкали остальным.

Блестящие Усы повернулся к отцу и рявкнул:

— Принимал преступников в своей гостинице?

— Как можно, господин! Мы ненавидим этого поганого козла, Военачальника! Его сын изнасиловал мою дочь!

Блестящие Усы превратил слова отца в твяканье, глядя на Увешанного Медалями. Тот недоуменно приподнял брови и что-то проворчал.

— Мы рады слышать, что твоя дочь всегда готова доставить удовольствие проезжим. Но нам досадно слышать, как ты поливаешь грязью нашего союзника, Военачальника. Он вместе с нами старается избавить долину от коммунизма.

— Нет, я хотел сказать...

— Молчать!

Увешанный Медалями засунул дуло пистолета в рот моему отцу и сказал:

— Кусай!

Посмотрел отцу в глаза и приказал:

— Крепче кусай.

И что есть мочи ударил отца в подбородок. У него изо рта показались обломки зубов. Увешанный Медалями рассмеялся. Кровь капала у отца изо рта, пол покрылся пятнами, как маками. Отец попятился назад и угодил,

будто нарочно, в корыто с водой.

От хохота державший меня солдат ослабил хватку. Я врезала ему по коленке бутылью с маслом, а лампу, стоявшую передо мной, запустила в другой конец комнаты. Что-то упало, что-то разбилось, кто-то закричал. Я наклонила голову и бросилась к выходу. Учитель наш Будда позаботился, чтобы у меня в руке оказалась медная палочка для еды, и распахнул дверь, едва мои пальцы ее коснулись, и захлопнул ее за мной. Снаружи стояли трое японских солдат, один крепко схватил меня, но я вонзила палочку ему в щеку, и он разжал руки. Двое других побежали за мной, но ночь была безлунная, а я знала каждый камушек, каждый сучок, все медвежьи тропы и лисьи ходы. Я свернула с дороги в сторону, и преследователи проскочили мимо.

Только когда я добралась до пещеры, сердце стало биться потише. Внизу простиралась Святая гора, лес колыбался под ветром, как море в моих снах. Я укрылась шалью и смотрела в проем на ночное небо, пока не уснула.

Отец был весь черный от побоев, но держался на ногах. Бродил, хромая, среди руин чайного домика. Рот напоминал гнилой помидор.

— Это все из-за тебя! — закричал он, увидев меня. — Сама и чини. Я уезжаю к брату. Вернусь через пару дней.

И отец заковылял вниз по склону. Когда он вернулся — спустя несколько недель, — это был дряхлый старик, который ждет смерти.

Моя доченька расцвела и превратилась в первую красавицу во всей округе, сказали мне тетушки. За нее уже дважды сватались — а ведь ей только двенадцать. Но ее опекун отклонил оба предложения, он метит выше. Скоро долина должна перейти к гоминьдановцам, и он хочет через нее породниться с новой властью. Он даже рассчитывает во время сватовства выторговать себе сытную должность. За деньги наняли фотографа, и он снял мою девочку на карточки, которые пустили по рукам среди женихов из самого лучшего общества. Когда зимой я гостила в деревне, тетушка показала мне эту карточку: в волосах лилия, на губах невинная, едва заметная улыбка. От гордости мое сердце забилось сильнее, да так и не успокоилось.

Отец моей девочки, Сын Военачальника, никогда не видал ее. Об этом я ничуть не жалею. С ним расправился соседний военачальник, союзник гоминьдановцев. Всю их семью поймали, связали, бросили в кучу хвороста на перекрестке, облили бензином и живьем подожгли. Вороны и псы

передрались из-за жареного мяса.

Повелитель наш Будда пообещал мне, что будет защищать мою доченьку от демонов, а Дерево шепнуло, что мы с ней свидимся.

Далеко-далеко внизу звонит храмовый колокол. Небо трепещет красками рассвета. Из лесу выпорхнула стайка горлиц и взмыла вверх. Вверх, все выше и выше. Всегда вверх.

*

Из тумана выросла фигура чиновника — ступает с важным видом. Спускается. Наверх, видать, его привезли на машине. Я признала его — уж больно лицом на деда похож. Его дед зарабатывал на жизнь тем, что собирал на дорогах навоз и продавал фермерам в долине. Может, и не очень чистый, но честный труд.

Внук сел за столик и плюхнул перед собой кожаный портфель. Из портфеля извлек тетрадь, бухгалтерскую книгу, металлический ящик для денег и бамбуковую печать. В тетради сразу начал писать, время от времени окидывая взглядом чайный домик, словно прицениваясь.

— Чаю, — потребовал он. — И лапши.

Я стала готовить.

— Это, — он показал мне книжечку со своим лицом и именем, — мой партийный билет. Удостоверение личности. Я всегда ношу его с собой.

— Какой смысл носить с собой свое изображение? Люди и так могут видеть ваше лицо — оно же всегда при вас.

— Тут сказано, что я секретарь местной партийной организации. Самый главный, понимаешь?

— Если вы главный — люди и сами это поймут.

— Гора вошла в состав Государственной зоны развития туризма.

— Что это значит, если сказать по-людски?

— На дорожках поставят шлагбаумы и будут взимать плату с тех, кто хочет совершить восхождение на нашу гору.

— На вашу гору? Но Святая гора стоит здесь с начала веков!

— А теперь это собственность государства. Она должна приносить доход, чтобы оправдывать затраты на содержание. Со своих будем брать по одному юаню, а со сволочей-иностранцев — по тридцать. Если кто хочет торговать на территории Государственной зоны развития туризма, должен получить лицензию. В том числе и ты.

Я положила лапшу в миску и залила кипятком чайные листья.

— Ну так дайте мне эту вашу лицензию.

— Охотно. С тебя двести юаней.

— Что? Мой чайный домик стоит здесь с незапамятных времен!

Он перелистал свою бухгалтерскую книгу.

— В таком случае я буду вынужден взять с тебя арендную плату за все эти годы.

Я пригнулась за прилавком, харкнула в лапшу и как следует размешала мокроту. Распрямившись, набрала ложку зеленого лука, посыпала сверху и поставила миску перед ним.

— Впервые слышу подобную чушь.

— Вот что, старуха, — не я законы придумываю. Этот приказ — прямо из Пекина. Туризм является важнейшей базой социалистической модернизации. Мы с туристов будем стричь доллары. Ты, конечно, понятия не имеешь, что такое доллар, и даже не пытайся своими куриными мозгами понять научную экономику. Тебе это не дано. От тебя требуется понять одно: партия приказывает тебе заплатить.

— Знаю прекрасно про вашу партию, сестры в деревне мне все рассказали! И про ванны с фонтанами, и про машины с мигалками, и про обслуживание без очереди, и про дурацкие съезды, и про...

— Захлопни свой поганый рот, если хочешь и дальше кормиться за счет народной горы! Партия преобразила нашу родину, совершила рывок в развитии на пятьдесят лет, а то и больше! Все уже заплатили! Даже монастыри. Кто ты такая со своими безмозглыми деревенскими сестрами? С чего ты возомнила, что понимаешь больше партии? Гони двести юаней, или завтра приду с народной милицией. Они закроют твой паршивый домик, а тебя посадят в тюрьму за неуплату. Свяжем тебя по рукам и ногам и стащим с горы, как свинью! Побойся позора! Лучше заплати похорошему. Ну? Я жду.

— Долго ждать придется! Нет у меня двухсот юаней. Я за сезон зарабатываю всего пятьдесят. А жить мне на что?

Чиновник уплетал лапшу.

— Закроешь свое заведение и попросишься к сестрам в деревню, пусть приютят в уголке. Станешь блох у свиней ловить. Сыпь в лапшу поменьше соли, тогда и выручка будет побольше.

Будь я мужчиной, сбросила бы его в выгребную яму. Плевать, что член партии, да хоть трижды член. Но у него лапа наверху, и он чувствует за собой силу.

Я вынула из фартука десять юаней.

— Нелегкая у вас работа. Пока обойдешь все чайные дома на горе, да разберешься, кто чего не заплатил...

Отхлебнув зеленого чая, он прыснул так, что струя заляпала мне окно.

— Взятка? Коррупция — раковая опухоль на теле матери-родины! Неужели ты, старуха, воображаешь, что за эти гроши я соглашусь отсрочить победу социализма? Задержать приход новой эры народного процветания? Помешать наступлению светлого будущего?

Я вынула еще двадцать юаней.

— Больше у меня ничего нет.

Он спрятал деньги в карман.

— Свари-ка мне вот этих яиц и заверни их вон с теми помидорчиками.

Пришлось сделать, как он велел. Дерьмоед так и останется дерьмоедом.

Как-то раз туман выпустил двух монахов, запыхавшихся от быстрого бега в гору.

Бегущий монах — такая же диковина, как честный чиновник.

— Садитесь, прошу вас, — сказала я, расстилая свежую скатерть. — Отдохните.

Они поклонились в знак благодарности и сели. Слугам Учителя нашего, Будцы, я всегда подаю лучший чай бесплатно. Тот монах, что помоложе, отер пот со лба.

— Гоминьдановцы идут! Две тысячи человек. Когда мы уходили, деревня почти совсем опустела. Люди перебираются куда-нибудь повыше. Вашего отца увез на тележке брат.

— Это уже было. Японцы разрушили мою чайную.

— По сравнению с гоминьдановцами японцы покажутся ангелами. Эти просто звери! — вступил в разговор монах постарше. — Они тащат все, что можно унести, съестное и несъестное, а остальное сжигают или отравляют. В одной деревне отрезали мальчику голову только затем, чтобы, бросив в колодец, отравить воду.

— Почему они это делают?

— Коммунисты наступают, несмотря на американские бомбы. Гоминьдановцам нечего терять. Я слышал, они направляются в Тайвань, чтобы присоединиться к Чан Кайши, и им приказано принести все, что смогут добыть. Они содрали золото с храма Будды в Лэшани.

— Да-да, это правда, — кивнул монах помоложе, вытряхивая камушки из сандалий. — Постарайтесь не попасть им в руки. У вас еще есть часов пять. Спрячьте все ценное в лесу и спрячьтесь сами. И будьте осторожны, когда вернетесь. Могут быть отставшие. Прошу вас! Мы не хотим, чтобы с вами случилось дурное.

Я дала монахам мелочь, чтобы они воскурили благовонную палочку за

здоровье моей дочери, и они так же бегом скрылись в тумане. Я спрятала утварь, что получше, высоко на Дереве, а Учителя нашего Будду перенесла, попросив прощения за беспокойство, еще повыше, туда, где росли фиалки.

Туман рассеялся, и обнаружилось, что уже наступила осень. Под порывами ветра листья мчались по дорожке, словно крысы по воле заклинателя.

Деревья вытянулись до самого неба. Кроны сомкнулись и образовали небесную поляну. «Следуй за мной, — сказала единорожица, — Положи руку мне на плечо». Высокие своды сменяются высокими сводами. У моего поводыря копытца из слоновой кости. Я заблудилась, но чувствую не страх, а радость. Мы очутились в саду на дне тихого светлого колодца. Над причудливым мостиком с узорами из янтаря и нефрита колышутся цветы лотосов и орхидей. Бронзовые и серебристые карпы плавают вокруг моей головы. «Это место блаженства, — сказала я мысленно единорожице. — Мы здесь еще побудем?»

«Матушка, — мысленно же ответила единорожица, и ее человечьи глаза наполнились слезами. — Матушка, разве ты не узнаешь меня?»

Я проснулась с печалью на сердце.

Сидя в своей пещере, я смотрела на полосы дождя и больше всего на свете хотела превратиться хоть в птичку, хоть в камушек, хоть в папоротник, хоть в оленя, как влюбленные в сказках. На третий день небо прояснилось. Со стороны деревни перестал подниматься дым. Я осторожно подкралась к своему домику. Снова разрушен. Расплачиваются-то всегда бедные люди. А больше всех платить приходится бедной женщине. Я стала разбирать обломки. А что еще оставалось делать?

В начале лета объявились коммунисты. Всего четверо — двое мужчин, две женщины. Молодые, в новой форме, с пистолетами. Дерево предупредило меня об их приближении. Я предупредила отца, который, как всегда, дремал в гамаке. Он приоткрыл один глаз.

— Да пошли они на хрен. Все одинаковые. Только значки да медали разные.

Отец умирал, как и жил, с одним желанием: главное — поменьше шевелиться.

Коммунисты спросили, можно ли присесть в чайной и поговорить со мной. Друг друга они называли «товарищ», а ко мне обращались почтительно и ласково. Один парень с девушкой были влюблены друг в

друга, я сразу это поняла. Я б и рада была им поверить, но они слушали меня с улыбкой. А опыт научил меня — за улыбкой прячется зло.

Коммунисты внимательно выслушали мои жалобы. Кроме зеленого чая, им от меня ничего не было нужно. Они вообще хотели не брать, а давать. Они хотели давать разные хорошие вещи, например образование. Всем, даже девочкам. Еще хотели давать бесплатное лечение и покончить с болезнями. И покончить с эксплуатацией человека человеком на фабриках и на земле. И покончить с голодом. И вернуть нашей родине поправное достоинство. Китай больше не будет темным дряхлым стариком в семье азиатских народов. Молодой Китай родится из праха какого-то феодализма, так вроде они сказали, и поведет за собой все человечество. Новая эра начнется через пять лет, не позже, потому что мировая пролетарская революция исторически неизбежна. А когда начнется новая эра, то у каждого будет личный автомобиль, так они сказали. А дети наших детей вообще на работу будут летать по воздуху. Потому что у каждого будет всего вдоволь по его потребностям, и преступники исчезнут сами собой. Зачем воровать, когда всего вдоволь?

— Ваши вожди, должно быть, великие волшебники и знают волшебное слово.

— Да, — сказала девушка. — Это волшебное слово — учение Маркса, Сталина, Ленина. Это волшебное слово — «диалектика классово́й борьбы».

Мне это волшебное слово показалось не очень убедительным.

Отец выполз из гамака и потребовал чаю.

— Мы очень рады, что коммунисты наведут хоть какой-то порядок на Святой горе и в долине, — сказал он, не сводя глаз с девушек и ковыряя пальцем в зубах. — А то вот националисты изнасиловали ее. — Он мотнул головой в мою сторону. — Натерпелись от них.

Стыд горячей волной поднялся во мне. И неужели он забыл, что это сделал Сын Военачальника? Влюбленная девушка вышла из-за стола и пожала мне руку. Такая молодая, чистая ручка, мне даже не по себе стало.

— При старом режиме женщины часто подвергались насилию. Они не знали другой жизни. В Корее японская армия угнала девушек. Им дали японские имена и, как стадо, водили за армией для нужд солдат. Но эти времена остались в прошлом.

— Да, — заговорил юноша. — Капиталисты и империалисты насиловали Китай много веков. При феодализме женщина была приравнена к домашнему животному. И при капитализме женщин покупали и продавали, как домашний скот.

Я хотела сказать ему, что он и понятия не имеет — каково это, когда

тебя насилуют, но девушка была так ласкова со мной, что я потеряла дар речи. Добра-то я ни от кого не видела, кроме моего Дерева и Учителя-Будды. Девушка сказала, что принесет мне лекарство, если нужно. Они были такие добрые, счастливые, смелые. Моего отца называли «господин» и даже расплатились за чай.

— Вы совершаете паломничество на Святую гору? — спросила я.

Юноши улыбнулись.

— Партия освободила китайский народ от оков религии. Скоро паломников вообще не будет.

— Паломников не будет? И гора больше не святая?

— Конечно не святая, — кивнули они. — Но все равно красивая.

Значит, правильно я все поняла. Намерения-то у них добрые, но в голове чушь собачья.

В том же году, когда я, как обычно, зимовала в деревне, из Лэшаня пришли печальные вести. Моя дочь и ее опекун с женой бежали в Гонконг, потому что коммунисты хотели арестовать их как врагов революции. Всем известно, что из Гонконга еще никто никогда не возвращался. Какие-то ужасные чужеземцы, которых называли «англичане», распустили слух, что Гонконг — райское место, а когда приезжие ступают туда, их сразу же заковывают в цепи и заставляют работать на ядовитых заводах и в алмазных копях, пока они не умрут.

Дерево пообещало, что я увижу свою дочь. Не понимаю, как это произойдет. Но я привыкла верить Дереву.

Полосатое платье делало толстую девушку еще толще. Она посмотрела сначала на миску с лапшой, от которой шел густой и вкусный пар, потом на меня. Положила в рот полную ложку лапши, скорчила рожу, потрясла головой и выплюнула на стол.

— Гадость!

Ее подруга — с виду ведьма ведьмой — глубоко затянулась сигаретой.

— Что, так плохо?

— Я даже свинью не стала бы этим кормить.

— Нет ли у тебя шоколада, старуха? — спросила подруга-ведьма.

Лапша у меня вкусная, уж это я знаю наверняка. А вот что такое шоколад — не ведаю.

— Что вы сказали?

Толстуха вздохнула, наклонилась, подняла горсть земли и высыпала в

лапшу.

— Может, так будет съедобней. Я не заплачу тебе ни юаня. Я просила лапши. А не помоев.

Подружка-ведьма хихикнула и стала рыться в сумке.

— Может, заваялось печенье...

На Святой горе бессмысленно злиться. Я редко испытываю злость. Но когда на моих глазах оскверняют пищу, я прихожу в такую ярость, что не могу сдержать себя.

Лапша, смешанная с грязью, полетела в лицо Толстухе. Ее подбородок заблестел от жира. Мокрый воротник прилип к шее. Она хотела крикнуть, сложила губы, но только сделала глубокий вдох и, взмахнув руками, повалилась на спину. Подружка-ведьма отскочила в сторону и забила руками, как крыльями.

Толстуха поднялась на ноги, красная и разъяренная, и бросилась было на меня, но одумалась, когда увидела у меня в руках чайник с кипятком. Я бы ошпарила ее, честное слово. Толстуха отступила на безопасное расстояние и завизжала:

— Я сообщу куда надо! Ты, ты, ты, сука, ты у меня попляшешь! Погоди! Я разделаюсь с тобой! Мой свояк знаком с помощником секретаря парторганизации! Твою вшивую чайную бульдозер сровняет с землей! И тебя закатает туда же!

Даже когда они уже скрылись за поворотом, их проклятия долетали до меня из-за деревьев.

— Сука! Чтоб твоих дочерей ослы трахали! Чтоб у твоих сыновей яйца поотрывали! Сука!

— Ненавижу дурные манеры, — шепнуло Дерево. — Потому я и выбрало гору, а не деревню.

— Я не хотела скандала. Если б она не осквернила пищу... — объяснила я.

— Попросить обезьян, чтоб напали на них и повыдергивали им волосы?

— И поделом им будет.

— Договорились.

А потом в долине начался лютый голод, страшней которого люди не упомянут.

Коммунисты объединили всех фермеров в коммуны. Земля стала ничейная. Землевладельцев больше не существовало. Их всех вместе с семьями загнали в могилы или в тюрьмы, а землю передали народной революции.

Крестьяне питались в столовой при коммуне. Еда была бесплатная! Впервые с начала веков каждый крестьянин в долине знал, что в конце дня он плотно поест. Началась новая эра.

Но земля была ничья, поэтому некому было о ней заботиться и почитать ее. Перестали приносить дары духам рисовых полей, а во время сбора урожая рис бросили гнить на корню. И мне казалось, чем меньше крестьяне работали, тем больше ввали, как много они работают. Крестьяне-паломники из разных коммун останавливались в моей чайной и толковали о сельском хозяйстве. Они засиживались все дольше, а их рассказы становились все невероятней. Огурцы размером с поросенка, поросята размером с корову, коровы размером с мою чайную. Леса из капустных кочанов! Мысль Мао Цзэдуна просто изменила законы природы. Счетовод коммуны нашел на южном склоне горы гриб размером с зонтик.

Больше всего пугало то, что они верили в эту чушь, которую сами же и выдумывали, и с кулаками лезли на всякого, кто решался вымолвить слово «привираете». Я, конечно, всего лишь глупая женщина, которая выросла и состарилась на Святой горе, но моя редиска какой была всегда, такой и при Мао Цзэдуне осталась.

Той зимой в деревне было мрачно и грязно, как никогда, а главное — все тронулись умом.

Я жила в семье сестры. Из поколения в поколение они выращивали рис. Я спросила сестрино мужа, почему люди так обленились. Почти каждый вечер мужчины напиваются допьяна, а на следующий день дрыхнут без задних ног и продирают глаза только к обеду. Конечно, женщинам пришлось взвалить их работу на свои плечи.

Все шло наперекосяк. На крышах домов вместе с воронами обосновались злые духи и напускали морок на людей. На улицах, аллеях, на рыночной площади не было видно ни души. С утра до вечера не слышалось ни единого доброго слова. Самый большой в долине монастырь закрылся. Иногда я заходила туда, смотрела на ворота с луной, на пруды, поросшие ряской. Это напомнило мне что-то. По долине гуляла чума, которой никто не замечал.

Я решила поговорить со старейшинами деревни.

— Чем вы собираетесь питаться следующей зимой?

— Урожаем из закровов родины-матери!

— Откуда он возьмется? Вы же ничего не выращиваете.

— Ты ничего не понимаешь. Не видишь перемен.

— Прекрасно вижу. Их без счета.

— Родина-мать позаботится о своих детях. Мао Цзэдун днем и ночью думает о нас.

— Когда хозяйничают без счета, расплачивается крестьянин! Может, у Мао Цзэдуна и очень умные мысли, но брюхо ими не набьешь.

— Женщина, если коммунисты услышат, что ты городишь, тебя отправят на перековку. Не нравится у нас — ступай себе восвояси на Святую гору. Не мешай, мы играем в маджонг.

Той же зимой Мао сочинил декрет о Большом скачке. Перед новым Китаем возникла новая трудность: нехватка стали. Сталь нужна для мостов, для плугов, для пуль — чтобы остановить русских, которые угрожают со стороны Монголии. Все коммуны снабдили печами и нормами выплавки стали.

Никто в деревне не знал, как обращаться с плавильной печью, — кузнеца еще раньше объявили буржуем и повесили на крыше собственного дома. Но каждый знал, что с ним будет, если печь погаснет во время его дежурства. Мои сестры, племянники и племянницы были заняты заготовкой дров. Школы закрылись, учителя вместе с учениками образовали лесозаготовительные отряды — печи днем и ночью требовали корма. Кем вырастут мои племянники, если их головы пусты? Кто их научит читать и писать? Когда иссякли все запасы вплоть до досок и столов, начали вырубать девственные леса у подножия Святой горы. Совершенно здоровые деревья! Из мест, где не было лесов, дошли слухи: коммунисты проводят лотереи среди беспартийных жителей. У «победителей» разбирают дома и отправляют в топку.

Но все было напрасно. Черные, ломкие отливки прозвали «какашками», хотя в отличие от кашек они ни на что не годились. Каждую неделю из города приходил грузовик, женщины доверху загружали его «какашками» и удивлялись, почему партия до сих пор не прислала солдат, чтобы разобраться с вредителями.

Почему — стало понятно, когда зима подходила к концу, когда по долине поползли слухи о нехватке продовольствия.

Сперва люди откликнулись на эти слухи как обычно. Они не хотели верить, и они не поверили.

Когда рисовые склады опустели, пришлось поверить. Но Мао скоро пришлет колонну грузовиков с рисом. Нет, скорее всего, он сам приедет во главе колонны.

Партийные чиновники сказали, что колонну грузовиков по дороге подстерегли и взорвали шпионы-контрреволюционеры, но скоро будет

выслана другая колонна. А покамест нам следует немного затянуть пояса. Стали появляться крестьяне из окрестных сел — просили милостыню. Худые, как скелеты. В деревне исчезли козы, потом собаки, потом люди стали запирают ворота с наступлением сумерек. К тому времени, когда стаял снег, весь посевной рис был доеден. Очень скоро придут новые семена, обещали партийные чиновники.

«Очень скоро» еще не наступило, когда я решила вернуться к себе в чайный домик, на четыре недели раньше обычного. По ночам там, конечно, еще очень холодно, но Дерево и Учитель Будда позаботятся обо мне. Там есть птичьи яйца, корешки, орехи. Можно ловить птиц и кроликов. Проживу.

Пару раз я думала об отце. Что он до лета не доживет, мы понимали оба. Даже оставшись здесь, в деревне, где уютнее. Перед уходом я зашла в дальнюю комнату, где он лежал, выползая из постели только по нужде.

— До свидания, — сказала я.

Под его кожей было не больше жизни, чем в останках мухи, запутавшейся в паутине. Глаза прикрыты веками. Что там, под ними? Раскаяние, обида, безразличие? Или пустота? Пустота часто сходит за мудрость.

Весна в тот год наступила поздно. Зима успела напоследок прихватить побеги и почки. Ни одного паломника не появлялось из тумана. Горная кошка полюбила вытягиваться на ветке моего Дерева и наблюдать за дорогой. Под крышей домика свили гнездо ласточки: добрая примета. Изредка мимо проходили монахи. Я всегда приглашала их зайти и узнавала от них последние новости. Они говорили, что такой вкусной пищи, как голубиное мясо, тушенное с кореньями, они не ели уже много недель.

— Внизу вымирают целыми семьями, — рассказывал один. — Люди едят сено, кожаные ремни, кусочки ткани. Что угодно, лишь бы заполнить пустоту в желудке. Когда они умирают, некому их похоронить и исполнить погребальный обряд, поэтому они не смогут ни отправиться на небо, ни даже переродиться.

Однажды утром я открыла ставни и увидела, что вершины деревьев в цвету. Святой горе не было дела до человеческих бед. В тот день заходил один монах.

— Мао издал новый декрет. У пролетариата обнаружился новый враг — воробьи. Они пожирают народные семена. Всем детям приказано пугать птиц трещотками, не позволять им сесть. И птицы замертво падают на

землю от изнеможения. Беда в том, что теперь стало некому уничтожать насекомых. На полях нашествие сверчков, гусениц, мух. К Сычуани движутся полчища саранчи. Вот что случается, когда человек воображает себя богом и уничтожает воробьев.

Дни становились длиннее, пришла пора жаркого солнца и синего неба. Возле пещеры я нашла дупло с диким медом.

— Ваша семья осталась жива, — сообщил монах, который пришел из деревни. — Но только благодаря деньгам, которые сумела передать ваша дочь из Гонконга. После Нового года ее выдали замуж. Муж работает в ресторане у порта. Ждут ребеночка. Скоро вы станете бабушкой.

Сердце мое сжалось в комочек. Родственники поливали грязью мою девочку с самого дня ее рождения. А она спасла им жизнь.

Осень добавила желтой краски в листву. Я заготовила дров, орехов, засушила сладкого картофеля и ягод, заполнила кувшины диким рисом, укрепила стены, готовясь к зимним буранам, залатала одежды из кроличьего меха. Отправляясь в лес на заготовки, брала колокольчик, чтобы отпугивать медведей. Я еще летом решила, что останусь зимовать наверху. Сестрам в деревню переслала весточку. Они не стали меня разубеждать. Когда выпал первый снег, я была полностью готова к зимовке.

Чайный домик скрипел под тяжестью снежных заносов.

Семья оленей поселилась по соседству.

А я постарела. Кости болели, медленнее текла кровь по жилам. Когда в середине зимы начались сильные бураны, домик занесло по крышу, и мы с Учителем Буддой оказались надолго заперты в нем. Но я твердо решила дожить до конца зимы, чтобы услышать весеннюю капель и поцеловать мою девочку.

*

Когда я впервые в жизни увидела чужеземца, то не знала, что и подумать! Я догадалась, что это мужчина. Роста великанского, волосы желтые! Желтые, как моча у здорового человека! С ним был проводник-китаец, а через минуту я поняла, что он и сам говорит на настоящем языке! Моим племянникам в новой деревенской школе много рассказывали про чужеземцев. Они поработали наш народ многие века, пока коммунисты под руководством Мао Цзэдуна не освободили нас. Чужеземцы вообще любят поработать и воевать друг с другом. Что для нас зло — для них добро. Они пожирают собственных детей, вкус говна им слаще меда, а моются они раз в месяц. Когда слушаешь их речь — можно подумать, это

поросенок пукает. Они совокупаются там, где настигнет охота, даже на улицах, как кобели, которым встретила течная сука.

И вот он стоит передо мной, этот дьявол во плоти, и говорит на настоящем китайском языке с живым китайцем. Он даже похвалил мой зеленый чай за свежесть и аромат. От удивления я ничего не ответила. Чуть погодя любопытство пересилило отвращение, и я спросила:

— Из какого мира ты пришел? Мои племянники говорят, что кроме Китая есть много других земель.

Он улыбнулся и разложил на столе красивую картину.

— Это, — сказал он, — карта мира.

Никогда не видала ничего подобного.

Я посмотрела в самую середину — думала увидеть Святую гору.

— Где гора? — спросила я его.

— Вот. — Он указал точку с краю. — Сейчас мы находимся здесь.

— Я ничего не вижу.

— Она очень маленькая.

— Не может быть. Гора очень большая.

Он пожал плечами, как делают обычные живые люди. Здорово научился прикидываться.

— Посмотри, вот Китай. Его видно, правда?

— Да, видно. Но все равно он очень маленький. Тебе, наверное, подсунули испорченную карту.

Его проводник рассмеялся. Я не вижу ничего смешного, когда кого-то надувают.

— А вот это моя страна. Называется Италия.

Италия. Я попыталась произнести это название и чуть не сломала язык — такие звуки невозможно выговорить.

— Твоя страна похожа на башмак.

Он кивнул, соглашаясь. Сказал, что живет на каблуке. Все это слишком странно. Проводник попросил меня приготовить поесть.

Пока я готовила, чужеземный дьявол продолжал разговаривать с проводником. Меня поразило, что они друзья! Как друзья они обращаются друг с другом, делятся хлебом. Разве может живой человек дружить с дьяволом? В голове не укладывается. Может, он хочет ограбить дьявола, когда тот уснет? Тогда понятно.

— Почему ты никогда не говоришь о Культурной революции? — спросил дьявол. — Боишься доносчиков? Или скоро историю опять переписут, как будто никакой Культурной революции не было?

— Ни то ни другое, — отвечал проводник. — Я не хочу говорить о ней,

потому что это было слишком ужасно.

Мое Дерево давно пребывало в тревоге, причины которой я не понимала. На северо-востоке была видна комета. Мне приснилось, будто свиньи роются в крыше домика. Густой туман окутал Святую гору и не рассеивался много дней. Темные совы ухали среди бела дня. Потом появились эти красные дружинники.

Человек двадцать или тридцать. Большинство — мальчишки, которые только-только начали брить бороду. На рукавах красные повязки. Они маршировали по дороге с дубинками и самодельным оружием в руках. Подойдя поближе, стали что-то выкрикивать нараспев. Я и без объяснения Учителя-Будды поняла, что пришла беда.

— Что можно разрушить, — выкрикивали одни.

— Нужно разрушить, — отвечали другие.

И так снова и снова, без конца.

Командира я узнала. Встречала в деревне зимой накануне Великого Голода. Учился он из рук вон плохо, а работать не хотел — так, изредка клал кирпич. Сейчас он приближался к моей чайной с видом царя царей, повелителя Вселенной.

— Мы красные дружинники! Мы прибыли по поручению революционного комитета! — проорал он так, словно силой голоса хотел повалить меня наземь.

— Я прекрасно знаю тебя, Головастый. — (Головастый — так прозвали его в деревне за полную безголовость). — Твоя матушка часто приносила тебя совсем маленьким мальчиком к моей сестре понячить. Мне не раз случалось подтирать тебе задницу, когда обкакаешься.

Я так рассуждала: эта молодежь — как медведь. Если почувствует, что ты боишься, — нападет. Будешь держаться как ни в чем не бывало — не тронет, пройдет мимо своей дорогой.

Головастый наотмашь ударил меня по лицу.

У меня на глазах выступили слезы, нос захрустел, лицо как обожгло. Но не эта боль поразила меня, а мысль, что младший поднял руку на старшего! Это же против законов природы!

— Не смей называть меня «Головастый»! Мне это не нравится, — небрежно бросил он. Потом оглянулся и крикнул: — Дружинники! Эта буржуйская разбойница прячет от народных масс награбленное! А ну-ка, быстро разыщите его! Начните с комнаты наверху. Да ищите как следует! Эта старая кровопийца — хитрая тварь!

Я коснулась носа, и пальцы стали красными.

По лестнице застучали ботинки. Сверху донеслись шум, смех, грохот, звон.

— Угощайтесь. — Головастый указал оставшимся внизу дружинникам на мою кухню. — И главное, помните: старая ведьма все это украла у вас. Но сначала разбейте к черту этот религиозный пережиток, разнесите его в пыль.

— Только попробуйте!..

Последовал еще один удар, и я упала. Головастый наступил мне на лицо и вдавил мою голову в землю. Потом передвинул ногу мне на горло. Я кожей чувствовала рубчики на подошве его ботинка. Я подумала, он хочет задушить меня.

— Вот погоди, я все расскажу твоим родителям.

Я с трудом узнала свой голос — такой слабый и сдавленный.

Головастый запрокинул голову и захохотал.

— Она собирается пожаловаться мамочке с папочкой! Ой, держите меня, сейчас со страху наложу в штанишки! Да ты знаешь, что я плевать хотел на своих родителей? Знаешь, что Мао говорит? «Может, отец тебя любит и мать тебя любит, но председатель Мао любит тебя больше, чем отец с матерью».

Я услышала, как разбили Учителя Будду.

— У тебя будут большие неприятности, когда о твоих делах прознают настоящие коммунисты!

— Этих ревизионистов мы скоро ликвидируем. Женскую партийную ячейку уже разоблачили — эти шлюхи снюхались с троцкистскими отщепенцами.

Он поставил ногу мне на живот и глядел с высоты. В глазах потемнело, я плохо различала его лицо. На мою переносицу шлепнулся большой плевков.

— Тьфу, шлюха! Знаю, с кем ты якшалась, слышал!

У меня достало сил, чтобы возмутиться в ответ на оскорбление:

— Что ты мелешь?

— Раздвигала ноги перед феодалами! Сын Военачальника, вишь ты! Все знают, что твоя шавка в Гонконге сосет болты империалистам. Думает, ей удастся перехитрить нашу славную революцию! Чего делаешь большие глаза? В деревне сейчас никто не станет покрывать классовых врагов и предателей! Чего рыло-то воротишь? Забыла, как это приятно — когда мужчина сверху? — Он наклонился и зашептал мне в ухо: — Может, напомнить? — Он стиснул мне грудь. — В твоей мохнатой дырке еще, наверно, осталась смазка? Может, проверим?

— Мы нашли ее деньги, генерал!

Это известие меня спасло. Не появление дружинников. Головастый отошел, открыл мою шкатулку. Разгром домика тем временем продолжался. Съестные припасы парни уничтожали со скоростью саранчи.

— Все награбленное тобой добро я конфискую в пользу Китайской Народной Республики. Может, хочешь обратиться с жалобой в Народный Революционный Трибунал?

Он уперся коленом мне в плечо. Моя голова была прижата щекой к земле, но я старалась смотреть ему прямо в глаза.

— Будем считать, что твое молчание означает «нет». А это что такое? Отвечай, черт возьми. Твое сучье отродье, если не ошибаюсь?

Двумя пальцами он держал фотографию моей дочери. Вынув зажигалку, поднес ее к карточке. Вспыхнул уголок. Он наблюдал за моим лицом, пока огонь пожирал сначала мою девочку, потом лилию в ее волосах. Сердце мое обливалось кровью, но я страдала молча. Не хотела слезами доставить Головастому удовольствие. Он держал мое обгоревшее сокровище, пока огонь не обжег ему пальцы, потом отбросил.

— Задание выполнено, генерал, — доложила девочка.

Подумать только, среди них — девочка!

Головастый убрал ногу с моего горла.

— Ну ладно. Нам пора. Там, выше, нас ждут враги пострашнее, чем эта мразь.

Прислонившись к Дереву, я смотрела на руины чайного домика.

— Мир сошел с ума, — сказала я. — В который раз.

— И снова придет в порядок, — откликнулось Дерево. — В который раз. Не надо так горевать, ведь это была всего лишь фотография. Ты не умрешь, пока не увидишь свою дочь.

Тут что-то заскрипело, и рухнула крыша.

— Я тихо живу. Занимаюсь своим делом. Никого не трогаю. Почему

люди вечно приходят и разрушают мой чайный домик? За что? Почему они не оставят меня в покое?

— Да, хороший вопрос, — прошептало Дерево.

На следующий день выяснилось, что я легко отделалась. Я пошла в деревню одолжить что-нибудь из посуды. Монастырь был разграблен и разрушен. Многих монахов убили прямо в большом зале, во время медитации. Во дворе, за воротами с луной, я заметила человек сто монахов. Они стояли на коленях вокруг костра и жгли древние свитки из монастырской библиотеки, которые хранились с той поры, когда Учитель наш Будда ходил по земле со своими учениками. Их ступни были привязаны к запрокинутым головам. Они кричали: «Слава идеям Мао Цзэдуна! Слава идеям Мао Цзэдуна!» Без передышки. Между ними прохаживались красные дружинники и забивали камнями того, кого покидали силы.

Возле школы к камфорному дереву были привязаны школьные учителя. На шее у них болтались таблички «Чем больше читаешь, тем глупее будешь».

Повсюду висели портреты Мао. Я насчитала пятьдесят, потом сбилась со счета.

Двоюродную сестру я нашла на кухне. Лицо белое, как стенка.

— Где твои гобеленовые шторы?

— Гобелен опасен. Это буржуйская ткань. Сожгла во дворе, пока соседи не донесли.

— Почему все ходят с красными книжечками? Талисман от злых духов?

— Это красный цитатник Мао. Он должен быть у каждого. Такой закон.

— Скажи, как может один лысый жирный коротышка так оболванить целый народ?

— Тише! Если кто-нибудь услышит, тебя забьют камнями. Присядь, сестра. Красные дружинники, наверное, побывали у тебя? Они собираются жечь монастыри на горе до самой вершины. Выпей-ка рисового вина. Вот, держи. Пей до дна. У меня плохие новости. Всех родственников из Лэшаня забрали.

— Куда? В Гонконг?

— В исправительный лагерь. Соседи завидовали посылкам, которые передавала им твоя дочь. И донесли, что они классовые предатели.

— Что такое исправительный лагерь? Там можно выжить?

Сестра вздохнула и развела руками:

— Кто его знает...

Мы помолчали.

Три коротких удара в дверь — сестра вздрогнула, будто ей на шею набросили удавку.

— Это я, мама!

Сестра откинула засов. Вошел ее сын, поздоровался со мной.

— Я с рыночной площади, был на собрании самокритики. Мясник донес на скотника.

— Что написал?

— Какая разница! Сойдет что угодно. Дело в том, что мясник задолжал скотнику за корову. И решил рассчитаться. Да это пустяки. Вот через деревню от нас лудильщик лишился головы только за то, что его дедушка воевал у гоминьдановцев против японцев.

— Я думала, что коммунисты сражались с японцами рука об руку с гоминьдановцами.

— Так-то оно так. Но дедушка выбрал не тот мундир. И у внука голова с плеч! А в одной деревне за Лэшанем два дня назад готовили жаркое.

— И что? — спросила сестра.

— А свинины-то у них не водится со времен Великого Голода.

— И что? — выдохнула я.

— Три дня назад там перестреляли всех членов совета коммуны вроде как за присвоение народного масла. Сами догадайтесь, что — кого — на следующий день жарили в котлах... Участвовать обязаны были все жители деревни под страхом смертной казни, так что все теперь соучастники. Жарь — или зажарят.

— В преисподней сейчас, наверное, некому работать, — вслух подумала я. — Все бесы повылазили на землю. Неужели мир потонет во зле? Может, комета во всем виновата, как вы думаете?

Племянник уставился на бутылку рисового вина. Он всегда поддерживал коммунистов.

— Это жена Мао во всем виновата, — ответил он. — Она была актеркой, а теперь у нее в руках оказалась власть. Чего можно ждать хорошего от человека, который зарабатывал притворством?

— Я возвращаюсь к себе на Святую гору, — сказала я. — И больше ноги моей не будет в долине. Навещай меня, сестра, если силы будут. Вы знаете, где найти меня.

Человеческий глаз смотрит на меня сверху. Он притворился падучей звездой, но меня не проведешь. Разве падучая звезда может лететь прямо,

на одной высоте, не сгорая? Это не что-то там в форме чечевицы, нет, это именно человеческий глаз, который смотрит на меня с высоты, как и положено глазам. Чьи они и чего им от меня надо?

— Поразительно! — прошелестело Дерево, и я различила в его шепоте улыбку. — Откуда у тебя такое чутье?

— О чем ты? — не поняла я.

— Его еще даже не запустили!

Я снова отстроила свой чайный домик. Учителя нашего Будду склеила соком растений. Мир не погиб, хотя зло вырвалось из преисподней и затопило-таки его в тот страшный год. Беженцы, которые пробирались к своим родственникам на вершину горы, время от времени рассказывали мне, что происходит. Рассказывали про детей, которые доносят на родителей и становятся прославленными героями на час. Про грузовики, набитые докторами, юристами, учителями, которых везут в деревню на перековку, чтобы крестьяне их перевоспитывали в исправительных лагерях. Крестьяне не понимали, как перевоспитывать, исправительные лагеря не успевали достроить. Красных дружинников направляли охранять осужденных, и охранники со временем понимали, что они такие же пленники, как их жертвы. Эти красные дружинники — мальчики из Пекина и Шанхая, вырванные из привычной городской жизни. Головастого объявили голландским шпионом и отправили во Внутреннюю Монголию в тюрьму. Врагами народа объявили даже соратников Мао, творцов Культурной революции. Если раньше их восхваляли, теперь из Пекина подул другой ветер и их поносили на каждом углу. Что ж это за место такое — «столица», где вырвались на волю все темные силы? Самые кровожадные властители древности — котята по сравнению с сумасшедшим Мао.

Монахи больше не молились в монастырях, колокола молчали, и это продолжалось много лет.

Как сказал тот проводник своему другу — желтоволосому дьяволу: «Это было слишком ужасно».

Сменяли друг друга времена года. Я ни разу не спустилась вниз, в деревню. Зимой, правду сказать, было холодно и голодно, но лето все окупало. По утрам, когда я развешивала выстиранное белье, ко мне прилетали стаи ярких бабочек. У горной кошки родились котята, они стали почти ручными.

Горстка монахов вернулась в монастырь на вершине горы. Партийные

власти не обратили на это никакого внимания. Проснувшись однажды, я обнаружила под дверью конверт. Это было письмо от моей дочери! И в нем фотография, да еще цветная! Читать я не умею, пришлось ждать, когда мимо пройдет монах. И вот что он прочитал:

Дорогая матушка!

Говорят, сейчас письма стали иногда доходить. Решила и я попытать удачи. Как видишь по фотографии, я уже немолодая женщина. А молодая женщина слева от меня — твоя внучка. На руках у нее ребеночек — это твоя правнучка! Мы небогаты. После смерти моего мужа лишились ресторана. Но дочка убирает квартиры иностранцам, так что мы не бедствуем. Надеюсь когда-нибудь увидеться с тобой на Святой горе. Ведь жизнь меняется, и все возможно. Если же этого не случится, мы обязательно встретимся на небесах. Мой приемный отец много рассказывал мне про твою Святую гору. Он уже умер. Поднималась ли ты когда-нибудь на самую вершину? Оттуда, наверное, виден Гонконг! Береги себя. Я молюсь за тебя. Молись и ты за меня.

Потихоньку стали появляться паломники. Их становилось все больше и больше: тонкий ручеек превратился в поток. У меня появились деньги, и я обзавелась цыплятами, и медной сковородкой, и мешком риса на зиму. Все чаще стали бывать иностранцы: то длинноволосые, то размалеванные, то черные, то розовато-серые. Уж не слишком ли много их пускают? С другой стороны, иностранцы приносят деньги. У них денег куры не клюют! Говоришь им, что бутылка воды стоит двадцать юаней, — и они платят, даже не дав нам возможности поторговаться. Очень невежливо с их стороны.

Однажды был такой случай. Летом комнату наверху я сдаю. Сама сплю внизу, на кухне — повесила там отцовский гамак. Конечно, мне это не по душе, но что делать — нужно подкопить денег на похороны или на случай нового голода. За ночлег с иностранца я получаю больше денег, чем выручаю за неделю с нормальных людей, торгуя лапшой и чаем. В тот вечер у меня остановились сразу иностранец и нормальная семья — муж, жена, ребенок. Иностранец не умел говорить — объяснялся жестами, как обезьяна. Наступила ночь. Я заперла чайную и легла в гамак. Сын моих постояльцев не мог заснуть, поэтому мать рассказывала ему сказку. Занятную сказку, как трое животных думают о судьбе мира.

Вдруг иностранец заговорил! Человеческим языком!

— Простите, где вы слышали эту сказку? Вспомните, пожалуйста!

Женщина удивилась не меньше моего.

— Матушка рассказала мне ее, когда я была девочкой. А ей рассказала ее матушка. Она родилась в Монголии.

— Где в Монголии?

— Не знаю. Знаю только, что в Монголии.

— Спасибо. Простите, что побеспокоил вас.

Он подошел к двери и попросил выпустить его.

— Но я не могу вернуть вам деньги, — предупредила я его.

— Не важно. До свидания. Желаю вам всего хорошего.

Странный какой! Но он твердо решил уйти, поэтому я отодвинула засов и распахнула дверь. Ночь была звездная, но безлунная. Иностранец вышел и стал спускаться вниз, хотя собирался на вершину.

— Куда же вы? — крикнула я вслед.

Но он исчез из виду, провалился в лесную тьму.

— Что с ним? — спросила я у Дерева.

Дерево промолчало — тоже не знало, наверное.

*

— Мао умер!

Первым эту новость мне сообщило Дерево ярким солнечным утром. Потом ее подтвердил монах, поднимающийся в гору. Его лицо светилось от радости.

— Хотел купить рисового вина, чтоб отпраздновать это событие, но все вино уже разобрали! Одни всю ночь проплакали. Другие проговорили о том, что нападение Советского Союза теперь неминуемо. Члены партии попрятались за закрытыми ставнями. Но большинство всю ночь веселились и запускали фейерверки.

Я поднялась по лестнице в комнату, где молоденькая девушка лежала без сна и мучилась от страха. Я знала, что она — призрак, потому что лунный свет проходил через нее насквозь и слышала она меня с трудом.

— Не бойся, — сказала я, — Дерево поможет тебе. Оно подскажет, когда нужно бежать и прятаться.

Девушка внимательно смотрела на меня. Я присела на сундук в изголовье ее кровати и запела колыбельную — ту единственную, которую знала: про кота, что плывет на лодочке по реке.

Это был добрый год. Один за другим открывались храмы, в них звонили колокола. Теперь люди могли встречать Солнце и Луну как положено и праздновать день рождения Учителя нашего, Будды. Монахи

снова стали моими частыми гостями, а число паломников доходило до нескольких дюжин в день. Толстяков приносили на носилках двое-трое носильщиков. Паломник на носилках! Такая же чушь, как паломник на колесах. Люди с куриными мозгами, которые еще верили в политику, кричали про четыре модернизации, про суд над бандой четырех, про доброго духа по имени Дэн Сяопин, который призван спасти Китай. Да пусть он устраивает хоть сорок четыре модернизации. Главное, чтоб не трогал мой чайный домик. Дэн Сяопин придумал такой девиз: «Богатство не порок» — и призвал всех обогащаться.

На вершине Святой горы несколько раз открывался глаз Учителя нашего, Будды. Монахов, которым посчастливилось увидеть это чудо, подхватила некая сила, и, пройдя по двойной радуге, они оказались прямо в раю. Еще одно чудо случилось совсем рядом со мной. Мое Дерево надумало обзавестись потомством. Однажды осенью я обнаружила, что на нем растет миндаль. Чуть повыше — фундук. Я бы не поверила, если б не видела своими глазами! Негромко зашуршала ветка, и к моим ногам упала хурма! Спустя неделю я нашла под деревом айву, а потом несколько яблок. Дерево поскрипывало, когда я спала, и звуки цимбал сопровождали меня в ночных странствиях.

По ночам мне часто снился отец в темном, страшном месте, возле пещеры на берегу высохшего пруда. Он смотрел на меня умоляющим взглядом. Руки его были связаны над головой. Несколько раз, заваривая чай для посетителей, я слышала, как он шаркает в верхней комнате, закуривает сигарету, покашливает. Учитель Будда объяснил мне, что отец страдает из-за своей вины. Его душа томится в клетке, потому что он не довел дело жизни до конца. Его душа будет пребывать в темных низких мирах, пока я не совершу паломничества на вершину горы.

Поймите меня правильно. Я думаю, что отец мой был полнейшее куриное дерьмо. Отыскать в нем хоть какое-нибудь достоинство труднее, чем иголку в реке Янцзы. Ни разу не сказал он мне ласкового слова, мою невинность продал за пару чайников. Но он мой отец, а долг потомков — заботиться о душах предков. К тому же я хочу спокойно спать, хочу, чтоб он перестал являться мне с умоляющим видом. И наконец, это будет неуважением к Святой горе, если я, всю жизнь прожив на ней, так и не совершу паломничества на вершину. А я уже в том возрасте, когда старая женщина, проснувшись и не сумев подняться с постели, может понять, что вчера был последний день, когда она еще могла идти куда хочет, да не знала об этом.

Стояло прекрасное утро, сезон дождей еще не наступил. Я поднялась вместе с солнцем. Дерево приготовило мне немного еды. Я заперла чайный домик, спрятала шкатулку под грудой камней в своей пещере и начала подъем. Пятьдесят лет назад я добралась бы до вершины еще засветло, но теперь хорошо, если за два дня доберусь.

Шаг за шагом, промоины, шаг за шагом, могучие деревья, еще шаг, тропа цепляется за самый край света. Несколько шагов на солнце. Несколько шагов в тени.

С наступлением вечера я разожгла костер под навесом разрушенного монастыря. Накрылась зимним платком и уснула. Учитель Будда сидел, покуривая, у моего изголовья и охранял меня, как и всех паломников. Проснувшись, я нашла рядом миску риса и чашку черного чая, еще горячего.

Вдруг я очутилась в будущем веке. Гостиницы в пять и даже в шесть этажей! В магазинах — блестящие штучки, которые ни для чего не нужны. Рестораны с блюдами, которые пахнут незнакомо. Ряды огромных автобусов с разноцветными окнами, и в них — одни чужеземные дьяволы! Автомобили наезжают друг на друга и визжат, как стадо свиней. По воздуху летают сундуки с людьми — и никто не удивляется! Вдруг пахнуло, как из пещеры. Я подошла поближе и заглянула внутрь, через спины людей. На возвышении стоял мужчина и целовал серебристый грибок. За спиной у него натянута белая ткань, на ней — фигуры влюбленных, какие-то слова. Я поняла, что мужчина поет! Поет о любви, о теплом ветерке, о грустной иве.

Меня чуть не сбил с ног носильщик — он нес на носилках чужеземку в черных очках, хотя солнце уже зашло.

— А ну, посторонись-ка!

— Не скажете, как пройти на вершину Святой горы? — спросила я.

— А ты где находишься?

— Это и есть вершина?!

— Вершина, вершина.

— А где ж тогда храм? Мне нужно помолиться за упокоение души моего...

— Да вот же он! — кивнул носильщик.

Храм окружали строительные леса из бамбука. По настилам вверх-вниз сновали рабочие. Несколько человек внизу играли в футбол, две древние статуи монахов заменяли им ворота. Я подошла поближе к вратарю — хотела убедиться, что глаза меня не подвели.

— Господи! Да это никак Головастый, генерал красной дружины?

— Какого черта тебе надо, старуха? Ты кто такая?

— Когда мы виделись последний раз, твоя нога стояла у меня на горле, а сам ты распалился, как кобель. Ты разрушил мою чайную и ограбил меня.

Он вспомнил, но притворился, что не узнал меня, и отвернулся, бормоча что-то неразборчивое. В этот момент мяч влетел мимо него в ворота, раздался радостный крик.

— Просто чудеса в решетке! Да ты и впрямь, как я посмотрю, головастый! Сначала ты командовал теми, кто разрушал храмы. А теперь ты командуешь теми, кто их восстанавливает! Это у вас, видно, называется «социалистическая модернизация»?

— С чего ты взяла, что я командую?

— Потому что, даже увильнув от работы, ты выбрал занятие полегче.

Головастый не знал, что ответить. Его лицо принимало то одно выражение, то другое. Рабочие слышали мои слова и стали с подозрением поглядывать на Головастого. Я прошла мимо, ко входу в храм. Вокруг стучали молотки, визжали пилы. Злоба — это демон, который может прогрызть человека до мозга костей.

Очень много такого уже случилось. Учитель Будда всегда говорил мне, что прощение дарует жизнь. И я согласна. Прощение дарует жизнь — тому, кто прощает.

Я вошла через высокую дверь и растерянно остановилась, не зная, что делать дальше. Пожилой монах со сломанным носом подошел ко мне и спросил:

— Вы ведь хозяйка чайного домика?

— Да, — кивнула я.

— Тогда будьте моей гостьей! Пройдемте в Святилище, я угощу вас чаем.

Я колебалась.

— Прошу вас. Не бойтесь. Мы очень рады вам.

Ученик монаха в шафрановой тунике покрывал листом золота лоб Учителя-Будды. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. Откуда-то доносились грохот отбойного молотка и гудение дрели.

Я последовала за монахом через залы, пахнувшие благовониями и цементной пылью. Мы пришли в тихую пустую комнату. Там стояли статуи Будды и висели свитки. Чайник ждал нас на столе.

— Что это за свитки? — спросила я.

— Каллиграфия, — улыбнулся монах. — Мое праздное увлечение. Вот

здесь написано:

*Солнечный луч на моем столе.
Пишу длинное письмо.*

— А здесь? — спросила я.

Он прочитал:

*Гора растаяла вдали.
Я ее больше никогда не увижу.*

— Не судите строго мои жалкие поделки. Я всего лишь любитель. Позвольте налить вам чаю.

— Большое спасибо. Вы, наверное, счастливы теперь? Столько паломников приезжает в храм.

Монах вздохнул.

— Это не паломники. Это туристы. Они даже не заглядывают в храм. Паломников очень мало.

— Тогда почему они приезжают на Святую гору?

— Потому что у них машины — надо же куда-то ехать. Потому что все сюда едут. Потому что правительство объявило Святую гору национальным достоянием.

— Партия вас больше не преследует — и то хорошо.

— Потому что решила — выгоднее с нас брать деньги.

Кто-то прошел поблизости, шурша метлой и насвистывая мотив, исполненный счастья и печали одновременно.

— Я пришла вот по какому делу, — приступила я.

Монах внимательно выслушал меня, кивая время от времени.

— Вы правильно сделали, что пришли. Душа вашего отца слишком отягощена злом, поэтому не может покинуть этот мир. Пойдемте, сбоку есть укромный алтарь, где нам не помешают. Мы вместе зажжем курительные палочки, и я исполню ритуал. Потом подыщем вам уголок, чтобы переночевать. Мы принимаем гостей небогато, но от души. Как и вы.

На следующее утро монах проводил меня до ворот. Стоял густой туман.

— Сколько с меня причитается? — Я достала кошелек.

— Нисколько. — Он почтительно коснулся моей руки. — Ни разу в жизни ни один монах не ушел от вас с пустым животом — это в то время, когда вместо обеда мы сосали камушек. Когда наступит ваш срок, я сам исполню погребальный обряд, клянусь вам.

Встречая доброе отношение, я не могу удержаться от слез.

— Но даже монахи должны есть! — запротестовала я.

Он махнул рукой в ту сторону, откуда из-за тумана слышались шум, гам, непонятная речь:

— Вот пусть они и кормят нас!

Я поклонилась до земли, а когда разогнулась, его уже не было рядом. Осталась только его улыбка. На обратном пути, спускаясь, я заметила Головастого. Он тащил вверх по лестнице большой мешок с гравием. Лицо его было в синяках и кровоподтеках. Честное слово. Стайка девушек с веселым криком и смехом перебежала площадь, чуть не сбив меня с ног. Монах был прав: здесь не осталось ничего святого. Святые места теперь должны прятаться выше или глубже.

Однажды пришел ко мне в чайную человек. Сказал, что он из партийной газеты. Хочет написать рассказ про меня. Я спросила, как он назовет свой рассказ.

— «Семьдесят лет социалистического предпринимательства», — ответил он.

— Семьдесят лет чего? — переспросила я.

Он нацелил на меня фотоаппарат, я аж ослепла от вспышки.

— Социалистического предпринимательства.

— Какие-то новые громкие слова. Лучше порасспросите новых громких людей.

— Нет, госпожа, — наседал он. — Я должен выполнить задание.

Отошел назад, навел фотоаппарат на мою чайную. Щелк!

— Понимаете, вы пионер, зачинатель. Сейчас на Святой горе кто только не зарабатывает, но первой-то эту возможность открыли вы! И вы до сих пор здесь. Просто удивительный сюжет! Бабушка, которая несет золотые яички. Кстати, прекрасный подзаголовок для статьи.

И правда, в летние месяцы народ идет сплошным потоком. На каждом шагу теперь чайные, закусочные, киоски с *гамбургерами* — я как-то раз попробовала, ну и дерьмо! И часу не прошло — снова проголодалась. У каждого храма — множество столиков. Пакетами, бутылками, стаканчиками усеян весь путь наверх.

— Я вовсе не пионер. Я поселилась здесь, потому что деваться некуда было. Что касается денег, то партия прислала своих людей и они разрушили мою чайную за то, что я зарабатывала деньги.

— Нет, это исключено. Вам много лет, вы что-то путаете. Вам изменяет память. Партия всегда поощряла честную торговлю. Уверен, вам есть что

рассказать! Вы можете развлечь наших читателей.

— Это не моя работа — развлекать ваших читателей! Моя работа — делать лапшу, заваривать чай. Если вы и правда хотите написать о чем-нибудь интересном, напишите о моем Дереве. На самом деле это пять деревьев в одном. На нем растут миндаль, фундук, хурма, айва и яблоки. «Дерево изобилия»! Так и назовите свой рассказ, чего лучше!

— Пять деревьев в одном? — пожал плечами газетный человек.

— Да. Не спорю, яблоки кисловаты. Но все равно! И еще оно умеет разговаривать!

— Да что вы?

Он быстро собрался и ушел. Свой дурацкий рассказ он все же написал, выдумав все от слова до слова. Один монах прочитал мне. Получилось, что я все время восхищалась мудрым руководством Дэн Сяопина — это главное. И хоть никогда не слышала про площадь Тяньаньмэнь, не сомневалась, что власти приняли самое правильное решение.

Пришлось добавить в список людей, которым нельзя верить, писателей. Они все сочиняют.

— Ты знаешь, кто я?

Я открываю глаза.

Тень от Древа падает на ее прекрасное лицо.

— Помню, родная, у тебя еще была лилия в волосах. Очень тебе к лицу. Благодарю за письмо. Получила на днях. Монах мне его прочитал.

Она улыбается совсем как на фотографии.

— Это была твоя правнучка, — говорит моя племянница, как будто я обозналась.

Она сама обозналась, но у меня нет сил объяснять ей природу минувшего.

— Ты навсегда вернулась в Китай, моя родная?

— Да. Гонконг, правда, тоже теперь Китай, но не важно. Навсегда. Твоя правнучка, тетя, добилась большого успеха в жизни. — В голосе племянницы слышится гордость. — Она купила в долине отель с рестораном. На крыше прожектор крутится всю ночь до утра. Там останавливаются самые богатые люди. На прошлой неделе был знаменитый киноартист. У нее нет отбоя от самых завидных женихов. Даже партийный секретарь просил ее руки.

Мое сердце разнежилось, как горная кошка, свернувшаяся калачиком на солнышке.

Дочь почтит мою память и похоронит на Святой горе лицом к морю.

— Я никогда не видела моря. Говорят, в Гонконге мостовые из золота.

Она смеется таким милым, звонким смехом. Заслышав его, я тоже не могу удержаться, хотя смех отдается болью в груди, все сильнее и сильнее.

— На мостовых в Гонконге можно найти много чего, только не золото. Мой хозяин умер. Иностранец, юрист в большой компании. Он был ужасно богатый и оставил мне много денег. По завещанию.

Чутье старой умирающей женщины подсказывает мне, что это не вся правда.

Умудренность старой умирающей женщины подсказывает мне, что правда — это не все.

Я слышу, как моя дочь с племянницей внизу готовят чай. Я закрываю глаза и не слышу ничего, только цокают копытца из слоновой кости, цок-цок.

Струйка дыма раскручивается и тянется вверх. Вверх, все выше и выше.

Монголия

*

Вот уже целую вечность поезд скользит по равнине.

Иногда за окном мелькнет поселение — несколько круглых палаток, которые в путеводителе Каспара называются «юрты». Лошади щиплют траву. Старики неподвижно сидят на корточках, курят трубки. Жуткие собаки облаивают поезд, а ребяташки долго смотрят ему вслед. Они никогда не машут в ответ Каспару, только глядят, как и старики. Телеграфные столбы шагают вдоль рельсов, разветвляются и исчезают за пустынным горизонтом. Просторное небо напоминает датчанину край, где он вырос, который называется Зеландия. Каспар тоскует по дому и чувствует себя одиноким. Я не чувствую ничего, кроме нескончаемости.

Великая Китайская стена давно осталась позади.

Я в этой затерянной стране, чтобы найти себя.

В купе вместе с нами едут два великана австрийца, которые хлещут водку и обмениваются дурацкими шутками на немецком. Этот язык я услышал впервые от Каспара две недели назад. Они проигрывают друг другу охапки монгольских денег — тугриков — в карточную игру под названием криббидж, которой научил их в Шанхае один валлиец, и сопровождают этот процесс виртуозной руганью. На верхней полке сидит Шерри, девушка из Австралии. Она с головой ушла в «Войну и мир». До того как все бросить, Каспар преподавал агротехнику в университете и Толстого не читал. Сейчас он, кажется, жалеет об этом, впрочем, не из литературных соображений. Иногда к нам заглядывает швед из соседнего купе, чтобы снова попотчевать Каспара историей о том, как его ограбили в Китае. Он надоел нам обоим до смерти, так что симпатии Каспара переходят на сторону китайцев. Кроме шведа в соседнем купе едет ирландка средних лет. Она либо смотрит в окно, либо пишет в черной тетради. Дальше — компания израильтян, две девушки, двое юношей. Они обсудили с Каспаром цены на отели в Пекине и Сиане, а также новые вспышки насилия в Палестине, но, в общем, держатся особняком.

Наступил вечер, на землю опустились синие сумерки. Через каждые десять — двадцать миль темноту прорезают языки костров.

Внутренние часы Каспара отстают на семь часов, и он хочет лечь спать.

Я мог бы отрегулировать его биоритмы, но решаю — пусть поспит. Он идет в туалет, плещет в лицо водой из крана, чистит зубы и полощет рот водой из бутылки, куда для дезинфекции добавлен йод. Когда Каспар выходит, Шерри стоит в тамбуре. Она приникла лицом к окну. «Какая красавица», — думает Каспар.

— Привет! — говорит он.

— Привет! — Шерри обращает взгляд на моего хозяина.

— Как «Война и мир»? Если честно, я вообще не читал русских писателей.

— Очень длинно.

— А о чем?

— О том, почему все происходит именно так, как происходит.

— А почему все происходит именно так, как происходит?

— Пока не знаю. Не дочитала. *Очень* длинно.

Она глядит, как затуманивается стекло от ее дыхания.

— Посмотрите! Такой простор — и ни души. Почти как у меня на родине.

Каспар встает рядом с ней и смотрит. Через милю он спрашивает:

— Почему вы поехали сюда?

Она отвечает, подумав:

— Это край света, вы не находите? Страна, затерянная в центре Азии. Не на западе, не на востоке. Затерянный, как Монголия, — вполне могла бы существовать такая идиома. А вы почему здесь?

Пьяные русские в конце коридора кричат и хохочут.

— Точно не знаю. Я собирался в Лаос, но вдруг ни с того ни с сего накатило желание поехать сюда. Я сопротивлялся, но куда там! В Монголию! — твердил внутренний голос. Никогда раньше я не думал об этой стране. Может, перебрал чего-нибудь?

Полуголый китайский карапуз бежит по коридору и гудит, изображая то ли лошадь, то ли вертолет.

— Как давно вы путешествуете? — спрашивает Каспар. Он не хочет, чтобы разговор оборвался.

— Десять месяцев. А вы?

— В мае будет три года.

— Три года! Тяжелый случай! — Шерри широко зевает. — Простите, я дошла то точки. Находиться взаперти, ничего не делая, — тяжелый труд. Как вы думаете, наши австрийские друзья прикроют свое казино на ночь?

— Хотя бы прикрыли лавочку по отливке шуток. Вам крупно повезло, что вы не понимаете по-немецки.

Когда они вернулись в купе, сверху и снизу уже раздавался храп австрийцев. Шерри защелкнула дверь на замок. Мягкое покачивание поезда убаюкивает Каспара. Засыпая, он думает о Шерри.

Шерри свешивается с верхней полки:

— Может, вы знаете какую-нибудь хорошую сказку на сон грядущий?

Каспар — плохой рассказчик, и я прихожу ему на помощь.

— Да, я знаю одну сказку. Монгольскую. Точнее, притчу.

— Замечательно! Я вся внимание, — улыбнулась Шерри, и сердце у Каспара ухнуло.

О судьбе мира думают трое.

Первый — это журавль. Видели, как осторожно он шагает по реке меж камней? Он высоко задирает ноги и резко откидывает голову назад, озираясь. Журавль уверен, что если он хоть раз сделает настоящий, большой шаг, то рухнут могучие деревья, горы сдвинутся с места, земля задрожит.

Второй — это кузнечик. Весь день напролет он сидит на камушке и размышляет о потопе. Однажды воды хлынут, вспенятся, закружатся водоворотом и поглотят весь мир вместе с живыми существами. Поэтому кузнечик не спускает глаз с неба — следит, не собирается ли там грозовая туча небывалой величины.

Третий — это летучая мышь. Она боится, что небо может упасть и разбиться вдребезги, и тогда все живые существа погибнут. Поэтому летучая мышь мечется между небом и землей, вверх-вниз, вверх-вниз, проверяет — все ли в порядке.

Вот так все было, давным-давно, в начале времен.

Шерри уже уснула, а Каспар еще какое-то время пытается понять, откуда пришла ему в голову эта история. Я усыплю его внимание, нагоняю дрему. Некоторое время наблюдаю за тем, как наплывают и уплывают его сны. Сначала ему снится, что он бильярдным кием защищает рыцарский замок, построенный на песке. Потом снятся сестра и племянница. Вдруг в сон врывается отец, он толкает по коридору транссибирского экспресса мотоцикл с коляской, набитой купюрами, которые разлетаются в разные стороны. Как всегда, пьяный, он, как всегда, скандалит и требует от Каспара ответа: какого черта он тут делает и когда наконец вернет важные видеопленки. А Каспар — маленький мальчик в ползунках и даже слов таких не знает.

Мое собственное детство прошло у подножия Святой горы. Там было темно, и продолжалось это, как я потом понял, очень долго. Много времени мне потребовалось, чтобы научиться помнить. Я хорошо понимаю птицу, которая только-только начинает историю своего «я». Не сразу, совсем не сразу она осознает, что «я», личность, отличается от безличности, от ее скорлупы. Сначала птица воспринимает объем, замкнутость пространства. Потом ее органы чувств начинают работать, и она может отличать тьму от света, теплое от холодного. По мере того как ее чувства совершенствуются, у птицы возникает стремление к свободе. И вот в один прекрасный день она начинает рваться прочь из вязкой жидкости, из хрупкой скорлупки, пока наконец не окажется за ее пределами, одна, в головокружительной реальности, где все — изумление, страх, краски, неизвестность.

С давних пор задаюсь вопросом: *почему я один?*

Солнце разбудило Каспара. Он отирает слезы в уголках глаз, ремешок часов лезет в рот. Ему безумно хочется съесть на завтрак какой-нибудь сочный фрукт. Австрийцы выходят в туалет, опередив его. Он спускает ноги на пол, и мы видим Шерри: она медитирует на своей полке. Каспар осторожно натягивает джинсы и хочет тихонько выскользнуть из купе, чтобы не помешать ей.

— Доброе утро! И добро пожаловать в солнечную Монголию, — раздается голос Шерри. — Прибываем через три часа.

— Простите, что побеспокоил.

— Ничуть. Видите, на крючке для одежды мешок? Там груши. Возьмите на завтрак.

— Ну вот, — говорит Шерри спустя четыре часа. — Мы в Улан-Баторе. На центральном вокзале.

— Странно, — отвечает Каспар.

Ему хочется заговорить по-датски.

Белые стены слепят глаза в лучах первозданного висящего в зените солнца. Никогда не затихающий ветер дует над равниной в ту исчезающую вдаль точку, где сходятся рельсы. Вывески написаны кириллицей. Ни Каспар, ни кто-либо из моих прежних хозяев не знал этого алфавита. Китайцы-челночники высыпают из поезда, складывают на перроне гору сумок с товаром, привезенным на продажу, звонко переговариваются на мандаринском диалекте, который я знаю. Два полусонных монгольских солдата поглаживают автоматы, мыслями витая в других, более

приятных им местах. Группа нестигаемых седых женщин ожидает посадки на поезд до Иркутска. Родные их провожают. Две фигуры в черных пиджаках и солнечных очках неподвижно зависли на флангах. Несколько парней сидят на ограде, глаза на девушек.

— Как будто из темной комнаты попала на карнавал инопланетян, — говорит Шерри.

— Шерри, я понимаю, что молодая девушка, такая как вы, в пути должна быть осторожна... Доверять первому встречному не очень-то... Но, может быть...

— Перестаньте мямлить, — прерывает Шерри. — Не бойтесь, я не трону вас, если вы не тронете меня. К делу. В вашем замечательном путеводителе «Вокруг света в одиночку» говорится, что в районе Сансар есть более-менее приличная гостиница. В конце улицы Самбу. Поехали.

Я позволяю Шерри позаботиться о моем хозяине. Мне меньше проблем. Австрийцы попрощались и направились к гостинице «Кублахан», причем уже с самым серьезным видом. Израильтяне помахали нам и пошли в противоположную сторону. О шведе Каспар уже забыл.

Странный народ — путешественники. У меня с ними много общего. У нас нет постоянного места жительства. Мы странники. Мы кочуем, повинуюсь собственной прихоти, в надежде отыскать то, что имело бы смысл искать. Мы паразиты по сути: я, как в чужой стране, живу в теле хозяина и, исследуя его сознание, познаю мир. Люди типа Каспара живут в чужой стране, исследуя ее культуру и природу, и познают мир или погибают со скуки. С точки зрения мира мы с Каспаром невидимы, нереальны. Мы — продукты одиночества. Мои прежние недоверчивые хозяева китайцы, впервые встретив путешественников, смотрели на них как на инопланетян или выходцев с того света. Именно так люди относятся и ко мне.

Каждое сознание пульсирует в собственном ритме — как и каждый маяк имеет свой почерк. У одних прожектор постоянно включен, у других — вспыхивает время от времени. У одних луч яркий, у других еле светится. У некоторых горит на пределе возможностей, как квазар. Для меня скопление людей и животных — как скопление звезд разной степени яркости и притяжения.

Каспар в последнее время тоже воспринимает людей как вспышки на экране локатора. Каспар так же одинок, как и я.

— Я что, грежу? — спрашивает Шерри. — А где же город? Пекин — город, Шанхай — город. А здесь только тень города.

— Похоже на Восточную Германию времен «железного занавеса», — откликается Каспар.

Шеренги одинаковых серых домов. Стены в трещинах, окна закрыты ставнями. Трубопровод проложен поверху на бетонных опорах. Раздолбанные дороги, по которым тарахтят немногочисленные такие же раздолбанные автомобили. На площади козы щиплют траву. Безмолвные фабрики. Скульптуры лошадей и маленьких, будто игрушечных танков. Женщина с корзиной яиц осторожно обходит выбоины на мостовой, осколки бутылок и пошатывающихся пьяных. Фонари покосились. Устаревшая электростанция изрыгает клубы черного дыма. Вдали виднеется гигантское замершее колесо обозрения. Мы с Каспаром сомневаемся, что оно когда-либо снова придет в движение. Мимо прошли три европейца в черных костюмах. Каспар подумал, что они заблудились.

Улан-Батор гораздо больше, чем деревня у подножия Святой горы. Но все люди, которых мы встречаем, начисто лишены устремленности к какой-либо цели. Такое впечатление, что они, ничего не делая, ждут неизвестно чего: может, что-то откроется, или день закончится, или свет зажжется, или позовут есть.

Каспар поправляет лямки рюкзака.

— Да, «Тайная история Чингисхана»^[43] меня к этому не подготовила.

Вечером Каспар уплетает за обе щеки баранину, тушенную с луком и специями. Они с Шерри — единственные обедающие во всей гостинице, расположенной на шестом и седьмом этажах потрескавшегося многоквартирного дома.

Женщина, которая подает еду, мрачно смотрит исподлобья. Каспар показывает на тарелку, потом приподнимает палец кверху — дескать, вкусно — и одобрительно улыбается.

Она смотрит на него как на сумасшедшего и торопливо отходит.

Шерри фыркает.

— Такая же приветливая, как таможенница.

— Опыт путешественника научил меня — чем более убогой является страна, тем грознее таможенники.

— Когда она показывала нам комнату, то смотрела на меня так, словно я переехала ее ребенка бульдозером.

Каспар выуживает клочок шерсти из мясного блюда.

— Коммунизм в сфере обслуживания. Все совершенно закономерно. Пойми, она же здесь влипла крепко. А мы можем слинять отсюда в любой момент.

У него есть растворимый лимонный чай, купленный в Пекине. На прилавке стоит бутылка с горячей водой. Они пьют чай и смотрят, как над пригородом из юрт и костров восходит восковая луна.

— Расскажи-ка мне еще о своей работе в пабе, в Гонконге, — начинает Каспар. — Говоришь, он назывался «Бешеные псы»?

— Лучше ты расскажи о ненормальных, которых видел, когда торговал ювелиркой на Окинаве. Вперед, викинг, сейчас твоя очередь.

Сколько раз моим хозяевам казалось, что вот-вот начнется настоящая дружба! Все, что могу я, — только наблюдать.

Когда я подросток, то начал понимать, что в «моем» теле есть еще один обитатель. Из тумана красок и эмоций выпадали, словно роса, капельки знания. Я стал не просто смотреть, но научился различать и обозначать: сад, тропинка, собака, лай, рисовое поле, выстиранное белье на веревке под солнцем, обдуваемое ветерком. Эти образы возникали передо мной, как на экране, но почему — я не знал. Как будто включил телевизор, а там — бессюжетный фильм. Я прошел тот же путь, что проходят все люди — от великих до заурядных. В отличие от людей я помню пройденный путь.

Что-то происходило и по мою сторону экрана восприятия. Как будто радиоприемник медленно настраивался на волну, так медленно, что сначала звук был еле слышен. Вот так, еле-еле, пробивались ко мне ощущения, источником которых являлся не я. Лишь позднее я узнал их названия — любовь, верность, гнев, злоба. Я пытался определить их источник, поймать его в фокус. Я начал испытывать страх! А что, если этот *другой* — захватчик? Сознание своего первого хозяина я принял за яйцо кукушки, подброшенное в мое гнездо, и стал бояться, что птенец вылупится и вышвырнет меня. Я решил принять меры. Однажды ночью, когда мой хозяин уснул, я попытался проникнуть в его сущность.

Он закричал во сне, но я не позволил ему проснуться. Повинуясь защитному инстинкту, его сознание напряглось и выставило заградительные барьеры. Я не сдавался, напирал, грубее, чем следовало, — ведь я еще не знал меры своих сил. Чтобы изучить его воспоминания, я пробирался через сложные механизмы памяти и управления, выводя из строя огромные куски. Страх сделал меня агрессивным, хоть это и не входило в мои намерения. Я хотел только потеснить соперника, а не вытеснить.

Утром пришел доктор и установил, что мой хозяин не реагирует ни на какие раздражители. Внешних повреждений на теле пациента он, естественно, не обнаружил, но вынужден был констатировать коматозное

состояние. В 1950-е годы в Китае не было аппаратуры для поддержания жизни таких пациентов, и спустя несколько недель мой хозяин умер, не приходя в сознание. Он унес в могилу разгадку тайны моего происхождения, которая, возможно, хранилась в его памяти. Это были мучительные дни. Я понял свою ошибку — захватчиком был я, а не он. Я пытался поправить причиненный ущерб, собрать заново разрушенные мной функции и фрагменты психики, но разрушить проще, чем восстановить. К тому же я тогда многого не знал. В результате разысканий мне удалось выяснить, что мой хозяин в свои худшие времена был разбойником на севере Китая, в лучшие — солдатом. Еще я обнаружил обрывки разговорных языков — позже идентифицировал их как монгольский и корейский, но читать и писать мой хозяин не умел. Вот и все. Определить, как я зародился и как долго пребывал в состоянии эмбриона, мне не удалось.

Я полагал, что если мой хозяин умрет, то я разделю его участь. Поэтому я сосредоточил все свои усилия на том, чтобы изобрести способ, который позже назвал переселением. За два дня до смерти моего хозяина я успешно осуществил задуманное. Моим вторым хозяином стал доктор, лечивший первого. Переселившись, я посмотрел на солдата со стороны. Мужчина средних лет лежал на грязной постели, прикованный к своему скелету. Я почувствовал вину, облегчение и могущество.

В докторе я пребывал в течение двух лет. Узнал много интересного о человеке и бесчеловечности. Научился читать воспоминания хозяина, стирать их и заменять новыми. Научился управлять хозяином. Человеческая натура сделалась моей игрушкой. Еще я понял, что в играх с ней нужно соблюдать меры предосторожности. Однажды я признался своему хозяину, что в его теле уже два года обитает бесплотный дух, и сказал, что готов ответить на его вопросы.

В результате бедняга сошел с ума, и мне снова пришлось переселяться. Человеческий разум — очень хрупкая игрушка. Хилый заморыш!

Прошло три дня. Вечером, как обычно, официантка шлепает на стол перед Каспаром горшок с бараниной, разворачивается и отходит прежде, чем он успеваает выразить неудовольствие.

— Сегодня на ужин бараний жир! — лучезарно улыбается Шерри. — Какая приятная неожиданность!

Официантка трет тряпкой соседние столы. Каспар упражняет навыки самовнушения, убеждая себя, что у баранины вкус индейки. Я с трудом удерживаюсь от соблазна помочь ему. Шерри читает.

— Нет, какова советская демагогия! Это началось в сороковые, во время президентства Чойбалсана. В книге говорится: «Преимущество использования русского алфавита подтверждено практикой». А на самом деле имеется в виду — если ты используешь монгольский алфавит, тебя расстреляют. В голове не укладывается, как...

В этот момент во всем здании отключается электричество.

В окно проникает слабый свет от мутных звезд и от больших красных букв — за пустырем сияет кириллицей гигантский лозунг. Мы видим его каждый вечер, но так и не выяснили, что он значит.

Шерри рассмеялась и закурила. Огонек сигареты отражается у нее в глазах.

— Признайся, ты дал начальнику электростанции десять долларов, чтобы он устроил конец света. Теперь я останусь в темноте наедине с мужчиной, от которого по-мужски пахнет бараном.

Каспар улыбается в ответ. Я понимаю — это любовь. Любовь я воспринимаю, как воспринимаю погоду.

— Шерри, давай возьмем джип завтра утром. Мы уже осмотрели храм, осмотрели старый дворец. Я чувствую себя тупым туристом. Совершенно идиотское ощущение. Девушка из немецкого посольства полагает, что завтра привезут бензин для заправки.

— Почему такая спешка?

— Эта страна катится в прошлое. Где-то там, за горами притаился в ожидании конец света. Мы должны смотреться отсюда, пока снова не наступил прошлый век.

— Но в этом — очарование Улан-Батора. В его обветшалости.

— Не знаю, что значит «обветшалость», но никакого очарования тут не вижу. Улан-Батор только доказывает, что монголы не в состоянии строить города. Здесь можно снимать фильм об обреченной колонии уцелевших в бактериологической войне. Давай уедем отсюда. Не понимаю, зачем я тут. По-моему, тут никто не понимает, зачем он тут.

Входит официантка и ставит на стол свечу. Каспар благодарит по-монгольски. Официантка отходит. «Ну, дорогая, — думает Каспар, — когда случится революция...»

Шерри раскладывает колоду карт.

— Ты хочешь сказать, что монголы созданы исключительно для дикой кочевой жизни? Их удел — разводить скот, рожать детей, мерзнуть, жить в юртах, кормить глистов, не знать грамоты?

— Я не хочу с тобой спорить. Я хочу поехать к горам Хангай, забираться на вершины, скакать на лошади, плавать голышом в озерах.

Понять, зачем я живу на земле.

— Хорошо, викинг. Завтра утром едем. А сейчас давай сыграем в криббидж. По-моему, я веду в счете — тридцать семь выигрышей против девяти.

Значит, мне тоже предстоит переезд. Имея хозяином местного жителя, продолжать путешествие по стране опасно. Имея хозяином иностранца — невозможно.

Я прибыл сюда, чтобы отыскать свои корни. Истоки своего «я». Это было лет шестьдесят тому назад.

Первые слова: «О судьбе мира думают трое...»

*

Раза два я пытался описать процесс переселения некоторым из моих хозяев, богаче других одаренным воображением. Это невозможно. Я знаю одиннадцать языков, но есть оттенки, которые словами не передать.

Я могу переселиться только в тот момент, когда другой человек касается моего хозяина. Легко ли пройдет переселение — зависит от состояния сознания человека, в которого я переселяюсь. Еще важно, чтобы не препятствовали отрицательные эмоции. Тот факт, что для переселения необходим физический контакт между старым и новым хозяином, означает, что я существую в физическом плане, только на субмолекулярном или биоэлектрическом уровне. Есть ряд ограничений. Например, я не могу переселяться в животных, даже в приматов: они сразу погибают. Все равно как взрослый не может влезть в детскую одежду. Переселяться в кита я не пробовал.

Это техническая сторона дела. Но как описать, что при этом чувствуешь? Представьте гимнаста на трапеции, который вращается под куполом цирка. Или бильярдный шар, который закружился перед тем, как влететь в лузу. Или прибытие в незнакомый город после блужданий в тумане.

Иногда язык не в состоянии донести хотя бы благозвучность смысла.

Утренний ветер приносит холодный воздух с гор. Ганга высунулась из юрты, умыла прохладным утренним воздухом лицо и шею. В юртах на склоне холма постепенно пробуждается жизнь. В городе завывала сирена «скорой помощи». Свинцовые воды реки Туул переливаются оттенками серого. Красные неоновые буквы-гиганты «Сделаем Улан-Батор образцовым социалистическим городом» погасли.

«Дерьмо верблюжье, — думает Ганга. — Когда их наконец снимут?»

Ганга переживает из-за того, что дочь куда-то ушла. У нее на этот счет свои подозрения.

Соседка кивнула и пожелала доброго утра. Ганга ответила. Глаза стали хуже видеть, побаливает сломанная позапрошлой зимой нога, которая плохо срослась, да и ревматизм дает о себе знать. Подбегает собака, требуя, чтобы ее почесали за ушами. Ганге сегодня не по себе.

Она ныряет обратно в тепло юрты.

— Не студи, черт подери! Закрой дверь! — рывкает муж.

Хорошо, что я наконец распрощался с западным менталитетом. Как это ни прекрасно, узнавать много нового из таких, как у Каспара, без усталости трудящихся мозгов, все же это вызывает у меня порой головокружение. Только что он думал о курсе обмена валют, и вот уже переключился на фильм о похитителях картин из Санкт-Петербурга, через секунду вспоминает, как мальчиком рыбачил с дядей меж двух островов, а в следующий миг у него в голове уже веб-страница приятеля или вертится популярная песенка. И так без конца.

Мысль Ганги никогда не перескакивает с одного удаленного предмета на другой. Ганга всегда думает об одном: как раздобыть еды и денег. Ее волнуют только самые близкие люди: дочь и больные родственники. Один день ее жизни как две капли воды похож на другой. Гарантированная бедность при советском господстве, борьба за существование после получения независимости. Конечно, в сознании у Ганги мне гораздо сложнее спрятаться, чем у Каспара. Одно дело затеряться в суматошном городе, и совсем другое — в малолюдной деревушке. Некоторые хозяева очень чувствительны к изменениям в своем внутреннем ландшафте, и Ганга именно из таких. Пока она спала, я освоил ее язык, но ее сны упорно ускользают от меня.

Ганга растапливает печь. Маета не проходит.

— Что-то не так, — говорит она сама себе.

В надежде отыскать причину беспокойства она оглядывает юрту — может, что-то пропало? Кровати, стол, ларец, коврики, семейная посуда, серебряный чайник, который даже в самые трудные времена она отказалась продать. Все на месте.

— Опять твое загадочное шестое чувство?

Баянт шевелится под грудой одеял. Катаракта и полумрак не дают Ганге его разглядеть. Баянт прокуренно кашляет.

— Ну, что на этот раз? Твоя задница напела тебе, что мы получим в

наследство верблюда? Ушная сера шепнула, что приползет хитрый змей и похитит твою невинность?

— Хитрый змей давно сделал свое дело. Его зовут Баянт.

— Очень смешно. Что у нас на завтрак?

Попробую, попытаю счастья.

— Муженек, а, муженек, ты ничего не слышал про трех животных, которые думают о судьбе мира?

Долгое молчание. Мне даже показалось, что Баянт не расслышал вопроса.

— Ты что, женщина, спятила? О чем ты?

В этот момент влетает Оюн, дочь Ганги. Она покраснелась, запыхалась.

— В магазине был хлеб! И еще я раздобыла несколько луковиц!

— Умница! — Ганга обнимает ее. — Ты так рано встала сегодня, я даже не слышала.

— Да закройте эту чертову дверь! — орет Баянт.

— Ты так поздно вернулась с работы, мамочка. Я не хотела беспокоить тебя.

Ганга подозревает, что это не вся правда.

— А много сейчас народу в гостинице, мама?

Оюн большая мастерица переводить разговор на другую тему.

— Нет. Все те же двое белоголовых.

— Австралию-то я нашла в школьном атласе. Но вот где эта — как ее там? — Дания, что ли?

— Какая разница! — бурчит Баянт, вылезая из-под груды одеял, одно накидывает как шаль. Когда-то он был красавчик и до сих пор себя им считает. — Вряд ли ты когда-нибудь окажешься там!

Ганга прикусывает язык, Оюн отводит глаза.

— Белоголовые сегодня уезжают, и я очень рада, — говорит Ганга. — Не понимаю, как это мать отпустила дочь одну болтаться по свету. Наверняка они не женаты, а спят в одной постели! Никаких колец, ничего. А он вообще какой-то ненормальный.

Ганга смотрит на Оюн, но Оюн смотрит в сторону.

— Конечно ненормальный, это же иностранцы. — Баянт с шумом отхлебывает и глотает чай.

— Почему он ненормальный, мама?

Оюн начинает чистить лук.

— Ну, во-первых, от него пахнет ягодами. И еще... Глаза... Глаза у него как будто чужие, не его.

— Неужто эти двое страннее тех венгров из профсоюза, помнишь? Которые летали за орхидеями во Вьетнам.

Ганга умеет не обращать внимания на мужа.

— Этот мужчина из Дании, он все время дает чаевые, и подмигивает, и улыбается, как будто у него голова не в порядке. А вчера вечером он дотронулся до моей руки.

Баянт сплюнул на пол.

— Если он дотронется до тебя еще раз, я сверну ему башку и в задницу засуну. Так и передай ему!

Ганга качает головой.

— Нет, это было так, как дети играют в пятнашки. Он слегка коснулся моей руки пальцем и тут же отошел. Как будто запяtnал. Или заколдовал. И пожалуйста, не плюйся в доме.

Баянт отламывает кусок хлеба.

— Как же! Заколдовал! Да он просто хотел соблазнить тебя. Послушай, женщина, иногда мне кажется, что я женился не на тебе, а на твоей бабушке!

Женщины продолжают готовить завтрак молча.

Баянт поскреб пятерней в паху.

— Кстати, о женитьбе. Старший сын старика Гомбо приходил вчера вечером. Просит руки Оюн.

Оюн, не поднимая головы, мешает в горшке.

— Да?

— Да. Принес мне бутылку водки. Отличная вещь. Сам старина Гомбо — несерьезный мужик, не умеет держать выпивку. Зато его свояк работает на хорошей должности. А у младшего сына, говорят, большое будущее. Два года подряд становится чемпионом школы по борьбе. Это вам не понюшка табаку.

Ганга рубит лук, ей щиплет глаза и нос. Оюн молчит.

— По-моему, неплохая мысль, а? Похоже, старший по уши втюрился в Оюн. Если у нее в животе окажется внук старика Гомбо, сразу двух зайцев уьем: ясно будет, что девочка не пустоцвет, и старику Гомбо придется действовать... Бывают женихи и похуже...

— Бывают и получше, — говорит Ганга, помешивая лапшу в бараньем супе; ей вспомнилось, как Баянт лазал к ней через дыру в юрте, под боком у спавших родителей. — Может, Оюн кто-то другой нравится. И вообще, мы ведь договорились. Оюн должна закончить школу и, если судьбе будет угодно, поступить в университет. Мы же хотим успехов Оюн. Может, она купит машину. Или хотя бы мотоцикл. Из Китая привозят.

— Какой смысл учиться? Работы все равно нет, тем более для женщин. Русские ушли, предприятия позакрывали. Что осталось — захватили китайцы. Нам, монголам, чужаки не дают пробиться. Губят нас.

— Ерунда! Вам водка не дает пробиться! Водка вас губит!

— Женщины ни черта не смыслят в политике! — разозлился Баянт.

— Вы больно много смыслите! — Ганга тоже разозлилась. — Да экономика наша сейчас загнулась бы и от простуды, если б ей достало здоровья хотя бы на то, чтоб простыть!

— Говорят тебе, во всем виноваты русские...

— Хватит валить все на русских! Дела не пойдут на лад, пока мы будем обвинять русских, а не себя. Китайцы-то могут зарабатывать деньги у нас! Почему ж мы сами не можем?

Зашипел жир на сковородке. Ганга поймала свое отражение в чашке с молоком и нахмурилась. Рука с чашкой задрожала, отражение исчезло.

— Что-то я сама не своя. Нужно сходить к шаману.

Баянт стукнул кулаком по столу:

— Еще чего — бросать тугрики на ветер!

Ганга тоже стукнула по столу:

— Мои тугрики! Куда хочу — туда бросаю, пропойца.

Баянту приходится отступить без боя — поражение неизбежно. Он не хочет, чтобы соседи услышали перепалку. Начнут болтать, что жена ему не повинуется.

Почему я таков, каков есть? У меня нет генетического кода. У меня нет родителей, которые учили бы меня различать добро и зло. У меня вообще нет учителей. Я ни от кого не получал ни питания, ни воспитания. Но я обладаю разумом и совестью. Гуманный негуманоид.

Конечно, я не всегда был таким гуманным, как сейчас. После того как доктор сошел с ума, я кочевал от одного крестьянина к другому. Я был их господином и повелителем. Я знал все их секреты, излучины всех речек, клички всех собак. Я знал их редкие мимолетные радости, память о которых долго согревала их сердца, спасая от окоченения. Я не чурался самых экстравагантных экспериментов. Иных хозяев я едва не губил в погоне за наслаждениями, возбуждавшими их нервы. Иных заставлял страдать просто для того, чтобы лучше изучить природу страдания. Я развлекался пересадкой воспоминаний из одной головы в другую или подстрекательством. Я понуждал монахов к разбою, любовников к измене, бедняков к транжирству. Одно могу сказать в свое оправдание — после того случая с солдатом я никого не убил. Но отнюдь не из любви к

человечеству, надо быть честным. Из страха. Я боюсь только одного на свете: оказаться внутри хозяина в момент его смерти. Мне неизвестно, что тогда произойдет со мной.

Я не могу поведать историю своего обращения к гуманизму — ее попросту нет. Во времена Культурной революции и позже, меняя хозяев на Тибете, во Вьетнаме, в Корее, в Сальвадоре, я насмотрелся, как люди уничтожают друг друга. Сам я при этом находился в безопасности, выбирая генеральские тела. Я видел войну за Фолклендские острова, сражения за голые скалы. «Двое лысых дерутся из-за расчески», — так выразился мой тогдашний хозяин. В Рио видел туриста, убитого из-за часов. Люди живут, обманывая, присваивая, поработывая, мучая, уничтожая. И всякий раз утрачивают часть того, чем могли бы стать. Отравляющее расточительство. Поэтому я больше не творю зла. И без того уже слишком много отравы.

Ганга проводит все утро в гостинице. Надо убраться в комнатах, вскипятить воду, постирать белье. Я смотрю на Каспара со стороны — как будто навестил свой старый дом. Они с Шерри расплатились и ждут, когда прибудет взятый в аренду джип. Я попрощался с Каспаром по-датски, но он подумал, это Ганга, проходя мимо, сказала что-то на монгольском.

Заправляя постель, Ганга представляет, как лежали на ней Каспар с Шерри, и думает про Оюн, про младшего сына Гомбо. Припоминает слухи, которые ходят по городу, — о детской проституции, о том, что полиция куплена иностранцами. Хозяйка гостиницы госпожа Енчбат, вдова, пришла, чтобы заняться бухгалтерией. Она в хорошем настроении: Каспар расплатился долларами, и миссис Енчбат может увеличить размер приданого. Пока закипает вода для стирки, женщины беседуют, попивая соленый чай.

— Послушай, Ганга. Ты знаешь, я не охотница до сплетен, — начинает госпожа Енчбат, маленькая женщина, мудрая, как ящерица. — Мой Сонжудой видел, что твоя Оюн гуляла с младшим Гомбо вчера вечером. На каждый роток не накинешь платок. И на празднике Наадам их тоже видели вместе. Сонжудой говорит, что старший Гомбо влюблен в Оюн.

— А правду говорят, что твой Сонжудой перешел в христианскую веру? — наносит Ганга ответный удар.

— Он просто пару раз заходил в миссионерский отдел американского посольства, вот и все, — холодно отвечает госпожа Енчбат.

— И что об этом думает его бабушка?

— Я думаю, что американцы — ужасные пройдохи. Всех пытаются

обратить в свою дикую веру. Они умудряются даже молоко обратить в порошок. Какое это имеет значение, Ганга?

Гангу опять одолевает маета. Она чувствует мое присутствие. Я пытаюсь успокоить ее тревогу.

— Никакого, — отвечает она. — Что-то я сама не своя. Надо сходить к шаману.

Переполненный автобус тащится на первой скорости. В конце маршрута находится заброшенный завод. Ганга уже не помнит, что он производил в советское время. Я ревизую ее подсознание: оказывается, патроны. Расплодились полевые цветы — пользуются дарами краткого лета. Расплодились одичавшие собаки — рвут на куски какой-то трупик. Денек слабенький, тусклый. Люди выходят из автобуса и бредут к поселку — к этой россыпи юрт на склоне холма. Ганга идет вместе со всеми. Рядом тянется огромная труба на опорах — часть системы городского отопления, но для котлов требуется русский уголь. На монгольской система работать не может — он не дает нужной температуры. Большинство местных жителей отапливаются по старинке — кизяком.

Сестра Ганги ходила к этому шаману, когда не могла забеременеть. Через девять месяцев родила двойняшек, причем в рубашке — счастливый знак. Сам президент советуется с шаманом. Шаман может лечить лошадей. Говорят, он двадцать лет прожил отшельником в дальней провинции Баян-Олги. Во время советской оккупации местные власти несколько раз пытались арестовать его за бродяжничество, но каждый, кто приближался к нему, возвращался с пустыми руками и с пустыми глазами. Было ему двести лет.

Я с большим нетерпением ожидаю встречи с шаманом.

В моем положении есть свои преимущества: я не старею и не забываю. Моя свобода превышает степень человеческого разума. Но есть ограничения, которые мне не дано преодолеть. Например, я не могу избавиться от постоянного бодрствования. Я так и не научился спать или хотя бы грезить. И то знание, к которому я более всего стремлюсь, ускользает от меня: мне не удалось выяснить, откуда я взялся и есть ли еще на свете подобные мне.

Покинув деревню у подножия Святой горы, я странствовал по Юго-Восточной Азии. Обшаривал сознание стариков, все укромные уголки, чердаки и подвалы, — не прячутся ли там бестелесные духи, подобные мне. Я обнаружил там легенды о таких, как я, но ни малейших следов их

реального присутствия. В 1960-е годы я пересек Тихий океан.

Памятуя о сумасшествии доктора, я держал язык за зубами и не выдавал хозяину своего присутствия. Меньше всего я хотел плодить мистиков, психов и писателей. Однако, встречая на своем пути мистика, психа или писателя, я иногда вступал с ним в диалог. Один писатель из Буэнос-Айреса даже предложил название для меня — *noncorpum*, что значит «бестелесный», во множественном числе — *noncorpra*. Если только наступит день, когда множественное число понадобится.

Я провел несколько дивных месяцев, ведя с ним диспуты по метафизическим вопросам, и мы написали несколько повестей в соавторстве. Но «я» не переросло в «мы». В 1970-е годы я дал объявление в «Нэшнл инкуайрер». Американцы самый чокнутый народ в мире. Откликнулись 19 человек. Я познакомился с каждым. Все то же: мистики, психи, писатели. Я искал даже в Пентагоне. Открыл много интересного, но никаких признаков существования собратьев *noncorpra*. В Европе никогда не бывал. Эта часть суши, над которой нависла тень ядерных боеголовок, не кажется мне перспективной.

Я вернулся на Святую гору, обогащенный знаниями благодаря не одной сотне хозяев, но по-прежнему ничего не ведая о своем происхождении. Я устал от скитаний. Святая гора — единственное место на земле, с которым я ощущаю связь. Десять лет я пользовался гостеприимством монахов, которые обитают на склонах горы. Вел размеренную и спокойную жизнь. Подружился с одной старой женщиной, которая держала на горе чайный домик. Она принимала меня за говорящее дерево. После ее смерти я ни с одним человеком не разговаривал.

— Входи, доченька, входи! — раздался из юрты голос шамана.

Над входом висит выбеленная солнцем челюсть. Ганга оглядывается — ее вдруг охватывает страх. Мальчик играет с красным мячиком. Подбрасывает его в бледно-голубое небо, запрокидывает голову, ждет, потом ловит. Ганга видит *ову* — горку священных камней и костей. Склоняется перед ней, потом ступает в дымный сумрак юрты.

— Входи, доченька!

Шаман сидит на коврике. Медитирует. С балки свисает лампа. В медной тарелке оплывает сальная свеча. Дальняя стена увешана шкурами животных. Воздух густой от курений.

Возле входа стоит резной ящик. Ганга открыла его и положила туда почти все тугрики, которые Каспар дал ей на чай накануне вечером. Потом сняла обувь и в правой, женской, половине юрты опустилась на колени

перед шаманом. У шамана морщинистое лицо, по которому невозможно определить возраст. Седые спутанные волосы. Закрытые глаза вдруг широко распахиваются. Он указывает на низкий столик — на нем стоит старый чайник.

Ганга наливает в костяную чашку темной жидкости без запаха.

— Пей, Ганга, — говорит шаман.

Моя хозяйка делает глоток и хочет начать рассказ, но шаман жестом останавливает ее.

— Ты пришла, потому что в тебя вселился дух.

— Да, — отвечаем мы с Гангой в один голос.

Ганга остро ощущает мое присутствие и роняет чашку. Недопитая жидкость растекается по циновке.

— Мы должны выяснить, чего он хочет, — говорит шаман.

Сердце Ганги бьется, как мышь в коробке. Я осторожно отключаю ее сознание.

Шаман замечает перемену в ее состоянии. Он берет перо и чертит в воздухе какой-то знак.

— Кто ты, дух? — спрашивает шаман. — Предок этой женщины?

— Не знаю, кто я, — отвечаю я голосом Ганги, только охрипшим, словно пересохшим. — Сам хочу узнать.

Как странно снова произносить это слово — «я».

Шаман сохраняет полное спокойствие.

— Назови свое имя, дух.

— Я обхожусь без имени.

— Ты предок этой женщины?

— Ты уже спрашивал. Нет. Насколько мне известно.

Шаман стучит костью об кость, бормоча что-то на неизвестном мне языке. Потом вскакивает на ноги, поднимает руки и сгибает пальцы, как когти.

— Именем великого Эхий-мергена заклинаю тебя — покинь тело этой женщины! Изыди! — орет шаман.

Ох уж эти штучки.

— Изыду — а дальше что? — спрашиваю я.

— Изыди! — орет шаман. — Изыди! Заклинаю именем великого Эхий-мергена, который отделил день от ночи!

Шаман трясет над Гангой погремушкой, размахивает курительницей и брызгает водой ей в лицо.

Потом смотрит, ожидая реакции.

— Шаман, я рассчитывал на более разумное поведение с твоей

стороны. За много лет я впервые вступил в разговор. А водой Гангу лучше помыть, будет больше пользы. А то она считает, что монгольская плоть не потеет, и никогда не моется. И еще у нее вши.

Шаман пристально смотрит в глаза Ганге, пытаясь обнаружить того, кто не является Гангой.

— Твои слова, дух, ставят меня в тупик. Сила твоя велика. Ты желаешь этой женщине зла? Ты злой дух?

— Случается, разозлюсь иной раз. Но вообще, по-моему, я не злой. А ты?

— Чего ты хочешь от этой женщины? Что мучает тебя?

— Одно воспоминание. И отсутствие остальных.

Шаман снова садится на коврик и принимает ту же позу, что вначале.

— В какой стране ты жил, когда имел тело?

— Почему ты думаешь, что я был человеком?

— А кем еще ты мог быть?

— Хороший вопрос.

Шаман морщит лоб.

— Ты очень странный. Такие, как ты, встречаются редко. Ты рассуждаешь как ребенок, а не как старый, проживший человек.

— Что значит «такие, как я»? Тебе встречались такие, как я?

— Я же шаман. Моя работа — общаться с духами. Раньше это делал мой учитель, а еще раньше — учитель моего учителя.

— Позволь мне исследовать твое сознание. Я должен выяснить, с какими духами ты имел дело.

— А что, разве духи не общаются между собой?

— Со мной не общаются. Прошу тебя, позволь мне войти в тебя. Для тебя будет лучше, если ты не станешь сопротивляться.

— Если я позволю тебе ненадолго войти в меня, ты оставишь в покое эту женщину?

— Шаман, считай, что мы договорились. Если сейчас ты прикоснешься к Ганге, я покину ее.

Я продвигаюсь по чужой памяти, как по лабиринту. Некоторые туннели хорошо освещены и находятся в идеальном состоянии. Другие похожи на обрушенные катакомбы. Одни надежно охраняются, другие заложены кирпичом. Из одного туннеля перехожу в другой, опускаясь все глубже и глубже.

Но докопаться до воспоминаний еще не означает докопаться до правды. Очень часто ум редактирует воспоминания с учетом пересмотренной и

обновленной картины мира. В туннелях памяти шамана я встретился то ли с духами мертвых, то ли с галлюцинациями — может, самого шамана, может, его клиентов, а может, и с теми и с другими, — то ли с *понсогра*. Короче, либо следов не оказалось вообще, либо их оказалось слишком много. Возможно, нужные мне свидетельства имеют форму, в которой я не могу их распознать. Я углубил свои поиски.

Мне удалось обнаружить вот эту историю. Она была рассказана двадцать лет тому назад ночью у костра.

Давным-давно по земле гуляла красная чума. Она выкашивала людей тысячами. Здоровые бежали прочь, бросая заболевших. Они успокаивали себя просто: «Судьба рассудит, кому жить, кому умереть». Тарву, мальчика пятнадцати лет, тоже бросили умирать в стране птиц. Его дух покинул тело и отправился в песчаную страну мертвых.

Когда он появился в юрте хана преисподней, тот очень удивился.

— Почему ты покинул свое тело, ведь оно еще дышит?

Тарва ответил:

— Мой повелитель, живые решили, что мое тело умрет. Я отправился к тебе без промедления, чтобы заверить в своей преданности.

Хан преисподней был тронут покорностью Тарвы.

— Нет, я постановляю, что твой срок еще не наступил. Бери самого быстрого из моих скакунов и возвращайся к своему учителю в страну птиц. Но сначала ты должен выбрать что-нибудь на память из сокровищ, которые видишь перед собой в моей юрте. Смотри не ошибись! Тут есть здоровье, богатство, удача, красота, вдохновение, печаль, скорбь, мудрость, вождение, слава... Так что же ты выбираешь?

— Мой повелитель! — ответил Тарва. — Я выбираю вот эти сказки.

Тарва сложил сказки в свой кожаный мешок, оседлал самого быстрого из скакунов хана преисподней и помчался обратно на юг, в страну птиц. Когда он прискакал, ворон уже успел выклевать глаза на его теле. Тарва не посмел вернуться в страну мертвых, опасаясь, что хан преисподней сочтет это неблагодарностью. Поэтому он вновь вступил во владение своим телом и поднялся с земли. Несмотря на слепоту, он прожил сто лет, странствуя на скакуне хана преисподней по свету, от Алтайских гор на западе и до пустыни Гоби на юге и рек нагорья Хэнтэй. Он предсказывал будущее, рассказывал сородичам сказки и легенды о происхождении их земли. С тех пор монголы рассказывают друг другу сказки и легенды.

Я решаю отправиться на юг, вслед за Тарвой. Если реальность не дает

мне подсказки, может, ее дадут легенды.

*

Жаргал Чиндзориг силен, как верблюд. Верит он только своим близким и своему грузовику. В детстве Жаргал мечтал стать летчиком ВВС Монголии, но у родителей не хватило денег дать взятку кому надо, чтобы мальчика приняли в столичную школу для партийных. Поэтому он стал водителем грузовика. В конце концов, это даже к лучшему. Кто знает, что приключится, если кучка ржавых аэропланов, из которых состоят ВВС Монголии, неровен час, поднимется в воздух. В парламенте ведут разговоры о том, не списать ли на металлолом весь военно-воздушный флот, который только подчеркивает полную неспособность Монголии защитить себя от любого соседа, даже от малоразвитого Казахстана. Из-за экономического кризиса Жаргал работает на любого, у кого есть топливо. На дельцов черного рынка, на теоретически приватизированный металлургический завод, на лесозаготовительную бригаду, на торговцев мясом. Жаргал пойдет на все, лишь бы заставить свою жену рассмеяться: даже натянет носок на нос и будет скакать вокруг юрты, посадив ее на загривок и сопя, как як.

Дорога из Улан-Батора в Даландзадгад, по которой мы едем, наименее ужасная из всех монгольских дорог. По ней можно обычно проехать в любую погоду, даже в дождь. Дорога имеет 293 километра в длину. Жаргал знает каждую выбоину, каждый поворот, каждую канавку и каждый патруль, конечно. Он знает, на каких заправках бывает бензин и когда, сколько еще прослужит каждая из деталей его тридцатилетнего советского грузовика и где можно раздобыть запчасти.

Горизонт расширяется, горы расступаются, сглаживаются, и начинается степь. На обочине — одинокое дерево. На нем дорожный знак. Под ним пыльное кафе, которое закрылось в 1990-е годы. Бараки, в которых некогда размещалась советская дивизия во время маневров, пустуют. Все трубы и провода вырваны с мясом.

Солнце меняет положение. Облако принимает форму сурка. Жаргал вытирает пот со лба и закуривает китайскую сигарету. Он вспоминает, как в прошлом году канадец-автостопщик угостил его «Мальборо».

Гнедая лошадь стоит у обочины и смотрит на дорогу. Небесный сурок превратился в клапан двигателя. Поселок — вон за тем камнем. Не доезжая семидесяти километров до Даландзадгада есть камень, похожий на голову великана. Давным-давно один богатырь этим камнем раздавил голову

гигантского змея. Небо к вечеру становится желтовато-зеленым. Прохладно. Жаргал опять закуривает. Пять лет назад как раз на этом самом спуске перевернулся грузовик с цистерной пропана. Говорят, до сих пор на дороге можно встретить охваченного пламенем шофера, который зовет на помощь, теперь уже бесполезную. Жаргал знал его. Не раз вместе выпивали в придорожных гостиницах.

Впереди зажигаются огни. Жаргал вспоминает лицо жены в тот день, когда родился их первенец. Вспоминает игрушечную козу, которую его тетушка, госпожа Энчбат, сшила из старых лоскутков для его маленькой дочери. Малышка еще не умеет говорить, а верхом скачет так, словно родилась в седле.

Вот чего я никогда не испытывал, так это гордости.

— Что-то ты никогда раньше не интересовался старыми легендами, — хмурит лоб высохший старик в военном кителе. — При русских легенды, сказки разные были запрещены. Всех пичкали только дребеденью про героев революции. Я тогда работал учителем. Слушай, а я тебе никогда не рассказывал, как к нам в школу приезжал Хорлогийн Чойбалсан? Сам президент?

— Пятнадцать минут назад рассказал, пердун безмозглый, — бормочет перепачканный мазутом собеседник.

В кафе работает радио, передают популярные песни на английском и японском. Четверо играют в шахматы, но правил не соблюдают — слишком пьяны.

— Если б я в классе начал рассказывать старые сказки, — продолжает старик, — меня тут же включили бы в черный список кандидатов на «перековку». Русские запретили даже Чингисхана — сказали, что он деятель эпохи феодализма. А сейчас в каждой обоссанной деревушке утверждают, что Чингисхан родился как раз возле их ручья.

— Все это очень интересно, — подаю реплику.

Жаргал истомился от скуки. Мне стоит больших усилий заставить его сидеть, слушать и не хамить.

— А историю про трех животных, которые думали о судьбе мира, ты не знаешь?

— Да давай я лучше расскажу тебе историю из моей жизни. Я тебе никогда не рассказывал, как к нам в школу приезжал Хорлогийн Чойбалсан? Сам президент? В большой черной машине. «ЗИЛ» называется. Я не прочь бы еще подзаправиться. А чего ты вдруг стал интересоваться легендами предков?

— Я куплю тебе еще порцию. Вот, смотри, какая большая... Сколько сала. Да это, понимаешь, из-за сына. Он не любит, когда я рассказываю одну и ту же сказку. Ты же знаешь детей, вечно им новенького подавай... Помню, когда сам был маленький, слышал легенду про трех животных, которые задумались о конце света...

Иссохший старик икает.

— У сказок нет будущего... Это прошлое. Пусть пылятся в музеях вместе с разными черепками. Сказкам нет места в наше славное время рыночной демократии.

Вялотекущая шахматная партия переходит в темпераментный эндшпиль. Игроки вскакивают с мест. Звенит разбитое окно.

— Так вот, он приехал на большой черной машине. С ним и охранники, и советники, и кагэбэшники. Учились в Москве.

Один пьяный шахматист с боевым кличем прыгает на стол. Другой, с родимым пятном во все лицо, разбивает шахматную доску об голову соперника. Я сдаюсь и разрешаю Жаргалу выйти.

Хранитель музея удивленно смотрит на нас с Жаргалом.

— Легенды?

— Да, — начинаю я.

Сотрудник музея раздражается смехом, и я с трудом удерживаю Жаргала, чтоб он не выругался.

— Неужели кого-то интересуют старые монгольские легенды?

— А как же иначе? Ведь это наше культурное наследие, — поясняю я. — И потом, я не прошу, чтобы вы рассказывали мне легенды. Мне нужна информация о регионе их происхождения.

Молчание. Замечаю, что даже настенные часы не тикают — стоят.

— Жаргал Чиндзориг! — говорит хранитель. — Ты, наверное, перегрелся в своем грузовике. Или возле жены. Ты всегда был малый со странностями, но сейчас ты говоришь не то как старый псих, не то как турист.

Из кабинета вышел человек в костюме, элегантней которого во всей Монголии не найти. Но рассмеялся начальник просто, как самый обычный человек. Держит кейс в руке и жует жвачку.

— Среди наших экспонатов — чучела птиц, — продолжает хранитель. — Есть выставка, посвященная нерушимой монголо-российской дружбе. Можем показать кости динозавра, рукописные свитки, бронзовые статуэтки Занабазара^[44], которые нам удалось спрятать от русских и не дать вывезти. Но если тебе нужна информация, то ты обратился не по адресу. Прошу прощения!

Господин в костюме делает несколько шагов в нашу сторону. Надевает темные очки, хоть день стоит пасмурный.

— Знаете, — вдруг он обращается к нам. — Один человек из Даландзадгада собрал монгольские народные сказки и составил антологию. Прекрасная идея. Он хочет заказать перевод на английский и продавать их

туристам. В прошлом году обратился в государственное издательство, чтобы книгу напечатали. Но ему отказали — нет бумаги. Тогда он нашел нужных людей, и появилась надежда протолкнуть книгу в следующем году.

Я благодарю господина в костюме. Он удаляется.

— А теперь, Жаргал Чиндзориг, — говорит хранитель, — не угодно ли отвалить? Обед.

Он с облегчением закрывает дверь своей конторки.

Жаргал смотрит на часы на руке у хранителя:

— Но сейчас только десять тридцать!

— Все правильно. Перерыв до трех.

Луна на утреннем небе напоминает клубок паутины.

— Господин! — Жаргал бежит по безлюдному тротуару перед музеем.

Господин в костюме садится в японский полноприводный автомобиль. Жаргал трусит: владелец такого автомобиля наверняка очень важный человек.

— Господин!

Господин оборачивается, рука тянется к карману.

— Слушаю?

— Простите за беспокойство, господин, но не могли бы вы вспомнить фамилию человека, о котором только что говорили? Собирателя фольклора? Это очень важно для меня.

Господин в костюме настораживается. Я выбрал не подходящую для водителя грузовика манеру выражаться. Господин в костюме потирает лоб и роняет ключи. Жаргал наклоняется и подбирает. Мне остается только позаботиться, чтобы их руки соприкоснулись в момент передачи ключей. Переселяюсь. Это нелегко, как и в случае с Гангой. Сознание господина в костюме оказывается необычайно плотным. Двигаться в нем не легче, чем в куске замерзшего масла.

Долго изучать память моего нового хозяина нет нужды.

— Его зовут Бодоо.

Редкие прохожие с любопытством посматривают на впавшего в задумчивость, судя по виду, начальника. Но к моему новому хозяину быстро возвращается активность.

— А сейчас, простите, я тороплюсь. Дело не терпит отлагательств.

Ничего, потерпит. В архивах памяти нашелся портрет: маленький лысый человечек в очках, с бачками и кустистыми усами. Скоро мы увидимся, Бодоо. И ты направишь меня к истокам моего появления на свет.

Я смотрю, как удаляется Жаргал — человек, очнувшийся от непонятного ему сна.

Нового хозяина зовут Пунсалмагийн Сухэ-батор. Он старший агент КГБ Монголии и с презрением относится к человеческим слабостям. Мы мчимся на юг, полноприводный автомобиль вздымает клубы пыли. Сухэ-батор жует жвачку. Трава становится реже, верблюды изможденней, воздух суше. Дорога до Даландзадгада не отмечена указателем, но других дорог нет. Дорожные патрули отдают нам честь.

Сначала меня мучили угрызения совести из-за того, что так беспардонно использую нового хозяина в своих личных целях, но, ознакомившись с его прошлым, я успокоился. За время службы он убил больше двадцати человек, присутствовал при пытках и истязаниях более двухсот заключенных. На службе у бывших московских покровителей сколотил средней величины состояние, которое надежно упрятано в бронированных подвалах Женева. Его новый босс находится в Петербурге. В один темный закуток сознания, где должна была бы находиться совесть, не удалось проникнуть даже мне. В остальном же сознание моего хозяина отличается ясностью, четкостью, жестокостью.

С наступлением ночи я разрешаю Сухэ-батору остановиться, распрямить ноги и глотнуть кофе. Я рад снова увидеть звездное небо во всей его глубине. Небо над городами человек превратил в грязное болотце. Но Сухэ-батор не из тех людей, которые склонны любоваться звездами. В сотый раз он задается вопросом, какого черта делает здесь, и мне приходится переключать его внимание. Ночь мы проводим в ночлежке для дальнобойщиков. С ее владельцем Сухэ-батор говорить не пожелал и платить тоже не намерен. Я порасспрашивал про Бодоо, хранителя народного искусства в даландзадгадском музее, но о нем никто ничего не знает. Пока мой хозяин спал, я совершенствовался в русском языке, с которым слегка познакомился благодаря Ганге.

Утром мы продолжаем путь. Холмы сровнялись с землей и превратились в каменистую равнину. Началась пустыня Гоби. Унылый пейзаж наводит тоску. Второй день только лошади, облака да безымянные горы. От Сухэ-батора никакого толку. Обычно люди постоянно болтают сами с собой: сочиняют диалоги, рисуют воображаемые картинки, вспоминают анекдоты, напевают. Но только не Сухэ-батор. Такое впечатление, что я переселился в робота.

Задавив собаку, Сухэ-батор врывается в пыльный областной центр

Даландзадгад. Бесцветный город, который словно свалился неведь откуда по воле демонов пустыни. Голые дорожки, вдоль них женщины в платках продают яйца и сушеное мясо. Несколько трех- и четырехэтажных домов образуют центр города. Грязная больница, покосившаяся почта, заколоченный универмаг. Сразу за центром начинается окраина. Кроме того, что на черном рынке яйцо динозавра идет за пятьсот долларов, а шкура снежного барса — за двадцать тысяч, Сухэ-батор мало знает о самой южной провинции Монголии. Еще меньше он думает о ней.

У Сухэ-батора мелькает мысль заехать в местное полицейское управление и навести там шороху, но я направляю его напрямик в музей на поиски Бодоо. Музей закрыт. Не важно, в Монголии Сухэ-батор открывает любые двери. Внутри все так же, как и в предыдущем музее. Гулкая тишина. Кабинет хранителя пуст. С потолка в зале свешивается большое чучело грифа, почему-то с табличкой «кондор». Один стеклянный глаз выпал и потерялся.

В книжном киоске сидит пожилая женщина и вяжет чулок. Она ничуть не удивляется, увидев человека в закрытом музее. Думаю, она уже давно ничему не удивляется.

— Мне нужен Бодоо, — говорит Сухэ-батор.

Она даже не отрывает глаз от вязания.

— Он не приходил вчера. Не пришел сегодня. Наверное, и завтра не придет.

Сухэ-батор переходит на шепот:

— Могу я спросить, где отдыхает наш уважаемый хранитель?

— Спросить-то вы можете. Только я не отвечу.

Впервые за время моего знакомства с Сухэ-батором в его душе встрепенулось радостное чувство. Он вынимает пистолет и щелкает предохранителем. Потом прицеливается в крючок, на котором висит гриф с табличкой «кондор». БАБАХ!

Птица рухнула, на полу — груда перьев и штукатурки. На звук выстрела в пустых залах откликнулось только эхо.

Женщина взмахнула руками, уронив вязание на пол. В широко раскрытом рту видны черные гнилые зубы.

— А теперь, навозная лужа, кишачая червями, слушай меня внимательно, — шепчет Сухэ-батор. — Наша беседа, вонючая гнилозубая сука, будет протекать следующим образом. Я задаю вопрос — ты быстренько отвечаешь. Если мне покажется, что ты немножко увиливаешь от ответа, то следующие десять лет проведешь в очень отдаленном уголке нашей любимой родины. Поняла, сука?

Женщина побелела и хватается воздух ртом.

Сухэ-батор любителю своим пистолетом.

— Не расслышал ответа.

Женщина лепечет что-то вроде «да, поняла, поняла».

— Вот и прекрасно. Итак, начнем сначала. Где Бодоо?

— До него дошел слух, что сюда едет человек из КГБ, и он сбежал. Он не сказал куда. Клянусь, господин, я не знаю, где он. Я не знала, что вы из КГБ. Клянусь, не знала.

— Допустим. А на какой улице этого чудного города живет наш дорогой Бодоо? Давай адрес.

Женщина колеблется.

Сухэ-батор вздыхает, вынимает из кармана золотую зажигалку и подносит к табличке с надписью «не курить», которая стоит на прилавке. Дрожащая женщина, Сухэ-батор и я смотрим, как корчится в огне картон, превращаясь в горстку черного пепла.

— Значит, ты хочешь, чтобы тебя изувечили в тюрьме? Или ты хочешь, чтобы я кастрировал твоего мужа? А может, ты ждешь не дождешься, когда твоих детей отправят в мусульманский интернат в Баян-Олги? Ты наверняка слышала, что там делают с детьми.

Капли пота выступают у нее на лбу. Сухэ-батор лениво протягивает руку — он хочет выволочь ее из-за прилавка, но я останавливаю его. Женщина отрывает клочок газеты и царапает на нем адрес.

— Вот, господин, здесь живет Бодоо вместе с дочерью.

— Премного тебе благодарен.

Сухэ-батор вырывает из стены телефонную розетку.

— Хорошего дня, — прощается он.

Сухэ-батор обошел вокруг дома. Маленький блочный домик с одним подъездом, на самом краю города. Рядом бочка для сбора дождевой воды — в хороший год дождь выпадает раз десять. Садик с растениями, надеющимися на такой год. Ветер завывает, вздымает пыль. Мой хозяин стучит в дверь и достает пистолет. Я принимаю меры, и Сухэ-батор нечаянно ставит его на предохранитель.

Дверь открывает дочь Бодоо. Ей нет и двадцати, мальчишеская стрижка. Мы понимаем, что дома она одна и ждет нас.

— Давайте поговорим спокойно, — предлагает Сухэ-батор. — Вы знаете, кто я и чего хочу. Где ваш отец?

Девушка оказывается не робкого десятка.

— Неужели вы всерьез думаете, что я сдам собственного отца? И

вообще, в чем его обвиняют?

Сухэ-батор улыбается. В темном закуте его сознания что-то шевелится. Сухэ-батор окидывает взглядом девушку и представляет, как сейчас ей врежет. Шагнув ближе, он хватает ее.

Но Сухэ-батор не получит своей добычи.

Я внушаю ему непреодолимое желание отправиться в Копенгаген через Багдад, а на прощание заставляю бросить к ногам девушки бумажник, в котором несколько сот долларов. После этого покидаю тело Сухэ-батора. Очередное переселение дается нелегко. У девушки сильная воля, она умеет постоять за себя.

Вот и все. Я уже сменил адрес. Гашу застрявший у нее в горле крик. Мы наблюдаем, как агент КГБ швыряет деньги на землю, кидается к своей «тойоте», заводит мотор и трогает с места в карьер. Он держит путь на запад. Возможно, мой приказ и не забросит Сухэ-батора на родину Каспара, но наверняка очень далеко от Даландзадгада — может, в какую-нибудь страну с неустойчивым режимом, где нелюбезные пограничники не знают ни монгольского, ни русского.

Моя новая хозяйка смотрит, как отъезжает Сухэ-батор. Шины скрипят, из-под них взвиваются ленточки пыли, которую подхватывает ветер пустынь.

Я навожу справки. Девушку зовут Балжин. Мать умерла. Есть! Вот оно! «Трое, которые думают о судьбе мира». Немного другая версия, но история та же самая. Мать ткет при свете очага и рассказывает Балжин сказку. Балжин тепло и уютно. Постукивает ткацкий станок.

Теперь мне только остается выяснить, в какой местности родилась эта сказка. Мы с Балжин направляемся в кабинет ее отца, который служит ему и спальней, и столовой. Балжин — личный секретарь отца и сопровождает его в экспедициях. Все материалы для книги хранятся в ящике стола. Увы! Бодоо все забрал с собой.

Я укладываю Балжин в постель и отключаю ее сознание, погружая в сон, а сам тем временем обследую ее память в надежде выяснить, откуда произошла эта сказка. В какой деревне ее до сих пор помнят и рассказывают? Я потратил полдня напрасно, Балжин не знает. Она только уверена, что отец знает.

Где же он? Вчера Бодоо отправился к своему брату — его юрта на расстоянии двух часов пути верхом к западу от Даландзадгада. Если он не получит сегодня до полудня от Балжин известия, что все спокойно, то двинется дальше на северо-запад — в Баянхонгор. Это пятьсот километров

через пустыню. Я бужу Балжин, она смотрит на часы. Уже три часа дня. Я убеждаю Балжин, что опасность миновала, что у КГБ к ее отцу нет никаких претензий, что он может вернуться домой. Следующий шаг предоставляю сделать ей самой.

Нам нужно раздобыть лошадь или мотоцикл.

Через два часа мы прибыли в деревушку. Она расположена в тридцати километрах к западу от Даландзадгада, на местном наречии называется Излучина Реки, а на других наречиях названия у нее нет. Балжин застала своего дядю, брата Бодоо, за починкой джипа. Мы опоздали на пять часов. Бодоо уехал около полудня, полагая, что КГБ возобновило преследование по старому обвинению — участие в демократической демонстрации. Балжин рассказала дяде о том, как ей под ноги бросили бумажник, набитый деньгами. Воспоминание о нападении Сухэ-батора я стер. Брат Бодоо, крепкий пастух, которому требуется десять секунд, чтобы завалить барана и перерезать ему горло, громко хохочет. Он перестает смеяться, когда Балжин отдает ему половину денег. Их хватит его семье на год.

Мы можем поехать вдогонку за Бодоо на джипе, если только нам удастся его починить. Я переселяюсь в очередной раз — теперь в брата Бодоо и, применяя шоферские познания Жаргала Чиндзори́га, руковожу переборкой двигателя.

Двигатель заработал поздно вечером. Брат Бодоо, мой новый хозяин, считает, что ехать на ночь глядя — опасно. Мы решаем выехать на заре. Балжин приносит дяде кумыса. В холодной речке купаются ребятишки, женщины стирают белье. Речка берет начало в горах Гоби-Алтая от тающих снегов. По запахам от костров ясно — скоро ужин. Племянница Балжин учится играть на шудраге, это такая лютня с длинной шеей. Старик созывает коз. Как я завидую всем этим людям — они чувствуют родство и сопричастность друг другу.

Из города верхом прискакали мужчины, с жадностью слушают новости. О появлении Сухэ-батора они уже знают благодаря шоферскому «телеграфу». Все рассказываются вокруг костра, и Балжин повторяет свой рассказ. Начинается импровизированная вечеринка. Парни демонстрируют Балжин мастерство наездников. Балжин очень уважают как одну из лучших в Даландзадгаде стрелков из лука, к тому же она не обручена, к тому же она дочь государственного служащего. Дядина жена приготовила еще кумыса, смешав свежее кобылье молоко с перебродившим. Кобылиц кормили травой таана, заготовленной прошлой осенью, от этого кумыс

получается еще вкуснее.

Стемнело, зажглись огни.

— Расскажи сказку, тетушка Балжин, — просит восьмилетняя внучка моего хозяина. — Ты знаешь самые лучшие сказки на свете!

— Почему? — спрашивает совсем маленький сопливый мальчуган.

— Потому что дедушка Бодоо написал книжку, дурак. А тетушка Балжин помогала ему, ясно? Правда же, тетушка Балжин?

— Какую книжку? — спрашивает мальчуган.

— Таковую! Книгу сказок, дурак!

— Каких сказок?

— Таких! Ничего не знает! — Девочка демонстрирует свое превосходство. — Тетушка Балжин, расскажи нам про верблюда и оленя.

Балжин улыбается. Улыбка у нее чудесная.

Давным-давно жил-был верблюд. У него были очень красивые рога, ветвистые и раскидистые. И не только рога! У него был очень красивый хвост — густой и глянцевитый, как ваши волосики.

(— А что такое «глянцевитый»? — спрашивает мальчуган.

— Отстань, дурак, а то тетушка Балжин не будет рассказывать. Правда же, тетушка Балжин?)

В те времена у оленя не было рогов. Он был совершенно лысый, с гладкой макушкой, уродливый, если правду сказать. А у коня не было хвоста. То есть был, но маленький, некрасивый, как обрубок.

И вот однажды пришел верблюд к озеру напиться. Увидел в воде свое отражение и замер от восхищения! «Какая красота! — думал верблюд. — Я самое прекрасное животное на свете!»

И тут из леса вышел — как вы думаете, кто? — олень! Он вздыхал, из глаз его текли слезы.

— Что с тобой? — спросил верблюд. — О чем ты горюешь?

— Лесные звери пригласили меня на праздник, да еще почетным гостем.

— Так это же замечательно! Будет пир горой, наешься до отвала!

— Как же я могу пойти на праздник такой некрасивый, с такой лысой головой? Там будет тигр — сам знаешь, какая у него прекрасная шуба. Там будет орел — сам знаешь, какие у него нарядные перья. Пожалуйста, верблюд, одолжи мне свои рога. Всего на два-три часа. Схожу на праздник — и верну, честное слово. Сегодня вечером. Ну в крайнем случае завтра утром.

— Хорошо! — великодушно ответил верблюд. — Вид у тебя и правда

довольно-таки уродливый. Я выручу тебя. Бери мои рога.

И верблюд снял рога и отдал их оленю. Тот с гордым видом поскакал прочь.

— Эй! — крикнул верблюд ему вслед. — Смотри не запачкай мои рога ягодным соком! Или что там у твоих лесных друзей принято пить на пирах?

В лесу оленю повстречался конь.

— Привет! — говорит конь. — Хороши рога! Где достал?

— Да, рога что надо! — отвечает олень. — Верблюд дал.

«Мм, может, и мне верблюд что-нибудь даст, если попрошу хорошенько», — подумал конь.

Верблюд по-прежнему стоял на берегу озера, попивал водицу, поглядывал по сторонам.

— Добрый день, дорогой верблюд! — говорит конь. — Какой у тебя замечательный хвост! Не согласишься ли поменяться со мной? Ненадолго, всего на один вечер. Ну в крайнем случае до утра. Я собираюсь навестить одну молоденькую кобылку. Она так тобой восхищается! Представь, как она обрадуется, если я заявлюсь в ее загончик с твоим хвостом!

Верблюд был польщен.

— Правда? Восхищается, говоришь? Ну что ж, давай поменяемся. Только смотри не запачкай. И не потеряй. Это самый красивый хвост на свете, как-никак.

С тех пор прошло много дней и лет. Олень до сих пор не вернул верблюду рога, а у коня — сами видите — на скаку развеивается по ветру длинный хвост. А верблюд приходит к озеру на водопой, видит свое безобразное отражение, фыркает и от огорчения даже забывает, зачем пришел. А замечали вы, как верблюд вытягивает шею и внимательно всматривается в даль? Это он высматривает, не бегут ли олень с конем вернуть ему рога и хвост. Вот почему у верблюда всегда такой печальный вид.

Пыльные чертенята, словно кенгуру, скачут из-под колес джипа. В этой каменистой пустыне водятся только скорпионы да миражи.

Днем брат Бодоо останавливается возле одинокой юрты. Рядом пасется верблюд, но людей не видно. Брат Бодоо заходит в юрту, чтобы перекусить и напиться, — в Гоби это дозволено этикетом. Верблюд фыркает совершенно по-человечески. На душе у брата Бодоо на миг теплеет, но я не успеваю определить источник этого тепла. Ветер дует сильно, но бесшумно: на его пути нет препятствий.

Снова садимся в джип. Вдали проносится стадо газелей. Оно напоминает стайку мальков в реке. Мы направляемся к долине под названием Пасть Стервятника. Там магазин, в котором покупаем провизию и бензин, чтобы хватило до Баянхонгора. Говорят, что Бодоо проехал здесь утром. Скоро мы встретимся.

Высоко в небе кружат ястребы. На опушке леса появляется гобийский медведь — один из немногих уцелевших. Их осталось меньше сотни. Брат Бодоо укладывается поспать в джипе. Ночи очень холодные, даже летом, и он укрывается несколькими одеялами. Во сне видит кости и камни с дырками.

На следующий день длинный переезд — восемьдесят миль без остановки по дюнам, вверх, вниз, вверх, вниз. Брат Бодоо поет бесконечные песни, каждая — в несколько миль длиной. Среди дюн виднеются кости и камни с дырками. Песчаная страна мертвых.

Впереди стоит джип. Брат Бодоо подъезжает к нему и глушит двигатель. На заднем сиденье джипа под импровизированным балдахином спит человек.

— Все в порядке, друг? — обращается к нему брат Бодоо. — Помощь не нужна? Может, воды? Тебе что-нибудь нужно?

— Да! — Человек резко поднимается, открывая лицо; челюсти жуют жвачку. — Мне нужен твой джип. Мой сломался.

И Пунсалмагийн Сухэ-батор дважды стреляет из своего пистолета в моего хозяина: по пуле в каждый глаз.

*

Никто не отзывается. Костер светит, но не греет. Наверное, снаружи ночь. Если только есть «снаружи». Я гол, я лишен хозяина. Рядом люди разного возраста. Все лица обращены в одну сторону. Кто-то кашляет. Это брат Бодоо. Раны у него на глазах затянулись. Пытаюсь переселиться в него, но в призраке я обитать не могу. Никогда раньше не слышал такой полной тишины. Являясь тем, что я есть, я думал, что понимаю почти все. Оказывается, не понимаю почти ничего.

Одна фигура встает и выходит из юрты — прямо сквозь стену. Так просто? Я тоже подхожу туда.

— Простите, но вы, наверное, не сможете выйти, — говорит девочка, которую я сначала не заметил. Ей лет восемь, не больше, хрупкая, крошечная, как античная статуэтка.

— Почему? Ты не выпустишь?

— Дело не во мне. Выйти можно, если только для вас подготовлен выход.

Разлетаются вьюрки. Я смотрю на стену. На ней вообще нет дверей.

— Где же выход?

Она пожимает плечами и закусывает губу.

— Что же мне делать?

Лебедь уставился в пол. Девочка пожимает плечами.

Сальные свечи шипят и плюются. Юрта маленькая, но гостей в ней — тьмы и тьмы. Мириады ангелов балансируют на кончике иглы. Время от времени кто-нибудь из гостей встает, делает шаг и выходит через невидимый выход в стене. Стена юрты растягивается, размыкается, выпускает гостя и снова смыкается за его спиной, как водяная завеса. Я попытался выскользнуть за компанию, но передо мной стена даже самую малость не подалась.

Монах в шафрановом балахоне и желтой шапочке вздыхает.

— Зубы болят, — поясняет он.

— Сочувствую, — отвечаю я.

Девочка разговаривает со своим нервным сурком.

Это лошади проскакали или гром прогремел? Лебедь расправляет крылья и вылетает сквозь крышу. Брат Бодоо выходит через дверь.

— Почему я не могу выйти? Другие же выходят.

Девочка, играя в «веревочку», приподнимает бровь:

— Ты сам так решил.

— Я ничего не решал!

— Все представители твоего племени покидают тело, только пока оно еще живое!

— О ком это ты — моего племени?

Монах в желтой шапочке что-то шепчет сквозь обломки зубов ей на ухо. Она недоуменно смотрит на меня.

— Ну хорошо, — наконец соглашается она. — Ситуация и правда необычная. Но что же я могу поделать?

Монах оборачивается ко мне:

— Прости, зубы... Время истекло... Я выполнил свое обещание.

И выходит из юрты сквозь стену.

Последней выходит девочка с сурком на руках. Она пожалела меня, и мне не хочется, чтобы она уходила. Я остаюсь совсем один.

Я снова нахожусь в человеческом теле. Стены юрты оживают — они

вздрагивают, пульсируют, реагируют на шум и голоса. Я обследую верхние этажи сознания своего хозяина и не обнаруживаю там ровным счетом ничего. Ни воспоминаний, ни следов жизненного опыта. Даже имени нет. Пустое «я». А голоса откуда? Заглядываю глубже. Шепотки, следы бесцельного покойного существования. Побуждаю хозяина открыть глаза, чтобы понять, где мы находимся, но они не открываются. Проверяю, есть ли у него глаза. Есть, но открывать их он не умеет. Мы находимся в месте, не похожем ни на что, и мой хозяин о нем ничего не знает. Мой хозяин вообще ничего не знает. Может, слепоглухонемой? Его мозг чист. Настолько чист, что мне становится страшно.

Покой сменяется судорожным страхом. Мое присутствие обнаружено? Узел боли затягивается все туже. Ужас, панический ужас — подобного мне не приходилось наблюдать с тех пор, как я взломал мозг моего первого хозяина. Завеса раздвигается, и меж раздвинутых ног матери мой новый хозяин вылетает в мир, возмущаясь бесцеремонным обращением. Холодный воздух охватывает со всех сторон! Свет, слишком яркий свет даже через закрытые веки заставляет его нежный мозг вибрировать.

Через пуповину переселяюсь в мать и попадаю в океан эмоций глубоких и противоречивых: изнеможение и ликование, чувства потери и обретения, опустошенности и полноты, и обрывки воспоминаний, и хищные когти страсти, и решение — больше никогда в жизни не обрекать себя на такую пытку. Я забыл выставить защиту и чуть не потонул в этом океане.

Однако пора браться за работу.

Другая юрта. В юрте тепло, светло, тень от оленьих рогов на стене. Наконец-то я разобрался со своим местонахождением. У меня две новости: хорошая и плохая. Хорошая: я в Монголии, в теле монголки. Плохая: меня занесло гораздо севернее того места, куда направляется Бодоо. Мы недалеко от границы с Россией, в провинции Ренчинхумбе, в районе озера Цаган-Нур и города Дзолон. Сейчас сентябрь, скоро выпадет снег. Повитуха — бабушка младенца, которого я только что покинул. Она улыбается дочери и кладет ей на живот кусок льда для обезболивания. Волосы у нее спутанные, лицо круглое, как луна. В углу, напевая, хлопочет женщина с кастрюлей горячей воды и кусками ткани и меха — сестра роженицы. Тишина, если не считать этой негромкой протяжной песни.

Сейчас раннее-раннее утро. Мать измучена своим долгим, тяжким трудом. Я притупляю боль, погружаю ее в глубокий сон и помогаю

растерзанному телу набраться сил. Пока моя хозяйка спит, я размышляю, где же я находился после того, как Сухэ-батор убил моего хозяина. Та странная юрта — галлюцинация? Я грезил? Но разве это возможно? Ведь я есть только сознание. Может ли у меня, как у людей, быть подсознание, о котором я ничего не знаю? И каким образом я заново родился в Монголии? Почему и благодаря кому? И кто был монах в желтой шапочке?

Откуда мне знать, не живет ли во мне *бестелесный*, который управляет моими действиями? Как вирус внутри бактерии. Впрочем, я наверняка почувствовал бы присутствие постороннего.

Но ведь и люди думают так.

Дверь открылась и впустила лучи восходящего солнца, а с ними — отца ребенка, дедушек, бабушек, сестер, братьев, дядюшек и тетушек.

Все они ночевали в соседней юрте и сейчас пришли, радостные и возбужденные, приветствовать нового члена рода. Их речь я понимаю с трудом — придется учить новый диалект монгольского языка. Усталая мать светится счастьем. Младенец громко плачет, и все подходят к нему.

Покинув мать, я переселяюсь в отца новорожденной в тот момент, когда он целует жену. Балжин называла это племя «оленьи люди». Олень дает им пищу, одежду, служит валютой. Они ведут полукочевой образ жизни. Несколько раз в году появляются в Дзолоне, чтобы обменять мясо и шкуры на разные товары и продать китайским скупщикам порошок из оленьих рогов, который ценится в Китае как афродизиак. Если не считать этих приездов, оленьи люди не общаются с миром. Когда русские, чтобы доказать правильность идей социализма, пытались создать пролетариат в этой лишенной промышленности стране, среди оленьих людей им не удалось даже провести перепись населения. Оленьи люди уцелели и тогда, когда были уничтожены все буддийские монахи в округе.

Моему хозяину всего двадцать лет, его сердце через край переполнено гордостью. Я редко завидую людям, но сейчас завидую. Сам я бесплоден, всегда таким был и буду. У меня нет генов, которые я мог бы передать по наследству. Для моего хозяина рождение отпрыска — тот последний мост, по которому он окончательно вступает в зрелость, повышая свой статус среди ровесников и даже среди старших. Лучше, конечно, если б родился сын, но никто не собирается останавливаться на достигнутом.

Зовут моего хозяина Бэбэ. Он закуривает и выходит из юрты. Я завидую простоте его мыслей. Он знает, как скакать на оленях, как сдирать с них шкуру, какой олений орган, если его съесть сырым, от какой болезни излечивает. Он знает много легенд, но никогда не слышал о троих, которые

задумались о конце света.

Ночь отступает, капля по капле возникают лужицы света. В соснах вокруг селения начинают шептаться серые тени. Проезжают ранние всадники, по морозцу копыта скрипят на каждом шагу. Падучая звезда рассекает небосвод.

Так что же мне делать теперь?

Мое намерение продолжать поиски неизменно. Других зацепок, кроме Бодоо, у меня нет. Нужно вернуться на юг, добраться до города Баянхонгор. Если бы я имел доступ к музейной сети, я быстро обнаружил бы его. С тех пор как он бежал от Сухэ-батара, прошло три месяца. Я потерял время, но чего у нас, бессмертных, в избытке, так это времени.

Под моим влиянием Бэбэ говорит старой женщине, что у него срочные дела в городе. Мне не хочется разлучать молодого отца с семьей, с новорожденной дочерью, но старая женщина охотно выпроваживает нас. Мужчины только путаются под ногами.

Бэбэ со своим старшим братом скачут через леса, по расщелинам между гор, по берегам узких озер. Ивы, рыбачьи лодки, дикие гуси. На вершине холма стоит горный козел. От Бэбэ я узнаю про лосей, лосих, рысей, архаров, волков. Я узнаю, как ставить капканы на диких кабанов. Мы встречаем медведя, который бьет лапой по воде, ловя в озере лосося. Радуги четкие, солнечные лучи пробиваются сквозь туман. Дороги нет, но грязь застыла на морозе, и поэтому ехать легко.

Бэбэ разговаривает с братом о дочери, о том, как ее назвать. Я удивляюсь силе их кровных связей. Все мои хозяева монголы имеют одну общую черту: семья для них крепость, в которой они находят защиту, исцеление, любовь, рождение и смерть. К этому чувству я, ведя паразитическое существование, могу только прикоснуться через посредника, но не *пережить*.

Если только не... Эта надежда и заставляет меня продолжать поиски.

Дзолон — еще один обветшалый город. Деревянные домишки, бетонные блоки. Старые грузовики ржавеют в лужах, из которых пьют собаки. Совершенство неба портит только дым от электростанции. Очередной завод-призрак, среди труб которого проросли молодые деревца. Очередь перед покосившимся сараем — единственным в городе рестораном. После встречи с хозяином кожевенной мастерской Бэбэ обычно заходит сюда выпить.

— В городе появились иностранцы, — сообщает ему бородатый

охотник в очереди. — Круглоглазые.

— Русские, что ли? По торговым делам?

— Нет, не русские.

Когда Бэбэ входит в ресторан, я вижу Каспара и Шерри. Каспар тычет вилкой в тарелку, а Шерри прикладывает компас к карте.

— Привет! Рад вас видеть! — ляпаю я, не успев подумать.

Местные жители потрясенно смотрят на Бэбэ. Они понятия не имели, что этот пастух-кочевник может говорить на каком-либо языке, кроме монгольского с оленьим акцентом.

— Привет! — отвечает Шерри, отрываясь от карты.

У Каспара в отличие от нее в глазах появляется настороженность.

— Как вам наша страна? — спрашиваю я.

Другого выхода нет: надо закончить разговор, а потом стереть из памяти Бэбэ шок, который он пережил, заговорив на неизвестном ему языке.

— Прекрасная, прекрасная страна! — в один голос отвечают Каспар и Шерри.

— По крайней мере, в ней полно сюрпризов, — кивает Бэбэ. — Желаю приятного путешествия. Советую поскорей, до наступления морозов, перебраться в более теплые края. Может, на берег океана. Вьетнам в ноябре — просто сказка, особенно горы. По крайней мере, раньше так было...

Бэбэ отходит, садится за столик и, дожидаясь брата, заказывает еду. Его племя пользуется кредитом у хозяина ресторана, а расплачивается оленьим мясом. Мое внимание привлекает улан-баторская газета трехнедельной давности. Читать Бэбэ не умеет. Письменности на оленьем языке нет, в племени нет школ. Новостей в газете очень мало, в основном лакировка действительности да еще запоздалый репортаж о торжествах по случаю национального праздника. Все это совершенно не интересует Бэбэ, который редко уезжает из племени, дальше Дзолона не уезжал никогда и не имеет такого желания.

На странице некрологов замечаю заголовок: «Двойная потеря для монгольской культуры».

Бодоо мертв.

Меня охватывает отчаяние. Я успел забыть, каково это.

Выходит, что Бодоо скончался на той же неделе, что и его брат. В обоих случаях смерть наступила в результате сердечного приступа. Благодаря Сухэ-батору я знаю, что это излюбленное монгольским КГБ объяснение гибели инакомыслящих.

Мы переживаем эту трагедию тем более глубоко, что перед смертью ученый готовил к изданию труд всей своей жизни — полное собрание сказок и легенд монгольского народа. В память о великом этнографе мы публикуем одну из сказок в его пересказе.

Надо было велеть Сухэ-батору съехать с обрыва. Черт бы подрал мерзавца. Да и меня тоже.

Кто-то хлопнул Бэбэ по плечу. Его рука тянется к карману с охотничьим ножом. За его спиной стоит, пошатываясь, в стельку пьяный тип.

— Какого хрена ты притворяешься, будто читаешь газету? А, олений человек? И о чем ты толковал на каком-то паршивом языке с иностранцами? Где ты вообще был, когда я боролся за демократию? Хотел бы я знать!

Глаза его налиты водкой и кровью.

— Ты не умеешь читать по-русски. Ты не умеешь читать по-монгольски. Ведь не на оленьем же языке написана эта газета! Где ты был, черт подери, когда я строил коммунизм? Хотел бы я знать! Ну-ка, давай почитай мне вслух! Давай-давай, оленья башка! Охота послушать сказку... — И проорал: — Водки еще!

Я вернулся к исходной точке поисков. От злости я был готов вселиться в этого кретина, чтобы разmozжить ему башку об стену, но вовремя одумался. Толку-то? И стал вслух читать сказку. Чтоб почтить память Бодоо.

Давным-давно, когда на свете еще не было бурят, по южному берегу озера Байкал бродил Хори Тумед, молодой охотник. Зима уже начинала подтаивать и капала с веток серебристых берез, капля за каплей. Хори Тумед любовался бирюзовыми горами на том берегу озера.

Присев отдохнуть, охотник заметил, что очень низко над озером с северо-востока летят девять лебедей. Хори Тумед почувствовал беспокойство: лебеди летели кружком, в полной тишине. Хори Тумед испугался — колдовство! — и залез в дупло суковатой ивы. Едва он спрятался, как лебеди коснулись земли и превратились в прекрасных девушек: лица сияют, как снег, шеи длинные, руки тонкие, волосы иссиня-черные, и каждая следующая еще краше предыдущей. Девушки-лебеди разделись, повесили платья на ветви той самой ивы, в которой скрывался молодой охотник, и вошли в воду. Ноги охотника налились тяжестью — но

не от страха, а от любви и желания. Он выждал, пока девушки отплыли подальше от берега, осторожно вылез и украл одно из платьев.

Наплававшись, девушки вернулись к иве. Одна за другой они накинули на плечи свои белые платья, взмыли в воздух и, покружив над озером Байкал, пустились в обратный путь на северо-восток. Но девятая девушка-лебедь, самая прекрасная, напрасно искала свое платье. Она стала кликать сестер, но те уже были далеко.

Сжимая платье, Хори Тумед выпрыгнул из дупла.

— Верни мне мое платье, прошу тебя! — взмолилась девушка. — Я должна лететь вместе с сестрами.

— Выходи за меня замуж, — ответил Хори Тумед. — Летом я буду наряжать тебя в платье изумрудного шелка, в зимние холода тебя будет защищать мех черного медведя.

— Сначала верни мне мое платье, прошу тебя, а потом поговорим.

— Не отдам, — улыбнулся охотник.

Девушка увидела, что ее сестры исчезли из виду. Она поняла, что выхода у нее нет: если не примет предложения незнакомца, то умрет от холода.

— Хорошо, я останусь с тобой, но предупреждаю тебя, смертный человек: когда у нас родятся сыновья, я не дам им имен. А без имени никогда им не перейти порога зрелости.

Вот так девушка-лебедь поселилась с Хори Тумедом в его юрте и стала женщиной его племени. Со временем она полюбила бойкого молодого охотника, и они зажили мирно и счастливо. У них родилось одиннадцать славных сыновей, но мать-лебедь была связана клятвой: ни один из сыновей не получил имени. А по вечерам она все чаще с тоской смотрела на северо-восток, и охотник знал: она вспоминает свою далекую родину, спрятанную за горизонтом.

Годы шли, приходили и уходили.

Однажды на исходе осени, когда листва в лесу танцевала прощальный танец, Хори Тумед занимался разделкой овечки, а его жена шила одеяло из разноцветных лоскутов. Сыновья были на охоте.

— Муж, ты сохранил мое белое платье?

— Ты же знаешь, что да, — ответил Хори Тумед, разрезая тушку.

— Хочу примерить — налезет ли оно на меня сейчас.

Хори Тумед улыбнулся:

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я глупее сурка?

— Любимый, если бы я хотела уйти от тебя, то вот дверь.

Женщина-лебедь встала и поцеловала мужа.

— Прошу тебя, дай мне платье.

Сердце Хори Тумеда растаяло.

— Хорошо, только запру дверь.

Он помыл руки, открыл кованный железом сундук и протянул платье жене. Сидя на постели, он смотрел, как она переодевается в волшебный наряд.

Юрта наполнилась шумом сильных крыльев, и птица вылетела через отверстие в крыше, через клапан дымохода, который Хори Тумед забыл закрыть. В отчаянии Хори Тумед запустил в лебедя ковшиком — что под руку попало, — но только задел рукояткой ногу птицы.

— Жена моя любимая! Прошу тебя, не покидай меня!

— Мне пора, смертный человек! Я буду всегда любить тебя, но сестры зовут, я должна подчиниться!

— Назови хотя бы имена наших сыновей, чтобы они могли стать членами племени!

И, поднимаясь все выше и выше в небо, дева-лебедь прокричала: Карагана, Бодонгуд, Шараид, Цаган, Гушид, Худай, Батнай, Халбин, Хуайцай, Галзут, Ховдуд. Потом описала над юртами три круга, благословляя всех, кто жил в них, и улетела. И рассказывают, благословенно было племя Хори Тумеда — у его одиннадцати сыновей родились сыновья.

Глаза у пьяного закрылись, и он шлепнулся лицом в тарелку с остывшими мясными шариками. Все молчали. Трое молодых парней, сидевших рядом за столиком, слушали как зачарованные. Бэбэ вспомнил новорожденную дочь. Я смотрел на портрет Бодоо, напечатанный в газете, и пытался представить, каким он был, этот человек, которого я знаю только по отражениям в сознании других людей.

Постепенно посетителей в ресторане убавилось. Разговор вернулся к недавним соревнованиям по борьбе. Зрелище двух жующих круглоглазых по-прежнему привлекает внимание. Я смотрю, как Шерри что-то шепчет Каспару, как по его лицу расплывается улыбка, и у меня не остается сомнений: они любят друг друга.

Моя затея потерпела крах. Искать, откуда пошла сказка, — все равно что искать иголку в море. Нужно переселиться в Шерри или Каспара и продолжить поиски собратьев *noncogra* в других странах.

Входит бородатый охотник с ружьем. Увидев его, я сразу вспомнил, как нас с братом Бодоо убили, но охотник мирно прислонил ружье к стене и сел рядом с Бэбэ. Он приступает к разборке ружья, все детали протирает

маслом.

— Ты ведь Бэбэ, да? Из оленьего племени на берегу озера Цаган-Нур?

— Да, это я.

— У тебя только что дочка родилась?

— Да, прошлой ночью.

— Тебе лучше вернуться домой. Я на рынке повстречал твою сестру. Она искала тебя. Твоя жена плачет, твоя дочь умирает.

Бэбэ проклинает себя за то, что поехал в город. Мне хочется попросить у него прощения. Я уж совсем собрался переселиться в охотника, а через него в Каспара или Шерри, но остаюсь из-за чувства вины. Может, понадобится моя помощь, чтобы вылечить малышку. Если мы застанем ее в живых.

Я часто вспоминаю эту минуту. Если бы я переселился в Каспара или Шерри, все сложилось бы совсем иначе. Но я вместе с Бэбэ поспешил на рыночную площадь.

Словно замерзнув от холода, время тащилось еле-еле. Мы добрались до деревни Бэбэ. В сумерках дыхание яков висело белыми клочьями. По моему, ветер выл в точности как волк, но любой олений человек понимал, в чем отличие.

В юрте Бэбэ металась темные фигуры, блики света, пар и тревога. На серебряном блюде жгли горькое масло. Это бабушка готовилась исполнить ритуал. Жена Бэбэ с белым лицом лежала на кровати и баюкала девочку. Обе, не мигая, смотрели широко открытыми глазами. Жена повернулась к Бэбэ:

— Наша девочка не подает голоса.

— Душа покинула твою дочь, — тихо говорит бабушка. — Она родилась с непривязанной душой. Если я не смогу вернуть душу, девочка умрет до полуночи.

— В Дзолоне больница. Нужно ехать туда. Там доктор, он учился в Восточной Германии в прежние времена...

— Не будь дураком, Бэбэ! Повидала я докторов. Дикари, что они понимают? У ребенка душа непривязанная. Это дело серьезное, медициной тут не поможешь. Нужно колдовство.

Бэбэ смотрит на свою дочь, которая не подает признаков жизни. Его охватывает отчаяние.

— Что ты собираешься делать?

— Исполнить ритуал. Держи блюдо. Мне нужна твоя кровь.

Бабушка берет изогнутый охотничий нож. Бэбэ не боится ни ножей, ни

крови. Когда бабушка оmyвает ему руку, я переселяюсь в нее с намерением дальше переселиться в девочку, чтобы изучить проблему изнутри.

В тот же миг я забываю про всякое «дальше».

Никогда, ни в одном человеческом теле я не встречал ничего подобного: память старой женщины хранила чужие воспоминания, как ущелье — горную реку. Я вступаю в ее русло и попадаю в свое собственное прошлое.

«О судьбе мира, — говорит монах в желтой шапочке, — думают трое». Я мальчик, мне восемь лет. И у меня есть собственное тело! Мы сидим в тесной камере, похожей на шкаф. Свет проникает через зарешеченное окошко размером с ладошку. Даже я не могу распрямиться в полный рост, хотя рост у меня меньше четырех футов. Я здесь уже неделю, последние два дня ничего не ел. К зловонию испражнений я привык. Человек из соседней камеры потерял рассудок, он раздирает себе горло и воет. Через решетку видна только решетка соседней камеры-гроба.

1937 год. Социальные преобразования товарища Чойбалсана, точный слепок с политики Иосифа Сталина из далекой Москвы, идут полным ходом. В Улан-Баторе каждую неделю проводятся показательные процессы. Казнены тысячи пособников Японии, которая готовится напасть на нас из Маньчжурии. Дамоклов меч висит над каждым. Министру транспорта вынесен смертный приговор за саботаж и организацию аварий на дорогах. Уничтожение монастырей осуществляется планомерно и неуклонно. Сначала их обложили непосильными налогами, затем объявили «перековку». Моего учителя и меня обвиняют в том, что мы — проводники идей феодализма. Обвинение нам вчера сообщил охранник, который принес миску с водой. Мне кажется, что вчера, но я могу ошибаться. На соседних камерах-гробах открывают крышки и вытаскивают из них беспомощных обитателей.

— Мне страшно, учитель, — шепчу я.

— Не бойся, я расскажу тебе сказку, — отвечает монах.

— Нас убьют?

— Да.

— Учителю больно говорить: у него выбиты все зубы и десны кровоточат.

— Я не хочу умирать.

Я думаю о своих родителях. Представляю их лица. Отец, бедный пастух, трудился как проклятый, чтобы отдать сына в монастырь. И вот теперь, пять лет спустя, отцовское честолюбие обернулось для сына

смертным приговором.

— Ты не умрешь. Я дал слово твоему отцу, что ты не умрешь. Ты не умрешь.

— Но они всех убивают.

— *Тебя* не убьют. А теперь слушай! О судьбе мира думают трое...

В небе черно от ворон. Они негодуяще каркают: в них швыряют камнями. Нас с учителем и сорок других монахов с их учениками ведут через поле, заваленное обнаженными телами. Земля между ними красного цвета. Тех, у кого нет сил идти, тащат волоком. В конце поля у роши расположились солдаты расстрельной команды. Это отпетые уголовники, а не регулярная Красная армия. Многие — бандиты, которые перешли китайскую границу и подались в солдаты с голодухи. Есть и дети. Они присланы рыть могилы и наблюдать за казнью контрреволюционеров: это входит в программу идейного воспитания. Мои собственные братья и сестры разбросаны по всей Монголии.

Дикие собаки выглядывают из-за груды камней.

Мы ждем, пока советский офицер подходит к наемникам, которые будут нас расстреливать, и обсуждает с ними порядок казни так, словно речь идет о посадке картошки. Они смеются.

Учитель произносит мантру. Лучше бы он замолчал. Я оцепенел от ужаса.

В сторонке стоит девочка и заваривает чай. Все так хозяйственно, домашнему, что мне начинает казаться — это сон. Учитель замолкает и подзывает ее. Поколебавшись, она подходит. На нас не обращают внимания. У нее большие глаза и круглое лицо. Учитель прикасается ко мне левой рукой, а к ней — правой, и я чувствую, как мои воспоминания приходят в движение.

Мой учитель знает, как переселить меня! Мое сознание открепляется и хочет последовать за воспоминаниями, но в этот момент солдат отталкивает учителя от девочки, ее отгоняет прочь, и связь прерывается.

Последняя минута моей жизни запечатлелась в собственных воспоминаниях девочки. Мальчик прижимается к учителю. Учитель поет мантры. Даже в тот момент, когда солдаты поднимают ружья на изготовку...

Все происходит очень медленно. Воздух густеет и затвердевает. Каждое движение приобретает отточенность. Звучит команда по-русски. Раздается треск, как от петард. Мужчины и мальчики перегибаются пополам и падают.

Тело мальчика валяется в грязи. Маленький череп пробит, но мозг не поврежден. Видно, как он еще пульсирует. Один из наемников переворачивает тела ногой, удостовериться, что все мертвы. Он касается мальчика, и моя душа оказывается в новой оболочке.

Много лет спустя она очнется и не сможет вспомнить себя. Но это будет уже после того, как наемник вернется на родину, к подножию Святой горы.

Конец поискам.

Я возвращаюсь в настоящее. Старая женщина стоит неподвижно. Мне очень хочется узнать, как она жила все эти годы, как оказалась на другом конце своей страны, почему вышла замуж за человека чужого племени. Но нельзя терять ни минуты.

— Я здесь.

— А то я не знаю! Ясно, что не Леонид Брежнев забрался сюда поглазеть! Пришло время. Я видела комету.

— Так ты знала обо мне?

— Конечно. Я ведь столько лет таскала твои воспоминания в своей башке! В моем племени часто рассказывали чудеса про секту монахов в желтых шапочках. Когда в день казни твой учитель соединил нас, я

понимала, что он делает... И ждала.

— Как долго я искал себя! Подсказка была в моих воспоминаниях, а они остались у тебя!

— Мое тело давным-давно изнашивалось. Я пыталась умереть несколько раз, но меня не отпускали...

Я смотрю на девочку:

— Она умрет?

— Это зависит от тебя.

— Не понимаю.

— Тело моей внучки — *твое* тело. Ты — ее душа и сознание. Это только оболочка. Если ты не вернешься, через три часа ее тело умрет. Если хочешь, чтобы она осталась жива, ты должен снова облечься в оковы плоти.

Я оцениваю свое будущее в качестве *noncorrupt*. В мире нет недоступных для меня мест. Может, повезет отыскать других *noncorrupt* и оказаться в обществе бессмертных. Можно переселяться в тела президентов, астронавтов, гениев. А могу скромно копаться в садике на склоне горы, в тени камфорных деревьев. Мне будут неведомы старость, болезни, страх смерти, смерть.

Я смотрю на беспомощное тельце существа одного дня от роду, в котором с каждой минутой угасают обменные процессы. Средняя продолжительность жизни в Центральной Азии сорок три года, и она падает.

— Дотронься до нее, — говорю я.

Снаружи летучие мыши мечутся между небом и землей, вверх-вниз, вверх-вниз, проверяют — все ли в порядке. А юрту оглашает мой пронзительный крик, который вырывается из глубины моих однодневных легких.

Санкт-Петербург

*

День выдался мерзопакостный. Дождь льет, льет и льет с утра, разверзлись хляби небесные. Господи, курить-то как хочется!

Джером когда-то объяснил мне — хочешь верь, хочешь нет, — что стекло на самом деле жидкость, «низ же со временем утолщается», сказал он. Иными словами, стекло — это загустевший сироп. Но с Джеромом ведь никогда не знаешь, когда он шутит, а когда серьезно. Руди сказал, что у меня низ же тоже со временем утолщается, а потом ржал целую минуту.

Я зеваю во весь рот так, что по телу проходит дрожь. Никто этого не замечает. Меня вообще не замечают. Если даже моя персона попадает в поле зрения людей, они думают — вот, сидит себе тетка на пластмассовом стульчике в маленьком зале большого Эрмитажа и дремлет, довольная своей грошовой синекурой. Я не против такого отношения. В принципе, оно меня устраивает. А временем я могла бы приторговывать. Вот чего у нас, у русских, в избытке, так это времени.

Итак, дамы и господа. Давайте понаблюдаем за типичными экскурсантами, вышедшими на охоту за культурой. Сначала позвольте представить вам породу шаркунов. Вы видите, как они, сбившись в группки, шаркают от картины к картине, уделяя одинаковое внимание каждой. Охотники за дичью покрупнее шагают мимо — этим подавай только Сезанна, Пикассо или Моне. Посмотрите, какие наглые у них фотоаппараты со вспышкой и такие же наглые рожи. Таких не грех и оштрафовать баксов на пять — кто узнает-то! Есть еще топтуны — они менее предсказуемые. Как правило, охотятся в одиночку, перемещаются зигзагообразными перебежками и подолгу топчутся у одной картины, если та привлекла их внимание. А взгляните-ка вон туда! Видите? Да это ж вуайерист! Вот он, голубчик. Притаился за пьедесталом. Дамы, будьте бдительны! Некоторые представители противоположного, я бы сказала, слабого пола приходят сюда не затем, чтобы полюбоваться красавицами в золоченых рамах. Их больше интересуют живые красавицы в ажурных чулочках. Те, кто посмелее, бросают взгляды и в мою сторону. Я не отвожу глаз. У Маргариты Латунской нет никаких причин для смущения. Так о чем, бишь, я? Ах да. Есть еще овцы. Они тихонько блеют, следуя за

пастырем, а тот объясняет им, чем нужно восхищаться и почему. Кто он такой, спросите вы, этот оракул, который громким голосом вещает, о чем думал пятьсот лет назад во Флоренции Аньоло Бронзино? Он экскурсовод и выставляет напоказ свою эрудицию, как эксгибиционист в парке у Смольного — свое сокровище. Ко мне не раз приставали такие типы возле пруда с уточками. А я им: «Маловат, вам не кажется?» От пьянки-то любое сокровище ссыхается! Но вернемся в музей. Порой к нам снисходит кто-нибудь из небожителей — один из директоров. Они держатся так, словно дворец принадлежит им лично, что в каком-то смысле не лишено оснований. По крайней мере, они так считают. Что им принадлежит на самом деле, знаю только я да несколько посвященных. Иногда заходит Джером с блокнотом, делает пометки, изучает очередную картину, но мы делаем вид, что не замечаем друг друга. Мы же профессионалы. К тому же рядом другие смотрительницы — обрюзгшие, с пережженными перекистью волосами — развалили толстые задницы на стульчиках. Между прочим, моя задница очень даже в форме, я заставила Руди признать это, когда он оторжался. Все эти другие смотрительницы, все как одна, суки и стервы. Грязные вонючие бляды, вот кто они. Они ненавидят меня и шушукуются, что я снюхалась с заместителем директора по закупкам, старшим хранителем Рогоршевым. Это не простая ревность обделенных вниманием женщин. Я так им и сказала. Это лютая ревность, которую испытывает убожество в климаксе по отношению к настоящей женщине.

Впрочем, хватит о них. Ну их всех! Есть вещи и поважнее, о чем подумать.

Так вот, в нашем холодном дождливом городе стоит холодное дождливое лето. Джером сказал, что Петру удалось заманить сюда людей и заставить жить на болоте в холоде и грязи только потому, что он по всей империи запретил строительные работы и строителям некуда было податься. Охотно верю.

Сейчас в моем зале ни души. Мраморная статуя Посейдона и пять картин не собирают толпы зрителей, хотя одна из них — кисти Делакруа. Я встаю со стула и иду к окну, размять ноги. Неужто вы думаете, что Маргарита Латунская будет, как чурка, сидеть семь часов кряду? Оконное стекло холодит кончик носа. Туча за тучей ползет над Невой от залива. Над новым нефтеперегонным заводом, построенным на немецкие деньги. Над доками, над ржавеющим морским вокзалом. Над Заячьим островом и Петропавловской крепостью, где я впервые встретила Руди. Над мостом Лейтенанта Шмидта, по которому я с важным аппаратчиком из Политбюро

езживала на его большом черном «ЗИЛе» с флажком на капоте, потягивая коктейли на заднем сиденье. Ладно-ладно, нечего разыгрывать удивление! Неужто забыли, кто я такая? Зла-то я никому не делала. Его жена тем временем нежилась на черноморском побережье Кавказа вместе со своими худосочными детками. Да еще, наверное, не пренебрегала услугами козлов-массажистов, которые выстраивались в очередь, чтобы хорошенько размять ее пониже лопаток.

Я поворачиваюсь на пятках спиной к окну и в мазурке скольжу по лакированному паркету. Интересно, он сделан еще при матушке Екатерине? Представляю себе, как она, может, в этой самой зале вальсировала с молодым Наполеоном, или развлекалась с сумасшедшим композитором Толстым, или соблазняла Чингисхана мелькнувшей из-под платья царственной ножкой. Я испытываю родственные чувства к женщинам, перед которыми сильные и могущественные мужчины ползали на коленях, лобзая каждый пальчик на их ножках. Джером говорил, императрица Екатерина тоже начинала в зависимости и бесправии. Я кружусь по залу и вспоминаю, какими аплодисментами меня награждали в Пушкинском театре.

Всматриваюсь в свою будущую добычу. В нашу добычу, точнее говоря. «Ева и змей» Делакура. Трофей, вывезенный из Берлина в 1945 году. Главный хранитель Рогоршев говорит, колбасники из кожи вон лезут, чтобы его вернуть. Нет, какова наглость, а! Мы положили сорок миллионов жизней, чтобы избавить их от мерзкого, плюгавого фюрера, а получили за это несколько картинок маслом, и все. К этой я всегда питала слабость. Именно я предложила в следующий раз украсть «Еву». Руди замахивался на что-нибудь помасштабнее — на Эль Греко или Ван Гога. Но Джером считает, что не следует жадничать.

— Смелей, моя радость, смелей, — подмигивает змей. — Давай, отведай этого плода. Ну же! Смотри, какой он большой, налитой, красный! Бери его поскорей! Держи крепче! Я вижу, ты сама этого хочешь!

— А что скажет Бог? — прощупывает почву Ева, умница. — Он запрещает нам кушать плоды с древа познания.

— Ну конешшно же, — кивает змей, — Бог! А разве не Бог вдохнул в нас жизнь? И кто, как не Бог, вложил в нас желание? И одарил нас способностью к наслаждению? А сами плоды — кто их создал, разве не Бог? Что же такое жизнь, как не наслаждение плодами, которые пробуждают в нас желание?

— Ну правда же, Бог не велел. Вот и Адам говорит, — канючит Ева и складывает ручки, как пай-девочка.

Змей скалится, любуясь Евиными гримасками.

— Бог в принципе славный парнишка. Скажу больше — ничего плохого он не имеет в виду. Но между нами говоря — только между мной, тобой и деревом познания, — он жутко не уверен в себе.

— Не уверен в себе?! Да он же сотворил всю эту чертову Вселенную! Он всемогущ!

— А я о чем? Каким комплексом неполноценности надо страдать, чтобы нуждаться в этом балагане! Поклонение каждое утро, каждый вечер! «Всякая тварь Господа да славит! Господа да славит! Ссславит!» Ты говоришь, он всемогущ? А по-моему, жалок. И вообще, наиболее независимые умы пришли к выводу, что Бог не столь уж существенно влиял на поведение элементарных частиц в процессе создания Всселенной. Он кормит вас с Адамом ссвоими баснями, а настоящее, стоящее знание — вот оно, рядом! Семь дней, говоришь? Да не вешайте мне лапшу на уши!

— Ну, в чем-то я с тобой согласна... Только Адам... Ты не представляешь, какой скандал он закатит!

— Ещще бы... Твой голый муженек без единого волоска на теле. Я видел, как он сегодня утром резвился с овечкой на лужайке. Вид имел предовольный. Но ты-то, Ева, ты? Неужели согласна остаток вечности провести в обществе кучки дрессированных зверюшек и этого, Творца, который требует, чтобы его называли Иегова? Вряд ли тебя это устроит. Адам, может, и поорет немного, но успокоится, как только я покажу ему стрелы с бронзовыми наконечниками, чемодан из крокодиловой кожи и шлем для путешествий в виртуальной реальности. А ты, Ева, мне кажется, рождена для большего.

Ева смотрит на запретный плод. Большой, аппетитный плод в лучах солнца. Она сглатывает слюнки.

— Для большего? Ты хочешь сказать — для запретного знания?

— Нет, Ева, милая, нет, — мелькает раздвоенный язык в пасти змея. — Знание — это так, дымовая завеса. То, о чем мы с тобой говорим, называется *желание*. Я перекурю, пока ты обдумываешь мое предложение, ладно?

Шум шагов на лестнице. Я быстро возвращаюсь на свой пост, сажусь на стул. Душу продала бы за сигарету.

Входит главный хранитель Рогоршев с начальником службы безопасности, похожим на тролля. У него такое выражение лица, словно он вот-вот выхватит пистолет и разрядит его, осыпав посетителей осколками

пробитых черепов.

— Я думаю, в Большой зал нужно проходить через Делакруа! Смотрите, это же маленький шедевр, а его недооценивают!

Главный хранитель Рогоршев оборачивается ко мне, поглаживая губы кончиком языка.

Я наивно улыбаюсь, изображая невинность, — ему это нравится.

— Я должен все обнюхать — нет ли где взрывчатки. — Начальник службы безопасности втягивает воздух, чихает и вытирает нос рукавом.

— А как же! Кстати, французский посол обожает всюду тыкать своей палкой.

Они проходят мимо. В дверях главный хранитель опять оборачивается, посылает мне воздушный поцелуй, стучит по циферблату и шепчет одними губами: «Ровно в шесть». И шевелит указательным пальцем — точь-в-точь как своим крошечным членом.

Я бросаю на него страстный взгляд, словно говоря: «Да! Да! Перестань, а то взорвусь!»

Он выходит за начальником службы безопасности, думая: «О, главный хранитель Рогоршев, ты крутой парень, ты мастер обольщения, смотри, вот еще одна жертва попала в твои сети». Честно говоря, главный хранитель Рогоршев мастер только по части самообольщения. Взгляните-ка на него. Эта копна черных волос — я наклеиваю их ему каждый понедельник. Наступит время — ждать уже недолго, — и ему станет ясно, кто угодил в сети. И не только ему, но и ребятам из Отдела по расследованию особо опасных преступлений.

Скоро мой день рождения. Еще один год. Вот почему Руди в последнее время так занят и мы почти совсем не видимся. Он ведь знает, как я обожаю сюрпризы.

Жирная Петровна подменяет меня, чтоб я сходила на обед. Однажды меня забыли заменить, и я просидела весь день в своем зале. После этого случая я заставила Рогоршева уволить главаря этой банды бездельников. С тех пор они со мной не разговаривают, но про мой обеденный перерыв больше не забывают.

В столовой для сотрудников ни души. Остальные обедают раньше. Они думают, их бойкот страшно ранит меня. Черта с два — очень даже устраивает. У меня припасена банка американского кофе. Делаю чашку кофе, достаю пачку любимых французских сигарет. Прикуриваю, на кончике сигареты вспыхивает огонек, и я затягиваюсь — о! Кайф. Ни с чем

не сравнимо — как выстрел в грудь. Конечно, мои коллеги дорого бы дали даже за дым такой сигареты. Хорошо, что после меня останется амбрэ.

Из окна видна Дворцовая площадь. Бассейн, вымощенный мокрым булыжником. Чтобы пересечь его, нужно две минуты. Какой-то карлик гонится за зонтом, бегом хватит минуты.

Как смеют эти жирные коровы третировать меня! Все дело в том, что они сгорают от зависти — я-то владею этим женским искусством обольщать и удерживать мужчин, а они нет. Они собственную прическу не могут удержать. Признаю, что мои близкие отношения с главным хранителем Рогоршевым помимо той роли, которая отведена им в главном замысле, дают мне привилегии, но ведь любая из этих ведьм — да если б только она могла! — ради таких привилегий согласится на все, только скомандуй «спустить труссы». Да-да, любая, даже жирная Петровна с толстыми ляжками и кудельками как мочалки.

Когда Петербург был еще Ленинградом, я могла бы всю эту честную шайку закатать, куда Макар телят не гонял! И еще дальше! В полном составе присматривали бы за музеем в пустыне Гоби. И жили бы в юртах.

У меня было два очень влиятельных любовника. Первый — партийный деятель. Имя не буду называть, он занимал в аппарате Политбюро очень высокий пост. Выше не подняться, если не хочешь, чтобы в тебе увидели потенциального соперника, а это чревато. Мой был достаточно высокопоставленный — по крайней мере, код запуска ядерных боеголовок он знал. В принципе мог бы устроить полный конец света, только пожелай. Он позвонил в обком, и мне дали прелестную квартирку окнами на площадь Александра Невского. Он умер скоропостижно от инфаркта, и я обзавелась новым любовником, на этот раз адмиралом Тихоокеанского флота. Квартиру, конечно, мне тоже дали новую, причем, как положено по адмиральскому статусу, в пожизненное пользование. В ней я живу и по сей день — на Фонтанке у Аничкова моста. Он безумно меня любил, мой адмирал. Может, даже немного чересчур, между нами говоря. И старался превзойти аппаратчика Политбюро своими подарками. Ужасно меня ревновал. Как и все мои мужчины.

Боже мой, где золотые эти денечки?

— Лымко, — говорила я, — я зябну по вечерам, когда мы едем на балет...

И на следующий день он привозил мне норковую шубу.

— Лымко, в моей жизни не хватает блеска, — говорила я.

И на следующий день у меня появлялась бриллиантовая брошь. Я бы

показала свои бриллианты, но их пришлось продать, чтобы Руди мог начать свой бизнес. Еще в ту пору, когда мы с ним только-только, ну, вы понимаете. Если бы жирная Петровна увидела мои бриллианты, у нее бы челюсть отвисла на полгода.

— Лымко, такой-то из партийного спецраспределителя на прошлой неделе вел себя совершенно непристойно. Просто возмутительно. Не хочу никому неприятностей, но он говорил такое о твоём служебном несоответствии, что у меня просто сердце кровью обливалось...

И на следующий день такой-то узнавал, что он разжалован и назначен младшим дежурным по общественному галюну с отбыванием службы за Байкалом. Все знали обо мне, но всегда подыгрывали, потому что боялись. Даже адмиральская жена, которая сидела во Владивостоке с его выводком.

Снова закуриваю. Последнюю. Пепельница уже до половины забита. Этот карлик так и не догнал свой зонтик.

Опять сижу на пластмассовом стульчике. Скоро взвою от скуки. Изодня в день мне приходится разыгрывать это сонное терпение, эту вялую безучастность. Ну вот, поток зевак редет. Хочу есть, хочу водки. У Рогоршева всегда припрятана бутылка. Считаю секунды. Сорок минут умножить на шестьдесят секунд получается две тысячи четыреста. Смотреть в окно тоже не спасает. Каждый камень за окном я знаю как облупленный. Дворцовая набережная, Нева, Петроградская сторона. Я хотела попросить главного хранителя Рогоршева, чтобы меня перевели в другой зал, но Руди запретил. Сейчас нельзя — приближается великий день. Точнее, великая ночь. Джером сразу же с ним согласился, так что я торчу на старом месте.

Даже не верится, что мы, русские, когда-то играли в мире важную роль. Сейчас стоим с протянутой рукой: кто подаст. Я не из тех женщин, которые интересуются политикой, — когда я росла, опасно было интересоваться политикой. И если честно, что представлял собой Союз Советских Социалистических Республик? Если «республика» — значит, должны быть выборы, но я ни разу не видела настоящих выборов. «Советы» тоже существовали как декорация. «Социализм» значит, что все богатства страны принадлежат народу, но у моей мамы никогда ничего не водилось, кроме тараканов. А что такое был этот «союз»? Мы, русские, закачивали миллионы рублей в отсталые азиатские народы, поедавшие змей и младенцев, только чтобы не дать арабам или китаезам наложить на них лапу. Я себе иначе представляю союз. А это не союз, а покупка соседей. Фактически империя. И все же в те времена мы могли задать

такого жару! Джером как-то сказал мне, что в Европе не все сегодняшние школьники даже слышали про СССР. «Послушайте, дорогие киндеры, — обратилась бы я к ним. — Я скажу вам пару слов об этой самой стране, о которой вы никогда не слышали. У нас было столько ядерных бомб, что мы могли бы всю вашу Европу по ту сторону Берлинской стены превратить в большой гриб. Скажите нам спасибо. А то родились бы вы с хоботом вместо носа и гнойным нарывом вместо головы. Если вообще родились бы. Помните об этом, детки».

Иногда я думаю — а так ли уж сильно все изменилось после подонка Горбачева? Ну, для простых-то людей, ясное дело, изменилось — пол под ними прогнил и рухнул, и они полетели вниз. А наверху? На балу демократии заправляют те же самые люди — только порвали партбилеты. Выкрикивают новые лозунги типа «чутье и дерзость при разработке новых стратегий», «творческий подход при капитальных вложениях», «оптимальная организация и реструктуризация производства». Письма, которые я печатаю для Рогоршева, кишмя кишат громкими фразочками. Но разница-то в чем? Все как было, так и осталось. Главное — увидеть, куда бить, даже если стойки ворот невидимы, и любыми средствами выиграть. Эти средства могут храниться на банковском счету в Женеве или на жестком диске в Гонконге, могут заключаться в твоей черепной коробке или в чашечках твоего бюстгальтера. Так что ничегошеньки не изменилось. Раньше платили бандитам из обкома, теперь платят бандитам из мафии. Партийные лидеры прежних времен ввали утром, днем, вечером и с каждым днем все больше. Сегодня демократически избранные лидеры врут утром, днем, вечером и с каждым днем все больше. Тогда люди хотели покупать — им говорили: работай, копи двадцать лет, подойдет твоя очередь. Сегодня люди хотят покупать — им говорят: работай, копи двадцать лет, подойдет твоя очередь. Где вы видите разницу?

Хочу открыть вам секрет. Вся жизнь вертится вокруг стремления покупать. Вся. Весь мир держится на жажде обладать. Присмотритесь внимательней и поймете.

Впрочем, я же сказала — я не политик. Просто пока сидишь на стуле, чего только не приходит в голову.

Из коридора доносятся шаги главного хранителя Рогоршева, я их сразу узнала. И еще женские шаги. Слышны обрывки шуток — тех же самых, что он говорил мне несколько месяцев назад, когда я соблазнила его, и грудной смех его спутницы — такой же, как у меня несколько месяцев назад. У мужчин есть удивительная способность — быть слепыми при

наличии глаз.

— А теперь пожалуйста вот сюда. — Главный хранитель Рогоршев вводит высокую, длинноногую спутницу в мой зал. — Вы, конечно, узнаете? «Ева и змей» кисти Лемюэля Делакруа.

Он глупо подмигивает мне — как будто я не понимаю, что происходит.

Главный хранитель Рогоршев вызывает у спутницы отвращение (доказательство ее хорошего вкуса), но она это умело скрывает. Элегантный костюм, французские туфли, итальянская сумка. Смуглая кожа, в разрезе глаз — что-то восточное. Лет тридцати, но мужчинам типа Рогоршева она должна казаться совсем юной. Ни теней для век, ни румян, ни пудры. Только помада, ярко-красная, ей идет. Очень интересно. У меня появилась соперница. Так, так.

— Госпожа Латунская, это Татьяна Макух. Она из варшавского Музея короля Станислава, приехала на шесть недель для подготовки к выставке. Большая удача, что нам удалось заполучить ее.

Татьяна подходит ко мне, ее туфли слегка поскрипывают. Я поднимаюсь со стула и оказываюсь одного с ней роста. Мы смотрим друг другу в глаза и медленножимаем руки. Без энтузиазма.

— Приятно познакомиться, — говорю я. — От всей души.

— Очень рада, — отвечает она. — От всего сердца.

Какой роскошный голос. Русский с ароматом польского. Как кофе с добавлением шоколада.

— Господин Рогоршев, — обращаюсь, не глядя на него. — Сегодня вечером мне приходится к вам в кабинет, как обычно? Или теперь печатать письма будет мадмуазель Макух?

Первой отвечает Татьяна, улыбаясь уголком рта.

— Во-первых, я мадам. Во-вторых, среди моих талантов секретарские отсутствуют.

Да, она великолепна. В высшей степени.

— Конечно, конечно, — открывает рот главный хранитель Рогоршев. — Приходите, как обычно, госпожа Латунская. Есть очень важные письма, которые нужно срочно напечатать. — Расстарался, идиот. — Никто, кроме вас, не справится. Только вы сумеете полностью удовлетворить меня. — Похоже, эту формулировку он позаимствовал из какого-то сериала. — А теперь, госпожа Макух, пройдемте дальше. Мы должны закончить осмотр до того, как пробьет шесть часов и я превращусь в чудовище.

— Еще увидимся, — кивает мне Татьяна.

— До свидания, — отвечаю я.

Без четверти шесть. Поторапливаем засмотревшихся посетителей. Дождь не прекращается, время не стоит на месте. Главный хранитель Рогоршев уже прихорашивается в ванной при кабинете. Не так уж много мужчин ухаживает за своим телом. Хорошо бы перекурить. Господи боже мой, чем скорей мы с Руди свалим из этого проклятого города, тем лучше. Говорю ему: «Слушай, Руди, давай зараз стибрим десяток шедевров! Какого-нибудь там Пикассо, а в придачу Эль Греко и Сезанна! И дело с концом — через семьдесят два часа в Швейцарии, покупаем шале и продаем потихоньку по шедевру в год». Пляжи, яхты, водные лыжи летом. Я уже придумала, как обставлю свой будуар. И непременно куплю леопардовую шубу до пят. Местные жители станут звать меня «снежная королева из России». А все бабы сдохнут от зависти и будут ревновать ко мне своих миллионеров-сыроваров. И совершенно напрасно. Для меня существует только один мужчина — Руди. Уверена, там, вдали от здешнего безумного убожества, он сможет наконец разогнуться. В теплое время года будет учить наших детишек плавать. Зимой будем все вместе кататься на лыжах. Как полагается дружной семье.

— Ну давай, Руди, пожалуйста! — уговариваю я его. — Это же так просто! А Грегорский в любой момент сделает визы.

— Ничего не просто! — возражает Руди. — Забудь, что ты женщина, и хоть раз пошевели мозгами. Если до сих пор мы выходили сухими из воды, то только потому, что знали меру. Если вынесем картин больше, чем Джером сможет сделать копий, то пропажу обнаружат. Число пропавших картин умножь на десять — столько козлов Интерпол пустит по нашему следу. Умножь на двадцать сумму, которую мне придется выложить, чтоб отмазаться. Умножь на тридцать трудности, с которыми я столкнусь при поиске покупателя. И умножь на пятьдесят срок, который мы получим в итоге!

— Большое спасибо, что занимаешься со мной арифметикой. Тебе-то хорошо упражняться в арифметике. Не тебя же эта лысая свинья регулярно трахает!

Тут обычно Руди взрывается и если выпил, то может и приложить меня слегка — так, слегка, просто потому, что выпил. Он уходит злой, где-то болтается и может не появляться день, а то и два. Конечно, ему нелегко — ответственность давит.

— Люблю тебя! — стонет главный хранитель Рогоршев, подпрыгивая верхом на мне.

Мой лифчик болтается у него на шее.

— Я твой зайка! Съешь меня! Проглоти! Всего, целиком! Ах ты, моя шлюшка, моя госпожа, обожаю тебя!

Я знаю, он представляет на моем месте Татьяну. Вот и прекрасно. Авось, скорее кончит, и я смогу закурить. Я тоже представляю на его месте Руди, чтобы выдержать. Я ukrала у него кубинских сигар для Руди — пусть производит впечатление на деловых партнеров. Охватываю ногами гиппопотамью талию Рогоршева, чтобы он скорей кончил. Он визжит, как карапуз, который мчится на санках с обрыва, потом следует глубокий вздох, как у повешенного, и наконец наступает благословенная тишина и кушетка восемнадцатого века перестает скрипеть.

— Боже мой, Марго! Как я люблю тебя!

Он целует меня в ямку над ключицей, и мне на миг кажется — он говорит правду. Может, изобрели алхимики философский камень, который способен превратить похоть в любовь?

— Ты ведь не ревнуешь меня к Татьяне, нет? Она никогда не сможет заменить тебя, Марго, любовь моя...

Я выпускаю колечко дыма и слезу, как оно плывет в дальний угол кабинета, где уже сгустился сумрак. Я почему-то представляю себе стаю диких лебедей и похлопываю его по лысому черепу. Он не утруждается даже снять носки. Со стены смотрит его портрет — приукрашенный до смешного. Прямо вершитель судеб.

Все алхимики были лжецы и мошенники, но это не имеет никакого значения. Я стараюсь для Руди. Он еще не знает, но мы будем-таки встречать Рождество в Цюрихе.

Главный хранитель Рогоршев всегда уходит раньше меня. В персональной ванной он принимает душ, чтобы его жене было легче делать вид, будто она ничего не замечает. Я тем временем для отвода глаз что-нибудь печатаю на машинке. Слышу, как он поет, намыливаясь, как шумит вода, смывая мой запах с его тела в канализацию. Он надевает свежую рубашку, целует меня, чтобы продемонстрировать нежные чувства, и выходит. Теперь я могу заняться счетами для подставной компании Руди, оформить новый пропуск для Джерома или выписать несколько бесплатных приглашений для клиентов Руди. Или просто смотреть на купола Андреевского собора. Обычно я ухожу в полвосьмого, не раньше. Джером хочет, чтобы охрана привыкла к тому, что я задерживаюсь после работы.

— Ну, прихватили сегодня что-нибудь хорошенькое? — улыбается

своей масляной улыбочкой начальник службы безопасности у служебного выхода.

Вот бы он в один прекрасный день лопнул и захлебнулся собственным дерьмом — хорошо бы полюбоваться на это зрелище. Он знает о моих шашнях с Рогоршевым и сам положил глаз на меня. Это входит в наши планы — чтобы как можно больше народу знало. Он обыскивает меня! Меня, Марго Латунскую! Он, придурок, который откосил от армии, а теперь воображает себя Рэмбо — как же, у него ведь есть блестящий значок и рация! Его пальцы двигаются по моей груди несколько медленнее, чем следовало бы. Я мечтаю, как доберусь до него из Цюриха.

— Нет, шеф, — бормочу я, бедная испуганная овечка. — Сегодня никаких шедевров не прихватила.

— Хорошая девочка. А как там полотеры...

— Будут через три недели. День в день. В девять тридцать вечера.

— Значит, через три недели. День в день.

Он открывает вертушку и выпускает меня. Чувствую, как ощупывает меня взглядом. Я не виню его, хоть он мне и противен. Ничего не поделаешь — для мужчин я всегда обладала магической притягательностью.

Зимой я езжу на троллейбусе или на метро. В другое время года предпочитаю пройтись пешком. Если погода хорошая, люблю прогуляться до Троицкого моста, пройти по Марсову полю. В дождь сразу иду на Невский проспект, на эту улицу призраков, — уж если существуют улицы призраков, это точно Невский. Джером говорит, что в каждом городе есть своя улица призраков. Вот дом, в котором я некогда занималась любовью с деятелем Политбюро. Сейчас в нем офис «Американ экспресс». Иду мимо касс Аэрофлота и маленького армянского кафе, мимо Строгановского дворца и Казанского собора. Кругом эти новые магазины: «Бенеттон», «Найк», «Бургер-кинг». Есть магазин, в котором не продают ничего, кроме фотопленки и брелоков для ключей. А рядом выставлены швейцарские часы и «ролексы». Наверное, сейчас во всех городах мира центральные улицы похожи друг на друга. В подземном переходе привычные шеренги нищих и стайки музыкантов. Покупаю в ларьке пачку сигарет и маленькую. Вряд ли найдется в мире город, где уличные музыканты могут соперничать с нашими. Тут и саксофонист, и струнный квартет, и тоненькая девушка, извлекающая гулкие звуки из толстой длинной деревянной трубы — диджериду, и украинский хор — конкурируют из-за рублей прохожих. Если я и даю, то только на церковь. Сама не знаю

почему — церковь мне никогда ничего не давала. У нищего в руках обычно табличка с горестной историей, часто на нескольких языках. Читают эти истории только иностранцы. Петербург стоит на горестных историях, сколько их зарыто в его болотах.

Перехожу Аничков мост и поворачиваю налево. Мой дом четвертый. Тяжелая железная дверь, за ней — будка, в которой дремлет консьерж. Мимоходом проверяю почтовый ящик — надо же, там письмо, от моей дорогой хворающей сестрицы. Прохожу через заросший сорняками дворик. Поднимаюсь на третий этаж. Если телевизор орет на полную мощность, значит, Руди дома. Руди не выносит тишины. Сегодня тихо. Вчера вечером мы немного поспорили из-за сроков нашего отъезда, и он, наверное, решил поплотнее заняться делами, чтобы мы могли скорее уехать, вот и задерживается. Ну и хорошо. На ужин пожарю рыбу, половину оставляю ему на сковородке — вдруг ночью придет. Бывало, он не ночевал день, максимум два. Не больше. Как правило, не больше.

Стоят белые ночи. К двум часам сгущается синева. А чуть погода солнце снова восходит, тихо и незаметно. Я сижу в гостиной, вспоминаю прошлое, мечтаю о Швейцарии. На этом самом диване мы с адмиралом занимались любовью. У окна. Он рассказывал мне об океане, о Сахалине, о Белом море, о подводных лодках подо льдами. Мы смотрели на звезды. Складываю грязную посуду в раковину, включаю фумигатор от комаров. Кладу кубинские сигары в карман куртки Руди — найдет и вспомнит обо мне. Откуда-то доносятся звуки джаза. Раньше я бы непременно пошла туда, где музыка, и танцевала до утра под восхищенными взглядами. Лица мужчин разгорелись бы от желания. Они перехватывали бы друг у друга следующий танец.

Закуриваю очередную сигарету. Наливаю бренди. Совсем немного и не самого дорогого. Самый дорогой нужен Руди для деловых встреч — когда он приводит партнеров сюда. Подношу огонек зажигалки к конверту, не распечатывая, и кладу письмо сестры в пепельницу. Так ей и надо. Потягивая бренди, смотрю, как огонь превращает слова этой твари в струйку дыма. Она закручивается спиралью и тянется вверх. Вверх, все выше и выше.

Музыка стихла. Руди все еще нет. Малышка Няма, сытая и довольная, подходит, сворачивается клубочком у меня на коленях и засыпает, урча, пока я рассказываю ей о моих горестях.

*

Джером заваривает чай. У него отточенные движения, как у официанта.

Руди опять опаздывает. Руди всегда опаздывает минут на сорок. Прекрасный летний день, время обеда. В нагретом воздухе здания и деревья на Васильевском колышутся, будто водоросли под водой.

— Чем пахнет этот чай?

Джером задумывается, прежде чем ответить.

— Не знаю, как это будет по-русски. По-английски мы называем «бергамот». Это цедра одной разновидности цитрусовых.

— Понятно. Чудесный запах.

Больше мне ничего не приходит в голову.

Джером протягивает мне чашку на блюде и садится. Он прекрасно говорит по-русски, но я никогда не знаю, о чем с ним говорить.

— Этот фарфор — все, что осталось от былой роскоши, — говорит он.

— Настоящий Веджвуд. Стоит бешеных денег, но с тех пор, как ваше общество сидит в дыре, за него и гроша ломаного не получить. Смотри не разбей.

— Ни разу в жизни не разбила ничего красивого.

— Охотно верю.

Джером встает.

— Поскольку наш Роберт де Ниро, наш новоявленный богач, чем-то занят, покажу свою мазню тебе одной.

Он выходит в соседнюю комнату, где у него мастерская, и я слышу, как он расчищает путь. В садике у Андреевского собора камфорное дерево купается в солнечных лучах. За мостом Лейтенанта Шмидта на Английской набережной строят новую гостиницу. Сегодня праздник, День героев, поэтому на лесах никого нет. Под окном раздается рев спортивного автомобиля и скрип тормозов.

— Похоже, это Руди. — Джером выглядывает в окно.

Квартира Джерома расположена в неплохом месте, хотя с моей, конечно, не сравнить. В те дни, когда дует северный ветер, сюда доносится запах с химического завода, но в остальном — очень недурная квартирка. Больше моей, если учесть мастерскую, в которую он никого не пускает. В гостиной главное место занимает огромный буфет. Он возвышается, как алтарь в кафедральном соборе. Подарок Леонида Брежнева. Дома у Джерома чище, чем у любой женщины. При этом он обходится без женщин — и не только в смысле уборки. Интересно, все англичане такие чистюли или только английские гомики? Во времена холодной войны Джером работал на нас шпионом. Заодно в Кембридже читал лекции по истории искусства. Вот уже седьмой год в России ему не платят пенсии за военные заслуги, а в Англии он объявлен в розыск как изменник. Поэтому он

находится в очень стесненных обстоятельствах. Он мечтает издать мемуары, но бывшим шпионам, которые торгуют своими откровениями, нынче цена рубль за дюжину. Единственный его талант, который пользуется спросом на рынке, это умение копировать старых мастеров. Поэтому он и попал в нашу команду. Я замечаю коричневую кожаную летнюю куртку, которая, судя по размеру, не может принадлежать высокому тощему Джерому. Закуриваю. Пепельницы нет, поэтому приходится воспользоваться блюдцем. В соседней комнате заиграли на пианино.

Возвращается Джером, скидывает с картины покрывало и косится на мою сигарету.

«Ева и змей», только кисти не Лемюэля Делакруа, а Джерома... как его там. Не знаю фамилии. Смита, Черчилля. Сам Джером никогда мне особо не нравился, но его мастерство восхищает.

— Не представляю, неужели кто-то в состоянии заметить разницу! Даже позолота на раме внизу потерята.

— Ну нет, есть недочеты. Кракелюры не совсем получились, — возражает Джером. — И потом, в девятнадцатом веке знали секрет приготовления синей краски, который потерял, и ни за какие деньги Грегорского его не вернуть. Так что работа далека от совершенства. Но вполне сойдет. Когда заметят разницу, будет поздно.

— Над «Евой» ты работал в два раза дольше, чем над остальными.

— Так это ж тебе, голубушка, не русский авангард! Кандинский с точки зрения копирования под силу маляру. Измерил длину полосок, подобрал колер и шлепай на холст! Нет, Делакруа требует другого подхода... Я бы назвал это «труд любовного постижения». Будь моя воля, я бы поработал еще пару недель, но у Грегорского разыгрался аппетит — он требует от меня еще одной вещи до конца месяца. До смерти хочется прибрать оригинал к рукам, хоть ненадолго. А денег за него огребу — хоть «Титаник» со дна океана поднимай, хоть Бермуды покупай.

— Четверть Бермуд, — уточняю я. — Не забывай все делить на четверых.

— А ты знаешь, что Делакруа был другом Николая Первого? Император приглашал его расписывать собор Христа Спасителя, и он провел здесь несколько лет. Западный человек на службе у российского государства. Может, поэтому я так его понимаю.

Когда Джером начинает бормотать под нос, я чувствую себя совершенно лишней.

Условный стук в дверь. Я, вертя глазами в такт, жду, пока ритм

достучат до конца. Все правильно. Но Джером все равно жестом выпроваживает меня на кухню и прикладывает палец к губам. Да, привычка перестраховываться — вторая натура.

— Открывайте, вы там! — орет Руди, как всегда. — Я продрог, как собака!

Джером облегченно вздыхает. «Продрог» — это значит, что Руди пришел один, не привел за собой хвоста и к его затылку не приставлен пистолет. «Холодрыга» означает «сматывайтесь через черный ход». Как это можно сделать с шестого этажа дома, в котором нет черного хода и даже пожарной лестницы, — уже другой разговор. Мальчики всегда будут играть в шпионские игры.

— Привет, детка! — здоровается со мной Руди.

Он вручает Джерому пиццу, которую захватил по дороге в одном из своих ресторанов. На нем новая кожаная куртка цвета черной смородины. Ему нравится называть меня «детка», хотя он моложе меня лет на восемь или девять. Он улыбается. Добрый знак. Он снимает большие темные очки и с восторгом смотрит на картину.

— Джером! Ты превзошел самого себя!

Джером издевательски кланяется.

— Как мило с твоей стороны, что заскочил на огонек!

Руди никогда не улавливает иронии Джерома, предоставляя мне обижаться за него.

— Джером, ты гений!

— Благодарю за похвалу. Делакруа мне действительно удался. Как прошла встреча с нашим покровителем из мэрии?

— Грегорский неотразим! Завтра утром придет человека, который заберет Делакруа.

Не нравится мне эта новость.

— Почему не ты сам едешь к покупателю?

Руди складывает руки, как Папа Римский:

— Хельсинки — не ближний свет, детка. Зачем мне тащиться туда? Они готовы сами пошевелиться — и ради бога. Значит, нас стали больше уважать. Еще это значит, что мне не придется рисковать своей шеей на таможне. Котенок, как мне не хватало тебя ночью...

Руди дурашливо улыбается. Не нравится мне эта дурашливость. Обвальный идиотизм на почве кокаина. Он протягивает руку к моей груди, но я не позволяю себя лапать. Руди со смехом валится на диван.

— Скажи ты ей, Джером!

Джером входит с тарелками и ножом для пиццы.

— Что ей сказать?

— Что над Грегорским крыша не протекает.

Джером хмурится:

— А если протекает и он решит нас сдать, то нас отымеют и в Петербурге, и в Виндзоре.

Улыбка на лице у Руди съежилась, как обгоревшая страница.

— Черт подери, да что на вас нашло сегодня? Солнышко светит, через две недели и сорок восемь часов мы станем на двести тысяч баксов богаче, а у вас такой похоронный вид, будто мать родную продаете торговцу человеческими органами! Если проблема в его гребаном величестве господине Грегорском, то поймите: в первую очередь отымеют его. Поэтому он больше не имеет дела с зелеными головастиками, только с серьезными людьми. У меня надежная крыша в этом городе. И не только в этом. У меня везде надежная крыша.

— О, святой Киаран^[45], да никто и не сомневается, — говорит Джером с мученическим видом.

Не следовало ему делать такого вида. Руди вскипает.

— Да, черт подери, никто! Никто не сомневается! Сам Кирш не сомневается! Ширликер с дружками не сомневается! Артурчик Копейка не сомневается! Вы знаете, кто такой Артур Копейка? Это самый крутой — ясно? самый крутой — торговец героином от Берлина до Урала! Так почему же вы, мои друзья, думаете, что я слабее, чем тот сраный Борис Франкенштейн? Почему?

Джером повел совиным глазом.

— Говорят же тебе — никто не сомневается. Правда, Маргарита?

Мой бедный, бедный мальчик. Совсем укокошился.

— Ну что ты, Руди. Как можно сомневаться? — успокаиваю его я.

Руди перескакивает на другую тему, позабыв, о чем мы говорили:

— У тебя есть табаско? Эта грузинская сучка забыла положить соус. Сиськи что надо, минет делает отлично, но тупа как пробка. Напомните, чтобы прогнал ее, пока не слишком разжирела на такой зарплате.

— Ничего, я принесу табаско, — смеюсь я его милым шуткам. — Заварить тебе кофейку покрепче?

Он не буркнул «нет», значит — «да».

Половину пиццы мы съели в молчании.

— Есть одно маленькое новшество, — заговаривает Руди. — Я хотел бы внести его в нашу операцию.

— Слушаем внимательно, — откликается Джером.

— Маргарита должна встречать меня с бригадой уборщиц у служебного подъезда, а не дожидаться в зале.

— Не понимаю причин, — отвечаю я.

— Именно поэтому планирую операции я. Ты никогда не понимаешь причин, а я понимаю. Слушай и запоминай. Ты стоишь у входа и ждешь нас. Все уборщицы расходятся по своим залам. Мы идем в зал Делакруа. Как обычно, подменяем картину, натираем пол и возвращаемся к служебному подъезду. Проходим через охрану. Какая тебе разница?

Джером выковыривает креветки из расплавленного сыра.

— Туда и анчоусов положили, что ли? Ты в последнее время много тусуешься с эрмитажниками.

— Значит, тем меньше подозрений вызовет мое появление!

Руди продолжает, размахивая бутылкой над бокалом.

— Это и есть стиль от Руди. Вот почему у моей фирмы такая репутация. Вот почему Грегорский заключил контракт на уборку именно со мной. Вот почему он поручил операцию именно мне. Не Киршу, не Чехову, не Конюхову, а мне. Вот так-то. Есть вопросы?

Джером с равнодушным видом качает головой. Ему что — его миссия выполнена. Ему хорошо живется — целый день забавляйся с красочками, а денежки капают на банковский счет. На персональный счет, замечу.

— Руди, солнышко, — открываю я рот.

— Ну, что еще?

— Я только не понимаю, когда же мы обсудим... Ты знаешь, что я имею в виду...

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, помнишь, мы говорили...

Все эмоции Руди отражаются на лице. Он и не пытается от меня ничего скрывать. Это одна из причин, почему я люблю его. Он швыряет тарелку на стол, пицца падает.

— Черт подери! Опять! Не доставай меня, Маргарита. Ты принялась за старое? Хватит пилить меня, будто тебе сто лет и ты уже прям вся в морщинах и в маразме. Иногда мне кажется, что я сплю с собственной бабушкой.

Я люблю Руди. Но я его ненавижу, когда у него вот так блестят глаза. Это все проклятый кокаин.

— Скажи, на что нам эти деньги, если мы не можем их тратить?

— Чего тебе надо? Машину? Шубу? Чего? Ты опять залезла в долги? Кому ты должна? Кому? Говори!

— Никому, никому! Мне ничего не надо...

Джером вздыхает и удаляется в мастерскую с чашкой кофе.

— Мне нужен только ты. Я хочу уехать с тобой в Швейцарию.

— Курочка, которая несет золотые яички, живет здесь, а не в Швейцарии, Маргарита. Будь благоразумна, не руби сук, на котором сидишь. Собирай яички в корзиночку.

— Да меня тут ради этих золотых яичек трахают каждую неделю!

— Всем нам приходится идти на жертвы.

— Лично я не знаю, сколько еще смогу выдержать. У нас на счету уже достаточно денег, чтобы...

— Недостаточно. На взятки таможенникам за последнее время ушло целое состояние. И потом, Грегорскому причитается львиная доля. Это он все устроил, не забывай.

— Как же можно забыть о Грегорском! Его бронированный «мерседес» напомнит. Ответь, солнышко, на простой вопрос. Скажи точно: сколько денег у нас на счету?

— У тебя критические дни, я угадал? Потерпи, золотко. Теперь они затягиваются на целую неделю. Хоть бы уж вообще прекратились.

— Сколько денег у нас на счету?

— Много. Но недостаточно.

— Много — это сколько? Назови сумму.

— Маргарита, если ты не перестанешь безобразничать, я прекращу этот дурацкий разговор. Пожалуйста, успокойся и веди себя прилично.

— Я совершенно спокойна. Я задаю простейший вопрос, Руди. Сколько денег мы получили за пять бесценных шедевров, которые проданы на данный момент? Ну, Руди? Назови сумму.

— В долларах США? Шестизначное число.

— Конкретней!

Руди меняет тактику.

— Финансами распоряжаюсь я. Твоя работа — обеспечивать нам допуск и прикрытие! Или ты считаешь, что справишься с моей работой лучше меня? Считаешь, да? Тогда валяй!

Во всем виноват проклятый кокаин. И постоянный стресс, конечно. Сохраняя внутреннее спокойствие, я надуваю губки. Маргарита Латунская играет на мужских чувствах, как опытная скрипачка. Когда я хочу добиться чего-нибудь от женщины, я использую натиск и напор. Когда имею дело с мужчиной, мое оружие — недовольная гримаса.

— Понимаешь, солнышко, главный хранитель Рогоршев лапает меня неделю за неделей. Сил больше нет... Ведь я так люблю тебя...

Я делаю вид, что всхлипываю.

Руди рычит и оглядывается, как бы ища, во что бы вонзить зубы.

— Хочешь выйти из игры? Ну давай, отправляйся к Грегорскому и заяви: «Так, мол, и так, дядя Грегорский, большое вам спасибо за денежки от украденных картинок, но мне разонравилась моя работа. Уезжаю. К празднику пришлю открытку». Одумайся, женщина! Он съест тебя вместо каши!

Мне показалось — сейчас он меня ударит.

— Но ведь мы потому и выбрали Швейцарию, что там нас никто не достанет...

— Как бы не так! У Грегорского длинные руки.

— Я тоже знала кое-кого из длинноруких...

— Знала кое-кого из длинноруких, — передразнивает меня Руди. — Ты про тех, что ли, которые трахали тебя? Партийная канцелярская крыса? Вояка на кривых подагрических ножках?

— Он был моряк.

Руди фыркает.

— А что ты знаешь о переводе средств? Об отмывании денег? Я в любой момент выдам тебе твою долю, ради бога. Но что ты будешь делать, когда в Швейцарии — едва пересечешь границу — у тебя спросят: что за чемодан с наличкой? Мы играем в команде! И ты не можешь так просто выйти из игры, когда тебе вздумается!

— Когда мы сможем уехать?

— В свое время! Отвяжись! С тобой бесполезно разговаривать, когда ты в таком настроении. Мне пора!

И он уходит, хлопнув дверью.

Из мастерской выглядывает Джером:

— Он не разбил мой веджвудский фарфор?

— У него нервы сдают. Ничего удивительного — отъезд на носу, — объясняю я.

Джером бурчит что-то по-английски.

Сегодня мой день рождения.

Ноги ноют. С чего бы это в мои годы?

Поднимаясь по лестнице, слышу в квартире телефонный звонок. Взбегаю, поворачиваю ключ, бросаюсь к телефону. Я понимаю Руди, поэтому всегда прощаю. Не то что другие женщины, которые просто используют его.

— Алло, — говорю, задыхаясь.

— Добрый день. Госпожа Латунская? Простите, что беспокою вас. Говорит Татьяна Макух из музея. Что с вами? Может быть, я не вовремя?

Пытаюсь отдышаться и скрыть разочарование.

— Нет, что вы. Просто я бежала и не успела отдышаться.

— Бежали? Вы бегаєте трусцой? В парке?

— Нет, бежала по лестнице. К телефону, чтобы взять трубку.

— Вы сегодня заняты?

— Да. Нет. Пока не знаю. А что?

— Мне так одиноко. Я подумала, может, встретимся, угощу кофе? Или поедем в мою конуру, и я приготовлю вам настоящий варшавский борщ.

Отказать Татьяне? Мой язык сам собой произносит: «Да, конечно!» А как же Руди? Но с другой стороны, почему я должна сидеть как припильенная и ждать его? Может, и к лучшему, если он меня не застанет: пусть думает, что не очень-то в нем нуждаюсь. Пусть это послужит ему уроком.

— Отлично! Знаете кофейню возле Пушкинского театра?

— Да, конечно.

— Жду вас там через час.

Ну и ну. Няма вспрыгивает мне на колени, требуя ласки. Я рассказываю ей и про то, что Руди злится на меня, и про то, как славно мы заживем в Швейцарии. Совершенно не понимаю, чего ради согласилась провести вечер в обществе надменной соперницы из Польши.

Когда я открываю дверь, пылинки вспархивают в полосе света. Звенит колокольчик. В пустом кафе пахнет темным деревом и черным кофе. Звучит приглушенная музыка. Татьяны еще нет, хоть я припоздала.

— Привет, Маргарита!

Татьяна показалась из тени, подавшись вперед. Ее волосы отливают золотом. Изыщный костюмчик из черного бархата подчеркивает фигуру. Нельзя не признать, что она соблазнительна. Для мужчин типа Рогоршева.

— А я вас не заметила.

— А я вас жду. Ну, сядем? Спасибо, что согласились прийти. Что будете пить? Кофе по-колумбийски очень хорош.

Отчего она старается мне понравиться?

— Тогда буду колумбийский, если только официантка проснется.

Возле столика вырастает мужчина.

— Так вам *уходно* по-колумбийски? — спрашивает он с сильным украинским акцентом.

— Да.

Он снова исчезает.

Татьяна улыбается:

— Вы удивились моему звонку?

Тон психотерапевта.

— Немного. А что, не следовало?

Татьяна предлагает мне сигарету. Я предлагаю ей свои — «Бенсон и Хеджес». Она берет невозмутимо, не выразив восхищения, как сделал бы русский. Наверное, в Польше все курят «Бенсон и Хеджес». Она щелкает зажигалкой, закуриваем.

— Давно работаете в «Эрмитаже», Маргарита?

— С год.

— Наверное, знакомы с интересными людьми?

Помимо воли подпадаю под очарование ее улыбки. Она проявляет любопытство, но это потому, что хочет установить контакт.

Что ж, Маргарита Латунская умеет общаться с такими особами, как Татьяна.

— Вы имеете в виду главного хранителя? Господи, никак домашняя фабрика сплетен заработала?

— Мне показалось, будто эта сплетня вроде того, что Волга, по слухам, впадает в Каспийское море.

— Мои отношения с главным хранителем ни для кого не секрет. Но они начались уже после того, как я устроилась на работу. А устроилась я благодаря другим знакомствам. У меня связи в мэрии. Не вижу ничего плохого в наших отношениях. Я не замужем, а его жена — не моя проблема.

— Полностью согласна с вами. Наши взгляды на жизнь во многом совпадают.

— Кажется, вы упоминали о том, что замужем?

Татьяна помешивает сливки на кофе.

— Вы умеете хранить секреты?

— Еще как.

— Это людям типа Рогоршева я говорю, что замужем, — чтобы не приставали. На самом деле все гораздо сложнее.

Я жду подробностей, но напрасно.

— Такие дела, Маргарита... Расскажите о себе. Мне все интересно.

Прошло восемь часов. Мы в стельку пьяны. По крайней мере я — точно. Сидим в ирландском пабе на Рубинштейна, за дальним столиком. Кубинское трио наигрывает джаз, кругом деревья в человеческий рост с резиновыми листьями. Освещается зал свечами. Способ сэкономить под маркой оригинальности. Почему-то везде, куда мы приходим с Татьяной, стоит полумрак. Она прекрасно разбирается в джазе и в винах, так что, судя по всему, привыкла тратить куда больше, чем показывает. Она настояла, что платить будет сама. Я трижды пыталась спорить, но она переспорила. Впрочем, так и лучше. Терпеть не могу просить у Руди денег.

Она прекрасно разбирается в самых разных вещах. Неф поднялся на сцену и заиграл на трубе с сурдинкой. Татьяна зарумянилась и стала еще прекрасней. Мне почему-то кажется, что в прошлом у нее жизненная трагедия. Беспощадная красота бывает помехой счастью — знаю по себе.

— Больше похож на Майлза Дэвиса, чем Майлз Дэвис, — бормочет она.

— Ты о мужике, который первым перелетел через Атлантику?^[46]

Она не слышит меня.

— Медная тарелка солнца спряталась за облаками, — бормочет она.

Мужчины то и дело обращают на нас внимание. Иначе и быть не может. Татьяна — редкостная птица в этих краях. А что до меня, вы уже знаете, каких мужчин до сих пор прельщает Маргарита Латунская. Даже трубач подмигивает мне из-за своей сияющей трубы. Ей-богу, мне не померещилось. Интересно, каково это — заниматься любовью с чернокожим. С арабами, с косоглазыми, с американцами мне приходилось иметь дело, а вот с неграми никогда.

Входит молодежь — три парочки, садятся за столик перед нами. Им не больше двадцати. Юноши в костюмах, взятых напрокат, наверное. Они стараются выглядеть искушенными. Девушки пытаются держаться непринужденно. У всех получается довольно неуклюже.

Татьяна кивает в их сторону:

— Вот она, молодость и любовь.

В ее голосе слышен сарказм.

— Разве ты не хотела бы оказаться на их месте?

— С чего бы?

— Они такие молодые, красивые, увлечены друг другом. В этом возрасте любят искренно и чисто. Разве ты не согласна?

— Маргарита! Ты меня удивляешь! Мы обе прекрасно знаем, что любви на свете не существует.

— А что же тогда существует?

Татьяна выдыхает сигаретный дым. Слегка улыбается.

— Разнообразные потребности.

— Ты шутишь!

— Ничуть. Посмотри на этих детей. Мальчики хотят уложить девочек в постель. Им нужно выбить пробочки из бутылочек, чтобы вылить туда известную жидкость. Когда мужчине надо высморкаться, ты ведь не называешь это любовью. Почему же считают великим таинством опустошение другой части мужского организма? Что касается девочек, то они не прочь поиграть в лошадки либо потому, что рассчитывают взамен что-нибудь получить от мальчиков, либо потому, что им тоже доставляет удовольствие постель. Впрочем, и в этом я сомневаюсь. Я еще не встречала восемнадцатилетних юнцов, которые донесли бы свое сокровище дальше ближайшего удобного забора.

— Татьяна, ты говоришь о сексе! О сексе, а не о любви.

— Секс — это торговля без фокусов. Любовь — тот же товар в приятной упаковке. А прибыль одна и та же.

— Но любовь не имеет ничего общего с эгоизмом. Настоящая, глубокая любовь бескорыстна.

— В настоящей, глубокой любви корысть лежит настолько глубоко, что любовь даже выглядит бескорыстной.

— Я любила. И люблю. Я знаю, что любовь отдает и ничего не требует взамен. Мы не животные, Татьяна.

— Мы всего лишь животные, Маргарита. Что главный хранитель дает тебе?

— Я не о нем говорю.

— Не важно. Подумай сама. За что мужчина тебя любит? Если не будешь лгать себе, то признаешь: это приносит ему какую-то выгоду. Ответь мне. Зачем он любит тебя, а ты любишь его?

— Любовь есть любовь. — Я покачала головой. — Тут нет места для разных «зачем». В этом-то все и дело.

— Для «зачем» всегда есть местечко. Потому что ты всегда хочешь что-то получить от любимого. Иногда — чувство защищенности. Иногда — чувство собственной исключительности. Иногда — выход в прекрасное будущее из серого настоящего. Еще мужчина может стать отцом твоего

ребенка. Или служить для престижа. Любовь — это клубок всевозможных «зачем».

— И что же в этом плохого?

— А я разве говорю, что это плохо? Человеческие потребности — двигатель истории. Вот почему я улыбаюсь, когда слышу, что людьми движет якобы большая и чистая любовь. «Любить кого-то» означает «хотеть чего-то». Любовь заставляет людей совершать эгоистичные, идиотские, жестокие и бесчеловечные поступки. Ты спрашиваешь, поменялась бы я местами с этим молодняком? Хорошо бы украсть у них молодость. Но в молодое тело я согласилась бы переселиться, только сохранив свой нынешний ум. В противном случае лучше поменяться местами с обезьяной в зоопарке. Влюбиться — это значит стать заложником желаний любимого. Получить свободу можно, только если его кто-нибудь пристрелит.

Мне представилась ужасная картина: из груди Руди вынули пробку, и кровь хлынула, как вода из ванной.

— Если моего любимого кто-нибудь пристрелит, я своими руками расправлюсь с убийцей.

Бар закружился слишком уж сильно, от музыки пульсация в глазах — не сфокусировать взгляд.

— Пойдем отсюда, — предлагает Татьяна.

И вот на нас обрушиваются, как водопад, огни вечернего города. Улицы, то ярко освещенные, то темные, ступеньки и леденцовая пестрота огней рекламы, трамвайные рельсы и порхающие ласточки. Никогда раньше не обращала внимания на окна наверху капеллы Глинки, до чего красиво. Джером сказал бы, как эти штуковины называются, аркбутаны, что ли? Звезд на небе совсем немного. Между ними скользит яркая точка. Может, комета, может, ангел, а может, это падает на землю последняя советская обветшалая орбитальная станция. Прохожие неодобрительно косятся на меня, и я стараюсь идти как можно ровнее. Фонарь покачивает длинной шеей, как жираф. В дирекции Эрмитажа горит одно окно. Главный хранитель кого-то хочет, но, слава богу, на этот раз не меня и не Татьяну.

— Эй, крошки, сколько за обеих? — кричит парень из автомобиля, когда мы проходим мимо.

Я плюю в окно и раздражаюсь самыми грязными ругательствами, какие знаю. Татьяна отгаскивает меня.

— Пошли, пошли, — говорит Татьяна. — Давай зайдем ко мне, выпьем кофе. Можно и перекусить. Сделаю хот-доги. Будешь хорошо себя вести,

не пожалею французской горчицы.

Куда ни помотришь — любой вид вставляй в рамку и вешай на стену. Это вам не мазня Джерома. Настоящий шедевр. Гораздо более настоящий, чем те картины, которые мы крадем. Потому что даже они — копии. А Джером делает копии копий. А тот парень не дурак. Потребности у него правильные. В милицейской машине стайка девушек с сильно подведенными глазами и густо нарумяненными щеками. Их отвезут в отделение милиции, соберут с каждой по пятнадцать долларов и отпустят. Значит, им придется поработать сверхурочно, чтобы возместить ущерб. На этом месте взорвали царя, так мне говорила мама. Теперь я говорю это Татьяне, но она не слышит, потому что мои слова растеряли все звуки. Через квартал от нас какие-то хлопки — фейерверк, а может, это выстрелы? Вот была бы картина. Машина с кирпичами, подставленными вместо колес. Крыша наподобие фабричной, трубы из закопченного кирпича. Картина из закопченного кирпича. Лошадь скачет по аллее. Как ей удалось сойти с пьедестала? Мальчишка катается на роликах, прическа — гребень, как у динозавра. Бомж спит на скамейке, под голову вместо подушки подложил мешок с газетами. Туристы в ярких футболках — так и манят «ограбьте нас». Каналы, купола, перекрестки... И даже слякоть внизу у реки...

Я дышу, потому что не могу не дышать. Я люблю Руди, потому что не могу не любить.

— Татьяна! — окликаю я, перегнувшись через перила и глядя в воду. — Татьяна! Ты не права...

— Уже недалеко, — отзывается она. — Дойдешь?

Мимо проплывает патрульный катер. Какие красивые на нем огоньки, синие с красным.

В квартире у Татьяны я помню отчетливо часы: только они были абсолютно трезвые и через равные промежутки времени как будто роняли камушки в глубокий колодец. Все остальные предметы подмигивали, подпрыгивали, качались. Татьяна была совсем рядом, говорила, что она чего-то хочет, она была такая теплая. Я была не прочь побыть у нее подольше. Вдруг я вспомнила, что у меня сегодня день рождения, уже открыла рот, чтобы сказать об этом Татьяне, но не успела — забыла. Помню, как Татьяна посадила меня в такси, назвала водителю мой адрес и расплатилась.

Я возвращаюсь около трех часов ночи. Не входя, понимаю: Руди дома.

Я медлю на пороге. Он, конечно, спросит, где я была. Про Татьяну можно спокойно рассказать. Он не рассердится. Сможет даже проверить, если захочет, хотя он, само собой, полностью мне доверяет.

Я поворачиваю ключ в замке, открываю дверь и чуть не падаю — Руди, в одних трусах и носках, целится прямо в меня из пистолета. Волной адреналина напрочь смывает опьянение. За спиной у Руди в ванной горит свет и льется вода. Он чертыхнулся и опустил пистолет.

— Какое легкомыслие, Маргарита. Ты забыла про условный стук. Огорчаешь меня, котенок.

Няма бросается мне навстречу, выгибает спину дугой и трется о мою ногу, подталкивая меня к кухне.

— Милый, я без условного стука, потому что пришла к себе домой.

— А как я, по-твоему, должен догадаться, что пришла ты, а не менты?

Мне нечего ему возразить. Так всегда бывает — мне нечего возразить Руди. Но сегодня он в хорошем настроении, не орет на меня.

— Прости, — говорю я.

— Ничего страшного, — кивает он. — Все мы ошибаемся. Но, котенок, умоляю, не повторяй больше этой ошибки, а то может случиться беда. Проходи, проходи. Ты сегодня поздновато. Я уже начал беспокоиться. По улицам ходят злые собаки, могут съесть моего маленького котенка.

— Встречалась с коллегой по работе. Ее зовут Татьяна, — начинаю я, но Руди не слушает.

В прихожей стоит огромный букет роз — красных, желтых, розовых.

— Руди! Это мне?

Руди улыбается, и я таю. Он вспомнил про мой день рождения! Впервые за три года!

— Конечно тебе, котенок. Кому же еще?

Он подходит и целует меня в лоб. Я закрываю глаза, открываю рот, хочу ответить на поцелуй, но он уже отвернулся.

Руди забыл налить в вазу воды, и я несу цветы на кухню. Они так чудесно пахнут. Совсем как раньше, давным-давно.

— У меня к тебе маленькая просьба, — говорит Руди мне в спину. — Я уверен, ты не откажешь.

— Что такое?

— Приезжает мой партнер по бизнесу. Друг Грегорского. Очень важная шишка в нужных международных кругах. Он из Монголии. Фактически тамошний заправила. Ему нужно где-то остановиться, совсем ненадолго.

— И что?

— Я подумал — может, ты его приютишь в свободной комнате?

Я смотрю, как вода переливается через край вазы.

— Если он заправила в Монголии, неужели Грегорский не может снять ему пентхаус?

Я не обращаю внимания на Няму, и она решает напомнить мне, что у нее есть когти.

— Тогда полиция сможет его вычислить. Он первое лицо в Монголии, но, так сказать, неофициально. Даже монголам приходится делать вид, что у них демократические выборы, чтобы получать от Запада кредиты и займы.

— То есть ты хочешь, чтобы я поселила у себя преступника? Мне казалось, что мы решили этот вопрос раз и навсегда.

— Конечно, котенок, конечно! Но сейчас я просто хочу оказать услугу приятелю!

— Почему бы не сделать следующий шаг? Давай откроем ночлежку для наркоманов и маньяков-поджигателей.

— Ради бога, не делай из мухи слона! Сейчас в свободной комнате хранятся ящики с товаром. Какая разница? А он никакой не преступник. Он занимает достаточно высокий пост, который позволяет ему пересекать границу за Иркутском без таможенного досмотра. Хельсинки отпадает. Грегорский нашел покупателя в Пекине. На обратном пути наш друг захватит с собой Делакруа. Чем меньше он наследит, тем для нас же лучше.

— Почему Грегорский не может просто дать взятку на таможне, как обычно?

— Потому что Грегорский контролирует северное направление, на Финляндию и Латвию. Он не может воспользоваться своими каналами в Сибири. Он не доверяет им. Он доверяет только мне. Только нам. Котенок...

Я чувствую, как его рука гладит меня по животу.

— Котенок, давай не будем ссориться. Это же ради нашего будущего...

Указательным пальцем он щекочет мне пупок.

— В этом домике однажды поселится наш малыш...

Он утыкается лицом мне в шею, и я теряю самообладание.

— Котенок! Подумай о нашем малыше. Котенок... Я знаю, у тебя масса вопросов. Все равно, мы так близки сейчас. Я все время вспоминаю наш последний разговор у Джерома. О Швейцарии. Ты права, нужно ехать как можно скорее. Пока дела идут хорошо. Прости, что разозлился тогда. Потом проклинал себя за это. Но ты же у меня умница. Ты все понимаешь. Вечный стресс. Нервы стали сдавать. Отыгрываюсь на самом дорогом человечке. Потом проклиная себя... — бормочет Руди. — Котенок!

Посмотри на меня, ну, посмотри! Посмотри, как этот ненормальный обожает тебя...

Я смотрю: его молодое лицо, его чудные глаза совсем близко. Я вижу, как он обожает меня.

— Угадай, котенок, куда я ходил сегодня? В туристическое агентство. Хотел узнать, сколько стоит билет на самолет до Цюриха.

— Честно?

— Конечно. Правда, без толку, там был выходной. Но я ходил. Я больше не позволю этому сукину сыну, этому грязному хранителю мучить моего котенка. Как только мы уедем, тебе, Маргарита, решать: жить ему или умереть. Одно твоё слово — и мой человек всадит в него пулю. Клянусь Девой Марией.

Сами видите, как Татьяна не права. Руди хочет, чтобы я была счастлива. Ради этого он готов все бросить. Как я могла усомниться в нем, пусть даже на минуту? Мы целуемся долго-долго.

Я шепчу:

— Руди! Для меня самый лучший подарок на день рождения — это ты!

— Да? Кажется, он уже скоро, твой день рождения? — бормочет Руди и резко отстраняется. — Значит, ты не против, если связной нашего покупателя бросит якорь у тебя? Ненадолго, пока не подменим картину. До ночи большой уборки. Всего-то на две недели.

— Просто не знаю, Руди... Я так надеялась, что до отъезда мы с тобой хоть немного поживем вдвоем. Нам нужно столько всего обсудить. Когда он приезжает?

Руди отворачивается. Я открываю банку с кошачьим кормом.

— Он прилетел сегодня. Я забрал его из аэропорта. Нужно же человеку принять ванну, отдохнуть с дороги. Я привез его сюда. Так что он уже здесь.

— Что-о-о?!

— Он уже здесь.

— Руди! Как ты мог? Это же наш дом! Только наш! Здесь живем мы — ты, я и Няма!

Я выхожу из кухни и открываю дверь в гостиную. У меня появляется чувство, словно я в театре смотрю спектакль. Спиной ко мне у окна стоит черноволосый мускулистый коротышка. На нем красный халат Руди, мой подарок, и он осматривает пистолет Руди. Я только и могу, что выдохнуть:

— Ах!

Он не спеша оборачивается.

— Добрый вечер, госпожа Латунская. Благодарю вас за

гостеприимство. Очень рад снова посетить ваш прекрасный город.

Прекрасно говорит по-русски, с легким азиатским акцентом. Слышу, как Няма у меня за спиной набрасывается на свой ужин.

— С вашей кошечкой мы уже познакомились. Она приняла меня по-родственному, как дядюшку Сухэ-батара. Надеюсь, вы последуете ее примеру.

*

В моем зале сейчас ни души, поэтому прогуливаюсь от стула к окну, чтобы размяться. Собирается гроза, воздух натянут, как шкура на тамтаме. Утром, когда я шла на работу, город разбухал, будто на дрожжах. Тягучая, распухшая Нева напоминает пролитое масло. На следующей неделе выборы, по городу разъезжают фургоны и агитируют.

Комар жужжит над ухом. Я прихлопнула его, испачкав руку кровью. Оглядываюсь — чем бы вытереться — и не нахожу ничего лучше шторы. Приближается группа туристов, поэтому быстро возвращаюсь на свой стул. Они входят, гид говорит по-японски, мне удастся разобрать «Деракруа». Через восемь дней тот же самый гид будет говорить те же слова и так же тыкать указкой, но уже в другую картину, и только шесть человек на свете — Руди, я, Джером, Грегорский, Сухэ-батор и покупатель из Пекина — будут знать правду. Джером говорит, идеальное преступление то, о котором никто не знает. Овцы крутят головами, повинувшись палочке пастуха. Я смеюсь про себя. Несколько фальшивок они уже сегодня сфотографировали. И еще заплатили за это право по тарифу, установленному для иностранных граждан.

Ко мне подходит маленькая девочка и протягивает конфету. Она что-то говорит по-японски и трясет сумочкой. На вид ей лет восемь, и ей надоели шедевры эпохи Возрождения. Кожа у нее цвета кофе со сливками. Волосы заплетены в косичку, нарядное платье земляничного цвета с кружевами. Девочка постарше — наверное, сестра — оборачивается и хихикает, следом оборачиваются взрослые. Я покрываюсь испариной. На нас нацеливаются фотокамеры. Вспышки. Вот почему меня бесят азиаты — они фотографируют все подряд. Но какая у девочки чудесная улыбка! Мне захотелось позвать ее в гости. Или удочерить. Маленькие девочки как старые кошки: если уж кого невзлюбят, то притворяться не станут.

Высокопоставленный партийный любовник заставил меня сделать аборт. Я не хотела. Я боялась. Священники и старухи говорят, что для женщин, которые убивают младенцев, в аду устроен особый ГУЛАГ.

Но еще больше я боялась того, что мой любовник бросит меня и я окажусь в грязи на улице, поэтому подчинилась. А он не хотел детей, потому что боялся скандала. Из-за внебрачного ребенка наша связь могла бы получить огласку, и хотя все прекрасно знали, что в Советском Союзе есть и коррупция, и скандальные истории, но в глазах толпы требовалось соблюдать приличия. Да и что тут такого. Одно даже приятно: узнай об этом моя мамочка, она в гробу перевернулась бы со стыда.

В стране не было женщины, которая бы не сделала аборта, это считалось нормой. Мне сделали аборт в закрытой партийной больнице на Московском проспекте. Качество обслуживания там должно было быть гораздо выше, чем в других больницах. Но ко мне почему-то отнеслись совсем по-другому. После выписки долго продолжалось кровотечение. Когда я пришла к врачу, он отказался меня принять, а регистраторша вызвала охрану выпроводить меня. Я стояла на крыльце и кричала, пока от ярости не остались одни всхлипывания. Помню длинный ряд намокших под дождем деревьев. Я пожаловалась своему партийцу, чтобы он вмешался, но он, похоже, потерял интерес ко мне. Зашел один раз словно по обязанности. Через две недели он отфутболил меня в бакалейном отделе закрытого партийного магазина. Его жена каким-то образом пронюхала про мою беременность. Он сказал, чтобы я держала язык за зубами и сидела тихо, иначе мне придется капитально переменить место жительства. Я стала помехой. Отягощала его совесть.

Я сидела тихо. Когда наконец выбралась в поликлинику к врачу, он едва осмотрел меня и сразу заявил: «Надеюсь, рожать в будущем не собираетесь? Вам это не грозит». Я не особенно поверила ему, потому что он был небритый и от него пахло водкой. В кабинете сидела еще какая-то жирная корова, она стала говорить, что это в старое недоброе время женщинам навязывалась только одна роль — плодить объекты капиталистической эксплуатации. Я сказала, что не нуждаюсь в ее советах, и вышла. Через год в «Правде» я прочитала, что мой партиец скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Руди я говорю, что принимаю таблетки, так как он не пользуется презервативами — с самого начала он заявил, что кондомы пусть надевают слоны. Кто знает, что произойдет в Швейцарии? Все-таки там чистый воздух, чистая вода. Или, может, швейцарские врачи знают средство, о котором русские понятия не имеют. И по швейцарским лугам будет бегать маленькая девочка, похожая на меня и на Руди. Прелесть, что за девочка. А потом у нее появится братик, и Руди будет учить его охотиться в горах. А я научу нашу малышку вкусно готовить. Мы узнаем, как делать суп из

ласточкиных гнезд — Джером говорит, что ел такой в Китае.

По-моему, главный хранитель Рогоршев меня избегает, хотя сегодня по графику наш вечер. Тем лучше. Делакруа — наше последнее дело, Руди обещал. Он говорит, что подбивает бабки и закругляется с бизнесом. Он говорит, что это требует времени, да я и сама понимаю. Руди объяснил нашу ситуацию Грегорскому, решительно отмел всевозможные «но» и «если», и Грегорский вынужден был смириться. В крайнем случае, говорит Руди, я выеду пораньше и поживу, дожидаясь его, несколько недель в лучшем отеле в Швейцарии. Это даже здорово! К его приезду успею купить шале — вот будет ему сюрприз! А он тем временем спокойно продаст все свои предприятия по самой выгодной цене. Кроме пиццерии, ресторана и модельного агентства, где я работала до Эрмитажа, у него еще есть таксопарк, строительная компания, экспортно-импортная фирма, акции фитнес-клуба и доля в сети ночных клубов, где он ведает вопросами безопасности и охраны и тому подобными делами. Руди дружит и с президентом. Президент назвал Руди представителем молодого поколения, которое в двадцать первом веке проведет корабль обновленной России через все рифы и мели.

В моем зале опять никого. Подхожу к окну. Огромные чайки парят в восходящих потоках. Погода быстро портится. Любуюсь собственным отражением в стекле. Руди ночью сказал чистую правду. Мы занимались любовью, и после третьего раза он сказал: «Чем старше ты становишься, тем моложе». У меня красота не поверхностная, которую любая может нарисовать румянами да тушью. У моей красоты другая природа, глубинная. Выразительные чувственные губы, шея как у лебедя — так мой адмирал говорил. Одно время я забавы ради побыла платиновой блондинкой, но вернулась к своему естественному цвету — золотому с рыжеватым отливом, как у старинных драгоценностей. Внешность мне передалась по наследству от матери — никакого другого наследства я от нее не получила, бог свидетель. Талант актрисы и танцовщицы достался мне от некогда знаменитой, но забытой прабабки. Глаза цвета морской волны — от покойного отца, в прошлом известного режиссера. Он не признал открыто своего отцовства, поэтому не буду называть его фамилии. Я уважаю его волю. Так вот, мои глаза. Руди часто говорит, что в моих глазах можно утонуть навек. Я ведь поступала в театральный, вы не в курсе? Могла бы добиться большого успеха на сцене или в кино. Но тогда, в самом начале актерской карьеры, меня подцепил мой политбюрошник, и

мы вместе стали делать политическую карьеру. Мы обожали танцевать танго. Я до сих не разучилась, но Руди предпочитает дискотеки. Мне кажется, им не хватает элитарности. Там полным-полно потаскушек и шлюх, которых в мужчине интересует только его положение и кошелек. В Швейцарии общество выше классом. Руди еще будет умолять меня, чтобы я научила его хорошим манерам.

У Джерома в квартире нет ни одного зеркала: однажды, выпив бутылку дешевого бренди, он признался, что не выносит собственного отражения. Я спросила почему. Он ответил, что всякий раз, когда глядит в зеркало, видит в нем мужчину и задумывается: господи боже мой, это еще кто?

Змей все еще тут, обвил кольцами толстый ствол дерева...

Господи!

Опять этот сон!

Как будто я прячусь в туннеле. Мне страшно — такое чувство, что здесь затаилось зло. Мимо пробегают двое, мужчина и женщина, у них восточный разрез глаз. Мужчина хочет спасти женщину от дьявола. Он держит ее за руку, они мчатся изо всех сил. Я тоже бегу следом, потому что мне кажется, что мужчина знает выход из туннеля, но потом отстаю. Неожиданно оказываюсь на вершине лысой горы. Небо заляпано пятнами масляной краски и комет. Я понимаю, что стою у подножия креста. Рядом валяются кости, в которые римские солдаты разыграли одежду Иисуса. Вдруг крест начинает опускаться. У меня перед глазами оказываются ступни, прибитые гвоздями, потом бескровные, белые, как алебастр, бедра. Набедренная повязка, рана в боку, распростертые руки с пригвожденными ладонями и, наконец, — лицо. Оно обращено прямо ко мне, искажено ухмылкой. Это лицо дьявола. И я понимаю, что двухтысячелетняя история христианства — ужасная, злая, затянувшаяся шутка.

Жирная жопа Варвара Петровна приходит подменить меня на время обеда. Как всегда, она не говорит ни слова. Лицо праведницы — святее, чем у Папы Римского, в точности как у моей мамочки на смертном одре. Иду по моим отделанным мрамором коридорам. Ко мне обращается шаркун-иностранец с путеводителем в руке. Прохожу мимо. Иду мимо моих зеленых и кроваво-красных каменных драконов, через мои будуары с куполообразными позолоченными потолками, прохожу под олимпийскими богами — вот и Меркурий, он жил за счет своей смекалки. Иду мимо длинных комнат с голубыми оконными рамами и серебряными шнурами портьер, с инкрустированными перламутром столиками и бархатными

туфельками и по темным задним лестницам и служебным переходам спускаюсь в мрачноватую столовую для сотрудников, где Татьяна сидит в полном одиночестве и высыпает в чашку с теплым молоком пакетик шоколада.

— Привет, Татьяна! Тебя тоже сослали сюда?

— Я обедаю, когда захочу. Выпей горячего шоколада. Плюнь сегодня на диету. Добавь сахару в кровь.

— А, была не была. Какая разница!

Сажусь. В зале жарко, и я снова встаю. Ножки стула с визгом царапают кафельный пол. Открываю зарешеченное окно, но это не помогает. Температура что снаружи, что внутри.

— Ты сегодня чем-то взволнована, Маргарита? — спрашивает Татьяна.

Ужасно хочется рассказать ей про Швейцарию. Ужасно хочется рассказать ей вообще все. Мне трудно удержаться.

— Что, заметно? Я думала о том, что мне надо уехать... отдохнуть. Может, даже за границу. Пока не решила куда.

Татьяна подносит зажигалку к моей сигарете. До чего красивые у нее пальцы.

Прислушиваемся, как шумит бойлер на кухне, как в коридоре стучит шваброй уборщица. Татьяна, наверное, хорошо играет на пианино — с такими-то пальцами.

— И у меня появилось странное чувство, — продолжаю я. — Очень грустно. Меня не будет — а здесь все останется по-старому.

Татьяна кивает головой.

— Да, мир как будто смеется тебе в лицо и говорит: «Посмотри, лапушка, я прекрасно могу обойтись без тебя». То же самое твердит человеку и море, просто люди не селятся посреди океана. Особенно обидно бывает, если ты в этом месте рос, или работал, или влюблялся.

Шоколад, которым угостила Татьяна, густой сладостью обволакивает мне язык до самого корня.

— Иногда мне чудится — вот выйду в коридор и нос к носу столкнусь с графом Архангельским из восемнадцатого века.

— И чего же хочет граф от Маргариты Латунской? — смеется Татьяна.

— Бывает по-разному. Иногда просит, чтобы я провела его в спальню императрицы на свидание. Иногда говорит, что закажет мой портрет и повесит в своей галерее. А порой хочет затащить в свою четырех-спальную кровать и так отделать, чтобы я три дня не могла ходить.

— Ты не заставляешь себя долго упрашивать?

Мы смеемся. На кухне открывают кран с водой.

— Похоже, ты большая мечтательница, — замечает Татьяна.

— Вот и Руди так говорит.

— Кто такой Руди?

— Мой друг.

Татьяна закидывает ногу на ногу, чулки шуршат.

— Твой любовник?

Мне нравится, когда Татьяна проявляет интерес к моей жизни. Мне нравится Татьяна.

— В том числе...

— Чем он занимается?

Татьяна находит, что Маргарита Латунская заслуживает интереса.

— Местный бизнесмен.

— Ах, вот как! Это о нем ты говорила на прошлой неделе...

— Разве?

Татьяна снимает ногу с ноги, чулки шуршат.

— Да-да. Расскажи мне о нем поподробней...

— Гроза закончилась.

Я киваю. Тихо, как в гроте.

— Татьяна, помнишь, ты сказала, что любви не существует. Признайся, ведь на самом деле ты так не думаешь?

— Мне жаль, что огорчила тебя.

— Нет, ты меня не огорчила. Но я все время думаю об этом. Если любви не существует, то какая сила удерживает зло и любовь в разных клетках?

— Сложный вопрос. Ты сохранила надежду, я поняла это с первого взгляда.

— Ты открыла мне свой секрет. Могу я доверить тебе свой?

— Конечно.

— Видишь ли, раньше я была верующей. В детстве мама тайком водила меня на службы в церковь. Еще при Брежнев. Это было довольно опасно, засекут — два года тюрьмы. Даже Библия считалась запрещенной литературой.

Татьяна несколько не удивляется.

— Это, в общем, даже не секрет, — уточнила я. — Скорее притча. Из проповеди, которая мне запомнилась. Однажды человек отправился в путь, его сопровождал ангел. Они вошли в большой дом. Ангел открыл одну дверь. За ней оказалась комната, в ней — скамьи вдоль стен, на скамьях — люди, сидят вплотную друг к другу. У каждого в руках серебряная ложка с

длинной, в рост человека, ручкой. В центре комнаты стоит стол с угощением, и все пытаются зачерпнуть, но у них ничего не получается: ложки слишком длинные, до рта не донести — все валится на пол. И хотя угощения для всех предостаточно — все голодны. «Смотри, — сказал ангел. — Перед тобой ад. Эти люди не любят друг друга. Каждый хочет наполнить собственный желудок». Затем ангел провел путника в другую комнату. В ней все было так же, как в первой, только каждый старался накормить не себя, а гостя на другом конце комнаты, и все у них ладилось. «Смотри, — сказал ангел. — Здесь каждый думает не о себе, а о другом. И потому все сыты. Это рай».

Татьяна подумала мгновение и сказала:

— Не вижу разницы.

— Как не видишь?

— Никакой разницы. И в аду, и в раю хотят одного: набить желудок. Но те, что в раю, обстрипывают свои делишки похитрее, вот и все. — И она рассмеялась.

Я не нашлась, что ответить. Увидев выражение моего лица, Татьяна прибавила:

— Прости, Маргарита...

Минуты еле ползут, как раненый гангстер из голливудского фильма.

Я знаю, что в бизнесе Руди иногда вынужден проявлять жесткость, но между решительностью и насилием есть различие, как есть оно между бизнесменом и гангстером. Я никогда не обольщалась на этот счет. Руди умеет действовать решительно. Но что ему остается делать, если люди не возвращают долги? Руди не может раздавать деньги направо и налево, он же не благотворительный фонд. Когда человек берет деньги в долг, он обещает вернуть их в срок, а если не выполняет свое обещание, Руди со своими друзьями имеет право принять те меры, которые сочтет нужным, чтобы в один прекрасный день не остаться с пустыми карманами. Просто в голове не укладывается, как некоторые люди не понимают таких простых вещей. Помню, два года назад, вскоре после того, как Руди согласился переехать ко мне, он однажды вернулся ночью с ножевой раной на шее. Вокруг нее запекалась густая, как зубная паста, кровь. Должник передумал возвращать деньги, объяснил Руди. В больницу ехать он отказался, и я сама перевязала рану, разорвав свою блузку из чистого хлопка. Больница — удел бедняков, сказал Руди. Он такой мужественный.

После той ночи Руди купил пистолет, а я — бинтов.

В послеполуденной синеве — облака и вершины Альп. Мороженое и мягкие кресла. В Эдемском саду время отдыха. В кущах дремотный шепот. В воздухе вьются насекомые. Ева принимает решение.

— Ну, спроси свой внутренний голос, чего ты хочешь, — подсказывает змей.

— Это ответственный шаг. За ним — изгнание, менструации, труд в поте лица и родовые муки. У меня к тебе последний вопрос.

— Валяй! — соглашается змей.

— Почему ты так ненавидишь Бога?

Змей улыбается и кончиком хвоста рисует в воздухе у ног Евы спираль.

— Будь добра, сначала пощекочи мне шейку, ну, прошшу тебя...

Еве нравятся изумрудно-рубиновые узоры на золотистой коже змея. Она протягивает руку.

— Ну вот. А теперь отвечай.

— Ева, у тебя перед глазами плод. Этот сспелый, готовый истечь соком плод содержит в себе ответы на все твои вопросы. И почему я ненавижу Бога. Зороастризм, манихейская ересь, юнговские архетипы, тунгусский метеорит, виртуальные часстицы... И в чем коренится змеиная пронциательность и аморальность... И почему все происходит именно так, как происходит...

Глаза змея превращаются в калейдоскоп — в них вращаются разноцветные огоньки, словно в кристалле Нострадамуса. Ева не в силах отвести от них взгляд.

— Ева, детка, все, что от тебя требуется, — сжать покрепче своими пухлыми губками сочную мякоть этого плода и посмотреть, что из этого выйдет...

Ева закрывает глаза и приоткрывает рот.

Послы со свитой изволили оказать нам с Делакруа честь своим посещением. Дипломаты — разновидность идиотов, которые умеют одно: любезничать наперегонки на публичных церемониях. Уж я-то знаю. Насмотрелась на эту породу, когда вращалась в высших политических кругах. Начальник службы безопасности, атташе по культуре, директор Эрмитажа, главный хранитель Рогоршев — он делает вид, будто не замечает меня, — и многоязычный переводчик сопровождают восьмерку послов. Из каких они стран, я знаю, потому что сама печатала приглашения. Француза распознать несложно: он то и дело прерывает переводчика и сам начинает объяснять остальным. Немец поглядывает на часы. Итальянец — на мою грудь и шею. Англичанин вежливо кивает и у

каждой картины восклицает: «Дилайтфул!» Американец с хозяйским видом снимает все на видеокамеру. Австралиец вынимает из внутреннего кармана фляжку и отпивает из нее большими глотками. Еще остались послы из Бельгии и Дании. Кто из них кто, не разобрать, да и какая разница. При каждом — личный телохранитель. Не понимаю, кому пришло в голову, что такие ничтожества нуждаются в охране. Телохранителей я тоже знавала. Гораздо забавнее дипломатов.

Вентилятор жужжит. Но звук его становится все тише...

Татьяна манит меня за собой. Гуси-лебеди несут нас, но ее гусь летит быстрее моего. Он первым ныряет в дымоход, задев лапой закопченную кочергу. На царском челне проплывает Екатерина Великая. Она подпорчена, в грязи и местами порвана. К счастью, у меня с собой бутылка оливкового масла экстра, и я поливаю им пострадавшие места. Императрица, сияя, усаживается, целая и невредимая.

Я склоняюсь перед государыней в низком поклоне.

— А, Маргарита! — говорит она. — Как почивала сегодня? Граф благодарит тебя. Полагаем, ты зело пособила ему вчера.

— Рада служить, ваше величество.

— Есть одно щекотливое обстоятельство, госпожа Латунская.

— Слушаю, ваше величество.

— Нам известно, что ты у нас из-под самого носа крадешь наши картины. Доселе мы сквозь пальцы смотрели на твои проделки, поелику мы с тобой, госпожа Латунская, одного поля ягоды. А твой вкус и отменное чувство стиля премного нас восхищают. Видит бог, долг женщины — ловить за клюв удачу, коли та сама в руки идет. Однако же мы почитаем за своевременное предупредить тебя, Маргарита. Во дворце ныне неспокойно. Нити заговора заглазно плетутся. Посему пора рвать когти. Ежели позаришься еще на одну картинку, то заплатишь за нее ценой таких страданий, о которых и помыслить не можно.

Я просыпаюсь оттого, что чувствую на себе чей-то взгляд: за мной наблюдает один из этих типов, любителей подглядывать.

— На кого пялишься, ублюдох?

Он затрусил прочь, раз или два посмотрев через плечо.

Не понимаю, отчего меня сегодня так клонит в сон. Наверное, из-за погоды. Гроза прошла стороной, не разогнав духоты. Сидишь как в бытовке со швабрами и тряпками.

Мы с Руди предоставляем друг другу полную свободу. Не надо

принимать видимость за сущность! Руди — неограниченный бриллиант, а наша любовь — чувство глубокое, прочное, подлинное. До Руди все мои любовники были старше меня, они меня защищали и опекали. Не стану отрицать, что Руди затронул во мне материнскую струнку. Но вся эта чушь собачья, что женщина должна принадлежать одному мужчине и на других даже не поглядывать, вся эта дребедень канула в прошлое вместе с двуличным поколением моей матери, и слава богу! Если моя мать действительно так думала, то как могла появиться на свет я? Мы с Руди продолжаем встречаться с разными людьми самым непринужденным образом, и это ровным счетом ничего не значит. У Руди такая работа, что присутствие рядом красивой женщины необходимо для имиджа. Я ничего не имею против. Он не может успешно вести бизнес, не имея соответствующего имиджа. Только не подумайте, что я для этой роли уже не гожусь — стара и непривлекательна. Нет, просто я в эти игры уже наигралась, мне больше неинтересно. Меня Руди обычно знакомит только с теми своими друзьями, которые принадлежат к самому избранному обществу и, разумеется, очень, очень богаты. Руди знает, что я привыкла блистать в обществе, и не хочет, чтобы я сгнила взаперти. Друзья Руди часто наведываются в Петербург по делам, и, естественно, им не помешает общество красивой женщины, которая знает город. Руди хорошо известно, что мой талант — очаровывать мужчин, окутывать атмосферой блаженства. Они бурно выражают Руди свою благодарность, в том числе и в денежной форме, и Руди иногда выплачивает мне компенсацию за потраченное время, но, видит бог, материальная заинтересованность тут ни при чем. Вообще это все пустяки. Руди знает, что он — мой единственный мужчина, а я знаю, что я — его единственная женщина.

Весь вечер торчу в кабинете главного хранителя Рогоршева, жду. Открыла окна, включила вентилятор, но все равно обливаюсь потом, белье прилипло к телу. В сумраке поблескивает огонек на кончике сигареты.

Няма, моя кисонька, умирает с голоду. А Руди придет поздно. А господин Сухэ-батор никогда не подходит к телефону. Ох уж этот господин Сухэ-батор. Странная личность. Я почти не вижу его. После того как я смирилась с его внезапным появлением в доме, я перестала его замечать. Он бесшумней, чем Няма. Очень часто я думаю, что его нет дома, и сталкиваюсь с ним в коридоре. Или, наоборот, стучусь к нему в комнату, не сомневаясь, что он дома, а там — никого. Я ни разу не видела, чтобы он ел что-нибудь или пользовался туалетом! Правда, он пьет много молока — стакан за стаканом. Уходя, закрывает дверь беззвучно. Когда я спрашиваю

его о семье или о Монголии, он вроде бы отвечает, но когда потом я пытаюсь вспомнить, что же он сказал, оказывается — ровным счетом ничего. У меня сильная интуиция, а моя бабушка знала кой-какие заклятия. Обычно я вижу людей насквозь, но Сухэ-батор — человек-невидимка. Внешне он привлекателен, хотя лицо немного хищное, с полувосточными чертами. Интересно, какого типа женщины ему нравятся? Дикие азиатки или утонченные европейки? Или он, как Джером, не интересуется женщинами? Вряд ли. С виду он настоящий мужчина. Интересно все-таки, что за страна — Монголия? Надо будет расспросить его, пока не уехал.

В кабинете звонит телефон. Я предоставляю новому автоответчику главного хранителя ответить на звонок.

— Маргарита? Это Рогоршев, твой зайка. Ты там? Сними трубку... Не сердись на меня, ты не представляешь, как я страдаю.

Это меня совершенно не трогает. Снова закуриваю.

— Я забыл предупредить тебя, что сегодня у моей жены юбилей. Я обещал сводить ее и детей на новый фильм. Показывают какую-то чушь про динозавров... Мне ужасно жаль, моя сладенькая! На следующей неделе, да? Ты там или нет? Ну, пока... Надеюсь, ты услышала мое сообщение...

Ясно. Значит, зря наводила красоту. Пустая трата времени. Пустая трата денег. Мужчины не представляют, сколько стоит пристойная косметика. Вот бы в кинотеатре случился пожар и маленькие Рогоршевы превратились в жареные чипсы. Я бы их с удовольствием схрумкала, как скоро схрумкаю их папашу.

Начальник службы безопасности, не выключая радио, читает газету на спортивной странице и заедает бутербродом размером с кирпич, который истекает красным вареньем.

— Добрый вечер, госпожа Латунская! — сладко говорит он. — Как поживаете? Хорошо? Задержались по делам в кабинете главного хранителя?

Он поправляет яйца в штанах. Сукин сын. Жирная сволочь.

— А как ваши дипломаты, остались довольны? — спрашиваю я.

— А как же! Мы им такое показали, что будет о чем посудачить с любовницами!

Он смотрит на меня долгим взглядом.

Закуриваю. «Скоро тебе конец, жирная сволочь. Наслаждайся жизнью, пока есть время. В конце месяца ты уже будешь в тюрьме».

— На следующей неделе будут натирать паркет. Хозяин фирмы-

подрядчика только что позвонил главному хранителю Рогоршеву, подтвердил. Все как обычно. Только на этот раз хозяин фирмы сам придет, чтобы проверить, как работают механические полотеры.

Начальник службы безопасности поворачивается на вращающемся стуле и смотрит на доску для записей:

— Все верно.

В угоду Руди выстукиваю на собственной двери этот дурацкий условный сигнал, но дома никого нет. Ни господина Сухэ-батора, ни Руди, ни даже маленькой Нямы. Принимаю душ, чтобы смыть дневной пот и макияж. Зеленые тени и персиковые румяна исчезают в сливном отверстии. В ванной очень чисто: господин Сухэ-батор всегда наводит за собой порядок. Он даже за мной наводит порядок. Не доверяю я мужчинам-аккуратистам. Джером — еще один такой же. Предпочитаю нерях вроде Руди. Заставляю себя съесть крутое яйцо и сажусь у окна, смотрю на Фонтанку. Проплывает прогулочный катер с туристами на борту. Мне чудится, что среди них — мои сын и дочка, они чему-то смеются. Светловолосые детишки. Хочется выйти, но не знаю, куда пойти. У меня, конечно, полно друзей по всему городу. Еще можно сесть на ночной поезд и махнуть в Москву к кому-нибудь из друзей по театральному прошлому. Сто лет не была в Москве. Меня уговаривают приехать, а я все — подождите да подождите. Надо будет пригласить всех в Швейцарию. Когда устроимся, конечно. Будут жить в гостевом домике, который я непременно построю. Они просто позеленеют от зависти! Я решила поселиться непременно возле водопада, чтобы каждый день пить свежую талую воду. В питерской воде столько металлов, что ее можно намагнитить! Курочек разведу, обязательно. Почему у меня слезы текут?

Да что сегодня со мной происходит? Может, хочу мужчину? Надеть бы красные чулки в сеточку, новый бархатный костюмчик, который Руди подарил мне на прошлой неделе как дополнительный подарок ко дню рождения, и подцепить парнишку-байкера в кожаной куртке и кожаных штанах, с ежиком густых волос и квадратной челюстью. Просто так, забавы ради. Сто лет этого не делала. Руди не будет против, особенно если не узнает. У нас с ним современные свободные отношения, я уже говорила.

Но нет. Если я кого и хочу, то только Руди. Мне нужны его плечи, его руки, его запах, его ремень. Мне нравится, когда его пряжка впивается мне в живот, хоть это и немного больно. За окном — большой город, крыши, шпили, трубы, купола... Где-то там Руди, он думает обо мне.

Со стороны Финляндии движется грозовой фронт. Я смотрю вдаль,

туда, где ночь смешивается с грозой, где вспыхивают молнии, и думаю — куда же запропастилась малышка Няма.

*

Я стою в парадной в луче лунного света, как в колодце. Вверх, к моей квартире, ведет винтовая лестница. Время за полночь. Вокруг ни темно, ни светло. Трепещут летучими мышками звезды на небе, словно позаимствованном из декорации к старому кинофильму. В воздухе разлита тревога. Лифт опять не работает, я пытаюсь открыть дверь и отдергиваю руку — бьет электричеством. Никогда не думала, что по ночам бьет электричеством. В сотый раз с той минуты, как Руди отъехал в своем фургоне с Делакруа в багажнике, я говорю себе, что все в порядке. Скоро начнется новая жизнь. И в сотый раз чей-то голос отвечает мне, что не все в порядке. Всю неделю на душе тревога. Чей-то голос пытается мне что-то сообщить, только чей и что? Закуриваю. Все спокойно, видишь? Все в порядке, ступай скорее домой и убедись. Я медлю на пороге квартиры, докуриваю сигарету.

Процедура замены подлинника фальшаком хорошо отработана и прошла четко, без накладок. Почти без накладок.

Я встретила Руди и трех бабулек уборщиц у служебного входа ровно в восемь вечера. Жирная жопа Петровна, все еще в своей мерзкой форменной одежде, с двумя своими приятельницами были там, чтобы присматривать за уборкой. Четвертой эрмитажницей была я. Когда я подошла, они замолчали. Причем демонстративно. Пока я распределяла помещения между уборщицами, жопа Петровна еле терпела и уже хотела вставить слово, но в последний момент прикусила язык. Очень мудро с ее стороны. В дежурке начальник службы безопасности играл в карты со своим мордастым свояком. Он кивнул Руди и пропустил нас. Уборщицы покатили в разные стороны громоздкие полотеры, каждую сопровождала дежурная. Я пошла вместе с Руди.

Мы не говорили ни слова. Мы с Руди понимаем друг друга без слов. Мы же суперкоманда. В добрые минуты он сам это признает. Вот, например, когда я пришла поздравить его с днем рождения в банкетный зал «Хилтона». Когда на нас никто не смотрел, он поднес свой бокал шампанского к моему, чокнулся и шепнул: «Детка, мы с тобой — суперкоманда!»

Когда мы подменяли картину зимой, приходилось работать при слабом в Зимнем дворце электрическом освещении.

А летние вечера такие светлые, что можно обойтись без электричества. Я стояла на посту перед залом Делакруа, пока Руди открывал специальный контейнер, встроенный в станину полотера. Руди вынул шедевр Джерома и прислонил его к столику в форме полумесяца, инкрустированному цветами лотоса и орхидей из янтаря и нефрита.

Было тихо, если не считать жужжания полотеров вдалеке.

Руди приподнялся, снял со стены подлинного Делакруа, спрятал в контейнер и защелкнул замок. Я подумала о том, что Еве предстоит дальнейшее путешествие в компании змея.

Послышались тяжелые, решительные шаги — они приближались.

— Руди!

У змея переполнились ядовитые железы, из протоков начал сочиться яд.

Руди замер, вопросительно глядя на меня.

Я почувствовала себя в ловушке.

Но нет, мне почудилось. Просто где-то стучали по стене. Тихо. Только жужжание полотеров разносится эхом.

Руди неодобрительно покачал головой и снова принялся за работу. Наконец-то шедевр Джерома занял опустевшее место на стене.

Душу продала бы за сигарету.

Затем Руди приступил к натирке полов в зале с портретами семнадцатого века. Он двигался со своим хитроумным сооружением туда и обратно, туда — до зала с прикольными картинами кубистов. Вот так же размашисто садовник будет косить газоны вокруг нашего швейцарского дома. Я наблюдала за Руди — у него был скучающий вид, как и положено уборщику. Я хотела помочь ему, но это показалось бы странным. Я подгоняла время, чтобы мы поскорее покинули проклятый дворец и завладели сокровищем по-настоящему. Я не устояла перед искушением помечтать о том, как мы прогуливаемся в Цюрихе по самым дорогим магазинам, вереница продавцов заворачивает отобранные мной вещи в узорчатую бумагу и перевязывает золотыми ленточками. Потом стала мечтать о том, как в кондитерском отделе Руди в приступе страсти набрасывается на меня.

В полночь у Руди прозвонил его новый итальянский хронометр, и он выключил полотер. Мы спустились к служебному входу. По дороге Руди улыбнулся мне:

— Потерпи, детка, немного осталось!

Хотела бы я, чтобы у нашего сына была такая улыбка! Я закусила губу и представила, в какие одежды буду наряжать его.

— И ты наконец сделаешь мне ребенка! — прошептала я в ответ.

В своей дежурке, широко расставив ноги и похрапывая, дремал начальник службы безопасности. Две бабульки из трех уже стояли внизу, жалуясь на поясницу, на погоду, на полотеры. Попрошу Руди, чтоб усыпил меня прежде, чем докачусь до такого маразма. Минуту или две мы смотрели на спящего начальника службы безопасности, пока не пришла жопа Петровна со своей уборщицей и не ткнула его в бок.

Он заморгал и вскочил на ноги.

— Чего?

— Мы закончили, шеф, — сказал Руди.

— Ну, ступайте тогда.

— А как же личный досмотр? — встряла жопа Петровна. — Инструкция номер пятнадцать: «Весь вспомогательный персонал, включая *сотрудников музея*, должен в обязательном порядке подвергаться личному досмотру при выходе из...»

Начальник службы безопасности высморкался в салфетку и выбросил ее в корзину для бумаг. Ему было скучно.

— Не надо мне тут цитировать эти инструкции, черт бы их побрал. Я знаю, что в них написано. Сам писал.

— Я не позволю, чтобы он прикасался ко мне, — заявила самая древняя из бабулек. — А если вы это допустите, то я возьму расчет, — обратилась она к Руди.

Бабулька помоложе выразила солидарность со старшей коллегой.

— Я тоже не позволю. Нечего со мной обращаться, как со шлюхой в милиции.

— Инструкция есть инструкция! — рывкнула Петровна. — Она распространяется на всех.

О господи, ну и что, ведь не просят же никого переспать с этим бородавчатым троллем!

Руди решил подключить свое обаяние, мошенник.

— Дамы, дамы, прошу вас, не спорьте! Проблема решается очень просто. Начальник службы безопасности может обыскать *меня*, а женщин обыщет кто-нибудь из сотрудниц — хотя бы эта бдительная дама, — Руди указал на Петровну. — И мы все отправимся по домам, баиньки. Мы заслужили законный отдых после честного трудового дня. А если кто-то хочет получить расчет, Руди всегда платит по счетам. Возражений нет?

После обыска мы погрузили два полотера в фургон. Уборщицы и две дежурных ушли. Руди задержался — подписывал у начальника службы безопасности документы, три экземпляра, зеленой шариковой ручкой.

Жопа Петровна отиралась рядом, никак не могла выветриться, будто дурной запах. Наконец последняя подпись была нацарапана, и Руди стал складывать бумаги.

— А что, если он спрятал какую-нибудь картину в один из своих полотеров? — обратилась Петровна к начальнику службы безопасности. — Почему мы знаем?

Отцы пресвятые угодники. Ядовитый шип вонзился, выгнулся, переломился.

Но Руди только вздохнул и поднял глаза на начальника службы безопасности.

— Кто эта женщина? Ваш новый начальник?

— Я государственный служащий, — огрызнулась Петровна. — И зарплату мне платят, чтобы я охраняла народное добро от воров!

— Прекрасно, — сказал Руди, по-прежнему не глядя на Петровну. — Тогда осмотрите залы музея. Выявите, каких картин недостает, и догоните моих уборщиц. Это известные во всем мире музейные воровы, их разыскивает Интерпол. Просто они загримировались старушками. Они увели картины из-под самого носа *ваших* же сотрудников, пока те клевали носом. И наконец, разберите по винтику мои полотеры. Винтики сложите на газетку и потом соберите обратно. И как следует, пожалуйста, иначе ответите по суду. Как вам повезло, что здесь всем верховодит такой бдительный страж народного добра! Я выставлю счет за сверхурочные. По контракту, который я заключил с главным хранителем Рогоршевым, мое рабочее время заканчивается ровно в полночь. Вы не возражаете, если я присяду и почитаю газетку? Надо только позвонить жене, предупредить, чтобы до утра меня не ждала.

Руди сел и развернул газету.

За несколько секунд мое сердце успело сделать ударов двадцать, не меньше.

— В этом нет никакой необходимости, — сказал начальник службы безопасности, глядя зверем на Петровну. — Решения тут принимает начальник службы безопасности. А не дежурная по залам.

Руди поднялся.

— Очень рад это слышать.

Он обошел Петровну, оставив ее вариться в собственном соку. Других соков она в жизни, наверно, не пробовала. Сквозь дверное стекло я видела, как Руди погрузил третий полотер в багажник своего фургона, все еще стоящего на погрузочной площадке. Бумаги он оставил на столе, чтобы я захватила их и смогла пойти за ним. Мы же профессионалы, суперкоманда.

Он ждал меня в багажном отсеке фургона, сохраняя полное спокойствие.

— Детка! — сказал он, когда я подошла. — Сначала я заеду к Джерому, скину груз. И сразу к тебе. Только встречу с человеком Грегорского.

— С каким человеком? С Сухэ-батором?

— Не важно. Я быстро!

— Я люблю тебя, — сказала я.

Что еще я могла сказать?

Кончиками пальцев он коснулся моей груди и спрыгнул, все еще на погрузочную площадку, чтобы взять четвертый полотер, тот самый, в станине которого был спрятан контейнер с Делакруа.

Еще немного, еще совсем немного.

— Что, Латунская, довольна?

В багажный отсек фургона просунулась голова Петровны.

Почему она нарушила бойкот именно сейчас?

— Неужели вы научились говорить? Ушам не верю!

Она закинула в рот жвачку и стала остервенело жевать, сложив руки на груди.

— Неужели ты, тварь, думаешь, что тебе все сойдет с рук?

— Не понимаю, о чем вы?

Она ухмыльнулась, не прекращая жевать. Я растерялась. Что делать? Откуда она узнала?

— Хватит ломать комедь, Латунская! О твоих делишках всем известно!

За спиной у нее в слабом свете, падавшем с крыльца, я увидела Руди: он осторожно крался с разводным ключом в руке, приложив палец к губам. В моем воображении пронеслось, как металлический предмет тяжело опускается ей на макушку, и я почувствовала... Не знаю, что я почувствовала. Отвлекай ее, заговаривай зубы, приказала я себе. Я испугалась и раздвоилась: одна половина меня хотела ее предупредить, но другая жаждала мести и крови.

— И что же это за делишки, интересно знать?

А тело можно будет бросить в болотах по дороге в Финляндию...

— Хватит ломать комедь! Ты выдала себя с головой! Все пытаешься пролезть наверх, да?

Этот нехороший огонек у Руди в глазах, он от кокаина. Жопа Петровна думает, что загнала меня в угол. Черта с два. Скоро вороны выклюют ее свинячьи глазенки. Бездомные собаки будут драться из-за ее потрохов. Тем, кто сильнее, достанутся самые лакомые кусочки. Ее жизнь в моих руках, а она даже не догадывается об этом. Больше я не хочу спасать ее.

Нужно перестать смеяться... Она все жует и жует жвачку, ее жирное лицо дергается, жирное лицо, которое даже самый лучший косметолог не сделает краше.

— Метишь на должность главного хранителя, да? С диванчика на его кресло! Ты просто бесстыжая шлюха, Латунская, вот ты кто! Шлюхой родилась и шлюхой подохнешь!

Руди опустил разводной ключ, а я захохотала и плюнула ей в лицо. Петровну как ветром сдуло.

Я докурила сигарету. Исчезли даже летучие мышки. Что же неладно?

Все в порядке, говорю я себе, все в порядке. Смотрю на циферблат: два часа двадцать четыре минуты ночи. Картина уже у Джерома, Сухэ-батор уже передал деньги от покупателя, мне пора упаковывать чемоданы для отъезда в Швейцарию. Наконец-то после стольких лет я вырвусь на свободу! Во времена железного занавеса Швейцария, до которой рукой подать, казалась такой же недосыгаемой, как Изумрудный город! Последний лестничный марш. Ничего удивительного, что я нервничаю. Как-никак украла картину стоимостью полмиллиона долларов.

Стучу условным стуком, чтобы доставить Руди удовольствие. Никто не открывает. Что ж, это естественно. Руди еще не успел вернуться, но он будет с минуты на минуту.

В прихожей нажимаю клавишу выключателя, но лампочка разбита. Нажимаю выключатель в коридоре, но лампочка тоже не горит. Как странно. Наверное, отключили электричество. Я прекрасно обойдусь без электричества, зачем оно мне сейчас? Разгар белых ночей, на западе полусвет-полумрак и огни Млечного Пути. Захожу в гостиную. Кофейный столик перевернут. Мои нервы вот-вот порвутся.

В комнате погром.

Полки сорваны со стен. Телевизор разбит. Вазы на полу. Из шкафа вынуты все ящики, содержимое раскидано по полу. Картины сняты со стен и порезаны на мелкие кусочки. Платья изодраны на ленты. Осколки стекла торчат из ковра, как зубы динозавра.

Кто так поступил со мной? Этот разгром, эта тишина.

Это не Руди, нет.

А что с ним, господи? Жив? Убит? Похищен?

Какая-то тень подергивается под обломками обеденного стола. Я напряженно всматриваюсь в теплый сумрак. Горло сводит судорога, не могу сделать вдох. Это лужа крови, почти черная в сумеречном свете. Из-под стола доносится еле слышный всхлип...

Боже мой, боже мой! Няма, моя бедная Няма! Я опускаюсь на четвереньки и смотрю под стол. Вместо задних лап торчат в разные стороны осколки костей. Надеюсь, боли она уже не чувствует — конец совсем близок. Она смотрит на меня, ее взгляд спокоен, как у Будды, смотрящего где-нибудь с вершины холма на солнце. Она испускает дух, и я остаюсь в одиночестве, не понимая, что же произошло.

Что-то ужасное, зародившись в болотах, плывет вниз по Неве. Не спешит поначалу, плывет на спине, пока не добирается до моста Александра Невского. Там оно проползет под опорами и, выбравшись из воды, поволочет по улицам свои лапы — и зубы — за мной...

Что мне делать? «А как всегда! Потворствуй своим желаниям», — советует змей.

Я иду в спальню и звоню Руди на мобильный. Этот номер предназначен только для экстренной связи. Шорох статического электричества в трубке напоминает шум не то прибора, не то сыплющейся в автомате мелочи. Ага, вот и соединение. Слава богу! Не дожидаясь ответа, ору в трубку:

— Руди, в квартире все вверх дном!

Мне отвечает женский голос, холодный и металлический. Бесчувственный, как у Петровны.

— Набранный вами номер не обслуживается.

— Черт подери! Так обслужи его, сука!

— Набранный вами номер не обслуживается. Набранный вами номер не обслуживается.

Что происходит?!

Бросаю телефон. Что дальше? Чего я хочу? Уехать в Швейцарию, жить с Руди, родить детей. Для этого нужна картина Делакруа. Все очень просто. Руди похвалит меня. «Детка, — скажет он. — Детка! Я знал, что на тебя можно положиться!»

Звоню Джерому.

— Привет! Это ты, моя куколка? Чудный выдался вечерок!

Он так пьян, что с трудом ворочает языком.

— Джером! Джером, ты видел Руди?

— А как же! Он минут двадцать как ушел! Оставил у меня ребеночка и ушел! Малыш — просто чудо, глаз не оторвать! Слушай, а я тебе рассказывал, что у Делакруа был романчик с племянником этого, как его...

— А Сухэ-батор уже был у тебя?

— Нет. Великий Могол позвонил и сказал, что скоро приедет. А ты знаешь, что монголы в тринадцатом веке герметично запечатывали своих

пленников в сундуки, а потом пировали на них, как на столах? А вопли задыхавшихся услаждали их слух, как музыка?

— Джером, заткнись, ради бога. Я сейчас буду у тебя. Нужно срочно уезжать.

— Ну, моя дорогая, отъезд намечен на завтра. И потом, после всего, что я сделал, могла бы со мной повежливей обращаться! А то — заткнись! Фу, как некрасиво...

— Завтра начинается сегодня! Мою квартиру перевернули вверх дном. Я не могу дозвониться до Руди. Мою кошку убили. Я чувствую, оно уже спускается по реке, приближается. Что-то не так, Джером. Точнее, все не так. Я сейчас заеду за картиной. Упакуй ее к моему приезду.

Я вешаю трубку. Что-то я еще хотела?

Просовываю руку под матрас сломанной кровати. Слава богу, на месте! Разворачиваю тряпку и вынимаю заряженный револьвер. На ладони оружие всегда тяжелее, чем кажется на взгляд. И холоднее. Положив револьвер в сумочку, выхожу на площадку. Возвращаюсь за паспортом и выхожу окончательно.

Чистая правда: чем нужнее тебе такси, тем труднее его поймать. А если оно требуется позарез, то лучше и не пытаться. Иду пешком. Мысленно пытаюсь заставить то, о чем я не должна думать, повернуть вспять, но оно продолжает спускаться вниз по течению. Взгляд выхватывает какие-то мелочи. Темные булыжники на Дворцовой. Гладкая кожа на щеке у девушки, которая целуется со своим мальчиком у подножия Медного Всадника. Цветы в целлофане возле Исаакия. Бортовые огни самолетов, вылетающих из аэропорта Пулково курсом на Гонконг, Лондон, Цюрих. Лиловое платье смеющейся женщины. Коричневая кожаная летняя куртка. Скорченная фигура бродяги, спящего в картонной коробке, как в гробу. Мелочи, мелочи. Вся жизнь состоит из мелочей, которых обычно не замечаешь. Челюсти так сжаты, что лицо болит.

У Джерома дверь закрыта на задвижку. Я барабаню изо всех сил, так что этажом выше начинает лаять собака. Джером резко распахивает дверь, втаскивает меня и шипит:

— Тише ты!

Он закрывает дверь и бегом возвращается в комнату, где продолжает закутывать картину в плотную бумагу, заклеивать скотчем и перевязывать веревкой. Его чемодан уложен, лежит на диване раскрытый: носки, трусы, рубашки, дешевая водка, чашка из веджвудского сервиза. На буфете —

пустая бутылка из-под джина.

Стою, молчу. Что дальше? Чего я хотела?

— Я забираю картину.

Его смех напоминает лай.

— Ты в этом уверена? — спрашивает он, даже не удостоив меня взглядом.

— Да. Я забираю картину. Это наше с Руди будущее, понимаешь?

Он как будто не слышит. Склонился над картиной, я вижу только его сгорбленную спину.

— Лучше помоги, дорогая. Придержи пальчиком вот здесь, а я затяну потуже.

Я не двигаюсь с места.

— Я забираю картину, — повторяю я.

Когда Джером оборачивается, чтобы повторить просьбу, он упирается взглядом в дуло нацеленного на него револьвера. Испуг искажает его лицо, но самообладание быстро возвращается к нему.

— Мы же не в кино, дорогая. Ты ведь не собираешься стрелять в меня, моя куколка? Ты и прицелься-то не можешь без кукловода. Будь хорошей девочкой, опусти пистолетик.

Я вооружена. Он безоружен. Значит...

— Отойди подальше от моей картины, Джером. Запрись в мастерской, и я не трону тебя.

Джером ласково смотрит на меня.

— Моя куколка, между нами разверзлась пропасть недопонимания. Это моя картина. Это я сделал копию, вспомни-ка. Именно благодаря моему труду и таланту мы заполучили ее. А ты только раздевалась, ложилась на спинку и раздвигала ножки пошире, вот и все. Давай посмотрим правде в лицо: ничем другим ты никогда в жизни и не занималась, разве не так?

— Няму убили.

— Кто это — Няма?

— Няма? Няма?! Няма — это моя кошка!

— Мне очень жаль, что она умерла. Честное слово, я готов пролить целое ведро слез, когда у меня появится свободное время. А теперь попрошу тебя, убери эту черную игрушку и убирайся сама. Мне еще нужно упаковать мою — подчеркиваю — мою картину и успеть на самолет. Я улетаю из вашей мерзкой, грязной, подлой, убогой, сраной страны, ради которой, моя куколка, я чуть не пожертвовал своим будущим...

— Плевать мне на пропасть непонимания. У меня револьвер. Картина — моя, заруби на носу. И еще не смей называть меня «куколка». Меня

зовут Маргарита Латунская.

— Значит, мои слова не проникли в твои куриные мозги сквозь толщу пудры и лака, ты, размалеванная шлюха...

Он бросается ко мне, протягивает руку...

— Это *моя* картина! — повторяю я.

Прогремел выстрел. Голова Джерома дернулась с такой силой, что его тело чуть не оторвалось от земли. Красивый алый фонтан бьет в потолок. Джером, расставив руки, пытается удержать равновесие, как человек, поскользнувшийся на банановой кожуре.

— Маргарита Латунская, — произнесла тишина, не повышая голоса.

Джером рухнул на пол, половиной лица вниз. Другой половины у него больше не было. Убивать — это ощущение, которое ни с чем невозможно сравнить. Как роды. Или аборт. Странно. Что дальше?

— Bravo, госпожа Латунская, bravo! — говорит Сухэ-батор, выходя из кухни и плавно прикрывая за собой дверь. — Прямо в глаз! Есть у нас с вами что-то общее.

Сухэ-батор?!

— Где Руди?

— Здесь.

Он улыбнулся, блеснули золотые зубы. До сих пор ни разу не видела его зубов.

— Где?

— На кухне. — Сухэ-батор небрежно указывает пальцем через плечо.

Господи, кажется, все налаживается! Слезы облегчения хлынули у меня из глаз. Завтра вечером мы будем в Швейцарии!

— Слава богу! Слава богу... Я уж не знала, что и думать... Няму убили... Господин Сухэ-батор, поймите правильно! Джером... У меня не было другого выхода...

— Я понимаю вас, Маргарита. Вы здорово помогли Руди. Эти англичане — гнилой народец. Нация гомосексуалистов, вегетарианцев и третьесортных шпионов. Этот... — Сухэ-батор ткнул носком ботинка в половину черепа Джерома. — Этот педик собирался продать нас всех за бугром. Вас, Руди, меня и даже Грегорского, всех...

Значит, Руди жив! Бегу на кухню, распахиваю дверь. Руди, все еще в униформе, сидит, уронив голову на стол. Напиться в такой момент! Как он мог! Я люблю его и трезвым, и пьяным, но как же он мог в такой момент!

— Руди, любимый, вставай! Нам пора!

Я трясу его за плечи, его голова неестественно запрокидывается, как голова Джерома. Я вижу его лицо. И кричу, кричу, кричу. Крик внезапно

обрывается. Но в моей голове он не умолкнет никогда, пока земля не засыплет мне уши. По белому, как известка, лицу моего любимого из глаз и ноздрей струйками, застывая, течет кровь.

Из гостиной доносится ровный голос Сухэ-батара:

— Боюсь, вам придется отложить ваше совместное путешествие в Швейцарию...

Рот у Руди забит, как песком, рвотной массой.

— ...навсегда. Мне очень жаль, что шале в горах, будуар и детки накрылись.

Вот... Неподвижный Руди. Спокойные слова Сухэ-батара. Больше ничего.

— Руди! — произносит совсем чужой, не мой голос.

Сухэ-батор входит и пожимает плечами:

— К моему величайшему сожалению, Руди собирался продать всех нас за тем же самым бугром. Господин Грегорский не мог этого допустить. Он не вправе рисковать своей репутацией. Потому он и вызвал меня, чтобы я провел расследование. Проверка на вшивость дала весьма печальные результаты...

— Неправда. Неправда.

— Первые подозрения у господина Грегорского зародились, еще когда у вашего дружка «пропал» вагон денег, которые он перевел в Гонконг, чтобы отмыть через одну респектабельную юридическую фирму. В свое оправдание он не смог придумать ничего убедительнее, чем заявить, что его тамошний контакт внезапно отбросил копыта из-за диабетического криза. Мелких жуликов всегда губит жадность в сочетании с отсутствием изобретательности.

У меня под каблуком что-то хрустнуло. Шприц.

Дорога в ад вымощена... Чем? Холодильник вздрогнул и отключился.

Только не терять головы. Возможно, еще не поздно.

— Скорее! «Скорую»!

— Госпожа Латунская, «скорая» Руди не поможет. Он абсолютно мертв. Не слегка, а совсем, поймите. Похоже, этот подлый изменник-фальсификатор Джером подмешал к праздничной дозе героина крысиного яду.

Любимые, единственные глаза. Руди соскальзывает со стула и падает на пол. Слышно, как хрустнул его нос. Бегу обратно в гостиную, спотыкаяюсь обо что-то, падаю на колени. Я пытаюсь ползти по ковру. По его узору, если ползти правильно, можно вернуться в прошлое. Слез нет — это ужаснее всего, отчего плачут. Пальцы натываются на что-то твердое.

Револьвер. Револьвер.

Сухэ-батор неспешно застегивает длинное кожаное пальто.

Джером лежит на спине в луже собственной крови, в трех шагах от меня.

Руди лежит на кухне, лицом вниз, со сломанным носом.

Как это все могло произойти? Всего два часа назад мы были в фургоне, и я больше всего на свете хотела, чтобы Руди взял меня.

Я тихо всхлипываю. Как Няма под столом.

— Не стоит так убиваться, — говорит Сухэ-батор и берет под мышку завернутого в бумагу Делакруа.

Почему у него никогда не меняется голос? Всегда одинаковый — ровный, сухой и мягкий, как песок в пустыне.

— Ваша шайка давно проиграла партию. Руди с Джеромом оказались предателями. Господин Грегорский не может позволить вам улизнуть. Пешек в эндшпиле приносят в жертву. Скоро здесь будет ваша подруга из Интерпола госпожа Макух со своей командой из Инспекции по перемещению капиталов.

— Что?

— Довольно невинное название для подразделения по борьбе с мафией, правда? Да, это я послал ей анонимное приглашение. Думаю, через несколько минут они подъедут. Да успокойтесь вы. Ничего страшного не случилось. Эти бывшие шпионы так мешают в наши дни, когда все заигрывают с МВФ и торговыми делегациями, что никто не станет вас сильно наказывать за убийство Джерома. Украденные картины — другое дело, да, это невосполнимая потеря. Но ведь любому ясно, что мозгом организации были не вы. Так что получите пятнадцать лет максимум, через десять выпустят. Кстати, в Москве лоббируют закон о реформировании системы исполнения наказаний. Правда, туговато идет.

Он направляется к выходу.

— Положи! Это моя картина! Эта картина принадлежит нам с Руди!

Сухэ-батор оборачивается, изобразив удивление на лице.

— У меня создалось впечатление, что Руди больше не претендует на свою долю в украденном шедевре.

— Зато я претендую!

— Весьма уважаю ваши интересы, госпожа Латунская, но не принимаю их в расчет. Как не принимал никто и никогда.

Что это он там наплел про Татьяну?

— Я все расскажу следователям про Грегорского!

Сухэ-батор грустно качает головой:

— Увы, госпожа Латунская. Кто же вам поверит? Вы у нас теперь убийца, на револьвере отпечатки ваших пальчиков, а баллистическая экспертиза подтвердит, что стреляли как раз из него. Кто же вам поверит? Единственный человек, который мог бы подтвердить ваши показания, захлебнулся в собственной блевотине.

Крепко сжимаю пальцы. Мой револьвер при мне.

— Если вы, госпожа Латунская, чересчур разговоритесь, господин Грегорский найдет способ заткнуть вам рот. Вы себе не представляете, каких масштабов достигла коррупция. Даже в отделе госпожи Макух. У нас в Монголии коррупция давно стала национальным видом спорта, но вы, русские, меня просто поражаете.

— Брось картину, кому сказала, ты, сукин сын, а то тебе конец, конец, КОНЕЦ! Медленно наклонись, картину на пол, руки вверх! Руки вверх! Ты знаешь, я не промахнусь!

Я направляю револьвер туда, где у людей расположено сердце.

Сухэ-батор улыбается, как хорошей шутке. Одно из оружий, которое мужчины используют против женщин, — это не принимать их слова всерьез.

— Посмотри на Джерома, монгольское отродье! Вот таким ты станешь через десять секунд!

Сухэ-батор по-прежнему улыбается.

Что ж, прекрасно. Пусть это выражение и застынет у него на лице. Какая разница — одно убийство или два. Я спускаю курок.

Холостой щелчок. Снова и снова жму на спусковой крючок. Никакого эффекта.

Сухэ-батор вынимает из кармана пять золотистых пулек и перекачивает их на ладони.

Я сижу на полу и смотрю, как за ним закрывается дверь.

Ничего этого не было. На самом деле ничего этого не было. Ничего.

Лондон

*

Похмельный синдром, как палач, исполняющий последнюю просьбу своей жертвы, подарил мне несколько минут. Я успеваю оглядеться и сообразить, что постель, в которой я проснулся, к Поппи точно не имеет никакого отношения. И тут — бабах! Боль проламывает, как отбойным молотком, черепную коробку и начинает крушить все подряд. Наверное, я застонал очень громко, потому что спящая рядом женщина поворачивается и открывает глаза.

— Доброе утро! — говорит она и натягивает одеяло на грудь. — Я потеряла сережку.

— Привет!

Гримасу боли пытаюсь обратить в любезную улыбку. Что касается моей соседки, у нее одно из тех лиц, на которых очень сложно представить улыбку. У меня возникает надежда, что утро обойдется без обычных жалоб: после пробуждения тебе рассказывают о бросившем дружке, о любимом и рано умершем брате или о недавно почившем песике Джанни, и ты уже не понимаешь, сколько призраков делят с вами постель. У этой лицо спокойное. Скорее уверенное, чем нервное. Решительный профиль. Не уродина, не красавица. Ничего особенного. Хорошо за тридцать. Либо за ночь она сильно прибавила в возрасте, либо я становлюсь все менее и менее разборчивым. Волосы рыжие. Фигура довольно плотная. Вспомнил! Я был в галерее на Курзон-стрит. Там выставка картин одного рохановского приятеля-художника, Пиджена. Или Маджена. Или Смаджена. Что-то в этом роде. Эта рыжеволосая подошла ко мне, и мы стали нести какую-то ахиною про квантовую физику и восточную религию. Потом такси и бар на Шефтсбери-авеню, потом снова такси, на него ушли почти все мои деньги, и снова бар, на Аппер-стрит. Потом, значит, сюда, как нетрудно догадаться. Как же ее зовут? Кэт? Катрин? Какое-то простое детское имя. Я всегда забываю имена женщин, с которыми переспал.

Нащупав в постели сережку, она замечает недоумение в моем взгляде и, откашлявшись, представляется:

— Кати Форбс, менеджер по персоналу. Мы находимся в моей квартире в Ислингтоне. Рада познакомиться. Снова.

— Привет! А я...

У меня почему-то слова застревают в горле. Отбрасываю одеяло, ищу свои трусы с Вуди Вудпекером^[47].

— А ты — Марко, я помню. Писатель. Мы успели представиться.

Итак, значит, я разыграл писательскую карту. Очень ценная информация. Осматриваю комнату. Спальня одинокой женщины. Тюлевые занавески, через них видны деревья. Начало осени. В раме — репродукция какой-то старинной картины, под ней подпись «Делакруа». Оригинал, наверное, очень хорош. На полу с моей стороны кровати — кучка салфеток и презервативов и еще бутылка красного вина, почти пустая. На этикетке, между прочим, значится 1982 год! Ну почему все самое лучшее в моей жизни случается, когда я уже так надрался, что ничего не помню?

Субботнее утро в Ислингтоне. Где-то взвыла сирена противоголоного устройства.

— Это был славный...

Она подыскивает слово, чтобы закончить фразу, но безуспешно.

— Ладно, я встаю. Пойду приму душ.

В ее голосе появляется резковатая интонация. Она, должно быть, решила, что я — неограниченный бриллиант, извечная мечта леди Чаттерлей.

— Если ты чувствуешь себя так же плохо, как выглядишь, то в баре на нижней полке найдешь кое-что шипучее от похмелья. Если будет рвать, постарайся добежать до унитаза. Сделай себе кофе. Если не умеешь обращаться с кофеваркой, есть растворимый. Делай что хочешь, только люстру не увлакивай. Она хоть и не хрустальная, но дорогущая. А если умеешь готовить, я не отказалась бы от тостов с яичницей.

— Да ты не волнуйся! — говорю. — Я всего лишь партнер по случайному сексу, так что на меня вполне можешь положиться. — Не смешно, но продолжаю в том же стиле: — Даю слово, что не зарезу тебя в душевой кабинке кухонным ножом^[48].

Она бросает на меня взгляд, которым можно согнуть любой нож, надевает халат и выходит в ванную. Открывает кран, и трубы в стене начинают вибрировать.

Я тоже одеваюсь. Одежда не блещет чистотой. От рубашки, в пятнах помады и неизвестно чего, несет гашишем. Мочевой пузырь раздулся, как дирижабль. Нашел маленький туалет и отвел душу. Отливал 55 секунд без остановки, ей-богу. На полочке рядом с ароматизатором стоит фотография в рамке: моя гостеприимная хозяйка Кати Форбс в лодке вместе с лысоватым молодым человеком, над ними раскинула ветви плакучая ива. У меня мелькнула мысль: может, лучше свалить, пока муженек не вернулся,

но потом припомнил — Кати упомянула, что разведена. Мы еще сошлись на том, что участие в финансовых пирамидах — гораздо более комфортный способ лишиться денег и отравить себе жизнь. Вот так-то. Теперь крайне не помешал бы мирный, неспешный завтрак. Но странно: обычно после развода супруги используют фотографию бывшей половины в качестве мишени для дартс. Может, это ее брат. Выдавливаю из себя последние капли, вытираю край унитаза куском туалетной бумаги и дергаю за цепочку, отправляя выпущенные минувшим вечером сперматозоиды поплавать в Северном море. Через три секунды из ванной раздается вопль:

— Не трогай воду, пока я не помоюсь!

— Извиняюсь!

Готовить я умею, а кухня у Кати прекрасно оборудована. Аппетит у меня с бодуна никогда не страдает. Наоборот, от хорошего завтрака страдает и отступает похмелье. Наливаю на большую сковородку оливкового масла, режу чеснок, грибочки, перец чили, посыпаю базиликом. Заливаю все взбитыми яйцами, добавляю пару анчоусов, которые выудил из холодильника. Венчает этот холестериновый Везувий снежная вершина из рокфора, в кратер кидаю несколько оливок. Нахожу зерновой хлеб, слегка обжариваю до золотистой корочки. В масленке из веджвудского фарфора — настоящее сливочное масло. В ящике на подоконнике растет зелень, срываю несколько листиков петрушки. Вокруг омлета выкладываю помидоры, сельдерей, куски картофеля. Кофеварка той же модели, что у меня, проблем не возникает. Засыпаю горсть волшебного порошка, и через несколько минут головная боль начинает сдаваться.

— Какое великолепие! — восклицает Кати.

Голова у нее замотана полотенцем. Серые тренировочные штаны и застегнутая на все пуговицы вязаная кофта не сулят никаких фривольных забав после завтрака.

— Ты не писатель! Ты скульптор от кулинарии!

— Так точно-с, — изображаю угодливость. — Рады стараться!

Она берет «Дейли телеграф», садится за стол и углубляется в газету. Начинает сразу с воскресного приложения, которое я никогда и ни при каких обстоятельствах не читаю — даже когда занимаюсь переездом и мог бы без ущерба для дела отвлечься на просмотр курса акций в Сингапуре.

Я тоже сажусь за стол. Очень симпатичная квартира. За домом — небольшой заросший сад. Перед домом — высокий тротуар. Человечьи ноги, собачьи лапы, колеса инвалидных колясок. На сосновом комодке — коллекция CD с популярной музыкой. В духе принцессы Дианы: Элтон

Джон, Паваротти, «Времена года». На стене — китайский ковер. На камине — целый зоопарк из языческих скульптурок зверей. Терракотовые изразцы и японские абажуры. Интерьер из воскресного приложения к «Дейли телеграф».

— Отсутствие сожалений поутру действует освежающе, — делюсь с ней своим хорошим настроением.

Она смотрит на меня поверх газеты.

— А почему должны быть какие-то сожаления? Мы же трезвые люди.

— Она дожевывает кусок яичницы и добавляет: — Хоть и в стельку напились.

— Ты права.

Мне на язык попадает кусочек чили, запиваю его водой.

— Может, нам, как трезвым людям, еще разок в стельку напиться?

Кати обдумывает мое предложение секунд пять, не меньше, и отрицательно качает головой:

— Нет, Марко, нет. Не стоит.

Надо же, до сих пор помнит мое имя.

— Ну, ясенько.

Наливаю себе еще кофе.

— Кати, надеюсь, ты не сочтешь мой вопрос неуместным. Я видел в туалете фотографию и подумал — может, я вторгся на чужую территорию?

— Это моя личная территория, больше ничья. На фото мой муж. Мы развелись, я уехала, а он вскоре умер.

Еле удерживаюсь от неуместного хихиканья.

— Мне очень жаль... Не знаю даже, что сказать...

— Он был ужасный дуралей. Всегда хотел, чтобы последнее слово оставалось за ним. Это случилось четыре месяца назад. В Гонконге. Вскоре после Уимблдона. Диабетическая кома. Не сумели вовремя поставить правильный диагноз.

Выдержав пристойную паузу, спрашиваю:

— Хочешь еще тостов?

— Спасибо.

Раздается звонок в дверь. Кати идет открывать.

— Кто там?

— Посылка для миссис Форбс! — кричит мужской голос.

— Мисс Форбс! — глядя в глазок, отчеканивает Кати тоном дрессировщика, в сотый раз повторяющего собаке простейшую команду.

— Мисс! Мисс!

Она открывает задвижку, и в прихожую вваливается парень в голубой

куртке, с огромными, как у шимпанзе, ушами. Он бухает перед собой тяжелый ящик. При виде меня у него на лице появляется выражение типа «Отлично, Сирил!»^[49].

— Распишитесь, пожалуйста, вот тут, *мисс* Форбс! — говорит он.

Кати расписывается, и он уходит.

Мы смотрим на ящик.

— Хороший большой подарок, — замечаю я. — У тебя что, день рождения?

— Это не подарок. Это моя законная вещь. Поможешь? В шкафчике под раковиной — молоток и плоскогубцы, в коробке со всякой чепухой...

Мы отдираем крышку от ящика, и боковые стенки отваливаются.

Кресло королевы Анны.

Мысли Кати витают где-то далеко.

— Марко! — говорит она. — Спасибо тебе, завтрак был отличный. И вообще... Но сейчас тебе лучше уйти... Ты хороший парень. Прошу тебя...

Ее голос дрожит.

— Ладно, — киваю я. — Можно хоть душ принять?

— Пожалуйста, уходи.

Осень засыпала улицы листьями. В воздухе пахнет дымом. Еще нет и десяти утра. Чуть морозно, и солнце, и туман, все сразу. Успею к Альфреду до полудня, от него — к Тиму Кавендишу и вечером непоздно буду дома, чтобы встретиться с Джибриэлем. Заходить домой сейчас нет смысла. Лучше пусть от меня весь день пахнет ночным сексом.

Да, Кати Форбс не была бесстрастнейшей особой, но гораздо лучше, чем та безбашенная леди из Кэмдена, которая привязала меня к кровати кожаными ремнями, выпустила на меня своего ручного тарантула и снимала на видео.

— Перестань орать! — орала она. — Хоббит ничего тебе не сделает! У него удалены ядовитые железы.

Впрочем, к черту Хоббита с его железами. Если я представился писателем, а не барабанщиком, значит, я высоко оценил интеллект Кати. Вот даже как. Впрочем, судя по утру после Ночи Со Мной, на нее не произвел большого впечатления вечер перед Ночью Со Мной. В течение дня мне приходится менять множество «я», и каждое заиклено на себе. Особенно это касается «я, которое валяется в постели» и «я, которое принимает душ». Вечернее «я» питает к этой парочке глубокое отвращение.

На самом деле я барабанщик. Нашу группу я назвал «Музыка случая».

В честь романа, который написал этот парень из Нью-Йорка^[50]. Мы — «беспорядочное музыкальное товарищество», как я выражаюсь. Нас десять человек, каждый играет, на чем ему заблагорассудится. И вдобавок у большинства из нас весьма беспорядочный стиль жизни. Играем в основном свои собственные вещи, хотя, если с наличными туго, исполняем все, за что заплатит любая задница в зале. Нам уже предлагал контракт один лейбл. Крупнейший в Южной Бельгии. Но мы решили подождать предложения посерьезней — от «ЭМИ», например. «Музыка случая» очень популярна в Словакии, кстати. Прошлым летом мы отыграли там несколько концертов, нас здорово принимали.

Вообще-то я и писатель тоже. Точнее, литературный неф или литературный призрак, как вам больше нравится. У меня вышла одна книга — автобиография некоего Денниса Максона, в восьмидесятые годы он играл в крикет за сборную. Дождливое было время. «Ураган на распутье» заслужил высокую оценку «Йоркшир пост». «Кто бы мог подумать, что Максон владеет пером так же блестяще, как и клюшкой!» Окрыленный успехом, я взялся за вторую книгу, над которой и тружусь сейчас. Это история жизни пожилого гея Альфреда, рассказанная им самим. Он живет рядом с Хэмпстед-Хит вместе со своим бойфрендом Роем, который моложе его, правда ненамного. Я прихожу к ним раз в неделю, Альфред вспоминает свою молодость, я конспектирую, а потом за неделю превращаю эти наброски в связный рассказ. У Роя отец — канадский сталелитейный магнат, и он (Рой, а не отец) платит мне каждую неделю. На эти деньги я и живу — снимаю квартиру, хожу в бар.

В лабиринте улиц северо-восточного Лондона немудрено заблудиться. Похоже, я сбился с пути. Улочки, петляя, приводят то в тупик, то в чисто поле. Помню, несколько месяцев назад, когда я где-то в Хаммерсмите трахался в фургоне всю ночь с чемпионкой Уэльса по кикбоксингу, она сказала, что Лондон напоминает гигантский лабиринт с крысами. Я согласен. Но только с одной поправкой — крысы любят свой лабиринт.

Все трещины на тротуаре присыпаны листьями. В детстве я мог часами пинать опавшие листья, стараясь не попасть ногой в собачье дерьмо или в трещину. Раньше я был суеверным, теперь и это прошло. Раньше я верил в бога, теперь и это прошло. Потом я был марксистом. Мы стояли вместе с лидером нашей партийной ячейки у выхода из подземки и приставали к прохожим — что они думают о боснийском вопросе. Конечно, большинство пожимали плечами и отворачивались. «Похоже, сэр, у вас нет своего мнения на этот счет?» Брр, вспомнить стыдно.

Кто я теперь? Новенького вроде ничего не появилось, кроме возраста. Ну, может быть, немножко буддист.

Снова нахлынуло беспокойство — что там будет у Поппи с месячными. У нас порвался презерватив. Когда это случилось? Десять дней назад. По идее, месячные у нее должны начаться в конце следующей недели. Если опоздают на неделю — куда ни шло, это можно объяснить нервотрепкой, связанной с ожиданием. Значит, нужно начинать беспокоиться через две недели, а бить тревогу через три. Вот так-то. А Индия была бы счастлива, родись у нее братик, товарищ для игр. А через двадцать лет какой-нибудь профессор философии задал бы ему вопрос, в чем первопричина его бытия, и он ответил бы, теребя сережку в ухе или в носу: «Бешеная страсть и гнилая резина». Случай. Купи я другую пачку презервативов, его бы не было на свете. Его, может, и так не будет. Учти сослагательное наклонение и расслабься.

А вдруг я страдаю бесплодием. Это было бы крайне досадно. Столько денег потрачено на презервативы — а выходит, что зря. Хотя не совсем зря — а СПИД и другие напасти, о них забывать нельзя. Стадион «Хайбери». Кажется, меня занесло к черту на рога. Мне нравится викторианский пейзаж и стаи голубей среди деревьев. Подростки покуривают на свободе. Последний раз я был тут в Ночь Гая Фокса, вместе с Поппи и Индией. Индия тогда впервые увидела фейерверк. Но держалась невозмутимо, с королевским достоинством. А потом несколько дней только об этом празднике и говорила. Классная она девчонка. Как и ее мать.

Скоро снова Ночь Гая Фокса. Дыхание паром валит изо рта. Мальчишкой я в такую погоду воображал себя паровозом. Чего только дети не воображают! По дорожкам старички степенно выгуливают своих лабрадоров. Молодые папаши учат сыновей кататься на двухколесных велосипедах. Некоторые папаши моложе меня. Неподалеку стоят «БМВ» — это их машины, держу пари. Я же всегда передвигаюсь на своих двоих. А вот прежний дом Тони Блэра. Вот почтальон, вынимает письма из большого почтового ящика. Мимо этих старых домов с террасами проходишь как вдоль книжной полки. Тут и студенческая берлога, и мастерская художника, и семейное гнездышко: к холодильнику магнитами прилеплены детские рисунки. Дальше — уют антиквара. В холле разбросаны игрушки, над полом парит вертолет и никак не приземлится. Шикарная гостиная, увешанная охотничьими трофеями и оружием, картинами и люстрами, словно приглашает: «Ограбь, ну ограбь меня, блин»: всех идущих мимо по дороге на биржу труда в Финсбери-Парк.

Офисы невразумительных групп взаимопомощи, станции служебных собак, отделения хилых профсоюзов. Мимо шагают трое мужчин в черных костюмах, один разговаривает по мобильному телефону, другой несет черный чемоданчик. Что они делают тут в субботу? Должно быть, агенты по недвижимости. Почему они стали тем, чем они стали? Почему я стал тем, чем стал? Мог бы стать адвокатом, или бухгалтером, или кем там еще, кто в состоянии позволить себе домик в районе стадиона «Хайбери». Но я не захотел. Мои приемные родители живут в графстве Суррей, принадлежат к среднему классу. Я учился в хорошей школе. Получил работу в приличной компании. И в двадцать два года жрал на завтрак антидепрессанты. У меня был личный психоаналитик. Страшно подумать, сколько денег я ему заплатил за то, чтобы он объяснял мне, что со мной происходит. Когда я сказал, что меня усыновили, у него глаза аж загорелись! Он написал диссертацию по психологии усыновленных детей. Но в конце концов я сам, без него понял, что со мной происходит. Беда в том, что я перестал предпринимать решительные шаги. Я не про рискованные затеи. Я говорю про самые решительные действия, чтобы бросить все и начать с нуля.

Вот так теперь я и живу, отказавшись от вечной борьбы против всевозможных ограничений и сроков — прежде всего, конечно, финансовых, — если только это не я сам себе их установил, занявшись чем-то новым. Иногда мне приходится нелегко. Независимость идет рука об руку с незащищенностью. Джим — мой приемный отец — сказал, что свой выбор я сделал сам и нечего ждать сочувствия от окружающих. Он прав. Но почему я сделал именно такой выбор? Вот что хотелось бы знать. Ответ один: потому что я — это я. На самом деле за этим ответом кроется только новый вопрос: а почему я — это я?

Всему виной Случай, вот и весь ответ. Потому что слепой бармен по имени Случай наугад смешал коктейль из генов и обстоятельств, и в результате получился я.

Вон там парень. Почему он торгует журналами, а рядом в магазине люди за антикварную кровать с медными шариками платят по 250 фунтов и радуются выгодной покупке? Почему вон тот парень — водитель автобуса, а эта женщина — стоптавшая ноги до костей официантка из пиццерии? Случай. Люди считают, что они делают выбор, но на самом деле всегда одно и то же: случай выбирает, какой выбор они сделают. Почему вон тот серый грязный голубь лишился лапы, а сизый — нет? Случай. Почему той пышной манекенщице дали для демонстрации именно те джинсы? Случай. Разве это не очевидно? Невысокая женщина в

оранжевой куртке переходит дорогу прямо под носом у таксиста, который засмотрелся на длинноногую даму с мопсом и мысленно раздевает ее. Почему вот-вот под такси попадет эта коротышка в куртке, а не я?

Твою мать!

Вот уже второй раз за сегодняшнее утро я открываю глаза, лежа рядом с незнакомой женщиной. Но на этот раз обстановка гораздо менее комфортная. В левой ноге пульсирует боль. Помню скрип тормозов, треск рвущегося рукава, круглый птичий глазок такси. Потом что-то шлепнулось — должно быть, я. У женщины рядом вид гораздо более потрясенный, чем у Кати Форбс. К ее щеке прилипли сухой лист и палочка от леденца.

— Черт подери! — Моя соседка зашевелила губами, палочка отвалилась от щеки.

Похоже, ирландка. Средних лет.

Таксист склоняется над нами. Толстяк кокни. По виду Санта-Клаус, только без его бороды и доброты. Двигатель он не выключил. Он еще не решил, как себя вести — орать на нас или жалеть.

— Слепая курица! Не видела, что ль, куда прешь?

Глаза у женщины делаются круглые, как у куклы.

— Я... я не видела.

— Ничего себе не сломали?

Вопрос обращен к нам обоим. Я поднимаюсь, нога болит, но могу стоять и даже шевелить пальцами. Женщина тоже встает.

— Я все видела! — с аристократическим произношением говорит длинноногая хозяйка мопса. — Он прыгнул, как регбист, и буквально выбил ее из-под колес. И они вместе покатались, кувырком, кувырком. Он спас ей жизнь, я просто уверена в этом.

Других свидетелей происшествия нет, если не считать таксиста, который не слушает ее.

— Большое спасибо, — отряхиваясь, говорит женщина в куртке так, словно я подал ей чашку чая.

Глаз у нее уже начал набухать.

— Не за что, — в том же тоне отвечаю я. — У вас под глазом будет синяк.

— Если б это была моя самая большая беда... Вы свободны? — обращается она к таксисту.

— Ты точно в порядке? Голову не расшибла?

— Нет-нет, все в порядке. Подвезете меня?

— Я подвожу любого, кто платит. Но послушай-ка...

— Видок у меня, наверно... Да и у вас бы на моем месте... Впрочем, не

важно. Я совершенно здорова и платежеспособна. Пожалуйста, отвезите меня в аэропорт.

Таксист еще сомневается, но она не собирается отступать.

— Ладно... В конце концов, ты же не сможешь снова броситься под машину, если будешь сидеть в ней... Куда тебе? В Хитроу, в Гатвик или в Лондон-Сити?

— В Гатвик, пожалуйста.

Таксист переводит взгляд на меня:

— А как ты, сынок? В порядке?

Я оглядываюсь в поисках человека, который подсказал бы ответ на этот вопрос, но за неимением такого киваю:

— Вроде да.

Таксист поворачивается к женщине:

— Ну, садись.

Они трогают с места.

— Подумать только! — говорит длинноногая дама. — Просто фантастика!

Я собираюсь с силами и иду прочь от места происшествия: начинают собираться прохожие. Случай. Если бы кресло не доставили сегодня утром, Кати Форбс не взбрыкнула и не попросила меня убратся восвояси, меня бы не оказалось в этом месте в это время и женщина в красной куртке попала бы под машину. Никогда раньше я не спасал никому жизнь. А эмоций — не больше, чем у коллекционера открыток, прилагаемых к покупке в аптеке, — когда заранее предвкушаешь, как обрадуешься, но потом, как правило, разочаровываешься. Проходя мимо телефонной будки, хотел позвонить Поппи, чтобы рассказать об этом событии, но потом передумал. Решит еще, что хвастаюсь. Переключаюсь на другие мысли. Возле станции «Ислингтон», шагая по пешеходной «зебре», ощупываю карманы пальто в надежде найти пятерку, припасенную про черный день, и тут замечаю троицу в черных костюмах — ту, которую уже видел. Они оттесняют меня от кассы и зажимают в угол за газетным киоском. После своего героического прыжка я плоховато соображаю и позволяю им это. Прохожие делают вид, что ничего не замечают. Черт бы побрал Ислингтон.

Надо же, я еще в состоянии оценить юмор момента.

— Если вам нужны деньги и вы собираетесь меня ограбить, то обратились не по адресу...

— Щё ты знаешь об этой женьщине?

Курды, что ли, тут гопстопят?

— Простите, ребята, не понял.

Он тычет железным пальцем мне в грудь:

— Ты! Говори про эту женьщин.

А, шотландец. Про какую женщину? Кати Форбс? Это что, ее приятели?

— Нас интересует женщина в оранжевой куртке, понял? — растягивая слова, поясняет второй.

А этот техасец? Собрались как-то раз техасец с шотландцем... Похоже на начало анекдота. Однако не похоже, что они шутят. Вид такой, словно последний раз они шутили в детском саду. Выбиватели долгов?

— Ты вытащил ее из-под колес такси. У нас есть свидетели.

— А, вы про эту. Да. Вытащил.

— Мы из полиции. — Шотландец махнул у меня перед носом удостоверением.

Есть у меня при себе что-нибудь противозаконное? Вроде бы нет.

— Куда она поехала?

Дело не во мне.

— Куда?... — бормочу я вместо ответа.

— Дама с ногами и псиной сказала, что эта женщина просила отвезти ее в аэропорт. В какой? Говори.

— В Хитроу.

Сам не знаю, почему я соврал. Но раз уж слово вылетело, брать его назад опасно.

— А ты правду говоришь, приятель?

— Конечно, зачем мне врать!

Они смотрят на меня, как инквизиторы. Третий, который так ни слова и не проронил, сплевывает. Затем все разворачиваются и идут к «ягуару» с тонированными стеклами, который ждет у клумбы. Они уезжают, а я остаюсь стоять. Теперь прохожие с любопытством пялятся на меня. Я их не виню. На их месте я бы тоже с любопытством пялился на меня.

*

Коренным лондонцам известно, что каждая ветка подземки имеет свой особый характер и свое особое настроение. «Виктория», например, дышит прохладой и спокойствием. «Юбилейная» простирается до пригородов, погибает Гринвич, под рекой тянется куда-то на восток, и ее вечно собираются еще продолжить. Она — как младший отпрыск, который не оправдывает надежд семейства. Что касается «Кольцевой», то тут сама смерть предпочтет поймать такси, если захочет поспеть к сроку. Переполненная пригородными пассажирами с вокзалов Кингз-Кросс или

Паддингтон и туристами, которые курсируют по музеям и не знают более коротких путей, эта ветка ужасна, как метро в Токио — каким я его себе представляю. Когда-то у меня был профессор, который просил нас доказать, что «Кольцевая» действительно замыкается под землей в кольцо. Никто не смог. Тогда это произвело на меня глубокое впечатление. Сейчас если что и производит на меня впечатление в этой истории, так только то, что он ухитрился убедить кого-то платить ему зарплату за эту чушь. «Легкая» ветка «Доклендс» со своими станциями «Принс-Риджент» и «Вест-Индия-Ки», «Галионс-Рич» и «Ройял-Альберт» — типичный нувориш. Ни «Пикадилли», ни ее близнец дядюшка «Бейкерлоо» не одобрили бы такой роскошной безвкусицы. «Центральная» — кухня средних лет, прямая и недалекая, без загибов. Таковы основные линии. «Метрополитен» слишком скучная, о ней нечего сказать, кроме того, что на схеме она миленького цвета фуксии и по ней лучше всего отправляться в последний путь.

Есть еще линии-чудаки вроде шекспировских чудачков. «Перикл», «Хаммерсмит энд Сити», «Ист-Верона», «Тит Андроник», «Ватерлоо».

Линия «Северная» на схеме обозначена черным цветом. Эта ветка самая глубокая. Тут совершается больше всего самоубийств и ограблений. По этой линии ездят студентки театрального факультета, которые в будущем вполне могут стать девушками Бонда. Тут слышится поступь Рока. На этой линии расположены станции «Морден», «Брент-Кросс», «Гудж-стрит», «Аркуэй», «Элефантэнд Касл» и «Морнингтон-Кресент», наконец-то отремонтированная. Много лет она была закрыта, и, проезжая мимо, я воображал, будто на батискафе проплываю мимо затонувшего «Титаника». Пожалуй, «Северная» — наш семейный психопат. На южном берегу Темзы у всех станций — голые стены, они не прельщают рекламодателей. В Кеннингтоне даже производители эскалаторов не станут размещать свою рекламу. Я никогда не бывал в Кеннингтоне, но бьюсь об заклад: там нет ничего, кроме ветхих домов-коробок пятидесятих годов, заколоченных лотерейных киосков да уставленных подержанными автомобилями площадок, на которых бесприютный ветер мотает туда-сюда грязные пластиковые вывески. В таких местах снимали давно забытые фильмы из жизни рабочего класса, в которых антигероев играли начинающие британские рок-звезды. В такой район я поеду, если только мне хорошо заплатят.

Лондон — это особый язык. Как и любой город, наверное.

В покачивании вагона улавливаю интересный ритм. Напоминает

блюзовый рифф... Или что-то иранское. Записываю на тыльной стороне ладони. Откуда этот луговой запах... Ах да, духи Кати Форбс.

Посмотрите-ка на нее! На эту женщину. Жгучая. Черная. В черном бархатном костюме. Не шлюха, отнюдь нет. Интеллект, сосредоточенность. Какую книгу она читает? А кожа! Какая кожа — совершенно черная, западноафриканская, настолько черная, что отликает синевой. Гордый изгиб великолепных губ. Что же она все-таки читает? Ну-ка, наклони чуть-чуть обложку, солнышко... Набоков! Так я и знал: у девочки есть мозги! Если даже я наплюю на приличия и заговорю с ней, если даже я наплюю на приличия и просто пересяду поближе к ней в полупустом вагоне, она подумает, что пристаю, и ошестинится. А встретиться мы случайно на вечеринке — и никаких проблем не возникнет. Она та же самая, я тот же самый, но никаких проблем. Однако господину Случаю угодно было нас свести в этом вагоне, где у нас нет никакой возможности познакомиться.

И все же там, на поверхности, на земле, чудесное утро. Сорок минут назад я спас человеку жизнь. Значит, вселенная передо мной в долгу. Я встаю и направляюсь к ней, отбросив сомнения.

Я уже открыл рот, чтобы заговорить с ней, но тут из соседнего вагона входит бездомный. Его глаза повидали такое, что не дай бог. У него рана в половину лба. В подземке хватает мошенников, но этот парень явно не из их числа. Ну и что, какая разница. Даже если подавать только настоящим нищим — а их тысячи, то сам станешь одним из них. Для таких, как я, существует только одна страховка — собственный эгоизм.

— Простите, господа. — В его голосе слышится усталость, которую невозможно подделать. — Мне стыдно вас просить. Нам всем неловко. Но мне совершенно негде спать, а ночь сегодня опять будет очень холодная. В Саммерфорде есть приют, куда пускают переночевать, но там нужно заплатить двенадцать фунтов пятьдесят центов. Если можете, пожалуйста, помогите мне. Я понимаю, что отвлекаю вас, еще раз простите. Больше мне нечего сказать...

Люди не смотрят на него. Даже просто посмотреть в сторону бездомного значит взять на себя некие обязательства. Одно время я подвизался в «Самаритянах». Наш руководитель три года был бездомным. Он рассказывал, самое страшное — то, что люди смотрят мимо тебя, ты превращаешься в невидимку. И еще то, что нет ни единого местечка, где ты бы мог остаться один, войти и запереть за собой дверь. Если не считать кабинки в уборной на станции Кингз-Кросс, где по одну сторону от тебя наркоман, а по другую пара дачников.

Гори оно все синим пламенем. Рой мне сегодня заплатит.

Протягиваю этому человеку пару фунтов, на которые собирался выпить чашку капучино. Так и так кофе мне сейчас ни к чему. После чашек, выпитых у Кати Форбс, голова до сих пор кружится.

— Огромное вам спасибо, — говорит он.

Я киваю. На секунду наши взгляды пересекаются. Дела его совсем плохи. Он ковыляет в соседний вагон.

— Прошу прощения, господа. Мне совестно вас беспокоить...

Поезд останавливается, и девушка в черном костюме выходит. Теперь я никогда не узнаю вкуса устрицы, которая скользит с ее языка на мой...

А в «Самаритянах» я, к слову сказать, недолго продержался. Лишился сна: все придумывал концовки для историй, которые начались на моих глазах. Может, поэтому я и стал литературным негром. Тут за концовку я не отвечаю.

На «Северной» есть одно приличное место, а именно то, куда я сейчас направляюсь: Хэмпстед. Лифт меньше чем за минуту вынесет вас обратно на земную поверхность. Не пытайтесь для экономии времени воспользоваться винтовой лестницей. Уж поверьте мне на слово. Быстрее будет прорыть туннель.

Лифт обязывает к молчанию. Хорошее название композиции для «Музыки случая».

Появляется возможность подумать в тишине. В лифте даже Джибриэль замолкает.

Однажды Поппи сказала, что все бабники — жертвы.

— Жертвы чего?

— Своей неспособности общаться с женщинами иначе.

Еще она добавила, что бабники либо вообще не знали матери, либо не знали нормальных отношений с матерью.

— Ты хочешь сказать, что бабник ищет в каждой женщине, с которой спит, замену своей матери? — раздраженно спросил я.

— Нет, — сказала Поппи, не раздражаясь в ответ, а размышляя. — Я не знаю точно, чего вы ищете в нас. Но это как-то связано с потребностью получить от кого-то одобрение.

Двери лифта открываются, и вы неожиданно оказываетесь на усыпанной листьями фешенебельной улице, где даже «Макдоналдс» сменил свои кричащие красно-желтые фирменные цвета на черный с золотом, притворяясь книжным магазином. В Хэмпстеде обитают

потомственные богачи. Последние представители старой денежной аристократии. На день рождения они водят внучат в Британский музей. Супруги изводят друг друга на самый элегантный манер. Когда я работал рассыльным в цветочном магазине, у меня была любовница отсюда. Ее звали Саманта. Точнее, Антея. А может, Пантея. Ее дом стоял напротив дома ее матери. Так вот, она не только своего пони любила больше меня — это я как раз понимаю, — но она свой старый плетеный стул любила больше, чем меня. Меня, Марко. Это было очень давно.

Небо затягивается облаками, грязно-белыми, как откопанная фарфоровая древность. Я невольно вздыхаю — весь мир вот-вот расплечется. Вчера у меня был отличный маленький зонтик, но я где-то его забыл — то ли у Кати, то ли в галерее, то ли еще где. Ну и хрен с ним, я и сам нашел его где-то. Ветер набирает силу, подхватывает листья с земли, и они кружатся, как разноцветные платки в стиральной машине. Улицы с эдвардианскими домами, в которых мне никогда не жить.

Когда я подхожу к дому Альфреда, на землю падают первые капли дождя.

Дом Альфреда — один из тех домов, которые сошли со страниц старинных книг. Высокий, с угловой башней, которая словно создана для литературных вечеров. Их тут и впрямь устраивали. На них бывали и Дерек Джармен, и Фрэнсис Бэкон, и Джо Ортон^[51] до того, как прославился, и множество менее известных философов и некогда знаменитых литераторов. В доме у Альфреда, как в студенческом театре, можно встретить только бывших или будущих знаменитостей. Только людей с прошлым или с будущим. В шестидесятые годы Альфред пытался возглавить общественное движение за гуманизм и дело мира. Затея, обреченная на провал по причине идеализма. Что-то в этом духе продолжается по мелочам до сих пор: кампания «Епископы за ядерное разоружение», этот тип Колин Уилсон^[52]. Может, слышали о нем? Значит, понимаете, о чем я.

У Альфреда нужно долго ждать, пока откроют. Мысли Роя далеки от бытовых мелочей вроде звонка в дверь, особенно когда он сочиняет. Альфред просто плохо слышит. Я вежливо звоню пять раз, жду, разглядывая травинки, которые прорастают из трещин на стене, и только потом начинаю стучать.

В полумраке за стеклом вырисовывается лицо Роя. Завидев меня, он улыбается и поправляет прическу. Потом резко распахивает дверь, чуть не ударив меня по носу.

— А! Привет! Входи... э-э-э...

У него та же проблема, что у меня: вечно забывает имена.

— Входи, Марко, — вспоминает он.

— Здравствуй, Рой. Как прошла неделя?

У Роя манера говорить как у Энди Уорхола^[53]: кажется, слова прилетают к нему в голову из другой галактики, уж никак не ближе, чем с Андромеды.

— Господи, Марко... Ты спрашиваешь, как доктор... Надеюсь, ты не врач, нет?

Я смеюсь.

Рой, несмотря на мои возражения, помогает мне снять пальто и вешает его на один из ананасов — затрудняюсь подобрать другое название, — которыми украшены перила лестницы.

— Как твоя «Музыка случая»? Вот это молодежь — играют вместе, вдохновляют друг друга... Мне это по душе.

— Две недели назад записали пару вещей. А сейчас снова репетируем в гараже у дяди Глории. — (Где еще нам репетировать — денег на аренду помещения хронически не хватает.) — Новая подружка нашего гитариста играет на колокольчиках. Так что пытаемся немного расширить репертуар. А тебе как сочиняется?

— Не очень. Все, что пишу, загадочным образом превращается в «Хорошо темперированный клавир».

— И чем же тебе не угодил Бах?

— Ничем. Если не считать того, что когда слышу его, то представляю стаю котов, которые одновременно гоняются за своими хвостами. А что ты скажешь об этом? Мой недобрый юный друг по имени Глен прислал.

Он протягивает мне почтовую открытку с изображением земного шара и надписью на обороте: «Чтоб ты сгнил в нем. Глен».

Рой никогда не смеется сам, только заставляет смеяться других. Сейчас он застенчиво улыбается.

— Послушай, у тебя золотые руки. Ты не посмотришь нашу кофеварку? Она на кухне. У меня с ней с самого начала не заладились отношения. Она родом из Германии. Похоже, немцы заложили в нее антиамериканскую программу. Как ты думаешь, может, они до сих пор нам мстят за поражение во Второй мировой?

— А что с ней?

— Господи, снова ты спрашиваешь, как доктор, точь-в-точь. Доктор Марко! Большая все время переливается через край. Скапутилась чертова машина. Или скопытилась.

Когда я впервые оказался у Альфреда и Роя на кухне, она выглядела как после землетрясения. Она и сейчас выглядит не лучше, но я уже обвыкся. Кофеварку нахожу довольно быстро: на нее нахлобучено гнездо из проволочной сетки.

— Мы подумали: может, это приведет чертову машину в чувство, — поясняет Рой. — К тому же так ее легче заметить. Эту штуку Фольк соорудил специально для Альфреда еще весной!

Фольк — очень красивый юноша-серб с сомнительной визой, который временами живет у Альфреда, когда ему совсем некуда податься, кроме Сербии. Он носит кожаные штаны, и Альфред зовет его «наш сербский волк». Больше мне ничего не известно — вопросов я не задавал.

— Мне кажется, дело в том, что вы засыпали чайный лист вместо кофе.

— Ты шутишь! Не может быть! Дай-ка взглянуть. Надо же, ты прав... Хорошо, а где же тогда кофе? Марко, ты не знаешь, где кофе?

— Неделию назад он был в коробке из-под теннисных мячей.

— Нет, оттуда Фольк его уже достал... Погоди... Дай подумать...

Рой обводит кухню взглядом Творца, который осознает, что сам заварил кашу и теперь ее волей-неволей придется расхлебывать.

— Точно! В хлебнице! Ладно, ступай к Альфреду, он у себя в кабинете. Перечитывает кусок своей жизни, который ты принес в прошлый раз. Мы в восторге! А я пока приготавливаю кофе. Если уломаю эту чертовку.

Мне жаль Роя. Когда-то его сочинения печатались. До сих пор, роясь у букинистов, он находит старые издания и радостно демонстрирует их мне. Несколько раз его вещи исполняли в концертах и даже записали на радио. По американскому радио передавали его Первую симфонию, и Линдон Джонсон^[54] прислал Рою письмо, в котором признался, что они с женой обожают это произведение. Но не бывает успеха без критики, и какие-то музыкальные сволочи набросились на Роя. Это так подкосило его, что он перестал печататься. Он только сочиняет опус за опусом, но ничего не издает, и никто не слышит его сочинений, кроме Альфреда, сербского волка да меня. Сейчас он работает над Тринадцатой симфонией.

Послушал бы он, чего только не говорят про «Музыку случая»! Кровь в жилах то стынет, то закипает! Один обозреватель из «Ивнинг ньюс» написал, что мир бы здорово выиграл, если б нас самих измельчить в той самой мясорубке, из которой вылезает наша музыка. Я чуть не порвал гада!

Поднимаясь на второй этаж, ловлю себя на том, что в голове вертится первая встреча с Поппи, точнее, наш с ней разговор на той вечеринке. Все гости были в отрубке, сквозь ночь уже пробивалось серенькое дождливое

утро.

— А ты когда-нибудь задумывался, что потом происходит с твоими женщинами? Как ты влияешь на их жизнь?

— К чему ты клонишь, Поппи?

— Я ни к чему не клоню. Просто я заметила, что ты очень любишь рассуждать о причинах. А о следствиях — никогда.

Я постучал в дверь кабинета и вошел. И сразу попал в окружение друзей Альфреда: множество старых фотографий на стенах. Сам Альфред сидит перед окном, уставившись вдаль, как часто делают старые люди. Хэмпстед-Хит скрыт от глаз пеленой дождя.

— Зима уже на носу, мой автобиограф!

— Здравствуй, Альфред!

— Еще одна зима. Мы должны спешить. Пока мы с тобой дошли только до главы... до главы...

— До шестой главы, Альфред.

— А как поживает твоя семья?

Может, он меня с кем-то путает?

— Хорошо. Когда я в последний раз видел родителей, все было хорошо.

— Вот видишь, мы с тобой только на шестой главе. Нужно спешить. Мое тело быстро сдает. Последний кусок тебе удался. Очень недурно. Ты — писатель, мой юный друг. Сегодня нам надо сделать побольше. Зеленым фломастером я пометил места, где следует поправить. Итак, приступаем. Где твоя тетрадь?

Я машу тетрадью. Альфред указывает на стул подле себя.

— Пока ты не сел, поставь, пожалуйста, пластинку с Третьей симфонией Вогана Уильямса^[55]. Она на полке под буквой «В». Пастораль.

У Альфреда — большое собрание пластинок. Мне нравятся пластинки: настоящие, большие, черные, пластмассовые. Толстые. Мне нравится прикасаться к ним — это как встреча со старым другом. Компакт-диски обрушились на нас с возмутительной наглостью, не дав опомниться, и мы слишком поздно поняли, как нас поимели. Между диском и пластинкой такая же разница, как между растворимым кофе и натуральным. Никогда раньше не слышал Уильямса. По крайней мере, вступление ему удалось. Я бы только добавил бас-гитару с дисторшном и, может быть, малый барабан.

— Начнем, да?

— Если ты готов, Альфред.

Включаю диктофон и открываю тетрадь на чистой странице. Пока

безупречной.

— В сорок шестом году я жил в Берлине и работал на британскую разведку. Мы напали на след Мауслинга, специалиста по ракетам, которого разыскивали американцы...

— Альфред, по-моему, мы остановились на твоём возвращении в Лондон.

— Ах да... Мы передали Мауслинга американцам... в сорок шестом... Затем я вернулся к гражданской жизни. Да, это было в сорок седьмом. Первый спокойный год за все десятилетие. Правда, были кое-какие проблемы с Индией и с Египтом. Плохие вести приходили из Восточной Европы. В Армении обнаружили котлованы, битком набитые трупами, Советы и наци переваливали в Нюрнберге вину друг на друга. Сталин и Черчилль за обедом поделили Европу между собой, и плоды их легкомыслия становились все более ужасающе очевидны. Ты понимаешь, как неуютно я чувствовал себя в Уайтхолле. Венгерский еврей из Берлина среди канцелярских крыс только-только из Оксфорда. Конечно, корона была кое-чем мне обязана, но более в моих услугах не нуждалась. Мне дали место на Грейт-Портленд-стрит, в отделе по борьбе со спекуляцией. Я не участвовал в операциях, нет. Я выполнял сугубо бумажную работу — сейчас эти функции переложены на компьютер. Карточную систему еще не отменили, но она уже изживала себя. Героический настрой военного времени испарился, и люди возвращались к мелким эгоистичным интересам. Рой в это время жил в Торонто и пытался урегулировать через адвокатов отношения с отцом. Чтобы понять ту жизнь, вообрази самый нудный роман Грэма Грина, да еще переставь в самый конец все его приличные куски, и вот он тянется, тянется, тянется сотни страниц. Единственная отрада — крикет, которым я увлекся со всей страстью эмигранта. Да еще воскресные дни в Уголке ораторов, где я мог на разных языках порассуждать о Ницше или Канте, Гёте или Сталине или сыграть партию-другую в шахматы с приличным партнером, если погода позволяла. И таких Альфредов в Лондоне сорок седьмого было превеликое множество.

Дописав предложение, я размял пальцы и проследил за взглядом Альфреда. Он смотрел на мокрое камфорное деревце по другую сторону улицы. На углу Хэмпстед-Хит, за ним виднеется пруд. Альфред имеет привычку, задумавшись, смотреть на это деревце в окно, возле которого висит фотография Бертрانا Рассела^[56] с автографом.

— Я никогда не встречал привидений, Марко. Я не верю в жизнь после

смерти. Я считаю, что идея Бога — в лучшем случае детская выдумка человечества, а в худшем — злая шутка дьявола. Да-да, каждый из них вполне может существовать без другого. Я знаю, ты будешь проповедовать Будду и своего туманного Гессе, но мне уж позволь остаться ортодоксальным атеистом до конца. Однако летним вечером сорок седьмого года со мной случилось необыкновенное событие. Я хочу, чтобы оно непременно вошло в автобиографию. Когда будешь писать о нем, Марко, умоляю тебя не впадать в интонацию «романа с привидениями». И научных объяснений тоже давать не надо. Просто запиши мой рассказ как есть и добавь, что я не могу предложить читателю никакой разгадки. Пусть читатель сам думает, что хочет. Привидение здесь появляется в самом начале.

Он меня здорово заинтриговал.

— Так что это за случай, Альфред?

— Закончился рабочий день. Мы с профессором Бейкером поужинали в ресторане в Южном Кенсингтоне. После ужина я сидел, глядя на людской поток за окном. Так же нас завораживает поток воды. Водопад, например. Ты не находишь? Короче, в этот самый момент я увидел себя.

Альфред внимательно наблюдал за мной, чтобы оценить произведенное впечатление.

— Ты увидел самого себя?

Альфред кивнул.

— Да, себя. Не отражение, не близнеца, не астральное тело и не восковую фигуру. Это не был дешевый фокус. Я увидел самого себя, каким я был тогда, живого Альфреда Копфа в полный рост.

— И что же другой ты делал?

— Пробегал мимо. Может, я бы не заметил его в толпе, но порывом ветра с него сорвало шляпу. Другой такой шляпы не было во всем Лондоне. Шляпа принадлежала моему отцу, одна из немногих вещей, которая осталась на память о нем. Он отдал мне ее перед тем, как немцы увели его, а потом сожгли в газовой печи. Тот, за окном, наклонился, чтобы ее поднять, и сделал при этом точно такое движение, как сделал бы я сам, вскинул голову и огляделся, словно ища кого-то. Потом надел шляпу и снова побежал. Но я успел разглядеть его лицо и узнал самого себя.

Литературный негр, как психоаналитик, должен уметь вовремя промолчать.

— Желаю тебе, Марко, для твоего же блага, чтобы ты никогда не встречал самого себя. Это зрелище не входит в круг нормального опыта здорового человека. Однако мой случай не является единственным. Я знаю

еще троих человек, которые пережили то же самое. По-твоему, какое чувство испытываешь в первый момент?

Я напряг воображение.

— Не веришь своим глазам?

— Не угадал. Благородное негодование. У всех у нас возникало желание броситься за самозванцем, чтобы повалить на землю и начистить физиономию. Я, собственно, так и поступил. Схватил отцовскую шляпу — *моего* отца! — выскочил на улицу и бросился за ним. По Ромптон-роуд в сторону Найтсбриджа. Я был очень спортивным молодым человеком. Я прекрасно видел его — *мой* бежевый плащ раздувался на ветру. Слегка накрапывало. Асфальт намок и стал скользким. Почему он бежал? Он знал, что я преследую его. Вокруг был совсем другой, не теперешний, Лондон — с omnibusами, конными полицейскими, женщинами в платках. Можно было переходить через дорогу без риска, ударившись о ветровое стекло, вылететь напрямик в преисподнюю. Мой двойник по-прежнему мелькал впереди, перемещаясь с той же скоростью, что и я. Возле Гайд-парка мои легкие готовы были разорваться, и я перешел на шаг. Мой двойник поступил так же, словно дразнил меня. Мы миновали Гросвенор-сквер, прошли вдоль длинной стены, ограждающей сад Букингемского дворца от простонародья. И оказались у Виктории. В ту пору это была совсем маленькая площадь. Он повернул к Королевским конюшням, по Бёрдкейдж-уок дошел до южного края Сент-Джеймского парка. Мой гнев уже начал стихать. Все это напоминало нелепый анекдот. Или бездарное подражание Эдгару По. Немного отдышавшись, я попытался сократить разрыв между нами и прибавил шагу. Он тоже. Мы приближались к Вестминстеру. Я вынужден был замедлить шаг, и мой двойник его замедлил тоже. Мы вышли на набережную. По мосту шло много людей. Мне показалось, что я потерял его в толпе, но снова впереди, ярдах в пятидесяти от меня, вынырнула его шляпа. Я видел свой собственный затылок, такую же стрижку, как у меня. Я пытался найти разумное объяснение происходящему. Переодетый актер? Мираж времени — может, такие бывают? Помешательство? Миновали Темпл. Мы смещались все восточнее. Я начал беспокоиться: тогда это была довольно глухая часть города. В тот вечер случился один из тех редкостных закатов цвета восточных сладостей — нуги с мармеладом, — которые Лондон чудесным образом, как фокусник из шляпы, достает невесть откуда. Мы двигались мимо Мэншн-хаус, по Кэннон-стрит. Вот и Тауэр. И тут я увидел, что мой двойник садится на стоянке в такси! Я бросился к следующему ждущему пассажира такси, вскочил в него и крикнул:

«Только не удивляйтесь! Гоните за той машиной!»

Наверное, к таксистам часто обращаются с такой просьбой, потому что водитель и не думал удивляться.

«Как прикажете, сэр».

Олдгейт. Дальше по боковым улочкам, мощенным булыжником, до Ливерпуль-стрит. Моргейт. Сейчас там находится Барбикан-центр. Тогда же все было разрушено после бомбежек и представляло одну большую стройплощадку. Как и Фарингдон. Впрочем, в Фарингдоне так и сейчас. Мы несколько раз стояли в пробке. Я готов был выскочить и побежать бегом, но в этот миг вереница машин трогалась с места. Так, то и дело останавливаясь, мы доползли до Кингз-Кросс, а потом от Юстон-сквер до Грейт-Портленд-стрит. На заднем сиденье такси впереди меня мелькала его шляпа. Неужели ему больше нечем заняться? А мне? За Бейкер-стрит опять появились деревья. Мы миновали Эджвер-роуд и Паддингтон. За Бейсуотером я заметил, что он вышел из такси у Ноттинг-Хилл-Гейт и направляется в Кенсингтон-гарденс. Я расплатился с таксистом и бросился в погоню за своим двойником. Хорошо помню, каким сладким, густым был вечерний воздух после дождя.

«Эй!» — крикнул я, и две элегантные леди с собачками вздрогнули.

«Альфред Копф! погоди!» — заорал я, и с дерева, глухо ударившись оземь, упал какой-то мужчина.

Мой двойник даже не оглянулся. Почему он убегал от меня? Если верить литературе, с двойником полагается беседовать по душам о природе добра и зла. А мы бежали по Кенсингтон-роуд, мимо музеев, мимо ресторана, в котором я скоро должен был встретиться с профессором Бейкером и поужинать. Резкий порыв ветра сорвал шляпу с моей головы. Я наклонился, чтобы поднять ее. А когда разогнулся, то увидел, что мой двойник исчезает.

Рассказ так увлек меня, что я забылся.

— Как исчезает? Растворяется в воздухе?

— Нет. Садится в автобус номер тридцать шесть. И уезжает.

— И еще я не понял насчет профессора Бейкера. Вы ведь вроде уже с ним поужинали?

Что-то влетело в окно и шлепнулось на пол так быстро, что я не успел это разглядеть. Голубь? В тот же самый момент в комнату вбежал Рой со слезами на глазах, весь дрожа.

— Боже мой, Альфред! Мне только что позвонил Моррис!

Что разыгрывается у меня перед глазами — трагедия или фарс?

— Успокойся, Рой. Успокойся. Я как раз рассказываю Марко о своем двойнике. Какой Моррис тебе позвонил — старший или младший?

И Альфред начинает раскуривать трубку.

— Моррис-старший, из Кембриджа. Джерома убили.

Пальцы Альфреда застывают.

— Джерома? Ему же гарантировали неприкосновенность... — хрипит он.

— По словам Морриса, в министерстве обвиняют петербургскую мафию. Ходят слухи, что Джером спутался с бандой похитителей картин.

— Это невозможно! Ложь! — Альфред стукнул ладонью по столу с такой силой, что я испугался за его старые хрупкие кости. — Они лгут для отвода глаз. Решили избавиться от старой гвардии. Хотят убрать нас поодиночке. Нынешние министры — отморозки. Черт бы подрал этих сволочей!

И Альфред разразился пылкой тирадой — наверное, из самых отборных венгерских ругательств. Проклятия носферату^[57].

— Что, плохие новости? — обращаюсь я к Рою.

Тот даже не кивает в ответ, и так ясно.

— Весь кофе на полу, — сообщает он. — Наверное, я вставил два фильтра.

Наступает молчание, которое никто из нас не прерывает. Альфред вынимает из кармана платок, и на пол выкатывается монетка. Она описывает сужающиеся окружности, пока не закатывается под шкаф. Там ей суждено пролежать долгие годы, если только ее не обнаружит Фольк во время следующего визита.

— Марко, — говорит Альфред, глядя куда-то вдаль. — Спасибо за работу. На сегодня, пожалуй, хватит. — Его голос дрожит. — Продолжим через неделю. До свидания, Марко.

*

Когда я выхожу от Альфреда, тучи торопятся в сторону Эссекса, уступая место теплему дню, ясному и золотистому. Бог с ними, с Альфредом и с Роем, их проблемы — это их проблемы. А лично я слизываю кусочки шоколада с поверхности клубничного мороженого. Мошкара столбом вьется над лужами. Деревья успели совсем просохнуть. Скоро они примут свой зимний вид. В фургоне с мороженым неподалеку крутят детские песенки. Двое ребяташек сидят перед домом и дрессируют йо-йо. Приятно видеть, что дети по-прежнему играют в йо-йо. Фиби, моя родная мать, называет это время года «бабье лето». По-моему, здорово сказано. И вообще на душе у меня хорошо. Рой заплатил немного денег, передав мне завернутое в купюры это самое клубничное мороженое, и в придачу всучил жуткий кожаный пиджак зеленого цвета. Я сопротивлялся, но он умудрился натянуть его на меня и, застегивая молнию, вспомнил, что мне звонил Тим Кавендиш и очень просил заехать. Рой шепотом

извинялся, что не может заплатить больше. Дело в том, что на этой неделе ему пришлось обратиться в палату лордов по поводу одного типа, который бежал в Зимбабве с чемоданом его денег. Судебные издержки перевалили за 92 000 фунтов.

— Конечно, безумно дорого, — шептал Рой. — Но это вопрос принципа.

Тип пока обретался в Зимбабве, а с ним и чемодан.

Нет ничего хуже честности, факт. Ложь иногда может поставить тебя в затруднительное положение, но если не хочешь из него вылезать — всегда говори правду и только правду.

В тот раз, когда у нас порвался презерватив, Поппи кончила и выдохнула:

— Марко, это лучше, чем секс!

Почему-то мне сейчас это вспомнилось.

Я иду в Принстон-хилл. Дорога к дому Тима Кавендиша лежит через Риджентс-парк и Оксфорд-стрит. Мне нравится ходить мимо зоопарка. С ним связаны воспоминания детства. Приемные родители обычно водили меня сюда в день рождения. Еще и сегодня, заслышав птичий гвалт из вольера, я чувствую во рту жирный вкус сэндвичей с рыбным фаршем.

Я прекрасно понимаю, что Поппи сыта уже ролью матери-одиночки даже с единственным ребенком. Но я знал женщин, которые имели предубеждение против аборта и решались на него только в крайнем случае. Если выяснится, что Поппи беременна, чего я захочу? То есть захотел бы? Если она согласится жить со мной как с отцом ребенка, я согласился бы на моногамию. Всерьез. Многие из моих друзей женились, обзавелись детьми. Я вижу, что их жизнь полностью изменилась. Нырять с головой в неизведанное — не кайф, если благополучие двух других существ зависит от того, где ты вынырнешь. Странно. В детстве я считал, что дети сами собой появляются, когда человек становится взрослым. Типа: в один прекрасный день просыпаешься — и вот они, сучат ножками, пеленки мокрые. Оказывается, не тут-то было. Сначала нужно принять решение, все равно как прежде чем купить дом, записать диск или устроить государственный переворот. А если я так никогда и не смогу принять решение? Что тогда?

Проблемы, кругом проблемы.

Стою на вершине холма. Вдохни, смотри и не дыши! Какой отсюда вид! Старина Лондон, старина Лондон... У итальянцев города имеют род:

мужской, женский. Все знают, какой город мужчина, какой женщина, но объяснить почему, не могут. Я это хорошо понимаю. Лондон — мужчина средних лет, женат, как того требуют приличия, но в глубине души он гей. Я ощущаю части города, как части собственного тела. Челси и Пимлико в обрамлении красного кирпича, электростанция в Баттерси, похожая на перевернутый кофейный столик... Мрачные дома за мостом Воксхолл. Грин-Парк. Я мог бы весь город разметить, как геодезическими знаками, по адресам моих постельных партнеров. Хайбери теперь уже связан с Кати Форбс. Патни — это Поппи, ну и, конечно, Индия. Не в том смысле, что я спал с Индией, ей всего пять лет. Кэмден — тарантул Хоббит. Мысленно размечаю маршрут идиотской истории, которую рассказал Альфред. Что он себе думает? Как, интересно, я вставлю такую белиберду в серьезную автобиографию? Нужно придумать неординарный ход. Иначе моей следующей книгой будут «Записки сумасшедшего», написанные от лица обитателя Бедлама.

Слишком уж хороший выдался день, жалко отравлять его проблемами. Свет такой золотистый, тени такие легкие.

В Лондоне появилось много нового, чего не было в ту пору, когда Альфред гнался по кругу за Альфредом. Взять хотя бы все эти самолеты, которые садятся в Хитроу и Гатвике. Плотина на Темзе. Купол Миллениума. Сентер-Пойнт, детище шестидесятых. Сгораю от желания — вот бы кто-нибудь взял да взорвал эту гигантскую пепельницу на пьедестале. Канада-Тауэр в доках, сейчас сияет на солнце и напоминает мне почему-то зеркало в стиле ар-деко в комнате Шелли. Шелли из Шепердз-Буша, в западном районе Лондона. Приехала туда по зову этого, как его... Как же его звали, этого парня? Работал на «Бритиш оксиджен».

А ее соседка по квартире Натали, она уверовала во Христа и приехала по Его зову. Одним дождливым днем Шелли, Натали и я составили Святую Троицу, укрывшись стеганым одеялом Шелли. С тех пор Натали значится у меня под рубрикой «крайне неустойчивый элемент».

Город — это океан, который хранит в своих недрах все, что ты потерял. И выносит на берег потерянное другими.

— Потрясающий вид, правда? — обращаюсь к мужчине с рыжим сеттером.

— Чертова задница, а не город!

Лондонцы не боятся выругать Лондон именно потому, что в глубине души уверены: нам повезло жить в прекраснейшем из городов мира.

Выхожу из автобуса на Оксфорд-стрит, народу полным-полно.

Оксфорд-стрит торгует остатками былой роскоши — как рок-фестиваль в Гластонбери или Харрисон Форд. От выхлопов здешний воздух имеет металлический привкус. Обувные лавки «Доктор Мартенс» подавляют меня. Гигантские музыкальные магазины заранее убивают надежду совершить чудесное открытие. Универмаги полны вещей, рассчитанных на тех людей, которые, переезжая на новую квартиру, ничего не должны таскать сами: ванны, которые подошли бы Ниро Вульффу^[58], с позолоченными ножками или фарфоровые собаки-колли в натуральный рост. Из ресторанов быстрого питания у Мраморной арки выходишь более голодным, чем вошел. Единственная путная вещь на Оксфорд-стрит — испанские девчонки, которые расплачиваются за уроки английского тем, что раздают рекламные листовки о скидках на курсах английского языка в районе Тотнем-Кортруд. Джибриель однажды здорово провел время с одной из них — притворился, будто он только что из Ливана и не знает ни слова по-английски. В киоске возле Оксфорд-Серкус покупаю Поппи футболку с поросенком, чтобы порадовать ее. Выбрал подлиннее — будет вместо ночной рубашки. Прохожу мимо рекламы туристического агентства, точнее, впечатываюсь в нее под внезапным натиском массы человеческих тел, и чувствую себя слабеньким стариком, и теряю из виду полоску неба, и...

И там я найду покой, ибо медленно, как туман,
Сходит покой к сверчкам утренней росной пылью;
Там полночь ярко искриста, полдень жарко багрян,
А вечер — сплошные вьюрковые крылья.

Встану я и пойду, ибо в час дневной и ночной
Слышу, как шепчется берег с тихой озерной волною;
И хотя я стою на сером булыжнике мостовой,
Этот шепот со мною^[59].

А знаете, что самое ужасное в моей литературной барщине? То, что никогда не напишешь шедевра. А если и напишешь, никто не узнает, что это ты написал.

Мне пришлось прождать восемь минут возле банкомата, и за это время мимо прошло одиннадцать языков. По крайней мере, я столько насчитал, насчет восточных могу и ошибаться. Я потянул носом. Запах слизи, покрывающей лондонские булыжники, достиг моих обонятельных анализаторов. Мм-да. Прелесть. Рядом с банком — магазин, в котором продаются одни телевизоры. Широкие, узкие, плоские, кубические,

сферические и такие, которые одновременно показывают вам всю ту чушь, которую вы упускаете на тридцати каналах, пока смотрите чушь на выбранном одном. Я понаблюдал, как регбисты из Африки выиграли у англичан три раза по три очка, и сформулировал закон Марко об Аналогии Соотношения Случайного и Неизбежного с Видеозаписью Спортивного Матча. Он гласит: пока игра не записана на видео, она — замкнутое пространство взаимодействующих случайностей. Но как только матч записан, любая мелочь из возможной становится необратимой. Прошрое, настоящее и будущее существуют одновременно: вот на этой пленке, которую можно взять в руку. На пленке нет ничего случайного, любое движение человека или мяча предопределено. Так что же тогда является законом нашей жизни — случайность или неизбежность? Ответ относителен, зависит от момента времени и точки зрения. Пока ты находишься внутри своей жизни, все в ней для тебя случайность. Если ты вышел за ее пределы и смотришь со стороны, будто читаешь книгу, все — сплошная неизбежность.

Не знаю, как для вас, а для меня жизнь — колодец, и я нахожусь внутри. Погрузился по шейку, но дна пока не достиг.

Меня мучает острое желание поймать такси, доехать до Хитроу, сесть в самолет и улететь куда-нибудь подальше, где людей поменьше. Монголия — самое подходящее для меня место. Но мне не на что добраться даже на метро до Хитроу.

Вставляю карточку в щель и умоляю коварного бога-покровителя племени банкоматов послать мне двадцатипятифунтовую бумажку. Меньше никак не хватит, чтобы напиться в обществе Джибриеля. Чертова машина глотает мою карточку с потрохами и советует обратиться в обслуживающий меня филиал банка. Я рычу и щелкаю пальцем по экрану. Что проку в Йейтсе, если выпить не на что?

Пышнотелая индианка с красной точкой на лбу пробасила у меня за спиной с бруклинским акцентом:

— Какой облом, да, малыш?

Не успел я ответить, как голубь с карниза насрал мне прямо на макушку.

— Сегодня не твой день, малыш... Держи салфетку...

Литературное агентство Тима Кавендиша находится в темном переулке возле Хеймаркета. На третьем этаже. Со стороны здание выглядит просто шикарно. Вращающаяся дверь, над ней навес, на нем флагшток. Оно предназначалось то ли для филиала Адмиралтейства, то ли для одного из

этих дурацких клубов, куда женщинам вход заказан. Но теперь здесь находится Тим Кавендиш.

— Марко! Как здорово, что ты пришел!

Излишек энтузиазма настораживает гораздо больше, чем его отсутствие.

— Добрый день, Тим. Я принес три последние главы.

— Кидай наверх!

Одного взгляда на стол Тима достаточно, чтобы все понять. Стол некогда принадлежал Чарльзу Диккенсу. По крайней мере, так говорит Тим, и у меня нет причин ему не верить. На столе нет живого места: гора папок и рукописей, шеренга бокалов «Гленфиддих», которые можно принять за аквариумы, три пары очков, компьютер, которым он при мне ни разу не пользовался, переполненная пепельница, энциклопедия «Ниневия и Ур от А до Я», еженедельник «Скачки».

— Садись, садись! Выпьем по глоточку! Три первые главы я показал Лаванде Вильнюс, и она пришла в восторг! Я не видел ее в таком восторге с тех пор, как Родни написал биографию принцессы Маргарин^[60].

Я выбираю стул, на котором груда пониже, и начинаю аккуратно перекладывать стопки книг в блестящих твердых переплетах на пол. Они еще пахнут типографской краской.

— Да спихни этот хлам, и дело с концом! А еще лучше отправиться в Японию и швырнуть это дерьмо в морду этому гаду!

Смотрю на обложку. «Священные откровения Его Провидчества — новый взгляд, новый Мир, новая Земля. Перевела Берил Брейн». Над заглавием — портрет какого-то спасителя с восточными чертами лица: он вперил взгляд в сердцевину лютика, откуда на него, в свою очередь, глядит златокудрый младенец.

— Вот уж не знал, что ты занимаешься такой фигней, Тим.

— В жизни не занимался! Один приятель по Итону упросил, поклонник нью-эйджа. Были предупреждающие звончки, Марко, были. Не прислушался. Мой итонский приятель заявил, что к новому тысячелетию наш рынок созрел для небольшой порции восточной мудрости. Берил Брейн, кстати, — одна из его подружек. Имечко в самый раз, а вот фамилия ей не подходит^[61]. Но это к делу не относится. Мы как раз получили из типографии первую партию этого дерьма, когда Его Провидчество вздумал проповедовать свой новый взгляд в токийском метро с помощью отравляющего газа. Ты, конечно, помнишь репортажи об этом теракте в начале года? Его рук дело.

— Да, Тим. Это был ужас.

— Ты это мне говоришь про ужас? Сукины головорезы перевели нам только часть денег, и тут все их счета заморозили! Я тебя умоляю! Мы попали, как кур в ощип. Весь тираж напечатали в твердой обложке, полторы тысячи экземпляров! А продать смогли несколько штук, да и то фанатам документального детектива. А теперь сидим в жопе. Ну как можно поверить этим сектантам? Неужели, чтобы приблизить конец света, нужны особые меры?

Тим Кавендиш протягивает мне гигантский бокал виски. Никогда не доводилось ни пить из таких, ни даже видеть, как пьют.

— А что собой представляет эта книга, Тим?

— Чепуха на постном масле, вот что. Твое здоровье, Марко! Пьем до дна.

Мы чокнулись аквариумами.

— Да, Марко, так как поживают наши друзья из Хэмпстеда?

— Неплохо... — Я возвращаю книгу в стопку таких же. — Мы добрались до сорок седьмого года.

— Вот как... И что произошло в сорок седьмом?

— Ничего особенного. Альфред повстречался с призраком.

Тим Кавендиш откинулся на спинку стула, и тот скрипнул.

— С призраком? Ну-ка, ну-ка, крайне интересно.

Но мне не хотелось развивать эту тему.

— Тим, я не знаю, в какой степени Альфред вообще...

— Вообще в себе?

— Можно и так сказать.

— Понимаешь, он ничуть не менее нормален, чем вегетарианский бифштекс. Если уж на то пошло, у Роя тараканов куда больше. А какое это имеет значение?

— Ну... разве это не вызывает ряд проблем?

— Какие проблемы, Марко? О чем ты? У Роя бабок столько, что он может проплатить весь тираж сразу.

— Я не об этом, Тим. — (Развивать тему взаимоотношений Роя с палатой лордов сейчас тоже не время.) — Я о другом. Мне кажется, автобиография должна основываться на реальных событиях, разве нет?

Тим фыркнул и снял очки, обе пары. Он откинулся на спинку своего скрипучего стула и сложил ладони вместе, как в молитве.

— Должна ли автобиография основываться на реальных событиях? Тебе какой ответ нужен — прямой или позаковыристей?

— Прямой.

— Прямой ответ с точки зрения издателя гласит: «Боже упаси!»

— А как, интересно, будет позаковыристее?

— Наши воспоминания всегда кто-то сочиняет.

Узнаю Тима Кавендиша. Ходячая мудрость. Или он это сотни раз уже говорил?

— Сам посуди, Марко. Альфред — сырье, книга — продукт, а ты — повар! Ты должен выжать из сырья все соки. Судьба продукта в твоих руках. Альфред меня порадовал: значит, есть еще порох в пороховницах. Призрак — то, что нам надо. И не забудь при этом коснуться дружбы с Джарменом и Бэконом. Вытряси из старика побольше имен. Подой его как следует. Сам по себе Альфред — не бог весть какая знаменитость, по крайней мере, за пределами Олд-Комптон-стрит, поэтому надо действовать, как Босуэлл^[62]. Сделать его, так сказать, ухом послевоенного Лондона двадцатого столетия. Он ведь, кажется, знал Эдварда Хита^[63], да? И с Альбертом Швейцером^[64] был вроде как приятель.

— Не очень-то это честно. Получается, я пишу о том, чего никогда не было.

— Честность! Боже мой, Марко, ты меня поражаешь! А как же Пипс^[65], Босуэлл, Джонсон, Свифт и прочие мошенники всех времен и народов со своими мистификациями?

— По крайней мере, они выдумывали свои мистификации сами. А я должен сочинять их за других.

Тим опять фыркнул, возведя глаза к потолку.

— Мальчик мой, все мы находимся в одинаковом положении. Наши воспоминания на самом деле не являются нашими. Наши поступки тоже. Их сочиняет за нас невидимый автор, а мы только воображаем, что распоряжаемся собственной жизнью.

— И каков результат?

— Тебе что, не по вкусу это чтиво?

Тим Кавендиш в своей обычной манере отвечает вопросом на вопрос. Тут из переговорного устройства на столе раздается голос миссис Уэлан, его секретарши, самой невозмутимой женщины в Лондоне. В ее невозмутимости невозможно пробить брешь, как в гуще тумана.

— Звонит ваш брат, мистер Кавендиш. Вы у себя или до сих пор на Бермудах?

— А какой брат, миссис Уэлан? Ниппер или Денхольм?

— Осмелюсь предположить, мистер Кавендиш, что это ваш старший брат.

Тим вздыхает.

— Извини, Марко. Боюсь, семейный разговор затянется. А почему бы тебе не заглянуть ко мне на будущей недельке? Я как раз прочитаю эти три главы. И еще, не хотелось бы получить упрек в бестактности, как Тэтчер от «Герольда», но тебе следовало бы переменить рубашку. Напоследок один маленький совет. Я даю его каждому, кто хочет дотянуть свою книгу до конца. Пока не закончишь, держись подальше от Набокова. Рядом с ним чувствуешь себя кустарем-подмастерьем.

Я одним глотком допиваю остаток виски и выскользываю из кабинета, тихонько прикрыв за собой дверь. Вслед мне несется голос Тима:

— Привет, Денни! Рад тебя слышать! Как раз собирался тебе позвонить. Благодарю за твой небольшой кредит, он пришелся очень кстати.

— До свидания, миссис Уэлан! — киваю на ходу.

Богу — богово, кесарю — кесарево, а секретарю — секретарево.

От вздоха миссис Уэлан и свежий салат побледнел бы.

— Марко!

Я забрел на Лестер-сквер, меня увлекли симпатичная девчонка с рюкзаком, разноцветные огни и краски и смутная надежда найти что-нибудь свеженькое в подвальном этаже лавки Генри Пордеса на Чаринг-Кросс-роуд, где распродают уцененные остатки тиражей. Теплый день начинает клониться к вечеру. Лестер-сквер — центр лабиринта. Самое то, чтобы потянуть время. Подростки в бейсбольных кепках и шортах до колен лихо уворачиваются на скейтбордах на полном ходу. Мне пришло на ум слово «центробежный», и я понял, что это одно из моих любимых слов. Молодежь со всего света — с Востока, с Запада, из Америки — стекается сюда в поисках Крутого Лондона. Где за углом у прачечной вечно мерещится кокни-лепрекон. Дети катаются на карусели. Я постоял, посмотрел немного. Один карапуз улыбается до ушей, проплывая мимо своей бабули, и у меня от этого так защемило сердце — вот-вот расплачусь или разобью витрину. Мне дико захотелось, чтобы Поппи с Индией оказались рядом, сию секунду. Я бы всем нам купил мороженого. Индия, конечно, первая управилась бы со своим и принялась за мое. Вот тут-то меня и окликнули по имени. Я оглядываюсь. Яннос призывно машет мне фалафелем из своей греческой закуской, которая расположилась между Швейцарским центром и кинотеатром Принца Чарльза, где, между прочим, можно посмотреть фильм девятимесячной давности за два с полтиной. Яичница Кати давно уже покинула мой желудок, и фалафель будет как

нельзя кстати.

— Привет, Яннос!

— Марко, сынок, рад тебя видеть! Как поживает «Музыка случая»?

— Прекрасно, дружище. Все как полагается. Вечно спорим ни о чем, ноем и пялим подружек друг друга, когда не пялим друг дружку. А ты купил синтезатор у Додди?

— У Додди-морди? А как же! Каждый вечер играю на нем в дядином ресторане. Одна беда — приходится изображать турка.

— Вот как? С каких пор ты говоришь по-турецки?

— В том-то и беда, что не говорю. Изображаю турка-аутиста — музыкального вундеркинда. Засада редкостная. Как будто одновременно играю в «Томми» и «Король и я»^[66]. А когда, кстати, рубится «Музыка случая»?

— Спроси лучше, когда не рубится.

— И то верно, дружище! Как дела у Поппи?

— У Поппи? Все в порядке.

— А как ее прелестная малышка?

— Индия? В порядке.

Яннос задумчиво смотрит на меня.

— Что означает твой взгляд? — спрашиваю.

— Нет, ничего. Так... Прости, поболтал бы еще, да нужно работать... А ты, может, зайдешь, выпьешь чашку чая? Кажется, там сзади есть местечко за столиком.

— С удовольствием. Спасибо тебе, Яннос. Огромное спасибо.

В маленькой закуской Янноса не протолкнуться от посетителей, обрывки разноязыкой речи смешиваются в гомон. В этой давке находится единственное свободное место, и я оказываюсь за столиком около женщины моих лет или чуть старше. Она читает книгу «Путешествие за пределы тела: дух и бесконечность». Автор — Дуайт Сильвервинд. Серебряный Ветер, значит. Вежливенько спрашиваю, можно ли приземлиться за ее столик. Она кивает, даже не оторвав глаз от книги. Пытаюсь не рассматривать ее, но взгляд-то девать некуда. У нее рыжие крашенные волосы в цыганских кудрях, а на пальцах, в ушах и даже в бровях не меньше дюжины колец. Платье из «варенки». Наверное, в Непале купила. Отвисшая грудь без лифчика. Наверняка она жжет курительные палочки, верит в ароматерапию и считает себя если не ясновидящей, то личностью незаурядной. Обожает прерафаэлитов, работает через день в платной художественной библиотеке. Лично я с такими не трахаюсь. Знаю, меня сочтут снобом. Но все-таки моих

лондонцев я знаю как облупленных.

— Простите, что отвлекаю вас. — Оттопырив мизинец, поднимаю чашку с чаем и отпиваю глоток. — Меня поразило название вашей книги.

В ее невозмутимом взгляде мелькнуло довольство. Годится для начала.

— Звучит потрясающе. Это, случайно, не имеет отношения к альтернативным методам лечения? Видите ли, нетрадиционная медицина — мой конек.

— Вот как? В самом деле? — откликается она.

Приятный голос, сладковатый и немного скрипучий.

Она заинтригована и немного польщена моими заигрываниями, но не хочет этого показывать.

— Дуайт Сильвервинд — один из крупнейших специалистов по трансперсональному опыту, или по путешествиям духа, как говорят индейцы навахо. Дуайт — мой друг особого рода. Он мой духовный наставник. Посмотрите, вот он.

Она открывает титульный лист. С фотографии улыбается бледный, почти бесплотный мужчина в нелепых подтяжках. Похоже, американец. Разменял пятый десяток.

— В этой книге Дуайт учит выходить за пределы телесной оболочки.

— О! И что, это несложно?

Похоже, это ему легче, чем выйти за пределы своих представлений о том, как следует одеваться.

— Ну что вы! Еще как сложно! Для этого требуются огромные духовные усилия! Нужно освободиться от всех привязанностей, которыми опутывает нас общество, чтобы удержать в рамках своих стереотипов. Очень большое значение имеет также личный альфа-потенциал. Вот, например, у меня преобладает альфа-излучение, а у вас — гамма.

Мой детектор регистрирует в ее словах большую дозу тщеславия. На крючок тщеславия человека поймать легче всего.

— Неужели? — сокрушенно вздыхаю я.

— Да-да! В вашем излучении гамма-составляющая выражена сильнее, чем альфа. Я определила это, едва вы подошли.

— Подумать только, вам даже не понадобился анализ мочи!

Я хотел добавить «и спермы», но удержался.

Она хохочет. Дела идут хорошо.

— Меня зовут Нэнси Йокам. Психотерапевт-холист. Вот моя визитка.

И Нэнси Йокам протягивает мне карточку.

— А меня зовут Марко. Мне нравится ваше имя, Нэнси. Вы, наверное, из Нэшвилла.

— Из Гластонбери. Слышали, конечно? Король Артур, рок-фестиваль. Приятно познакомиться с вами, Марко.

Глядит прямо мне в глаза. Гипнотизирует. «Вы погружаетесь в глубо-о-о-кий сон». Голос ведущей телепередачи для малышей. Только я староват, чтобы поддаться этим чарам. Она, наверное, думает, что я моложе, чем на самом деле. Обычно все женщины так думают. Тут в ней срабатывает не просто тщеславие, но еще и латиноамериканские гены.

— Знаете, Марко, я знаток человеческих характеров. Люблю сидеть и просто наблюдать людей. Для искушенного глаза в человеческой душе нет секретов. Ее можно читать, как открытую книгу. У вас на руке, Марко, нет кольца. Признайтесь, вы еще не встретили главного человека своей жизни?

Какая наблюдательность!

— Подружку, что ли, вы имеете в виду?

— Ну хорошо, допустим, что подружку.

— Да у меня их пруд пруди!

Нашу Нэнси ничем не смутишь. Она проявляет чудеса терпимости. Никакого возмущения — только театрально приподнятая бровь. Не вчера же Нэнси бросила играть в Лего, не девочка как-никак.

— Очень мило! Значит, Дон Жуан-Кихот. Вы не находите, что такое поведение создает вам много проблем?

— Да, это могло бы создавать много проблем. Но когда я знакомлюсь с женщиной, я сразу признаюсь, что у меня есть и другие женщины. Вот как вам сейчас. Так что если ей это не нравится, она может закончить отношения не начиная. Но я никогда никого не обманываю.

Нэнси Йокам кладет Дуайта Сильвервинда мордой на стол и кокетливо надувает губки.

— Если хотите знать мое мнение, это всего лишь крайне хитрый способ соблазнить женщину.

— Я так не считаю. С чего вы взяли?

— Ваше признание звучит как вызов: «Попробуй изменить меня! Возможно, тебе это удастся и благодаря тебе я снова поверю в любовь!» Дуайт называет такое поведение «синдром птицы с перебитым крылом».

Яннос приносит мне еще чашку чая и смотрит с осуждением, пройдоха. Я благодарю его за чай, но взгляд игнорирую.

— Никогда не задумывался над этим. Возможно, вы правы, Нэнси. Но не то чтобы я не верил в любовь. Просто мне кажется, что она следует своими собственными путями, которых мне не понять. Если честно, то я любил, дважды. По-моему, это немало. Не возражаете, если я съем фалафель? Проголодался, как зверь.

— Приятного аппетита. Почему мы с вами встретились, Марко? Именно мы, именно сегодня, именно здесь. Хотите знать, что я об этом думаю?

— Слепой случай?

— Когда мы говорим «случай», мы имеем в виду энергетику, ее излучение. Дуайт бы сказал, что ваш гамма-заряд притянулся к моему альфа-заряду. Точно так же, как притягиваются северный и южный полюса магнита. Вот почему вы оказались здесь.

Этот Дуайт достал меня до печенок. Я оказался здесь, потому что мой приятель предложил мне дармовой фалафель. Я сел за этот столик, потому что больше свободных мест не было. Будь Нэнси Йокам мужиком, я бы уже доел свой фалафель и шел к выходу. У нее неглупая голова — допустим, но она забила ее всякой нью-эйджевой чушью. Однако мой многоопытный член чует, что здесь пахнет сексом на халяву, и потому я терпеливо выслушиваю лекцию на тему «Лечение телесных и душевных недугов с помощью кристаллов». Аметист помогает при депрессии. Лучшие друзья Нэнси — минералы. К тому времени, когда я наконец получаю номер ее телефона, мне уже ничего не хочется, даже звонить.

Что со мной происходит?

Когда я был пацаном, каждая женщина была как загадочный материк, краски мира были первозданны, как истина, и от жизни у меня дух захватывало, как на ветру.

А сейчас? Посмотрите-ка на меня. Женщин меняю, как рубашки. Иной раз чаще.

Марко в шестнадцать и Марко в тридцать — абсолютно разные люди, они отличаются, как Огненная Земля и рабочая окраина Лондона.

Плохи твои дела, Марко, дружок. Очень плохи. Если будешь слишком много задумываться, совсем пропадешь.

Несколько недель назад мы с Поппи заспорили, и она сказала:

— Знаешь, Марко, ты ведь не дурак, но тем хуже: непонятно, как такой умный человек может быть таким слепым.

Я не нашелся, что ответить, поэтому просто сдохмил. Как — не помню, но по-дурацки.

Ладно, пора возвращаться домой.

*

Место моего жительства — «Молодая луна». Переоборудованный чердак над баром. Найти меня легко. От доков Святой Екатерины вдоль

реки, в хорошую погоду можно пешочком. Или на любом автобусе в сторону острова Догс, сходить возле университета. Сразу за входом в метро «Уоппинг» и будет дверь в бар. Конечно, я поселился тут совершенно случайно. «Музыка случая» играла в этом баре прошлой зимой. Одна из наших приглашенных вокалисток, Сэлли Леггс, познакомила меня с Эдом и Сильвией, владельцами бара. Концерт прошел очень хорошо, Сэлли — местная знаменитость. И когда мы болтали после концерта, Эд обмолвился, что они ищут нового жильца.

— А что случилось со старым? — спросил я. — Пустился в бега?

— Нет, — ответила Сильвия. — Другая история. Да ты, наверное, слышал. Год назад дело было. Об этом писали в газетах, и нас даже показывали в десятичасовых новостях. В подвале нашего дома есть старое бомбоубежище, и террористы устроили там мастерскую — делали бомбы. Однажды ночью что-то у них там не заладилось и взорвались сразу штук пять бомб. Как раз под тем самым местом, где ты сидишь. Пришлось делать ремонт и менять название. Раньше наш бар назывался «Старая луна».

Я чуть не заржал. Но по лицам присутствующих понял, что рассказ — чистая правда, и устыдился.

— Черт, — сказал я. — Какая непруха.

Все погрузнели.

Я решил разрядить атмосферу и опять схохмил по-дурацки, как я это умею.

— Зато в ближайшие пару столетий у вас все будет спокойно!

Треп возобновился.

По субботам народ съезжается на рынок, который неподалеку, и в «Молодой луне» полным-полно посетителей, у всех сумки с овощами, зеленью и разными старинными вещицами. В зале шум, гам, дым коромыслом. Молли играет в дартс с новым дружкой, полисменом по имени Райан. Как-то раз одним тоскливым вечером мы с Молли перепихнулись. Не самая лучшая затея.

Сильвия только что сменила за стойкой Дерека, помощника, который работает неполный день.

— Марко, днем звонил какой-то Диггер. Спрашивал тебя. Я дала ему номер телефона в твоей комнате.

Диггера мне только не хватало.

— Вот как? А чего ему надо?

Как будто я не знаю, чего ему надо.

— Не сказал. Но думаю, хорошо, что его зовут не Слэшер.

Сильвия не совсем здорова. Веки у нее сильно воспалены, а в иные дни и вовсе трескаются. Миссис Энтвистл, завсегда с «Луны», сказала мне, что Сильвия была беременна, когда внизу взорвались бомбы, и у нее случился выкидыш. Как только люди в состоянии выдержать такое, не понимаю. Лично мне достаточно взглянуть на состояние своего счета, и я чуть не отбрасываю копыта. А они выдерживают, все вокруг выдерживают. Если мир еще не рассыпался в прах, то только благодаря человеческой выносливости. В последнее время Сильвия стала чаще улыбаться. Случись такое со мной, я бы все продал — если б было что — и свалил в графство Корк^[67]. Но предки Сильвии владели «Старой луной» на протяжении многих поколений, и поэтому она не может бросить «Молодую луну». Когда в баре много посетителей, я помогаю ей, особенно если задержал квартирную плату.

От бара до моей комнаты — четыре лестничных пролета. Одолеть их непросто, тем более что ночью в лестничном колодце водятся привидения. А иногда и днем. Этому зданию не одна сотня лет. Из моего окна открывается прекрасный вид на Темзу в том месте, где она поворачивает в сторону Гринвича и переходит в дельту. Вверх по течению — мост Тауэр. В прозрачные вечера огни уличных фонарей видны аж до Денмарк-Хилла.

Если б я и свалил в графство Корк, через две недели сел бы на паром обратно.

Открываю дверь в свою комнату, и сердце сжимается при виде мигающего автоответчика. Нет, это не Диггер, исключено. Он ведь сказал, что можно не возвращать долг до следующего вторника. В понедельник я получу пособие да уговорю Гарри купить у меня за 30 фунтов кожаный пиджак Роя.

На автоответчике четыре сообщения.

Начну с самого плохого — первым делом вскрою письмо из кредитного банка. Если мое имя и адрес напечатаны большими буквами, то там просто информация для сведения. Если маленькими, то дело плохо. Слава богу, буквы большие.

И все-таки ничего хорошего нет. На что ушли деньги? Пара ботинок, ресторан, музыкальная аппаратура, модем. Внизу листа маленький абзац, где сообщается, что мне предоставлен дополнительный кредит в размере трехсот фунтов! Они там что, с ума посходили?

Не. Не посходили.

Теперь берем следующее препятствие в этом барьерном беге:

автоответчик.

«Марко, это Венди. Я обещала какое-то время не звонить, я помню, но не могу удержаться. Прости. Все так здорово вышло! Я поступила в Сент-Мартин! Подумала, тебе будет приятно узнать. Сегодня сказала боссу, что увольняюсь. Как ты советовал. Взяла и сказала. Решительно. Без всяких там околичностей. И дело с концом! Ты считаешь, что нам нужно сделать паузу в отношениях, я помню. Но если захочешь отпраздновать со мной это событие, я куплю бутылочку недорогого шампанского и приготовлю на ужин, что ты захочешь. Позвони мне. Хорошо? Венди. *Ti amo, bellissimo*^[68]. Чао».

Бедная девочка. Ну ничего, она забудет обо мне в своем гуманитарном колледже и там же довершит свое женское образование. Одно сообщение минус. Еще три, и за любым может стоять Диггер.

«Привет, Марко. Прости, что беспокою тебя. Говорит Тим Кавендиш. У нас в семье небольшой кризис. Похоже, юридическая контора моего брата в Гонконге накрылась. Возникли кое-какие проблемы... Вмешалась китайская полиция, активы заморожены и все такое прочее... Может, заскочишь на следующей недельке, поговорим... Не знаю, смогу ли я теперь издать книгу Альфреда... Да... Мне ужасно жаль... Пока».

Лучше бы это был Диггер.

«Марко, это Роб. Я ухожу из группы — сметаюсь в Сан-Франциско, нужно срочно перепихнуться с Максин. Счастливо».

Да ради бога. Роб уходит из группы каждый месяц. Я в это время просто не пишу песен, в которых есть партия колокольчиков, только и всего. Остается последний барьер. Хоть бы не Диггер. Если он не сможет связаться со мной, значит, не сможет пригрозить.

«Дорогой Марко! Это я, Диггер со студии „Пыльная лачуга“. Как ты поживаешь? Я прекрасно, спасибо. Хочу чисто по-дружески напомнить, что ты должен нам сто пятьдесят фунтов. Если не заплатишь в пятницу до трех часов, то в среду я сдам твои барабаны в комиссионный на Тотнем-Корт-роуд, а на вырученные гроши куплю нашим уборщицам шоколадок. С наилучшими пожеланиями. Любящий тебя дядя Диггер».

Еще издевается, сукин сын. Сколько шуму из-за жалких полутора сотен! Господи, я же артист. Если б ему задолжал Мик Джаггер, он бы так не вонял, я уверен. Ладно, как-нибудь да выкручусь.

По вечерам я люблю распахнуть окна и сидеть, размышляя, пока комната сливается с сумерками за окном. Но сегодня нужно успеть поспать, принять душ, выкурить косячок и немного поспать — именно в такой последовательности, и все это до половины десятого, когда мы с Джибриэлем встречаемся в баре внизу.

Звоню Поппи, а у нее занято. Приступ ревности, который не на ком разрядить. Голубь садится на подоконник и окидывает взглядом мою комнату. Может, тот самый сукин сын, чье засохшее дерьмо я смыл только что с волос?

У меня мания голубинового преследования.

Теперь косячок под Кири Те Канаву^[69]. Спасибо Джошу за траву. Забавно: иметь кучу женщин, не имея ни гроша в кармане, принадлежать к «поколению икс» и быть одиноким.

Моя комната здорово смахивает на методистскую церковь. Я сам — больше на дикаря-язычника. Чего мне не хватает, так это старинного кресла в стиле одной из минувших элегантных эпох. Как у Кати Форбс. Странно. Я могу вспомнить ее кресло, ее перечницу или форму ее сосков, но только не ее лицо. Разве что родинку в форме кометы.

После душа, весь чистенький, сворачиваю косяк, затягиваюсь несколько раз, и очертания потолка расплываются. Ух! Торфяной костер в развилке золотой ветви... У Джоша товар наивысшего качества. И знакомое чувство счастья наполняет меня до кончиков пальцев и волос, будто я — Гулливер, связанный по рукам и ногам лилипутами. Дальше ничего не помню. Потом вдруг — луна в оконной раме, надо мной склоняется Джибриэль.

— Эй, Марко! Скорей одевайся, парень! Где твой парадный костюм?

На губах вкус резины. На часах — без четверти десять. Когда я в последний раз спал нормально, всю ночь с вечера до утра? Как Джибриэль раздобыл ключи от моей комнаты? Я всегда запираю дверь, когда курю.

— Зачем костюм? Куда мы идем?

— В казино!

Я слишком расслаблен, чтобы расхохотаться прямо ему в лицо.

— Не смейся мои тапочки. У меня долгов больше, чем у правительства Бурунди. Мне не на что играть в казино.

— Потому-то мы и идем в казино, Марко! Возьмешь куш и раздашь долги!

— А, разве что...

— Я познакомился с такими людьми, Марко! У меня беспроегрывная система!

Я больше не в силах сдерживать смех — он вышибает, что там его удерживало, и разносится над холмами.

— Что тут смешного, парень? Спятил?

Я и сам не знаю, что тут смешного. И вообще мне сейчас не до веселья. Это скорее истерика. Я беру себя в руки, вытираю слезы.

— Ничего смешного, Джибриэль, ничего. В казино не пускают кого попало. А я как раз кто попало.

— Не беспокойся, Марко. На выходные приехал мой богатенький кузен из Бейрута. Уж он, будь спокоен, не кто попало. Он такой о-го-го! В казино не хватает золота, чтоб обналичить его кредитные карты! Пошли. Сегодня удача тебе улыбнется!

— Ты плохо влияешь на меня, Джибриэль.

— А для чего ж еще я тебе нужен. Король Марко, повелитель царства добродетели, пожелал хоть немного побыть плохим. И узри! Истинно говорю, услышал его мольбу ангел Джибриэль! — Его глаза сияют в полумраке. — У тебя не осталось травки, капитан Маркотик?

В баре в Блумсбери мы встречаемся с двоюродным братом Джибриэля. Вообще я стараюсь воздерживаться от скоропалительных суждений, но тут сразу ясно, что он — первостатейное дерьмо. Даже не назвал свое имя. Бывает, встречаешься с человеком — и через десять минут понимаешь, что он никогда не отвлечется от своей персоны. Богатенький кузен даже не удосужился снять темные очки, такой он крутой. С ним иранец средних лет по имени Кемаль, который бежал от революции в семидесятые годы. Улыбка у Кемалья просто радиоактивная. Он хлопает в ладоши и говорит:

— Вперед! Если не ошибаюсь, госпожа удача сегодня в хорошем настроении. А вы, мой друг, — обращается он ко мне, — вы — фанат «красного и черного»?

— Нет, такой макияж не в моем вкусе, — говорю я и ожидаю взрыва смеха в ответ, но его нет как нет.

Возьми это на заметку, Марко. При арабах никаких шуток на трансвеститские темы.

— Сегодня я буду зрителем, — продолжаю. — У меня проблемы с деньгами.

— Замучили кредиторы? — размыкает губы Богатенький Кузен.

Слово «кредиторы» он произносит очень зловеще, и я радуюсь, что не принадлежу к числу *его* кредиторов. В первый раз Кузен заметил мое присутствие.

— У меня их нет, — говорю.

— Счастливчик! Нет кредиторов?

— Денег нет.

— А-я-яй! Куда это годится? — сочувственно качает головой Кемаль.
— Идти в казино без денег. Держи!

Кемаль шарит в сумке, переброшенной через плечо, и кладет мне на колени пачку бумажек, похожих на банкноты. Матерь божья! Это и есть банкноты.

— Нет, что вы, я не могу...

Но Кемаль не слушает меня. Он поглаживает бороду и улыбается Богатенькому Кузену.

— Наш друг Марко придет первым! Новичок всегда темная лошадка. Ставлю на новенького два против одного.

Кузен фыркает.

— Не советую! Шансы равны.

— Что значит «Марко придет первым»? — спрашиваю я.

Я чувствую себя пешкой в неведомой игре.

— Ты что, не сказал ему? — спрашивает Кузен у Джibriэля, а тот как-то шкодно улыбается.

— Марко, дружище, — начинает Джibriэль. — Кемаль и мой кузен хотят заключить пари — кто из нас выиграет в казино больше денег. Тебе выдали твою долю, чтобы ты мог делать ставки.

Я чувствую, что тоже начинаю шкодно улыбаться.

— Мне никогда особо не везло в...

— Твой выигрыш остается у тебя, — прерывает Джibriэль. — Плюс тот, кто выиграет больше, получает удвоенную первоначальную сумму. То есть триста.

— Триста фунтов?

— Нет, триста чупа-чупсов. Что за дурацкий вопрос? Конечно, фунтов.

— Что-то он слишком волнуется, — встречает Богатенький Кузен.

— Ясное дело, волнуется, — соглашается Джibriэль.

— Тем интересней для нас, — говорит Кемаль. — Правда, мой друг?

— А если я проиграю все деньги?

— Значит, ты проиграешь все деньги, — отвечает Кемаль. — В чем вопрос?

— А Кемаль проиграет мне пари, — уточняет Богатенький Кузен.

Так мы и отправляемся. Я, Джибриэль и еще два мошенника араба, с которыми я лишь десять минут как познакомился на заднем сиденье такси по дороге в казино. Всего, стало быть, четыре мошенника араба.

В пачке — 150 фунтов. Тридцать бумажек по пять фунтов, таких новеньких, почти хрустящих. Забавное совпадение, конечно. Как раз столько нужно, чтобы расплатиться с Диггером и вернуть барабаны. К сожалению, Богатенький Кузен и Кемаль подруливают со мной к кассе и велят поменять купюры на фишки раньше, чем я мог бы смыться и нырнуть в ближайшую станцию подземки.

Улыбаюсь, как ни в чем не бывало, и гляжу, как моя ударная установка превращается в тридцать пластмассовых кружков.

— А теперь, — говорит Кемаль, — каждый пойдет своим путем. Лично я уважаю покер. Встретимся в полночь на втором этаже. Запомните, Джибриэль и Марко, ровно в полночь. Если опоздаете хоть на минуту, пари отменяется. Ваша карета превратится в тыкву.

Богатенький Кузен намыливается в бар посорить деньгами и подцепить бабу.

— Джибриэль, — шепчу я, когда мы проходим мимо большой рулетки.
— Они нас используют, как болванчиков. Что за херня, а? И на фига это им?

— Потому что они богатые мальчики, им скучно и хочется новых игрушек. Деньги для них ничто.

— А разве Коран не запрещает азартные игры?

— Лондон не подконтролен Мохаммеду. На немусульманской земле, с немусульманами играть дозволяется. Давай начнем. И пусть победит сильнейший.

Прежде чем сесть за стол, я побродил по казино. Разглядывал все кругом. Ковер и малиновый плюш навевают желание облачиться в ночную пижаму и тапочки. Мимо прохаживаются мужчины в смокингах, дамы в вечерних шелковых туалетах. Здесь, в свете люстр, можно увидеть очень странных и необычных женщин. Улыбающиеся персонажи, укрывшиеся от мира в уютном подземелье иллюзий. Молодой аристократ торжествующе орет, а пожилая дама каркает, как ворона. Сукно такое зеленое, а колесо фортуны такое желтое, как будто краски украдены в стране эльфов. Колесо рулетки вращается так быстро, что кажется неподвижным, а шарик — золотым электроном. Когда я выберусь отсюда, на Земле пройдет триста лет. Вокруг столов собрались разочарование и скука, тихое отчаяние и маниакальное возбуждение. Есть и просто зрители. Крупье работают как роботы, не глядя никому в глаза. Я задираю голову вверх, ищу видеокamеры, но потолок, как в телестудии, тонет в темноте. На стенах ни окон, ни часов. Панели орехового дерева, гравюры с изображением борзых и рысаков. Я захожу в зал, где играют в очко и в покер. Кемаль уже включился в игру. Возвращаюсь в свой зал, сажусь у стены, откуда видна рулетка, и заказываю кофе в надежде, что его дают бесплатно. Десять часов вечера. Сорок пять минут я выделяю, чтобы понаблюдать за игрой и разработать собственную стратегию.

Проходит минут двадцать. Ко мне подсаживается мужчина, очень похожий на Сэмюела Бекетта^[70] за несколько недель до смерти. Он хлопает себя по карманам в поисках сигарет, и я предлагаю ему свою пачку. Он вынимает парочку сигарет и степенно кивает.

— Новичок? Размышляете, как начать? — спрашивает он.

— Размышляю, как выиграть, — отвечаю я.

— Сейчас объясню. Что вас интересует, рулетка?

Он закуривает и жадно затягивается, как астматик, вдыхающий спасительный аэрозоль.

— Значит, так, — говорит он, не вынимая сигарету и почти не открывая рта, — на американском столе два «зеро», поэтому шансов в два раза меньше. Лучше играть за французским столом. Если ставить на числа, то вероятность проигрыша на два целых семь десятых процента больше, чем выигрыша. Если ставить на цвета, то на одну целую тридцать пять сотых процента.

— Звучит не так уж плохо.

Сэмюел Бекетт с саркастическим выражением пожимает плечами.

— Все это накапливается. Итог зависит от продолжительности игры. После сотни ставок в проигрыше оказываются пятьдесят два процента игроков. После тысячи — шестьдесят шесть процентов. После десяти тысяч — девяносто два.

— А нет ли способа... как бы это сказать...

— Есть. В «очко». Запоминаешь таблицу вероятностных алгоритмов, а потом ведешь учет. Когда шансы складываются в твою пользу, ставишь много, когда против тебя — мало. В принципе ничего сложного. Одно из двух: либо ты выиграл, либо ты в заднице. Проще только пойти в лондонские таксисты.

— У меня по математике тройка. Может, мне лучше в покер?..

— В покер? В покере ты получаешь столько, сколько на самом деле стоишь.

— Сколько стоишь? Не думаю, что меня устроит такая сумма. А нет ли способа перехитрить рулетку?

— Так и быть, открою секрет. У казино существует множество способов обжулить нас в рулетке — микроиглолки, электромагнитики и так далее, но у понтера есть только один способ: адаптировать аэрокосмические методы наведения ракет к управлению траекторией полета шарика. И представьте, такой способ уже придуман.

— И что, получилось?

— В лабораторных условиях — да. Но в Вегасе схема не сработала. Хороший щелчок по носу, я думаю.

— Тогда, наверное, я лучше буду полагаться на случай.

Сэмюел Бекетт делает гримасу, которая означает: тогда и говорить не о чем. Мой трехсотфунтовый куш в выигрыше Кемаля ждет меня.

Сажусь к столу, опасаясь, что меня разоблачат как самозванца. Первую фишку ставлю на красное. Вот-вот я потеряю невинность, стану игроком. Смотрю, как шарик мчится и скачет по кругу. На что похож этот шарик? Ты же писатель, давай метафору.

Что ж, хорошо. Он похож на джинна, который кружится в дикой пляске, пока из него не выйдет все бешенство.

Шарик замер на черном поле. Крупье сгреб мои деньги в лунку. Фишка падает со стуком. Так быстро лишиться пяти фунтов, даже глазом не моргнув, мне еще не доводилось. Вторую фишку ставлю снова на красное.

Шарик замер на черном поле. Значит, скоро мне повезет. По теории вероятности. Третью фишку ставлю на черное.

Шарик замер на красном поле. Да, на этот раз я бы выиграл.

Четвертую фишку ставлю на красное. Не могу же я проиграть четыре раза подряд?

Очень даже могу. Двадцать фунтов ушли за просто так — и спасибо никто не сказал.

Начало не очень хорошее. Красное, черное, красное, черное. Не горюй, Марко. У тебя в кармане как-никак фишек еще на сто тридцать фунтов.

Иду в бар выпить стакан минералки и обдумать стратегию. Я проиграл — можно надеяться, бог игры похорошеет, приняв мою жертву. Кемаль тоже в баре.

— Как дела, дорогой друг? Я поставил на тебя кучу денег сегодня.

Ну и дурак.

— Дела? Так себе. То хорошо, то плохо.

— Хорошо, когда хорошо, дорогой друг. Как ты делаешь ставки? Отбрось сомнения к черту. Ты должен поверить в себя. Не переоценивай случай. Ведь в казино как в жизни: как хочешь, так и будет. Все зависит от силы воли.

Ага, даже палочка от эскимо, донесенная до устья Амазонки, может повернуть и поплыть против течения. Надо только, чтобы она очень-очень поверила в себя.

Туалет выложен черным мрамором, туманные зеркала в медных рамах. Я представляю, как гангстеры в кремовых костюмах целятся тут друг другу в почки. Только я расстегнул штаны, как входит Богатенький Кузен, по-прежнему в темных очках, и молча пристраивается по соседству.

Он так действует мне на нервы, что я не могу опорожнить свой весьма переполненный мочевого пузырь. Стою и слушаю, как журчит его обильная струя, стекая по писсуару. Уверенное мочеиспускание богатого и здорового человека. Делаю вид, что стряхиваю последние капли, мою руки и бегу искать другой сортир.

Я облюбовал новый стол. Крупье — симпатичная брюнетка с

веснушками и неправдоподобно длинными ногами. Кажется, в какой-то момент своей биографии она была не она, а он. Кажется, она приносит удачу.

Буду стараться, надо сосредоточиться.

Очень скоро у меня остается семьдесят пять фунтов.

Потом несколько раз выигрываю, несколько раз проигрываю, в течение пятнадцати минут у меня шестьдесят фунтов плюс-минус, а потом восемь проигрышей подряд, и у меня в кармане двадцать фунтов.

Из-за плеча вырастает Джибриэль.

— Я выиграл в очко, теперь у меня двести восемьдесят фунтов, — шепчет он. — Рулетка — это грабеж.

— Не могу тебе возразить.

— Черт подери, это все, что у тебя осталось? Еще только одиннадцать.

— Да, продулся.

На душе тошно. Скорей бы уйти отсюда. Ставлю остаток на зеленое. Если повезет, я получу... тридцать пять к одному... Я получу семьсот фунтов! Может, Кемаль и прав. Может, выигрыш — вопрос воли. Семьсот фунтов! Сосредоточиться!

Колесо крутится, сначала быстро, потом все медленней. Разрази меня гром, шарик таки попадает на зеленое зеро!..

А потом скатывается с него.

Стою как громом пораженный. Хочу, чтобы пришла моя приемная мама и спасла меня. Хочу к маме. Я буду вести себя хорошо, честное слово.

Тупо смотрю, как шипит ломтик лайма в пиве «Сол». Попугайчья печень, моченная в моче.

Идиот!

Так мне и надо. Я ставил наобум. Если бы я прислушался к внутреннему голосу... Будущее уже существует. Пророки могут видеть будущее, потому что оно уже есть. Человек может предсказать последствия, если знает причину. На этом принципе строится разумная жизнь, от заготовки еды в пещере до прогнозирования погоды с помощью спутника. Представим, что мы делаем то же самое, только в обратном порядке. Выводим причину из следствия. Это уже не рациональный процесс, это...

Тьфу, черт. Я рассуждаю, как дура Нэнси из кафе Яннос.

Триста фунтов! Триста! Если только к концу вечера у меня будет больше денег, чем у Джибриэля. Плюс выигрыш... Еще сколько-то сотен.

Может, выйдет и тысяча фунтов. Когда мне еще представится такой случай? Всех долгов у меня больше трех тысяч фунтов, много больше, но несколько сотенных бумажек подарят мне покой хоть ненадолго и позволят немного расслабиться.

Весь вопрос — где взять денег, чтобы продолжить игру? У Кемаля просить нельзя. Банковскую карту слопал банкомат.

Бесенок дует мне в затылок. Кредитная карта! Дополнительный кредит на триста фунтов! Забыл, что ли?

Влезать в новые долги, чтобы продолжить игру? Совсем спятил?

Сам подумай — все равно, чтобы рассчитаться с долгами, ты собираешься безвылазно заниматься мытьем посуды ближайшие пару лет. Ну так будет не два года, а четыре.

Черт! Я ведь положил кредитную карту в карман костюма, когда на прошлой неделе ходил с Беллой в это мексиканское заведение. Только зря потратил вечер и кучу денег.

Болван, а сейчас-то я в чем? В костюме.

Ощупываю карман. Нащупываю карту.

Кто сказал, что можно играть только на деньги Кемаля?

А что, если проиграешь? На кредиторов плевать. Но как же Поппи? Может, она носит под сердцем твоего ребенка. Ты не только свое будущее ставишь на кон. Не смей. Уходи. Немедленно уходи. Иначе не сможешь заплатить за аборт даже половины. Если она захочет сделать аборт. А если не захочет?

Я засунул сомнения в дальний ящик, но слышу, как они там копошатся. С тремястами фунтов возвращаюсь к первому столу. Крупье поменялся. Теперь это молодой парень. Зовут Найджел или что-то вроде. Возможно, он из Кеннингтона. Времени половина двенадцатого. Буду ставить по двадцать пять фунтов зараз.

Может, конечно, Сэмюелу Бекетту больше везет с цветами, но я из-за них продулся в пух и прах. Теперь буду ставить на числа.

А как выбрать число? Ладно, начнем с моего возраста. Двадцать девять. Нечетное.

Шарик останавливается на двадцати. Четное. Опять плохо начал. Остается двести семьдесят пять фунтов. Не важно, продолжаем. Теперь какое число? Вспомним сегодняшний день. Из скольких яиц я жарил омлет у Кати Форбс?

Из четырех. Четное.

Шарик снова выбирает двадцать. Четное! Уже лучше. Так и надо

делать. Задай вопрос с числовым ответом, ответь и ставь на это число. У меня снова триста фунтов.

Со сколькими людьми я сегодня говорил? Быстро прикинь. Выходит восемнадцать, включая меня самого. Четное. Послушай, Господи, я давно уже не член твоего фан-клуба, но вытащи меня из этой задницы, и я снова буду ходить в церковь. Как только появится свободное время.

Шарик на девятнадцати. Господи, мои дела не очень, слышишь? У меня снова двести семьдесят пять фунтов.

Сколько сообщений было на автоответчике? Три. Нечетное.

Выпадает тридцать четыре. У меня двести пятьдесят фунтов. Буду ставить по пятьдесят фунтов — времени остается совсем мало. Надо было послать все к черту и уйти.

Следующий вопрос. Сколько у меня зубов? Двадцать восемь. Четное.

Шарик выбирает единицу. Господи, за что мне это? Чем я провинился? Или ты хочешь, чтобы я перестал верить в случай? Хорошо, если тебе так угодно. Только дай мне выиграть. Бог. Судьба. Я ваш с потрохами. Моя судьба — выиграть. У меня двести фунтов.

На следующей неделе жрать будет нечего. Игра — это кошмар. Неужели люди занимаются этим ради удовольствия?

Со сколькими женщинами я переспал за свою жизнь? Да что ты, времени нет считать.

Выбираю нечет.

Шарик выбирает четыре. Пошла к черту, судьба. Случай, один слепой случай. У меня сто пятьдесят фунтов. Без десяти двенадцать.

— На вашем месте я бы придумал что-то радикальное, — раздается за спиной голос Сэмюэла Бекетта.

Сколько букв в моем имени? Марко. Пять. Нечетное.

Выпадает двадцать четыре. Четное. У меня сто фунтов.

Платить за квартиру завтра нечем. Нужно срочно устроиться в «Бургер-кинг», это у вокзала «Виктория».

— А вы знаете, что можно ставить сразу на четыре числа? Это называется каре. Положите фишку на пересечение четырех квадратов. Выигрыш восемь к одному.

Куда положить?

— Выберите за меня!

— Нет.

Кладу предпоследнюю фишку на пересечение 23/24/26/27.

Выпадает двадцать восемь.

— Уже близко, — говорит Беккет.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Скажите, куда поставить.

— Хорошо, если вы настаиваете. Вот сюда: тридцать два/тридцать три/тридцать пять/тридцать шесть.

Кладу фишку. Последний шанс. На колесо смотреть не могу. Закрываю глаза.

В темноте время летит со скоростью света. Звуки смешались в густую вязкую массу, как гель для волос. Ницета протягивает ко мне костлявые руки. Койка в саммерфордской ночлежке обойдется аж в двенадцать фунтов с половиной. Лопаточка с горой фишек движется в моем направлении. И оставляет их около меня. Поднимаю взгляд на крупье. Он уже смотрит в сторону. Пожилой негр, у которого из ушей торчат волосы, с жадностью смотрит в мою сторону. Две девушки в похожих блестящих платьях смотрят на меня и смеются.

Сэмюел Бекетт исчез.

Передо мной лежит целая гора фишек. Четыреста фунтов. Моя кредитная карта спасена.

— Друг мой!

Ко мне подходит Кемаль.

— Друг мой, нам пора! Я очень рад, что вы не сбежали. Пойдемте на второй этаж. Вы хорошо провели время?

Я сглатываю слюну и говорю:

— Самое главное — играть только ради удовольствия.

Ну и что, даже если я выиграл не больше Джибриэля, четыреста фунтов у меня в любом случае есть! На сотню больше, чем нужно вернуть на кредитную карту. Те сто пятьдесят фунтов, что я проиграл в первый раз, не в счет — они не мои. Прибыль невелика, но это прибыль. Плюс тридцать фунтов за кожаный пиджак. Может, этого хватит, чтобы умиловить Диггера, а вместо недостающих двадцати фунтов буду делать маникюр его мастиффу всю неделю. Можно считать, что барабаны вернул. А на следующей неделе «Музыка случая» выступает в Брикстонской академии. Там всегда рассчитываются сразу, потому что в прошлом году я несколько раз трахнул активистку из их студенческого совета. Так что до конца месяца как-нибудь дотяну.

Джибриэль, тише воды ниже травы, что-то объясняет Богатенькому Кузену.

— Такая досада. Похоже, менеджер раскусил мою систему.

— Дорогой друг!

Кемаль от радости прижимает меня к груди. Я сохраняю

невозмутимость, но внутри у меня все дрожит и ликует. Значит, моя прибыль увеличится еще на триста фунтов! Итого четыреста! А вы говорите!

Богатенький Кузен нехотя протягивает бежевый конверт, который Кемаль выхватывает у него.

— Ты молодчина, дорогой друг!

Джибриэль, набычившись, тычет в меня пальцем:

— Не все так просто, ребята! Марко сжульничал. Сначала он все проиграл, а потом играл на свои. Скажешь, нет?

И мой друг, теперь уже бывший, смотрит на меня.

Сволочная все же штука деньги.

— А кто сказал, что это запрещено?

Кузен с Джибриэлем надвигаются на Кемалья и пытаются вырвать конверт у него из рук. Кемаль делает шаг назад, Кузен вцепляется в конверт, Кемаль вцепляется в Кузена, и они падают на стойку с цветами. Горшки с раскидистыми, как зонтик, растениями летят на пол, гонг катится по лестнице вниз, на каждой ступени издавая «Бом! Бом!». Джибриэль подбирает с пола конверт, Кемаль с удивительным проворством выскакивает из раскидистых зарослей и наносит Джибриэлю удар головой в подбородок. Тот, шатаясь из стороны в сторону, выплевывает выбитый зуб. Тем временем Кузен набрасывается на Кемалья сзади. Я слышу треск разрываемой ткани. Кемаль, покачнувшись, засунул руку в карман, и в воздухе сверкнуло, как хищный оскал, лезвие ножа. Похоже, они не такие уж закадычные друзья.

Загудела сирена сигнализации. Единственный путь отступления для меня — странная треугольная дверца в углу. Нужно ее открыть и залезть туда, пока не прибежали громилы-охранники. И чтобы эти трое не заметили. Никому и в голову не придет искать меня там. План, конечно, страусиный, но бывают ситуации, когда страусиная стратегия — самая верная. Я тяну дверную ручку на себя.

И, три тысячи чертей, дверь оказывается не заперта! Протискиваюсь внутрь и захлопываю дверь. Ударяюсь головой о потолок, а ногой попадаю в ведро. В нос шибает запах моющих средств. Мое убежище — шкаф для хозяйственных принадлежностей.

Слышу топот охраны, крики, возмущенные протесты. Меня охватывает странное спокойствие. Как всегда, моя судьба — в руках случая. Схватят так схватят. Я замер, ожидая, что дверь вот-вот распахнется.

Топот и крики удаляются вниз по лестнице.

Ну и денек! Неужели это я оказался в казино, да еще и в хозяйственном шкафу? Да, это я. Как же меня, три тысячи чертей, угораздило? Шум затихает, и я остаюсь один в абсолютной тишине, которой не услышал бы, не окажись тут.

Правда — это одно, а правдивость — другое.

Быть правдивым — всего лишь один из видов человеческой деятельности, которым нет числа: болтать по телефону, писать книги за других, торговать наркотиками, управлять страной, проектировать радиотелескопы, воспитывать детей, играть на барабанах, воровать в магазине. Любой вид человеческой деятельности очень чувствителен к прилагаемым наречиям. Быть правдивым может быть хорошо, а может быть дурно, может быть искренне, а может лукаво. А можно вовсе отказаться от данного вида деятельности.

Правда — совсем другое. Комете безразлично, что люди думают о ней на протяжении веков. Так и Правду не волнует, что пишут о ней в газетах. Безразличие Правды неизменно. Правда подобна Меркурию, а не Юпитеру. Иногда поворачиваешь голову и видишь ее: в глубине фонтана, в полете метательного диска или в темноте хозяйственного шкафа. Причины и следствия предупредительно приподнимают шляпы и представляются. В такие минуты я понимаю всю бессмысленность суеты. Я замолкаю и наблюдаю, как пробивается добро сквозь нагромождения трудностей и опасностей. Связать свое будущее с жизнью Поппи и Индии, если они захотят, — вот самый главный, бесконечный, зашкаливающий решительный поступок, который я могу совершить.

А потом Правда внезапно, как появилась, исчезает с горизонта. Возвращается суета, и ты опять беспокоишься о банковских счетах и неоплаченных квитанциях.

Я зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть. Адреналин от выпитого кофе и пережитого азарта улетучился. Правда наводит тоску. Пора выбираться из хозяйственного шкафа.

Меняю фишки на деньги, и у меня только одно желание — поскорее зажать купюры в потной ладони, пока меня не застучали. Почему кассиры всегда еле-еле шевелятся?

Наконец-то я свободен. Беру в гардеробе куртку. Меня так никто и не узнал.

В вестибюле у выхода висит телефон-автомат. Ищу мелочь в кармане, и тут ко мне подходит Сэмюел Бекетт:

— Вашим друзьям настоятельно рекомендовали продолжить

оживленный обмен мнениями в другом месте. Только уже без ножей.

— Каким-каким друзьям?

Телефон старой модели, с диском. Повсюду у них эти кружочки и цифры, цифры и кружочки, крутятся, вертятся. Бросаю монету в прорезь.

— Поппи! Это я.

— Это ж надо, кого я слышу, не прошло и...

Ехидничает. Устала?

— Я же тебе говорил — был на закрытом просмотре. Глазел, как малыш в кондитерской. А как поживает динозаврик?

— Заснула очень грустная. Хотела, чтоб ты рассказал ей перед сном сказку.

— Я задержался — день был ужасно трудный.

— Бедный Марко!

— Понимаешь, я полностью поменял свои взгляды на жизнь. Послушай, Поппи...

— А взгляды на жизнь обязательно менять ночью?

— Поппи! Это не терпит отлагательства. Послушай... Конечно, я не магнат, ты знаешь... Не Джон Пол Гетти^[71] какой-нибудь... Но послушай, я говорю серьезно... может, нам объединиться, а? В финансовом смысле, да и во всяком другом тоже. Конечно, это только верхушка, тут целый айсберг обязательств... Если ты не возражаешь, то, может, имеет смысл...

— Марко! Что ты плетешь?

Ну скажи наконец.

— Поппи! Ты хочешь замуж?

Боже, я это сказал.

— За кого?

Она не собирается облегчить мне задачу.

— За меня.

— Гром среди ясного неба. Мне нужно время подумать.

— Сколько времени тебе нужно?

— Лет двадцать потерпишь?

— Ну ты и нахалка! А я еще купил тебе футболку с поросенком!

— Ты хочешь получить мою руку и сердце, а взамен предлагаешь поросенка. Где я, по-твоему, на западе Лондона или на востоке Бангладеша?

— Поппи, я серьезно! Я хочу быть твоим... Хочу, чтобы ты была моей...

Мужем, женой — эти слова мне пока не даются.

— Поппи, я научусь произносить эти слова. Я серьезно, Поппи. Я ни капли не пьян. Я не придуриваюсь. Поверь, я серьезно.

Проходит несколько минут — они кажутся мне более плотными, чем обычные минуты. Наверное, потому, что в них спрессовалась моя жизнь. Я не выдержал, заговорил — как раз в тот момент, что и Поппи, но сразу замолк.

— Значит, так. Если ты еще раз скажешь «серьезно», я поверю тебе. Но если потом окажется, что ты пошутил, то наша дружба или связь — называй, как хочешь, на этом закончится. Обратной дороги не будет. Итак, в последний раз. Ты серьезно?

— Серьезно.

Поппи присвистнула.

— Марко! Ты меня удивляешь тем, что до сих пор удивляешь.

— Я сейчас приеду, хорошо?

Молчание — в жизни так долго не ждал, потом:

— Думаю, при сложившихся обстоятельствах — хорошо.

Вешаю трубку. Натягиваю пальто.

Метро закрылось давным-давно. У меня есть деньги на такси, но 15 фунтов — этих денег хватит, чтобы прокормить Индию... на сколько дней их хватит? Все равно. На ходу лучше думается, а мне надо многое обдумать. Так что доберусь до Патни пешком.

Даже если придется идти всю ночь.

Клир-Айленд

*

Задыхаясь от брызг, окативших лицо, открываю глаза. Солнце выныривает из океана. Смотрю на Билли — он в рубке еле сдерживает смех. Я шепчу одними губами «дерьмо», и он прыскает. «Святой Фахтна», одолев встречное течение между отмелью Иллаунброк и рифом Кларригмор, огибает западный мыс острова Шеркин, и вот уже виден конец моего пути длиной в двенадцать тысяч миль, который проделали мы с черной тетрадью. В поле зрения появляется Клир-Айленд. Капли высохли, и мое лицо покрылось соленой коркой. Вот он, дом.

Маяк нацеливает единственный палец в небо Атлантики. Слежу за бликами света на волнах. Там, где подводные рифы опускаются глубоко, вода приобретает синий оттенок. Россыпь скал за Карриглуром. Луга в низинах, пастбища на холмах. Мыс, на носу которого приютился жалкий порт. Кладбище — самое ухоженное место на острове. Несколько миль петляющих дорог. Родник Святого Киарана. Мой остров стар как мир.

Немая дочь Билли слегка толкает меня и протягивает отцовский бинокль.

— Спасибо, Мэри.

Берег сразу приблизился. Вижу своих крестных: Мейси и Брендан Миклдин хлопчут на веранде «Лесовика». Мне вспоминаются заводные фигурки на городских часах в Цюрихе, напротив моей лаборатории.

Видна и овощная лавка Старика О'Фаррела у подножия замка Бейли-Иэрах, она же по совместительству почта и клуб для обмена сплетнями. Разрази меня бог — это же Берти Кроу на своем допотопном мотоцикле с коляской скрылся за холмом Кнокан ан Ховтиг! Берти, похоже, никогда не расстанется с этой рухлядью.

Скажи, Мо, что за нить связывает клочок земли и человеческое сердце?

У самой кромки воды густо разрослись клены, среди них спрятался полуразрушенный дом, в котором я родилась. Крыша, наверное, совсем обвалилась.

А швейцарцы с крепкими челюстями разъезжают по своим вылизанным городам на спортивных немецких автомобилях последней модели. А в Коулуне возле дома Хью худые ребятишки сбиваются в стайки и ночуют прямо на улице. У меня было счастливое детство: я ни минуты не сидела на

месте, носилась по острову, выведывая его тайны. С рождением человек получает свой набор карт из колоды, и место, где это произошло, не менее важно, чем количество козырей на руках.

— Ты привезла нам погоду, Мо! — Билли старается перекричать шум мотора. — Все утро дождь лил как из ведра. Скучала?

Я киваю, не в силах отвести глаз от берега. Как я скучала без этих восьми квадратных миль суши! В аккуратном Цюрихе, денежной Женеве, безалаберном Гонконге, безжалостном Пекине, проклятом Лондоне стоило мне закрыть глаза — и я могла представить эту землю во всех подробностях, как тело Джона. Ветер сегодня дует с юга. Бакланы плавно покачиваются на воздушных потоках над бухтой, ныряют и исчезают под водой. Внезапно у меня возникает желание скорчить гримасу, дико захохотать и заорать во всю глотку, чтоб услышали и в Балтиморе, и в горах, и в Корке: «Ну что, съели? Я улизнула от вас! Добралась до дома. Теперь попробуйте суньтесь!»

Солнце прячется за облаком, похожим на остров. Становится прохладней. Кожа гусиная — вся в пупырышках.

Только сперва дайте мне немного побыть с Джоном и Лайамом.

Лодка тормозит, мотор негромко отфыркивается. Билли заводит «Святого Фахтну» в порт.

В тот вечер, когда США нанесли свой «упреждающий удар», у меня были гости. Алан прилетел из Парижа, а Хью, приятель Джона, из Гонконга. Пришла Даниелла, самая способная из моих аспирантов этого года, она стажировалась в «Лайтбоксе». Мы экспромтом устроили ужин в моем шале. Даниелла на минуту включила спутниковый новостной канал — хотела просто узнать прогноз погоды, — а в результате мы шесть часов подряд не отрывались от телевизора, без всякого аппетита тыкая вилками в остывший ужин. По телевизору показывали ночные кадры пылающего города в районе Персидского залива.

Молоденький пилот говорил репортеру Си-эн-эн, который был, похоже, в парике:

— Да, сэр, город вспыхнул весь, целиком! Такого фейерверка я даже на День независимости не видал!

— Говорят, ракетные удары наносят с хирургической точностью, потому что для наведения ракет «Гомер» используется новая технология под названием «Красп».

— Да, «Гомером» можно накрыть хоть шахту лифта! Ребята сидят себе в штабе, перед ними на компьютере схема здания, а ты сидишь себе в

самолете и только выпускаешь ракеты, компьютер думает за тебя. Красота! Знай выпускай малюток на свободу! И точненько в шахту лифта!

Алан пролил вино на стол.

— Суки! Скоро они расскажут нам, как умные ракеты ходят за хлебом и выгуливают собачек!

Сидя в вашингтонской студии, разглагольствовал генерал — вся грудь в орденах.

— Для нас, для американцев, свобода — неотъемлемое право каждого человека. Технология ракет «Гомер» означает революционный переворот в методах ведения войны. Она позволяет нам достать изверга-диктатора, где бы он ни прятался, и хорошенько проучить его, с минимальным ущербом для мирного населения, страдающего под его игом.

Джон позвонил с Клир-Айленда.

— Это не новости, это какой-то спортивный обзор! Про современную высокотехнологичную войну сняли столько фильмов, что сама война воспринимается как фильм. С большой примесью рекламной кампании. Кто слышал про ракеты «Гомер» всего два дня назад?

Тошнотворное чувство овладело мной. Я закусила костяшки пальцев.

— Да, Джон... Я слышала.

— Мо, родная! Ты в порядке?

— Не совсем, Джон. Я перезвоню.

Би-би-си показывает улицы, охваченные огнем, запруженные машинами «скорой помощи». По экрану ползет строка «Подвергнуто цензуре вооруженных сил противника». Репортер-ирландец держит микрофон перед арабской женщиной, лицо которой блестит то ли от пота, то ли от крови, то ли от того и другого.

— Ответьте мне! — кричит она. — Скажите, зачем сбрасывать бомбы на завод детского питания? Скажите, чем вашим генералам помешало детское питание? Ответьте!

Обрыв пленки.

На экране снова телевизионная студия, заполненная аналитиками и экспертами.

Даниелла заснула. Я укрыла ее одеялом и подложила полено в камин.

— Нанести упреждающий удар означает, по-видимому, успеть до объявления войны поставить где надо камеры, — заметил Хью.

Я чувствовала смертельную усталость. Отойдя к окну и отодвинув занавеску, смотрела на горы, на Млечный Путь, а из темного стекла на меня смотрело осунувшееся лицо средних лет женщины. Ученого. Как же ты выдерживаешь напряжение, Мо. Это уже за пределом упругости. Мать в

твоим возрасте была уже вдовой. На сколько тебя еще хватит? Растянешься еще немного или порвешься? Оконное стекло холодило кончик носа.

Ты слышишь водопад, там, через поле, у подножия горы?

За три тысячи миль от тебя вооруженные силы свободы и демократии используют плоды труда лучших ученых умов, чтобы уничтожать Лайамов и Даниелл прямо в их домах. На экране все новые и новые пожары. Поздравляю, Мо. Вот итог твоей жизни.

— Господи, мы превратили мир в сумасшедший зверинец.

Алан услышал мои слова, но не понял.

— Ни в одном зверинце не истребляют его обитателей.

От моего дыхания окно затуманилось.

— Они вырвались из клеток, они не владеют собой.

Билли высаживает меня на причал, торжественно напевая туш. На суше меня покачивает. Кости скрипят — кажется, я даже слышу скрип. Ничего не изменилось с того дня, когда я покидала остров. Ряды рыбацких лодок: «Золотая дюна» Майо Дэвита, «Пречистая Абигаиль» Скотта, свежевыкрашенная в сине-желтые цвета, обросшая ракушками «Гордость южан» Реда Килдара, больше прежнего требующая ремонта. Рулоны веревок, сети, груды бочонков и ящиков. Тощие кошки промышляют тем, что плохо лежит. Все лежит как попало. Все лежит, где упало. Ноздрями глубоко втягиваю воздух. В нем смешались запах подгнившей рыбы, кисло-сладкий букет овечьего навоза, дизельные выхлопы лодочных моторов.

— Мо! — окликает отец Уолли.

На своем мотоцикле он возвышается над прилавками с устрицами. Бернадетта Шихай расставляет там корзины с омарами, на ней мини-юбка и болотные сапоги. Отец Уолли машет мне, широко улыбается.

— Мо! Ты вовремя! Привезла нам погоду! А то с утра лило, как из ведра.

— Отец Уолли! Отлично выглядите, само здоровье!

Как здорово все-таки говорить на гэльском!

— После восьмидесяти перестаешь стареть. Это теряет всякий смысл. А что с твоим глазом, девочка?

— Врезалась в такси. В Лондоне.

— И как съездила?

— Наверное, такси можно было поймать и более простым способом! Даже в Англии.

Мы смеемся. Я смотрю в его голубые глаза, которым восемьдесят

четыре года. Какой удивительный человеческий орган — глаза! Глаза отца Уолли, сколько они повидали на своем веку...

Приступ паники. Сигнал тревоги.

А что, если Техасец прибыл на остров? И подкупил местных жителей. Денег у него больше, чем у семнадцати графств, вместе взятых!

Успокойся, Мо! Отец Уолли крестил твою мать. За столом в его гостиной они с Джоном столько лет разыгрывают шахматные баталии, которые свидетельствуют об их нерушимой дружбе. Если ты начинаешь подозревать жителей Клир-Айленда — значит, Техасец уже победил.

— А съездила вообще-то не очень, честно скажу вам, отец Уолли. Привет, Бернадетта!

Местная королева красоты подходит поближе.

— Здравствуй, Мо! Издалека?

— Да, даже дальше.

— Жаль, что опоздала на большую летнюю ярмарку. Столько народу понаехало — из Баллидехоба, из Скалла, даже из Балтимора приезжали. А один орнитолог из Норвегии по имени Ханс влюбился в меня. Пишет мне каждую неделю.

— Он прислал всего два письма, — успеваешь уточнить вылезшая из-за дырявой бельевой корзины маленькая сестра Бернадетты, прежде чем ее, несмотря на визг, препровождают обратно под прилавок.

— О! Знатная была ярмарка! — говорит отец Уолли. — А уж погода выдалась просто чудо, особенно для фастнетской гонки^[72]. Правда, пришлось вызывать спасательный катер из Балтимора. Катамаран перевернулся. Может, будешь здесь к гонкам на следующий год?

— Надеюсь. Очень надеюсь.

— А Лайам приедет на выходные, Мо? — спрашивает Бернадетта.

Бернадетта слишком безыскусна, чтобы убедительно разыграть равнодушие. Она наматывает прядку волос на свой пальчик и не поднимает глаз.

— Лучше бы не приезжал. Неразумно прерывать занятия посреди осеннего семестра.

Отец Уолли как-то странно смотрит на меня. Или мой ответ прозвучал странно?

— Ну, довольно, не будем задерживать тебя, Мо. Ступай домой, твой муж заждался.

— А он дома?

— Час назад был дома, когда я заходил вызволить свою королевскую ладью из его двойного охвата.

— Побежала. До свидания, отец Уолли, до свидания, Бернадетта!

— Наука — как азартная игра, — частенько говаривал доктор Хаммер, мой университетский преподаватель. — На кону — тайны природы. Ошибки сбивают нас с толку, как шулеры. А мы, ученые, — в роли наивных простаков.

Великий датчанин Нильс Бор, гений квантовой физики, любил говорить: «Неверно полагать, что задача физики — объяснение того, как устроена природа^[73]. Физика занимается только описанием того, как она устроена».

Оболганная, несложившаяся история моей родины — это результат изучения не подлинных событий, а сочинений других историков. Историки преследуют свои собственные цели, как и физики.

Воспоминания — потомки настоящего, которые рядятся в костюмы предков.

Кабинет Хайнца Формаджо сквозь стеклянный потолок заливало солнце. Вид из окна напоминал оперную декорацию. Горы, окаймляющие Женевское озеро, были задрапированы лиловым и серебристым. На берегу озера, возле какого-то нелепого сооружения с медным флюгером на крыше садовник-гном подстригал газон из зеленого сукна. Меркурий в крылатом шлеме рвался покинуть свой мраморный пьедестал.

Хайнц представил мне Техасца: «Это мистер Штольц». Тень его шляпы накрыла половину дивана. Он снял темные очки и изучающе рассматривал меня прищуренными глазами.

— Уйти из проекта сейчас — значит оставить его в критический момент, — убеждал меня Хайнц. — Вы — ключевая фигура в нашей главной команде, Мо. Это же не подработка по субботам, которую можно бросить в любой момент, потому что муха укусила.

— Я имею право на увольнение. Вчера я подала заявление. Прочтите мое письмо еще раз.

Хайнц — само добродушие:

— Мо! Я понимаю, что человек выдающегося ума подвержен метаниям и сомнениям. Такова его особенность. И меня порой одолевали сомнения. Я уверен, что и господина Штольца.

Хайнц оглянулся на Техасца, но тот, не разжимая губ, молча смотрел на меня.

— Сомнения пройдут, Мо, поверьте. Я вас умоляю подождать месяц-другой и не принимать радикального решения.

— Я уже приняла его, Хайнц.

Хайнц — изумление:

— Но куда вы поедете, Мо? А как же Лайам, мы ведь платим ему стипендию! Есть тысяча причин тщательно взвесить все за и против.

— Все взвешено. Мой сын сможет продолжить образование и без ваших денег.

Хайнц — шантажист-моралист:

— Вас переманивают, Мо, не так ли? Мы все получаем интересные предложения, когда работа близится к завершению. Почему вы позволяете себе поступать так эгоистично? К кому вы уходите?

— Я собираюсь выращивать репу в графстве Корк.

— Шутками не отделаетесь. «Лайтбокс» имеет право знать. Оборудование Европейского совета по ядерным исследованиям в апреле поступает в наше полное распоряжение. Данные из лаборатории в Сарагосе будут готовы через неделю. Перед исследованиями по квантовому распознаванию открываются новые перспективы. Почему же вы решили уволиться?

— Все объяснения в письме, — со вздохом ответила я.

— Неужели вы всерьез думали, что «Лайтбокс» занимается квантовым распознаванием забавы ради?

— Нет, не думала. Но я полагала, что «Лайтбокс» занимается квантовым распознаванием по заказу космического агентства. Так нам было сказано. И вдруг начинается война, и я узнаю: мой скромный вклад в общечеловеческую копилку знаний используется для того, чтобы убивать ракетами «воздух-земля» ту часть человечества, у которой недостаточно белая кожа.

— К чему этот мелодраматический пафос! Граница между мирными и военными приложениями аэрокосмических технологий очень условна. Посмотрите правде в лицо, Мо. Так уж устроен мир.

— Если кого-то провели на мякине и он жрал эту мякину четыре года, а потом разобрался, что к чему, он отказывается жрать дальше. Посмотрите правде в лицо, Хайнц. Так уж устроен мир.

Техасец шевельнулся, и диван скрипнул под его тяжестью.

— Мистер Формаджо! Мне ясно, что доктор Мантервари любит точность. — Он вальяжно растягивал слова, как человек, которого никогда не прерывают. — Я тоже уважаю точность. Как большой друг квантового распознавания, или, фамильярно выражаясь, «Краспа», я хотел бы нарисовать перед ней более точную картину. Вы позволите нам с леди потолковать с глазу на глаз?

Риторический вопрос.

Худое лицо в окне лавки Старика О'Фарелла при моем приближении исчезает в сумраке комнаты. У лавки нет официальных часов работы, как нет и официального перерыва, но жена Старика ни за что не выйдет, если нет дома самого Старика О'Фарелла или Старины О'Фарелла, их сына. Даже когда я была маленькая, она подозрительно относилась к большей части населения Британии и прочих земель тоже: сомнителен был уже сам факт существования прочих земель. В существование Балтимора она еще могла поверить. Но за Балтимором начинались земли столь же призрачные, как радиоволны.

Так что в отсутствие Старика О'Фарелла и Старины О'Фарелла покупателю полагается, зайдя в магазин, обслужить себя самому и оставить деньги в коробке из-под обуви. У забора, огораживающего луг О'Дрисколла, останавливаюсь перевести дух. Готова поклясться, что с каждым моим приездом подъем становится круче и круче. Внизу у подножия холма две старухи в черных плащах, как две вороны, вышагивают туда-сюда вдоль берега, по той полоске, где трава уже не растет. Они одновременно поднимают головы и машут мне. Моя и Ройшин Турнакеди! Я помахала в ответ. Когда-то мы считали их ведьмами, которые вызывают ураганы. У них на чердаке жили совы, да и теперь, наверное, живут.

Приехать на остров — поступок неразумный и опасный. Скоро они появятся здесь. Это просто чудо, что мне до сих пор удавалось уйти от них. Да еще спасибо замечательной изолированности компьютерной системы «Эр Лингус».

Приехать опасно, а не приехать невозможно.

Солнце пригревает, камень покрыт толстым слоем мха, папоротники слегка покачиваются.

На острове только три мотоцикла, поэтому островитяне узнают каждый по звуку двигателя. Подкатил Ред Килдар на мотоцикле с коляской и задрал защитные очки на макушку.

— Тебя выгнали с работы, Мо? Судя по синяку под глазом, ты серьезно занялась спортом?

— Ред! Ты просто чародей-расстрига. Да, из сборной страны по крикету меня вот-вот попросят.

Ред Килдар, как и Джон, из новых островитян. Его занесло сюда ветром шестидесятых, он пытался основать колонию свободных людей, последователей философии Тимоти Лири^[74]. Из этой затеи ничего не

вышло, и Ред остался один, если не считать свиней и коз да нескольких скандальных историй. На ферме «Игаган» он ежедневно доит Фейнман для Джона, а также делает козий сыр и работает в саду. По словам Джона, Ред и до сей поры выращивает лучшую марихуану за пределами Кубы. По-ирландски он сейчас говорит уже лучше меня.

— Я вспоминал тебя на днях, Мо.

— Правда?

— Да... Понимаешь, прямо мне под ноги шлепнулась дохлая летучая мышь.

— Рада, что в мое отсутствие меня не забывают.

Ред снова опускает очки.

— Мне пора. Нужно застать этого лузера, потолковать с ним насчет Дайви О'Бруадара^[75]. Доброго тебе пути.

Он нажимает на гудок своего старенького «нортон», разбудив поросенка, который дремал на дне коляски. Тот с перепугу вскакивает на сиденье и снова шлепается на дно, когда мотоцикл дает газ.

Свою ярость Хайнц Формаджо выразил только тем, что, выходя, громко хлопнул дверью.

Мы с Техасцем смотрели друг на друга с противоположных концов кабинета. Гном по-прежнему трудился на лужайке. У меня с языка чуть не сорвалось: «Ну, валяй», — но срывается у меня все-таки гораздо реже, чем не срывается.

— Вы, должно быть, очень важная персона, если можете выставить Хайнца из его собственного кабинета, — сказала я.

— Я просто испугался, что наш добрый директор начнет метать громы и молнии.

— Ну, громы Хайнца не страшнее порки пучком салата.

Он протянул руку к карману рубашки:

— Не возражаете, если я закурю, доктор Мантервари?

— В «Лайтбоксе» курение запрещено.

Он закурил, вытряхнул содержимое баночки с кнопками, скрепками и прочей дребеденью в фирменную папку «Лайтбокс» и стал использовать баночку в качестве пепельницы.

— Однажды я услышал шутку в мой адрес: вместо листов бумажных — входящих да исходящих, — у него одни табачные, чадающие.

— Позвольте не поверить вам.

Он улыбнулся, словно говоря: верю я или нет, не имеет особого значения.

— Доктор Мантервари, я из Техаса. Вы знаете, что до вступления в союз Техас был независимой республикой?

— Да, знаю.

— Нам, тexasцам, есть чем гордиться. Например, мы гордимся тем, что всегда говорим начистоту. Давайте попробуем поговорить начистоту. Пентагон требует завершить работы по квантовому распознаванию.

— Раз требует — завершайте.

— Это может сделать только исследовательская группа «Лайтбокса». И мы оба знаем почему. Потому что в этой группе работает Мо Мантервари.

— Со вчерашнего дня Мо Мантервари нигде не работает.

Он выдохнул колечко дыма и проследил за ним.

— Ах, если б все было так просто...

— Все именно так и есть.

— Король может отречься от престола, полицейский — сдать свой значок, директор может хлопнуть хоть всеми дверьми сразу и бушевать сколько влезет. Никто и бровью не поведет. Но вы, доктор, вы никогда не сможете покинуть игровое поле. Это факт. Нужно смириться с ним.

— И это, по-вашему, разговор начистоту? Я вообще ничего не поняла из ваших слов.

— Тогда я сформулирую иначе. «Лайтбокс» — уникальный исследовательский институт, аналогов которому в мире нет. В России, Индонезии, Южной Африке, Израиле, Китае охотники за головами готовы пойти на все, лишь бы заполучить такого специалиста, как вы. Еще есть коалиция арабских стран, которые не слишком нас любят. Три независимые группы военных экспертов очень интересуются квантовым распознаванием, одна из них — родственная нашей британская организация. Короче, на улице становится тесно и беспокойно. Пентагон просит вас продолжить работу, наши менее демократичные конкуренты будут принуждать. Где бы вы ни спрятались, вас найдут, потому что в ваших услугах нуждаются. Вас заставят работать, хотите вы этого или нет. Я выразился достаточно ясно? Теперь вы все поняли, доктор Мантервари?

— А каким же это образом могут меня принудить?

— Очень просто. Похитят вашего ребенка и будут держать в бетонном бункере, пока вы не завершите работу.

— Не смешно, причем совсем.

Он поставил ноутбук себе на колени и, щелкнув, открыл его.

— Вот именно. У меня для вас есть интересный материал. Фотографии и описание методов, которыми пользуются охотники за головами. Достоверность информации можете проверить по своим каналам — вашим

друзьям из Международной амнистии в Дублине наверняка знакомы эти имена. Просмотрите в свободную минуту, только не перед обедом. — Он протянул мне диск. — И вот еще. Держите! — Он бросил мне на колени маленький черный цилиндр, похожий на футляр для фото пленки.

Я посмотрела на него, но в руки не взяла.

— Что это такое?

— Очень полезная штука. Запрограммирована на отпечаток вашего большого пальца. Если нажмете кнопку, в течение четырех минут один из наших людей будет у вас.

— Почему я должна верить этому бреду? И почему свет клином сошелся именно на мне?

— Новый мировой порядок стар как мир. Военное противостояние возвращается — впрочем, оно и не прекращалось, — и ученые вроде вас должны выиграть войну для генералов вроде меня. Потому что для «Краспа», если его дополнить искусственным интеллектом и спутниковыми технологиями, как вы и предлагаете в пяти своих последних статьях, нынешнее ядерное оружие будет не страшнее теннисных мячиков.

— А откуда эти невидимые охотники за головами знают о моих исследованиях в «Лайтбоксе»?

— Оттуда же, откуда и мы. Старый добрый промышленный шпионаж.

— Ерунда, никто не собирается меня похищать. Посмотрите на меня, кому я нужна. Я уже немолода. Только Эйнштейн, Дирак и Фейнман сделали что-то значительное после сорока.

Техасец потушил сигарету и ссыпал скрепки обратно в баночку.

— Сколько людей заискивают перед вами, доктор! И я бы охотно присоединился к ним, знай, что это поможет делу. А теперь слушайте меня внимательно. Я ни хрена не смыслю в этой вашей матричной механике, квантовой хромодинاميке и в том, как вы ничто превращаете в нечто с помощью энергии, полученной из ниоткуда. Но одно я прекрасно понимаю: из всех людей на Земле не более десяти способны сделать квантовое распознавание реальностью. Шестеро из них работают у нас в Техасе, в Сарагосе. Я предлагаю вам работать там же. В любом случае осенью мы собирались перебросить проект «Красп» из «Лайтбокса» в Сарагосу с соответствующим увеличением вашего вознаграждения. Ваше заявление об увольнении побуждает нас несколько ускорить события.

— Почему я должна работать на вас? Ваш президент — мошенник и тупица.

— Чтобы понять это, не надо быть семи пядей во лбу. Скажите, а кому из мошенников и тупиц при ядерной кнопке предпочли бы вы доверить

«Красп»?

— «Красп» в качестве военного приложения? Никому.

— Поедемте в Техас, доктор Мантервари. Из всех организаций, которые заинтересованы в вас, только мы обеспечим, чтобы ваша совесть была чиста, а права вашего сына Лайама и Джона Каллина соблюдены. Вы видите во мне врага, доктор. Напрасно, но я это переживу. В моем мире «друг» и «враг» — понятия временные. В ваших интересах — понять, что я на вашей стороне. Пока не поздно.

Я посмотрела на Меркурия.

— Мне он всегда был по душе, — сказал Техасец, перехватив мой взгляд. — Смекалистый ублюдок.

Вывеска над пабом «Лесовик» со скрипом покачивается. Мейси прислонилась к каменной стене и смотрит в подзорную трубу на море. Ее седые волосы совсем побелели. Брендан возится на огороде за домом.

— Добрый день, Мейси!

Она переводит трубу на меня и широко открывает рот.

— Ущипните меня, я сплю! Никак Мо Мантервари к нам явилась! Вот чью шляпенцию я заприметила еще на «Фахтне»! А я уж подумала, это та ученая по птицам приехала, изучать гусей Тевикера. Что с глазом?

— Бешеный электрон отскочил во время эксперимента прямо в глаз.

— Да, вечно ты на что-нибудь натыкалась, еще крошкой. Брендан! Иди посмотри, кто приехал! Жаль, что ты не поспела на летнюю ярмарку!

Приковылял из-за дома Брендан.

— Мо! Ты привезла погоду! А Джон вчера выхлебал столько «гиннеса», но ни словечком не обмолвился, что ты приезжаешь! Матушки мои! А глаз-то, глаз! Нужно приложить сырого мяса.

— Я без предупреждения. Розы у вас — просто чудо! А жимолость! Конец октября, а как разрослась! В чем ваш секрет?

— В навозе. Отличный свежий навоз, от коровы Берти Кроу. И еще, конечно, пчелы. Заведи пасеку, Мо, когда вернешься насовсем. Будешь заботиться о пчелах — и они позаботятся о тебе. А какие нынче бобы уродились, загляденье! Правда же, Брендан?

— Да, бобы хороши, ничего не скажешь.

Брендан внимательно изучает свою кизилковую трубку, которую курит уже полвека.

— Проведала свою матушку в Скибберине, Мо?

— Да.

— И как она?

— Чувствует себя неплохо, но рассудок совсем ослаб. По крайней мере, там она не сможет причинить себе вреда.

— И то правда, Мо.

Мейси, выждав подобающую паузу, продолжает:

— Ты сильно похудела, Мо. У себя в Швейцарии, небось, одни сырки да шоколадки перехватываешь на ходу?

— Просто я много времени провела в дороге, Мейси. Вот и спала с лица.

— Ездила с лекциями, да? — интересуется Брендан, и его глаза светятся гордостью.

— Вроде того.

— Если бы твой отец был жив! — вздыхает Брендан.

Мейси не удовлетворена моими уклончивыми ответами.

— Знаешь, нечего стоять под дверьми, — решительно заявляет она. — Пошли в дом, расскажешь, чего повидала на белом свете.

Брендан всплескивает старыми морщинистыми руками.

— Мейси Миклдин, а, Мейси Миклдин! Дай нашей крестнице дух перевести с дороги, а потом уж накачивай ее вискарем. Мо, наверное, мечтает добраться наконец до дома. Белый свет обождет пару-тройку часиков.

— Ну, тогда приходи попозже, Мо! Когда захочешь, приходи. Кстати, парнишка Дрисколлов вернулся со своим аккордеоном. Отец Уолли устраивает «продленку».

«Продленка» в «Лесовике». Узнаю родные края.

— А разве, Мейси, «продленка» начнется не поздно вечером, когда вы, как положено, кончите работу и запрете дверь?

— Ты это брось рассуждать по логичности, Мо. Ты на острове, у нас тут только овцы, да рыба, да ветер. Так что уж оставь свои научности для Балтимора. А если Джон заглянет с губной гармошкой, я, так и быть, открою последнюю бутылку «Килмагуна». Доброго тебе пути.

— Моулин Мантервари! Тебе восемь лет от роду, а ты грешница, каких мало, и черти в аду будут хлестать тебя крапивой по попе, пока вся она не покроется волдырями, и ты расчешешь ее до крови! Ты этого хочешь, да?

В моей памяти мисс Торп возникала неким подобием клещевой перхоти под электронным микроскопом. Что-то сверкающее, шипастое, многоглазое. Почему учительницы начальных классов сплошь либо ангелы, как у Бронте, либо ведьмы, как у Диккенса? Неужели они так самоотверженно учат детей различать добро и зло, что сами превращаются

в олицетворение того или другого?

— Между прочим, я задала вопрос. Не слышу ответа! Ты хочешь гореть в аду, как все лгуны?

— Нет, мисс Торп.

— Тогда скажи, как в твои грязные лапы попали ответы на контрольную по математике?

— Я все решила сама!

— Терпеть не могу мальчиков-врунов. Но еще больше ненавижу девочек, которые врут! Я буду вынуждена написать твоему отцу, что его дочь — змея с раздвоенным лживым языком! Весь город будет тыкать в тебя пальцем!

Ну это, допустим, пустая угроза. Ни один человек на Клир-Айленде не примет всерьез слова учительницы, которая не говорит по-ирландски.

За угрозой последовала серия разоблачительных писем из начальной женской школы. Приехав домой на выходные, отец любил почитать их маме, смешно передразнивая английский выговор: «Абсолютно исключено, что ваша дочь могла самостоятельно и честно написать тест по математике, набрав сто баллов из ста. Обман и мошенничество являются серьезными преступлениями...»

Папа был хозяином лодочной мастерской и все дни проводил в разъездах между Корком и Балтимором, он присматривал за работами и вел переговоры с клиентами, даже из Дублина. Он влюбился в девушку с Клир-Айленда — в мою маму, и в церкви Святого Киарана их повенчал священник средних лет по имени отец Уолли.

Теперь начальная школа с преподаванием на английском и ирландском языках находится недалеко от порта, а ребята постарше плавают на «Святом Фахтне» в Скалл, в среднюю школу, где есть даже собственный планетарий. Мисс Торп отправилась проповедовать свои манихейские взгляды в бедные многострадальные африканские страны. В старой школе Берти Кроу хранит сено.

Если прильнуть к окошку, то все, что можно увидеть, это сено.

Я пообещала Техасцу, что за выходные обдумаю все как следует еще раз. Отправилась в банк и попросила выдать со счета такую сумму наличными, что менеджер пригласил меня в кабинет на чашку кофе, пока считали деньги. На пути домой поймала себя на том, что каждые пятнадцать секунд поглядываю в зеркало заднего вида. Паранойя всегда начинается как скверная игра. Позвонила Джону посоветоваться.

— Трудный вопрос. — Джон перешел на ирландский. — Но если

надумаешь взять внеплановый отпуск, постарайся приехать на Клир к моему дню рождения. — Джон всегда прячет совет в подобной упаковке. — И помни, Мо, что я очень люблю тебя.

Я быстро уложила чемодан и оставила на столе записку для Даниеллы с просьбой присмотреть за моими книгами и цветами. Все остальное, включая компьютер, само шале и автомобиль, принадлежит компании «Лайтбокс». Нужную информацию я переписала с жесткого диска на CD, чтобы взять с собой, а прочее стерла. На оставшиеся диски я сбросила целый зоопарк своих самых страшных вирусов. Прощальный подарок Хайнцу.

Как же мне исчезнуть? Я заставляла исчезать элементарные частицы, но исчезать самой мне никогда не приходилось. Надо взглянуть на ситуацию глазами моих преследователей, выявить невидимые для них зоны, слепые пятна, и отправиться именно туда. Я позвонила своему туроператору и заказала билет на Санкт-Петербург с вылетом через три дня. Цена не имеет значения, оплата по кредитной карте. На единственный сайт во всей Экваториальной Гвинее послала мейл: «Сыр позеленел». Потом вышла прогуляться и зашвырнула «очень полезную штучку» Техасца в бельгийский грузовик с йогуртом.

Вернулась, села у окна и смотрела на водопад, пока не сгустились сумерки.

Когда стемнело, выехала на автобан и взяла курс на север, на Берлин.

Так началась моя одиссея.

Дорожка поросла дикими цветами. Лайам нарисовал вывеску: «Ферма Игаган». Пониже пляшущими буквами написано «Домашнее мороженое» — моих рук дело. Планк дремлет на закатном солнышке. Окна открыты. На крыльце — желтая ветровка, лейка, планковский поводок, высокие сапоги, горшки с травами. Из дома выходит Джон. Он пока меня не слышит. Захожу во двор. При виде меня старуха Фейнман блеет и трясет бородой. Шредингер вспрыгивает на почтовый ящик для лучшего обзора. Планк пару раз взмахивает хвостом и подает голос. Обленилась, нахалка.

Моя одиссея завершена. Я дома.

Джон поворачивается в мою сторону.

— Мо, ты?!

— А ты кого ждал, Джон Каллин?

*

В темноте щелкает замок, я приподнимаюсь. Где я, черт возьми? Я

дрожу. Что за потолок, что за окна? Это дом Хью? Или грязный пекинский отель? Гостиница агентства «Американ экспресс» в Петербурге, и нужно спешить на паром? Отель в Хельсинки? Моя черная тетрадь! Где моя черная тетрадь! Спокойней, Мо, спокойней. Ты забыла, что ты в безопасности. Дождь барабанит по стеклу, у европейских дождей толстые пальцы. Размеренность, покой, музыка ветра. Тебе знакома эта музыка, правда, Мо? Синяки на боку все еще болят, но это боль заживления. На первом этаже мужской голос поет балладу Вэна Моррисона «Так поступают молодые любовники»^[76], и поет ее так, как может петь только один человек на свете, и это точно не Вэн Моррисон.

Я чувствую счастье, вкус которого позабыла.

А вот и черная тетрадь, на туалетном столике у кровати, где ты положила ее накануне вечером.

На половине Джона постель примята, и углубление хранит форму его тела. Я перекатываюсь туда, это самое уютное место на земле. Ногой отодвигаю занавеску на окне. Небо хмурое, пока нет смысла вылезать из постели.

С каких пор я сделалась такой пугливой? С той ночи, когда выехала в Берлин? Или просто я старею, тело теряет выносливость, и в один прекрасный день какой-нибудь орган заявит: «Все, ребята, отключаюсь». Теряю высоту, приземляюсь на брюхо в неглубокий сон. Звучит одинокий рожок: на граммофоне кружится мамина пластинка, сухогруз выходит в Кельтское море, джонка с грузом воспоминаний пересекает коулунскую гавань. Мы огибаем западный мыс острова Шеркин, «мы» — это я и моя черная тетрадь, и вот уже виден конец пути длиной в двенадцать тысяч миль. А вдруг они поджидают меня там? Что-то слишком далеко они позволили мне уйти. Ерунда, просто я их перехитрила. Подушка Джона, подушка Джон, конопля, дымок, капельки пота на смуглой коже, глубже, еще глубже, сердце колотится, цепочка вагонов, луга за окном колышутся — вверх, вниз, год за годом — вверх, вниз, Кустард из Копенгагена, свыкшийся с одиночеством, смотрит в окно, интересно, что стало с ним, интересно, что стало с ними со всеми, вот этот интерес — он самое главное, каждый из нас — неприкаянная частица, с бесконечным множеством траекторий, среди них есть вероятные, есть невероятные, нет только реальных, нет и не будет, пока нет наблюдателя, что бы там реальность ни означала, и почему-то в столь твердом веществе содержатся ужасающие, бескрайние пространства пустоты, пустоты, пустоты...

Технология — это воспроизводимое чудо. Взять, например, воздушный

перелет. Далеко внизу, на расстоянии тридцати тысяч футов под нашим полым гвоздиком с крылышками, начинается российское утро. Мимо припорошенных снегом холмов и черных озер виляет дорога, будто вычерченная нетвердой рукой.

Мои попутчики думать не думают о силах, которые приводят в движение материю и дух. Они ничего не знают о том, что по мере увеличения скорости «Боинга-747» наша масса возрастает, а время замедляется. По мере же увеличения расстояния от центра тяжести Земли наше время ускоряется по сравнению с тем временем, которое течет в деревенских избушках под нами. Ни один из моих попутчиков понятия не имеет о квантовом распознавании.

Мне не спится. Такое ощущение, что кожа то растягивается, то сжимается. Чтобы не скучать в пути, я всегда беру с собой в самолет калькулятор. Громоздкий, тот, что Алэн прихватил из парижской лаборатории. С индикатором на тринадцать десятичных знаков. Вынимаю машинку и от нечего делать считаю шансы для каждого из трехсот шестидесяти пассажиров лайнера. Шансы очень неравные. Этого занятия мне должно хватить до самого Киргизстана.

Лишь бы не думать о том, что ожидает меня в ближайшем будущем.

На соседнем сиденье спит китайская школьница, которая возвращается домой в Гонконг. Она приближается к тому возрасту, когда некоторым девушкам выпадает счастье превратиться в прекрасных лебедей. Мо Мантервари в ее возрасте превратилась в утку с гусиной кожей. А сейчас я утка с морщинистой кожей. По видео показывают фильм про динозавров. Покрытое чешуйчатой броней бессловесное насилие. От воздуха, пропущенного через очиститель, пересохло в горле. Вот-вот разболится голова. Освещение как в склепе. Интерьер как в кабинете у стоматолога. Где же солнце? В какую сторону вращается планета? И в какую паршивую историю впуталась я?

Второй раз просыпаюсь от звука шагов: гладь сна покрылась рябью. Но я уже прекрасно осознаю, где нахожусь. Только давно ли я здесь? Пару минут? Пару часов? Шаги не из сна, а настоящие, четкие, размеренные. Кто-то бежит по гравию и знает, что имеет право бежать по нему. Чуть приподымаю занавеску: дождь моросит, а по дорожке к дому подбегает молодой мужчина.

Черт возьми! Мой сын — мужчина. В сердце укол гордости и грусти. Куртка нараспашку, темные джинсы, кроссовки. Непослушные, как у отца, волосы. Фейнман из загона задумчиво смотрит на него, пожевывая траву.

Планк подпрыгивает.

— Мо! — кричит снизу Джон. — Лайам приехал!

Хлопает входная дверь. Лайам по-прежнему закрывает двери, как слоненок. Запахиваюсь в просторный халат Джона.

— Я спускаюсь! Эй, Джон!

— Да, Мо?

— С днем рожденья тебя, старый пират!

— Спасибо, Мо! Давно у меня не было такого славного дня рождения!

Хью открыл дверь и обнял меня, похрустывая китайским редисом.

— Мо! Добралась! Прости, что не смог встретить в аэропорту... Если бы Джон сообщил чуть раньше, я бы успел перестроить свой сегодняшний график.

— Привет, Хью! Не беда, я нашла тебя без проблем. Если не считать путаницы с этажами: я думала, что «четвертый этаж» означает «третий». Или наоборот, «третий» означает «четвертый». Но ничего, соседи подсказали.

— Гонконг никак не может до конца определиться. Тут в ходу и английская, и американская, и китайская нумерация. Даже я все время путаюсь. Входи, располагайся. Выпей чаю, прими ванну.

— Хью, даже не знаю, как благодарить тебя.

— Ерунда. Мы, кельты, должны быть заодно. Ты у меня первая в гостях, придется как-то устроиваться по ходу дела. Иди посмотри свою комнату. Боюсь, мало похоже на твое шале.

— Оно не мое, а моего бывшего хозяина.

— Ну да, ну да. Вот твои хоромы, Мо. Тесновато и бардак, но полностью в твоём распоряжении. Чужой сюда не проползет, если ЦРУ не держит в штате тараканов.

— Как показывает мой — небогатый, правда — опыт, они могут держать в штате кого угодно.

Комната была такая же тесная и бардачная, как те полсотни кабинетов, в которых мне доводилось работать на своем веку. Спасибо Хью, тут было все: и диван-кровать — хоть сейчас заваливайся, и стол, и стеллажи с таким количеством книг, которого наверняка хватит, чтобы похоронить меня при малейшем подземном толчке, и ваза с фламинговыми орхидеями.

— Туалет вон там. А если ты встанешь на унитаз и повернешь голову, то откроется потрясающий вид на коулунский порт.

Воздух был влажный, как в прачечной. Человеческий улей гудел со всех сторон, за стенами, под ногами и над головой. Здание на другой

стороне улицы стояло так близко, что казалось — у наших окон общие стекла. Поезда стучали по рельсам, что-то тарахтело, что-то вздыхало, словно гигантский велосипедный насос с шумом качал воздух.

Вот тебе жизнь ученого, который руководствуется совестью.

— Все отлично, Хью! Можно воспользоваться твоим компьютером?

— Это твой компьютер! — Хью сделал ударение на слове «твой».

Огонь в очаге потрескивает и пляшет. Мы с Лайамом смотрим друг на друга, не находя слов. Босым ногам холодно на кафельном полу. Я столько мечтала об этой встрече, а теперь стою с идиотским видом, и все. Я помню уродца, каким Лайам был в детстве, я помню неуклюжего подростка с пушком над верхней губой, каким он был прошлым летом, и могу представить себе оболтуса, каким он будет лет через десять-двадцать. Он по-дублински загорел, волосы уложены гелем, в ухе серьга, челюсть стала квадратнее.

— Мам! — говорит он басом.

— Лайам! — говорю я в унисон, срываясь на фальцет.

— Господи, родные вы мои, — шепчет Джон.

И сразу все становится на свои места: Лайам крепко-крепко обнимает меня, я прижимаю его к себе что есть мочи, а он еще сильнее, и так мы сжимаем друг друга, пока слезы не показываются на глазах. Нет, совсем не поэтому у меня на глазах слезы.

— Прогульщик! Ты ведь должен быть в универе. Кто тебе позволил так вымахать, пользуясь моим отсутствием?

— А кто тебе, ма, позволил играть в Джеймса Бонда, пользуясь моим отсутствием? И кто подбил тебе глаз?

Я смотрю на Джона из-за плеча Лайама.

— Ты прав, малыш, я заигралась. Глаз мне подбил рыцарь в сияющих доспехах. Я простила его. Потому что он спас мне жизнь — вытолкнул из-под колес.

— Заигралась! Она называет это «заигралась», слышишь, па?

Дурачась, я делаю Лайаму подсечку.

— Может, и мне причитается одно-два объятия? — подмигивает Джон.

— Заткнись, Каллин! — смеюсь я. — Ты всего-навсего отец, бесправное существо!

— Тогда пойду утоплюсь с горя! Останетесь вдвоем — пожалеете.

— С днем рождения, па! Прости, что не смог приехать вчера. Я был у Кевина в Балтиморе.

— Обругай свою мамочку. Она позвонила из Лондона только вчера

утром.

— С ней опасно иметь дело. Она меня задушит.

— Потерпи, сынок, прорвемся.

Я выпускаю Лайама.

— Снимай пальто и садись к огню. А то ты весь холодный и влажный от тумана. И ноги в твоих жутких кроссовках наверняка промокли. Расскажи мне про университет. Деканом у вас по-прежнему Найфер Макмахон? Какую тему ты выбрал для первой курсовой?

— Ты что, ма, о чем мне рассказывать? Я тебя не видел полгода, только слушал твой голос на пленке. Это ты рассказывай, где была! Правда, па?

— Джон Каллин, ты научил нашего сына отвечать на вопросы старших или нет?

— Потерпи, Мо, прорвемся. А я всего лишь отец, бесправное существо. Пойдемте пить чай.

Лайам отдувается:

— С удовольствием!

Планк в восторге кружит вокруг нас.

За первую неделю пребывания в Гонконге я успела сделать крайне мало. Я все время терялась и путалась в подземных, надземных и наземных проходах, переходах и переездах. Казалось, четверть населения земного шара очутилась на территории в несколько квадратных миль. Хью абсолютно прав. Обнаружить меня в этом муравейнике невозможно, если только я не буду выходить в компьютерные сети. Но после швейцарской истории меня не покидает ощущение, что я потерпела аварию на чужой планете, где неприкосновенность и права личности возможны скорее как счастливое стечение обстоятельств, чем как норма.

— Наплюй на свою щепетильность, — посоветовал мне Хью. — И научись мысленно делать то, чего не можешь на деле.

Всего за каких-то пятьдесят долларов мне смастерили фальшивый английский паспорт.

За войной я наблюдала по телевизору. Вглядывалась в вооружение, которое описывали, расхваливали и превозносили: ракеты СКАД против «Гомера», Бэтмен против Джокера. Война была давно выиграна, доступ к дешевой нефти получен, но это уже не имело значения. Требовалось проверить эффективность новой техники в боевых условиях, а заодно избавиться от излишков оружия на складах. Противнику — несчастным призывникам из этнических меньшинств — была уготована участь подопытных кроликов. Моих подопытных кроликов. На них будут

испытывать мой «Красп».

Я наговорила письмо на магнитофон и почтой послала запись Джону по цепочке: Шивон в Корк, из Корка в Балтимор Трионе, тетушке Джона, оттуда отцу Уолли и, наконец, Джону. Я молила Бога, чтобы мою посылку не выследили, чтобы она доползла до адресата незаметная, как улитка.

Хью неожиданно послали в командировку в Петербург, и я осталась одна-одинешенька, никому не известная, никому не нужная. Коробку со сто долларовыми банкнотами спрятала в морозильнике среди пакетов с зеленым горошком. Что-то подозрительно хорошо удался мне мой побег. Никаких попыток похитить меня со стороны мифических преступных кругов, о которых столько болтают. Или Техасец блефовал? Хотел запугать меня, чтобы я поехала в Сарагосу?

Что теперь?

Мы создаем модель, чтобы объяснить природу, а модель занимает ее место и гонит природу прочь со двора. В своей преподавательской практике я столкнулась с тем, что многие студенты считают, будто атом в самом деле состоит из твердого ядра, похожего на звезду, и из маленьких шариков-электронов, которые, как планеты, крутятся вокруг него. Когда я говорила, что никому не известно, что из себя представляет электрон, они широко раскрывали глаза, как будто я назвала солнце арбузом. Самый начитанный из студентов мог поднять руку и спросить: «Доктор Мантервари, разве электрон — это не волна вероятности, обладающая зарядом?»

На что я любила ответить: «Лично я предпочитаю думать, что это танец».

Если перенестись на сорок лет назад и на две мили правее фермы «Игаган»... Между кленами — дом, на втором этаже — комната, между половицами — щель. После того как меня укладывали в постель, я иногда отодвигала коврик и подглядывала за гостями. Мама в белом платье и ожерелье из искусственного жемчуга, папа в черном костюме. На граммофоне крутится новая пластинка, привезенная из Дублина.

— Нет, Джек Мантервари, не так! — бранится мама. — У тебя обе ноги левые! И к тому же слоновьи.

«Чайнатаун! О, мой Чайнатаун!»^[77] — выводит, потрескивая, граммофон.

— Давай сначала, Джек.

Их тени танцуют на стенах.

А что теперь? Что теперь?

Я остаюсь ученым, даже когда о том никто не знает, кроме меня. Одна идея зрела во мне и прорвалась, когда я торговалась на рынке, покупая грейпфруты. Грейпфруты были розовые, как заря. Нужно очистить идею квантового распознавания до сердцевины, разобрать на дольки базовых принципов, а потом собрать заново, включив нелокальность в число базовых принципов, вместо того чтобы пытаться отгородиться от нее. Когда я расплачивалась за грейпфруты, идея стала принимать обличье формул. Я купила в канцелярском магазине черную тетрадь в кожаной обложке, села рядом с каменным драконом и исцарапала выкладками восемь страниц, пока мысль не пропала.

Моя жизнь день за днем, неделя за неделей текла все более уныло, но по определенному распорядку. Я вставала около часу дня, обедала в ресторанчике через дорогу, где подавали дим-сум. Его держал старик-альбинос. Я сидела в углу, листая «Экономист», «Юридический справочник», кулинарную книгу Дели Смит — первое, что попадалось под руку в квартире Хью. Бывали счастливые дни, когда чистильщик обуви, он же *de facto* почтальон, приносил прочные конверты, адресованные Хью. В них были пленки со звуковыми письмами от Джона. Я проигрывала их за своим дим-сумом на плеере Хью, снова и снова. Джон присылал свои новые музыкальные композиции, новые стихи.

Несколько записей посиделок в «Лесовике». А иногда просто звуки — бляные овец, скрип весел, пение жаворонка, шум ветряной мельницы. Если Лайам бывал дома — его голос. Летняя ярмарка. Фастнетская гонка. Я слушала и мысленно бродила по Клир-Айленду. Я до дна выпивала чашу тоски, но на дне всегда находила утешение.

Ближе к вечеру я садилась за свой хромоногий столик и продолжала работу с того места, на котором остановилась под утро. Я работала в полной изоляции: переписываться по электронной почте с теми немногими людьми, которые могли бы мне помочь, было слишком опасно. Я испытала огромное облегчение, словно вырвалась на свободу, оттого что избавилась от необходимости отчитываться перед Хайнцем Формаджо и прочими кретинами. У меня были отцовская авторучка, черная тетрадь, коробочка дисков с полным набором данных по всем экспериментам, когда-либо проводившимся в лаборатории, и еще разного софта и железа на тысячи долларов, все куплено у сикхских джентльменов: их ассортименту мог позавидовать «лайтбуксовский» отдел снабжения. По сравнению с Кеплером, который рассчитал траекторию Марса при помощи одного гусиного пера, жить было можно.

Несколько раз меня заносило не в ту степь. Пришлось отказаться от матричной механики в пользу виртуальных чисел. На несколько недель меня задержала обреченная на неудачу попытка примирить парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена с бихевиористской моделью Кадуаладра. Для меня это было время предельного одиночества. Шахматисты, писатели и мистики знают: повинувшись озарению, заходишь в дебри. Бывали дни, когда я просто сидела, тупо уставившись на струйку пара над чашкой кофе, или на пятна обоев, или на закрытую дверь. А бывали дни — и в струйке пара, в пятнах обоев или на поверхности двери я находила еще один ключ к разгадке.

В июле я шла уже по тропинке, на который позади меня обрывались следы Эйнштейна, Бора и Сонады.

Черная тетрадь заполнялась.

Я все говорю и говорю. У Лайама тосты совсем остыли. Пролетел вертолет.

Интересно, о чем сейчас думает Лайам?

«За что мне достались такие ненормальные родители?»

Или: «Замолчит она когда-нибудь или нет?»

Или: «Моя мать сошла с ума».

Мне грустно, что я не понимаю, о чем думает мой сын. Хотя, с другой

стороны, это естественно. Ему исполнилось восемнадцать. Опять день рождения отметил без меня. А где я буду, когда наступит следующий?

— Почему ты замолчала, ма? Дошла до самого интересного — и вдруг замолчала. Что было дальше?

Сильное взаимодействие, которое не позволяет протонам в ядре разлетаться, слабое взаимодействие, которое не дает электронам упасть на протоны, электромагнитное взаимодействие, благодаря которому светят звезды и варится суп, и гравитационное взаимодействие, самое земное. Во все времена, и тогда, когда Вселенная была размером с орех, эти четыре силы являлись четырьмя китами, на которых покоится царство материи, не важно, идет ли речь о недрах Сириуса или мозгов моих студентов. Они заполняют ярусы амфитеатра в университетской аудитории Белфаста, скучают, думают, дремлют, мечтают. Грызут карандаши или слушают меня.

Мыслящая материя, материальная мысль. Все существующее может быть смоделировано.

Лето было в разгаре. Хью обычно приходил поздно, забывался коротким сном и рано утром опять уходил. Работы было много: рухнула большая финансовая компания, круги пошли по воде. В течение рабочей недели мы догадывались о присутствии друг друга только по убыванию зубной пасты в тюбике. По воскресеньям, однако, обязательно одевались и ходили обедать в дорогой, но тихий ресторан. Я не хотела встреч с его коллегами. Искусством лгать я так и не овладела.

Часто я работала ночь напролет. Гонконг никогда не спит, просто солнце на несколько часов отключается. Несмолкаемый шум множества потогонных фабрик, этот хрип гигантского насоса, приправленный храпом Хью, возвещал о наступлении математических бдений и обострял мою мысль.

Три резких стука в дверь. Итак, ловушка захлопнулась. Я вскакиваю, расплескав чай, кидаюсь к лестнице и останавливаюсь. Бежать — но куда? В доме всего один выход. Можно, конечно, выпрыгнуть из окна второго этажа и побежать через луг. Блестящая идея, Мо. Сломать шейку бедра. Лайам не понимает, что происходит. Джон сразу понимает все. Почувствовав мою панику, напрягается, чтобы защитить меня.

— Ты чего, ма? — спрашивает Лайам.

— Тсс, — машу я в ответ.

Лайам поднимает ладони, словно успокаивает испуганное животное:

— Это свои. Отец Уолли. Или Мейси. Или Ред пришел подоить Фейнман...

Я трясую головой. Свои, прежде чем войти, стучат один раз. Или входят вообще без стука.

— Кто сегодня плыл с тобой на «Фахтне»? — шепотом спрашиваю у Лайама. — Американцы были?

Снова стук в дверь. Потом голос:

— Алло!

Голос женский. Не ирландка и не англичанка.

Я прикладываю палец к губам и на цыпочках поднимаюсь по лестнице. Ступени, конечно, скрипят.

Женщина приставила губы к щели почтового ящика.

— Добрый день! Есть кто-нибудь дома?

— И вам доброе утро, — отвечает Джон. — Одну минуточку...

Я проскальзываю в спальню и озираюсь в поисках места, куда спрятать черную тетрадь. Куда, Мо, куда? Под матрас? Или съесть?

Слышу, как Джон открывает дверь.

— Простите, что заставил ждать.

— Ничего страшного. Это вы простите за беспокойство. Я хочу добраться до каменной гряды, она отмечена на карте. Только я плохо читаю карты.

— Эти камни? Проще пареной репы. Идите прямо по шоссе, потом сверните налево, там будет указатель на Роу-бридж — идите до конца и увидите их. Если, конечно, туман не помешает.

— Огромное спасибо! Как обидно, что пошел дождь, правда? У меня на родине такая погода зимой.

— Вы из Новой Зеландии?

Господи, как Джону удается сохранять спокойствие!

— Да, из Новой Зеландии! Угадали. С юга. Бухта Хафмун на острове Стюарт. Не бывали?

— Нет, увы. В наших краях погода сама себе хозяйка, творит, что хочет. Тропические ураганы, проливные дожди... Настоящий шторм, по всем рыбацким приметам, еще впереди. Как-никак зима на носу.

— Мне везет, как всегда! Ой, какая славная собачка! Мальчик, девочка?

— Девочка. Зовут Планк.

— Так, кажется, звали какого-то...

— Так звали физика, который объяснил, почему мы можем греться у костра, не сгорая от ультрафиолетового излучения.

Смущенный смешок.

— Ну да, Планк. У нее очень добрый нрав! Среди островных собак это редкость.

— У нее профессия такая. Она мой поводырь.

В ответ — обычное замешательство. Я немного успокаиваюсь. Мои преследователи наверняка бы знали про Джона. А может, эта особа — хорошая актриса. И я снова замираю.

— Вы хотите сказать, что вы...

— Да, как летучая мышь. Точнее, гораздо хуже. В отличие от нее у меня нет локатора.

— Мне очень жаль... Простите...

— Ничего страшного.

— Я пойду. Хочу посмотреть на камни, пока их не затопило.

— Можете не спешить. Они благополучно стоят тут уже три тысячи лет. Доброго пути.

— До свидания. Еще раз спасибо.

Я смотрю, как она идет по дороге. Совсем молодая рыжеволосая женщина в ярко-желтом плаще. Она оглядывается на ходу, и я отшатываюсь от окна. Интересно, обратила она внимание, что на столе три чашки? Лайам и Джон приглушенно разговаривают. С острова Калф подступает туман.

Небо над горой Габриэль темнеет — шторм совсем близко. Мы с Лайамом готовим пюре из позднего турнепса, который собрали на огороде. Джон настраивает свою губную гармошку. Пюре булькает в горшке.

Лайам толчет пряности в ступке.

— Что собираешься делать, ма?

— Добавить чеснока.

— Ты знаешь, о чем я. За тобой придут?

— Думаю, что да.

— И что тогда?

— Не знаю.

— Зачем ты приехала на остров, ты ведь знала, что тебя здесь найдут?

— Хотела повидать вас с папой.

— У тебя нет никакого плана?

— Нет, сынок. Никакого.

— Тогда его нужно разработать. Давай рассмотрим варианты.

Лайам говорит совсем как мой отец.

— Давай. Вариант первый. Я сжигаю черную тетрадь и превращаю

квантовое распознавание в горстку пепла. Беру новое имя — скажем, Скарлетт О'Хара, выращиваю бобы, развожу пчел и рассчитываю на тупость ЦРУ, которое не додумается поискать меня на моем родном острове. Вариант второй. Провести остаток жизни в жарких странах, бродяжничать в выгоревших шортах с рюкзаком за плечами. Вариант третий. Поехать в Техас, жить в поселке, который не отмечен на картах, заработать кучу денег, способствуя гонке вооружений, и видеть сына и мужа только в присутствии охранников, которые будут следить, чтобы я не сбежала вместе с военными секретами.

Лайам ловко рубит лук.

— Ух ты, щиплется, зараза.

Коулун парился, жарился и закипал. Расчеты по нелокальности захватили меня. Но мирная затворническая жизнь не могла продолжаться вечно.

Я хорошо помню момент, когда ей наступил конец. На экране появился геккон. Его язычок трепетал, подвижный, как само электричество. «Приветствую вас, крошечные жизненные формы, возникшие из звездной пыли. Знаете ли вы, что ваша жизнь, как и жизнь ящериц, многократно существовала в элементах чего угодно — ножниц, бумажек, камешков? Что ваши частицы совершали вечный круговорот в пузырьках времени? Что Вселенная замкнута, как пончик, так что если у вас найдется достаточно мощный телескоп, вы сможете разглядеть в него кончик собственного хвоста? Или все это вас не колышет?»

Сверху раздался яростный мужской крик, который перешел в громкую тираду на кантонском наречии. Женский голос вторил двумя октавами выше. Грохот переворачиваемой мебели. С нашего потолка посыпалась штукатурка. В моей комнате замигала лампа.

— Какого черта там происходит?

Хью прошлепал в домашних шортах с утенком, наткнулся на индонезийские барабаны и снова выругался.

Грянул выстрел. Я подскочила, будто это случилось рядом.

— Боже мой!

Потом воцарилась гробовая тишина.

Хью проверил, надежно ли закреплены замок и цепочка на двери. Геккон тем временем исчез с экрана.

Тошнотворное чувство овладело мной. Я закусила костяшки пальцев.

Потом по лестнице загрохотало не меньше трех пар ботинок, и снова тишина. Хью взял бейсбольную биты. Я — гипсовый бюст Джона

Колтрейна. Я четко осознавала, что никогда в жизни кровь так не стыла у меня в жилах. Грохот шагов возобновился и, к счастью, стал удаляться. Хью направился к окну, но я инстинктивно оттащила его. В его взгляде было удивление.

— Черт! — сказал он в третий раз.

При мне он никогда не поминал черта, а тут три раза кряду.

На пальце растет бородавка.

Звонит телефон. Не могу больше. Оставьте меня в покое.

Джон снимает трубку — ему ближе.

У меня пересыхает в горле.

— А, Тамлин...

Это Тамлин Шихи. Успокойся, Мо, сегодня никто не приезжал на остров.

— Да, Лайам натянул брезент. Все в порядке. Спасибо, что предупредил... Да, конечно... Одну минутку.

Джон прикрывает трубку рукой.

— Ну что, герой-любовник! — обращается он к Лайаму. — Бернадетта хочет поболтать с тобой.

— Па! Скажи, что меня нет! Она — отстой!

— Брось, не вредничай. На тебе ведь налет экзотики — как-никак ты бывал в Швейцарии.

Джон улыбается и снова говорит в трубку:

— Да, Бернадетта, сейчас он подойдет. Секунду подожди — он только что вышел из душа, совсем мокрый. Сейчас, вытрется как следует...

Лайам фыркает — и от смеха, и от досады, — хватает трубку и уходит к себе в комнату.

За обедом слушаем радио.

— Ты заметила? — спрашивает Джон. — Каждая страна называет свою ядерную бомбу «средством военного сдерживания», а чужую — «оружием массового уничтожения»?

— Да, — киваю я.

Поднялся ветер. Стекла дребезжат. Лайам зевает, я тоже.

— Счет один-один. Как там Фейнман, в порядке?

— В порядке. Устроилась за большим камнем. А где твой отец?

— У себя в кабинете, медитирует.

Лайам собирает «скрэбл» в коробку.

— Мейси говорит, зима будет суровая. Прогноз из надежных источников.

— Мейси? Она что, установила спутниковую тарелку?

— Нет, ей пчелы сказали.

Китайский полицейский неожиданно оказался высоким и вежливым. Он служил в охране принца Уэльского и слышал о работе Хью. Записав в блокнот наши рассказы о нападении на верхнем этаже, он отхлебнул чая со льдом. Рубашка на нем взмокла от пота.

— Я должен сообщить вам, что грабители спрашивали, в какой квартире прячутся белые обезьяны. Соседи сказали, что нет тут никаких белых обезьян.

— До выстрела или после?

— После. Люди рисковали жизнью, но не выдали вас.

Хью щурится.

— А что вы думаете по этому поводу, господин офицер?

— Возможны два варианта. Первый: грабители полагают, что в квартире у белых добыча богаче. Второй: мистер Ллуэллин, вы проверяете счета могущественных компаний. Может, они связаны с Триадой?

— А разве в Гонконге есть компания, которая не связана с мафией?

— Иностранцы, особенно белые, не селятся в таких районах, как этот. Бухта Дискавери куда безопаснее.

Я вышла в крошечную кухоньку. В доме напротив сразу опустились жалюзи. Глаза повсюду. Кругом глаза.

Из головы не выходил разговор с Техасцем. Я-то знала, кто были эти «грабители» и кого они искали. В следующий раз они не перепутают английскую нумерацию этажей с американской или китайской.

После отъезда из Швейцарии не садилась за фортепьяно. Играю популярную мелодию из вариаций Гольдберга.

Лайам сыграл великолепное «Сентиментальное настроение».

Джон то ли импровизирует, то ли припоминает что-то.

— Вот ворон на заборе... А это ветряная мельница...

— Музыкальные картинки? — спрашивает Лайам.

— Нет. Скорее, музыка случая.

— А ветер все усиливается, ма! Может, и завтра катер не придет?

— Может. Так расскажи мне про университет, сынок.

— У нас такие потрясные электронные микроскопы! Курсовую пишу по сверхтекучести, а еще играю на синтезаторе, и еще...

— Вовсю трахает девиц, — вставляет Джон с набитым сосиской ртом.
— По словам Денниса.

— Это нечестно, мам, — Лайам становится красным как свекла. — Он каждую неделю звонит профессору Данману!

— Да, я звоню ему каждую неделю. Последние двадцать лет. По-моему, я должен отказаться от этой привычки только потому, что Деннис — твой научный руководитель?

Лайам фыркает и отходит к окну.

— Отсюда выглядит как край света, — говорит он, глядя на улицу.

Шредингер возвращается через кошачий лаз и обводит нас оценивающим взглядом.

— Ну что, котище? — приветствует его Лайам.

Шредингер выбирает Джона, запрыгивает к нему на колени и требует свою порцию сосисок.

Шторм сотрясает остров.

— Что-то я волнуюсь за нашу гостью из страны киви.

С этими словами Джон снимает телефонную трубку.

— Миссис Дануоллис? Добрый вечер, это Джон. Я хочу справиться, вернулась ли наша новозеландская гостья целой и невредимой? Она заходила к нам... Недавно... Спрашивала дорогу до каменной гряды... а тут шторм, я и беспокоюсь... Это точно? Ну конечно, кому, как не вам, знать... Странно. Хорошо. Извините.

— В чем дело, папа?

— В молодежной гостинице нет туристов из Новой Зеландии.

— Может, она просто на день приехала?

— Билли по такой погоде не рискнет возвращаться в Балтимор.

— Значит, она до сих пор на острове. Заночевала у кого-нибудь.

— Конечно. Это логичное объяснение.

У меня сосет под ложечкой. Боюсь, логичное объяснение есть.

Мы с Джоном у себя в спальне, горит камин. Лайам отмокает в ванне после электронной переписки с девушкой из Дублина, имя которой мы так и не смогли выведать у него. Под раскаты грома Джон массирует мне ступни. Я рассматриваю узор из сфинксов, цветов и масок, которым украшен камин. Обаяние живого пламени не уменьшается оттого, что понимаешь его химическую природу. На Клир-Айленде все живут такой жизнью. Почему мне подобные вечера выпадают так редко?

Я как моряк из легенды: черная тетрадь — мой альбатрос.

— Что мне делать, Джон, когда они доберутся до нас?

- Мо, давай переживать неприятности по мере их наступления.
— Я не уверена, что мне стоило впутываться в эти неприятности.

*

На третий день моего пребывания на острове я уже понимала, где нахожусь, еще не открыв глаз. Черная тетрадь в надежном месте. Вчерашний шторм уже далеко, первый луч осветил край занавески и завершил свое двадцатиминутное путешествие у меня на сетчатке^[78]. Свежий ветер, чистое небо, тени облаков скользят по трем Коровьим островам. Тысячи арабских детишек прыгают в море, от их ожогов поднимается пар. Планк залаяла. Шум на лестнице заставляет меня обернуться. В дверном проеме стоит Техасец. Он щелкает предохранителем и переводит пистолет с черной тетради на меня. «Пора снова заняться „Краспом“, доктор Мантервари», — говорит он и оттягивает курок. Мне понадобилось минут двадцать, чтобы успокоиться. Первый луч осветил край занавески. У Джона под веками двигаются глазные яблоки, он видит неведомые мне картины.

Наше первое утро в этом доме, в этой комнате, в этой кровати было первым утром нашего супружества. Двадцать лет тому назад! Брендан сделал эту кровать, а Мейси расписала изголовье ромашками. Постельные принадлежности подарила миссис Дануоллис, подушки она набила пухом собственных гусей. Сама ферма «Игаган» была свадебным подарком родственницы Джона — тетушки Кэт, которая переселилась в Балтимор и стала жить вместе с тетушкой Трионой. Ни электричества, ни телефона, ни канализации. Дом моих родителей среди кленов до сих пор стоит, но балки и перекрытия совсем прогнили, а у нас нет денег остановить обветшание.

Кроме «Игагана» у нас есть губная гармошка Джона, моя докторская степень, сундук с книгами — библиотека моего отца, короб со старыми изразцами и всякой всячиной, который перевезла из старого дома лошадка Фредди Доига.

Работать в университете Корка начну не раньше осеннего семестра. Никогда я не была так свободна, как сейчас. И никогда не буду.

Внизу на кухне звонит телефон. Нет сил, оставьте меня в покое.

К моему удивлению, Лайам уже встал и успевает снять трубку до третьего звонка.

— Да, тетушка Мейси... Они еще в постели, в такое-то утро! Представляете? Лежебоки, да? Дела в универе хорошо... Это вы про кого?

Я про нее и думать забыл! Уж несколько недель, как я дал ей по мозгам... Нет, не буквально, нет... Ладно, я передам, когда встанут. Всего доброго.

Я не бужу Джона. Спускаюсь вниз, мои кости поскрипывают в такт ступеням.

— Доброе утро, сын.

— Доброе утро, ма. Звонила тетушка Мейси. Велела передать привет. Она чистит трубки в баре, а позже пойдет к Миннонбоям стричь Сильвестра. Ей не с кем поболтать, и она сообщила последние новости мне. У Ника О'Дрисколла ветром снесло уборную, а Мэри Дойг поймала гигантского угря. Как спала?

— Как убитая.

Лайам помолчал, что-то обдумывая.

— Мам, ты собираешься рассказать нашим про американцев?

— Думаю, лучше не надо.

— Когда их ждать?

— Понятия не имею.

— В любой момент?

— Понятия не имею.

— Наверное, нам лучше скрыться?

— Ты просто вернешься в университет, и все.

— А ты?

— Как ты сам точно подметил, я не Джеймс Бонд. Я не могу вечно убегать. Спрятаться от американцев я могу только в местах куда более страшных, чем Сарагоса. Все, что мне остается, — ждать их появления.

Лайам ложкой наливает молоко в кружку.

— Не могут же они так запросто похитить гражданина Ирландии! К тому же ты не совсем рядовой гражданин. Будет международный скандал. СМИ поднимут шумиху.

— Лайам, это самые могущественные люди на планете, а покушаются они лишь на содержимое черной тетради да моей головы. Ни Би-би-си, ни международная общественность не станут вмешиваться в это дело.

Лайам морщит лоб, как всегда перед вспышкой гнева.

— Но ведь так жить невозможно! Просто сидеть и ждать, сложа руки, когда тебя заберут!

— У нас нет другого выхода, родной.

— Это нечестно!

— Конечно.

Он резко встает со стула.

— Это же черт знает что такое, мама!

Что я могу ему сказать?

— Пойду покормлю цыплят, — бросает он.

Он накидывает пуховик поверх пижамы и выходит во двор.

Я ставлю чайник на огонь и жду, когда он засвистит.

Маятник на дедовских часах скрипит, как заступ, вгрызающийся в грунт.

Восемнадцать лет назад я лежала на спине в этой самой спальне, а Лайам прокладывал свой путь наружу из моего тела. Тела, ставшего аэродинамической воронкой боли. Я не хотела рожать на острове — как-никак я ученый, поборник новейших технологий, и в медицине тоже. В тот день я собиралась поехать в Корк, остановиться у Беллы и Алана в двух шагах от великолепного госпиталя и ласковой акушерки с Ямайки, но Лайам опередил меня. Даже сегодня он в состоянии проявлять терпение лишь недолго, пока ему не станет скучно. И вот вместо сияющей палаты я нахожусь в своей спальне, в окружении мамы, Мейси, иконы святой Бернадетты, пучков травы, которая отгоняет нечистую силу, полотенец и чайников с горячей водой. Джон курит на первом этаже с Бренданом, отец Уолли дежурит со святой водой наготове.

Когда Лайам родился, я лежала, как выпотрошенная, и чувствовала, как испаряется боль. Мейси подняла Лайама. Этого незнакомца, обитавшего во мне, еще покрытого слизью. Плакать или смеяться? Новая жизнь пришла, как потом придет смерть, все в полном порядке. Моя мама, Мейси, святая Бернадетта и я пережили мгновение небывалой тишины, а затем последовали крик, хлопоты, суета. Мейси обмыла Лайама в цинковой ванночке.

Был полдень. Я прижимала Лайама к груди и чувствовала, что баюкаю Аполлона.

Лайам насаживает на крючок дождевого червя. Чем сильнее тот извивается, тем глубже вонзается крючок.

— Глотай, мой гермафродитик, глотай!

— Господи, Лайам, как только тебя не стошнит?

Море дышит глубоко: вдох, выдох.

— А что особенного, мам? Такая вот жизнь змея, потом приходится умирать.

Он привстает и пристально всматривается вдаль. Поплавка я не вижу, только слышу плеск. Зрение определенно стало хуже.

Тюлени греются на солнышке среди прибрежных камней. Самец

сползает в воду и исчезает на полминуты. Через тридцать ярдов снова показывается его голова, чем-то похожая на планковскую.

— А ты в детстве наверняка ловила на живца, да, ма?

— Я чаще сидела с книгой, чем с удочкой. Главным рыбаком в семье была твоя бабушка. По такой погоде, как сейчас, она с ранней зорькой была уже на берегу. Да я тебе сто раз рассказывала.

— Ни разу, мам. А дедушка?

— Дедушка больше всего любил сочинять небылицы.

— Например?

— Например, однажды он выдумал, что непобедимый Кухулин отдал все свое золото на хранение Красавчику принцу Чарли^[79]. Красавчик принц Чарли, бежавший от Наполеона, спрятал золото на Клир-Айленде под камнем. И если мы постараемся, то наверняка найдем его. Мы с близняшками Догерти целое лето потратили на поиски клада. Потом Роланд Дэвитт указал нам на хронологическую нестыковку.

— И что ты сказала дедушке?

— Спросила, зачем он все это выдумал.

— А он?

— Ответил, что ни один ученый не станет основывать свои исследования на информации, полученной из вторых рук, не проверив ее предварительно в школьной библиотеке по «Британской энциклопедии».

Послышался звук моторной лодки. Я приложила к глазам бинокль.

— Не волнуйся, ма. Это Дайви О'Бруадар вытаскивает корзины с лобстерами.

Не дергайся, Мо! Бог знает, когда еще тебе выпадет провести целое утро вместе с Лайамом. Может, завтра, а может, через много лет.

Мы молчим. Лайам стоит с удочкой. Я лежу на теплых камнях. Слушаю, как шуршат волны, накатывая на гальку.

Капли дождя собираются на крышах Скибберина и толстыми струями, булькая, стекают по желобам на мостовую. В лечебнице медсестра наливает мне чай в китайскую чашку. У чашки широкие края, чтоб скорее остывала, и крошечная, с мышиную лапку, ручка, чтоб скорее проливалась.

— К сожалению, госпожа директриса не может сегодня с вами встретиться, доктор Мантервари. У нас принято договариваться о посещении заранее.

— Я очень коротко.

Мы с медсестрой одновременно взглянули друг другу в глаза и одновременно их опустили. Я так и вижу, как Техасец беседует с ней: «Я

старый приятель Джона и Мо... Если Мо появится у вас, вы уж позвоните мне. Хочу сделать ей сюрприз».

Мы идем в комнату матери.

— Миссис Мантервари! К вам приехала дочь.

Полагаю, у медсестры такой ласковый голос только при посетителях.

Я осматриваю комнату.

— Очень мило...

Чушь, конечно.

— Да, — говорит медсестра. — Мы очень стараемся.

Еще большая чушь.

— Я оставлю вас ненадолго. Нужно проверить, как дела в классе вышивки. Сами понимаете — иголки.

Стены в комнате бледно-розового цвета. Безымянность окрашена в серый цвет, беспамятство — в бледно-розовый.

Я смотрю на мать. Люси Эйлин Мантервари. Ты сейчас находишься в другом мире, откуда видишь нас обеих, но не можешь подать знак, или тебя больше нет нигде? Когда я навещала тебя прошлой зимой, ты расстроилась. Ты узнала мое лицо, но так и не смогла вспомнить, чье оно.

Вигнер^[80] считает, что сознание человека «схлопывает» реальный мир из множества возможных. Значит, мир моей матери «расхлопнут»? Ее карты летят обратно над зеленым сукном и возвращаются в колоду банкмета?

Мать моргает.

— Мама!

Таким голосом говорят со святыми, в которых верят только в случае необходимости.

— Мама, если ты слышишь меня...

Начинается сеанс вызывания духов.

Зачем я прихожу?

Без родителей, без родного дома я ничто. Даже если окна в родном доме давно без стекол, а сквозь провалившуюся крышу успели вырасти деревья. Люди, вырванные из почвы, унесенные ветром, бродяги, которые не знают своих корней, — что они тогда могут знать о себе? Как им узнать, кто они?

Мама моргает.

— Мама, ты помнишь, как танцевала с папой в гостиной?

Я убеждаю себя, что она заслушалась тем, как барабанит дождь по подоконнику. Мы смотрим, как разлетаются брызги — подобно искрам бенгальских огней, пока не возвращается медсестра.

Мимо дома Лис О'Мойне едет отец Уолли на своем трицикле, сутана развеивается за спиной. Я наблюдаю за тем, как он увеличивается, приближаясь, и ловлю себя на том, что рассчитываю матрицу параллакса. Мы машем друг другу. Лайам пока сосредоточен на своем занятии, его удочка время от времени со свистом рассекает воздух. Слышу скрежет подъезжающего трицикла, этого ржавого бандита. Отец Уолли покровбойски спрыгивает, привстав на одну педаль, трицикл валится с грохотом. Лицо священника покраснелось от ветра, волосы побелели от времени.

— С добрым вас утром, Мо, Лайам! Слава богу, шторм пережили. Твой синяк гораздо меньше, Мо. Я заезжал в «Игаган» посмотреть, нельзя ли спасти моего слона, Джон сказал, что вы тут. Прекрасное место, здесь раньше видали дельфинов. Клюет рыбка, Лайам?

— Пока нет. Еще не проголодалась, наверно.

— Присаживайтесь на одеяло, отец Уолли. У меня есть термос с чаем и термос с кофе.

— От чайку не откажусь, спасибо, Мо. Кофе хорош для тела, а чай — напиток для души.

— Я недавно прочел, — говорит Лайам, — что секрет чая открыли совершенно случайно, на кораблях, которые шли из Индии. Путь был долгий, в трюмах было слишком жарко, и в ящиках началась ферментация зеленых листьев. Так что, когда то ли в Бристоле, то ли в Дублине, то ли в Гавре ящики открыли, они обнаружили то, что сейчас мы называем чаем. Но в первый раз это произошло по недосмотру.

— Я и не знал, — говорит отец Уолли. — На свете происходит столько интересного. И в основном по недосмотру.

— Я оставлю вас с мамой, отец Уолли, а сам пройду чуть подальше. Мне кажется, чайки распугали здесь всю рыбу.

— Сам Иисус питал слабость к рыбалке.

После налета на квартиру этажом выше стало ясно: я должна срочно уехать. Хью пытался разубедить меня, говорил, что это случайное совпадение, что я реагирую неадекватно. Но я-то прекрасно понимала, что подвергаю его риску, и он понимал, что я права. Мы говорили шепотом, пока я укладывала чемодан. Я решила, что бежать из Гонконга на самолете слишком опасно. Хью отвез меня в большой отель рядом с его работой, и я попрощалась со своим другом, единственным к востоку от Женевского озера. Я зарегистрировалась под своим настоящим именем, взяла такси и

перебралась в другой отель, где зарегистрировалась по фальшивому паспорту.

На следующий день я довела дело до конца. В турагентстве при гостинице оформила визу в Китай и купила билеты на поезд до Пекина — целое купе. Девочкой я мечтала отправиться в далекое путешествие. Теперь я мечтала, чтобы оно поскорее закончилось.

Завтра Азия проглотит меня, как кит Иону.

Мы сидим с отцом Уолли, пьем чай, смотрим, как в сторонке Лайам ловит рыбу. К северу на полуострове возвышается гора Габриэль.

— Славный у тебя парнишка, — говорит отец Уолли. — Твои родители гордились бы им.

— Вы знаете, отец Уолли, за последние семнадцать лет я провела с Лайамом только пять лет и девять месяцев. Всего двадцать шесть процентов^[81]. Может, я сумасшедшая? С Джоном мы живем, как в разводе. Иногда меня мучает мысль, что я оторвала его от корней.

— По-твоему, он похож на жертву?

Лайам, Лайам, все его шесть футов — это от Джона и от меня.

«Святой Фахтна» направляется к Балтимору. Я стараюсь не смотреть в его сторону.

— Угощайтесь печеньем, отец Уолли.

— С удовольствием, спасибо. Помнишь день, когда родился Лайам?

— Как раз сегодня утром вспоминала. Смешно это было!

— Мне доводилось крестить уродливых младенцев, Мо, но чтобы такого!..

Мы смеемся.

— Как жаль, что Джон не видит его сейчас, — говорю я.

— Джон видит лучше многих зрячих. Он хоть и законченный безбожник и скользкий как угорь, когда играет защиту Пирца — Уфимцева, но терпение у него как у Иова.

— Ему больше повезло с друзьями, чем Иову.

— Чем больше у человека оснований для жалоб, тем меньше он жалуется.

— Джон говорит, что для слепого жалость к себе — первый шаг к отчаянию.

— Это так. Послушай, Мо...

Отец Уолли хочет что-то сказать, но медлит. Я жду, глядя, как плывет целая флотилия тупиков. На другом берегу бухты сушатся простыни, развеваясь на ветру. Ловлю себя на том, что занялась расчетом: сколько

времени понадобится ракете с модулем «Красп», чтобы определить оптимальную точку атаки. Тридцать наносекунд. А через восемь секунд склон холма превратится в облако пламени.

— Послушай, Мо, — продолжает отец Уолли. — Джон ничего мне не говорил. Что уже говорит о многом. И потом, люди год целый передавали посылки от тебя Джону и от Джона тебе. На каждый роток не накинешь платок. У тебя проблемы, Мо?

— Я не могу сказать вам, отец Уолли. Хотела бы, но не могу. Я даже не могу сказать, почему не могу.

— Мо, я вовсе не хочу выведывать твои секреты. Я только хотел сказать: ты наша, Мо. Мы своих в беде не бросаем.

Я не успела ничего ответить: тишину вспорол рев двигателя, овцы бросились врассыпную. В небе пронесся истребитель курсом на север. Лайам возвращается к нам.

— Дьявольская машина! — ворчит отец Уолли. — Разлетались в последнее время. Восстановлен старый военный полигон на Медвежьем острове. Ирландский тигр набирает мощь. Когда наконец мы поумнеем? Ирландия — и военная мощь. Каждая сама по себе хороша, но соедини их вместе, и все пойдет кувырком. Это все равно что... все равно что...

— Соединить молоко и уксус, — подсказывает Лайам.

— Скоро, глядишь, нам понадобятся собственные спутники, а там и собственные ядерные бомбы!

— Ирландия ведь уже платит взносы в Европейское космическое агентство, да, мам?

— Вот-вот, к тому оно все и клонится, — подытоживает отец Уолли. — Ирландия — самый нетронутый уголок Европы, а Клир-Айленд — самый нетронутый уголок Ирландии. Но скоро до нас доберутся, помяните меня.

Электроны в моем мозгу непрерывно снуют, изменяя состояние атомов, электрических зарядов, молекул, рецепторов, передавая импульсы, формируя мысли, желания, решения, в том числе решение родить ребенка, решение уйти из «Лайтбокса». Рождая теории, технологии, программы для компьютера, совершенствуя системы искусственного интеллекта, средства наведения ракет и обрушивая здания на людей, которые никогда слыхом не слыхивали о существовании Ирландии.

Электроны, электроны, электроны. Чьим законам вы послушны?

Джон и Планк приближаются к нам по дороге от дома Лис О'Мойне.

— А вон и папа! — говорит Лайам.

— Ну что, Лайам? На обед наловил?

— Нет пока.

— Восемнадцать лет я тебя холил и лелеял, и что я имею с этого — «нет пока»? Мама здесь?

— Да, и отец Уолли.

— Как раз он-то нам и нужен. Значит, рискуем остаться без обеда?

— Честно говоря, я заходил к Старине, запастись на всякий случай сэндвичами...

— Ну ты и хитер, прямо как папист...

— Сейчас только половина двенадцатого, — говорит Лайам немного обиженно, насаживая наживку на крючок.

— У тебя есть время до полудня, сын, — отвечает Джон.

Мы гуляем, Джон держит меня за руку. Необходимости в этом нет — он знает каждую песчинку на Клир-Айленде. Потому и перебрался сюда жить, когда ослеп окончательно. Он держит меня за руку, чтобы я снова почувствовала себя девочкой, и я действительно чувствую себя маленькой. На единственном перекрестке он поворачивает налево. Тишину нарушают только ветер, чайки, овцы и волны.

— Облака есть?

— Да, над Заячьим островом плывет корабль. Кучевое облако.

— Похожее на цветную капусту?

— Скорее на легкие.

— А камфорные деревья? Какие краски вокруг?

— Деревья голые, если не считать, что некоторые обвиты плющом. Поля мшисто-зеленые. Небо синее, как океан на карте. Облака жемчужно-розоватые. Море густо-синее. Все-таки я атлантический человек, Джон! Посели меня на Тихом океане — и я умру с тоски.

— Глупо, когда люди говорят, что быть зрячим и потом ослепнуть хуже, чем родиться слепым. Одна из самых больших глупостей о слепых. Ведь я помню цвета! А лодки вышли в море?

— Да, есть одна. И еще красавица яхта отчалила от среднего острова Калф.

— Жаль, что я не могу выходить в море.

— Тебе стоит только попросить!

— У меня появилась морская болезнь: представь, что ты с закрытыми глазами спускаешься по американским горкам.

— Да, ясно. — (Мы продолжаем шагать.) — А куда ты меня ведешь?

— Отец Уолли отреставрировал резьбу в церкви. Говорят, на это стоит

посмотреть.

Последний теплый ветерок перед наступлением зимы. «В путь, в путь, в путь», — поет жаворонок.

— Мо, я страшно боюсь за тебя.

— Мне жаль, мой родной. Но пока меня не нашли, мне ничего не угрожает. А пока ничего не угрожает мне, и вы с Лайамом в безопасности.

— И все равно я боюсь.

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы ты знала.

От нежности у меня всегда подкатывают к глазам слезы.

— Ты женщина-электрон, ты подчиняешься принципу неопределенности Гейзенберга.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю либо твое положение, но не знаю направления, либо знаю направление, но не знаю, где ты. Что за шум? Десятиногая овца?

— Коровы. Интересуются, не хотим ли мы их подоить.

— А какой породы — джерсийские или фризские?

— Какие-то коричневые.

— А, это ноаковские джерсийцы.

— Почему бы мне не остаться здесь и не выращивать бобы, как мать?

— И как скоро ты затоскуешь по своим компьютерам девятого поколения?

— Ну, может, буду писать что-нибудь изредка, дожидаясь урожая бобов.

Ред Килдар на своем мотоцикле догоняет нас, разбрызгивая камушки из-под колес. В коляске сидит Мейси.

— Джон! Мо! — старается она перекричать двигатель. — Тут сырое мясо для твоей бородавки! — Мейси протягивает мне кусочек, завернутый в фольгу. — Вечером натри им бородавку, а потом закопай в землю. Только чтобы никто не видел, а то не поможет. Ред подоил Фейнман. Ждем вас вечером в «Лесовике».

Мы с Редом киваем друг другу.

— Доброго пути!

«Нортон» срывается с места, Мейси вскрикивает и отчаянно взмахивает руками.

Та же церковь, та же кафедра, другая я. Другая ли? Смотрю на купол, он кажется мне дном лодки. Я всегда воспринимала церковь как Ноев

ковчег на горе Арарат. Запах свежего дерева, древних каменных плит и молитвенников. Я закрываю глаза и представляю, будто по обе стороны от меня стоят мать и отец. Я даже чувствую запах духов матери, они назывались «Горная лилия». От отца пахнет табаком, он слегка посапывает, когда его большой живот поднимается и опускается. Он пожимает мою руку, поворачивается ко мне и улыбается. У матери чопорный вид. Я открываю глаза, словно внезапно проснувшись. Джон осторожно пробирается среди регистров органа, откашливается и начинает играть вступление к «Белее бледного».

Клавиши, трубы, педали.

— Джон Каллин! Гимн разнузданных шестидесятих в Божьем доме!

— Если Бог не может оценить духовность «Прокол Харум», тем хуже для него.

— А если войдет отец Уолли?

— Скажем, что это пастораль ми минор Феттучино.

— Феттучино — сорт спагетти!

— Мы пропустили последнее фанданго... [\[82\]](#)

По Наомовой дороге взбираемся на самую высокую точку острова. Идем медленно, обходя выбоины.

— Это ветряная турбина шумит, да?

— Да, Джон, она.

— У нас до сих пор уверены, что турбина появилась на острове благодаря тебе.

— Вовсе нет. Исследовательская группа выбрала Клир-Айленд без моего участия.

— Бэджер О'Коннор хотел собрать подписи под петицией в Европарламент, с призывом «Руки прочь от Клир-Айленда!». Потом люди сообразили, что им больше не придется оплачивать счета за электричество. И когда комитет предложил Гилларни-Айленд вместо нашего острова, О'Коннор организовал петицию с призывом «Верните нам наш генератор!».

— Уверена, что в свое время и ветряные мельницы, и каналы, и паровозы вызывали у людей протест. А когда они оказались под угрозой исчезновения, люди прониклись к ним нежностью.

Пара ворон прогуливается вдоль насыпи, напомнив мне двух старух в черных плащах с капюшонами, которые вышагивали по берегу. Обе дружно посмотрели на меня.

Жужжание и гудение ветряной турбины становится громче по мере

нашего приближения. Если каждый оборот творит новый день, новый год, новую вселенную, а тень лопастей — коса антивещества, то...

Я едва не наступила на что-то черное, облепленное мухами.

— Тьфу ты!

— Что там? — спросил Джон. — Коровья лепешка?

— Нет. Дохлая крыса, половина мордочки отъедена.

— Очень мило.

Фигура незнакомки у подножия скалы. Идет по тропинке, глядя в бинокль. Я ничего не говорю Джону.

— О чем ты думаешь, Мо?

— В Гонконге на моих глазах умер человек.

— Отчего?

— Не знаю. Упал совсем близко от меня. Сердечный приступ, наверное. Там на дальнем острове есть большой серебристый Будда. Рядом стоянка туристских автобусов. Туда ведет лестница с площадками для отдыха. Я купила миску лапши и потихоньку слопала ее, пока поднималась вверх. А он упал передо мной. Совсем молодой еще человек. И знаешь, у него на лице была улыбка. Почему я сейчас вспомнила о нем? Наверное, из-за этой большой серебристой штуковины на холме.

Я лежу в углублении каменной могильной плиты, свернувшись калачиком, как эмбрион.

Укрыта от ветра. Приложи ухо к ракушке времени, Мо. Этот могильный камень лежит здесь три тысячи лет. Представим, что я тоже. Никто не может объяснить, каким образом древние кельты, не знавшие железных орудий, умудрились в гранитной плите выдолбить саркофаг для погребения вождя. Никто не может объяснить, как они умудрились притащить сюда из Блананаррагауна эту плиту размером с двуспальную кровать.

Волосатые ноги Джона маячат перед глазами.

Дальше — поросшие травой дюны, похожие на волны, за ними — барашки пены, которые скачут на бурунах. За бурунами — волны, всех цветов и оттенков, похожие на сон спящего великана.

Детьми мы испытывали друг друга на храбрость: нужно было провести здесь ночь. Народное поверье гласит, что человек, который провел ночь в могильнике у Киарана, станет либо вороном, либо поэтом. Дэнни Уэйт провел здесь ночь, но стал механиком и женился на дочери мясника из Балтимора.

Я протягиваю руку и щекочу Джона под коленкой. Он вскрикивает.

— Знаешь, Каллин, а я бы не прочь превратиться сейчас в ворону. Прекрасный выход из положения. Представляешь? «Мне очень жаль, мистер Техасец. Мо Мантервари с удовольствием помогла бы вам с новым оружием, но она полетела за дождевыми червями к ужину».

— И я бы хотел стать вороной. Только не слепой. Слетал бы к этому ветряку. Давай вылезай оттуда. Лежать в могиле — довольно зловещее развлечение.

— Тут происходили и более зловещие события. Я помню, Уэлан Скотт рассказывал, что здесь служили черные мессы.

— Что такое черная месса?

— Ничего-то вы, городские пижоны, не знаете. Это католическая месса, которая читается задом наперед. Человек, по которому отслужили черную мессу, должен умереть до середины следующей зимы.

— Держу пари, эта байка имела большой успех у отца Уолли.

— Только Папа Римский может отпускать такие грехи.

— Удивительно, что ты стала ученым, хотя выросла здесь.

— Потому я и стала ученым, что выросла здесь.

Даже время подвластно времени. Когда-то люди обращали внимание только на ритмы планеты — холодное время года, теплое время — и собственного тела — время спать, время бодрствовать. Первые обитатели острова отмечали время четыре раза в году — летнее и зимнее солнцестояния, осеннее и весеннее равноденствия, — чтобы не начать сев слишком рано или слишком поздно. С приходом христианства появились воскресенья, праздники Рождества и Пасхи, началась дележка календаря между всевозможными святыми. Вместе с англичанами появились сроки аренды и сроки уплаты налогов. Железная дорога сделала важнейшим отрезком времени час. Спутниковое телевидение передает шестичасовые новости по всему миру в один и тот же момент времени — ровно в шесть часов. Сегодня наука расщепляет не только материю, но и время на все более малые дольки. В «Лайтбоксе», когда я исследовала сверхпроводимость, мне доводилось иметь дело с мгновениями, которых в секунде 10 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000.

Но измерить скорость течения времени так же невозможно, как разлить время по бутылкам. Часы измеряют произвольные отрезки времени, но не его скорость. Никто не знает, ускоряется время или замедляется. Никто понятия не имеет, сколько времени протекает за сутки. Не сколько часов, минут, секунд, а сколько *времени* в сутках?

Вот в этих сутках, например?

— Как будем раскладывать сэндвичи, Мо?

— Ветчина и сыр, ветчина и помидор, сыр и помидор.

— А еще ветчина, сыр и помидор.

— Откуда ты знаешь?

— Ты всегда раскладываешь бутерброды всеми возможными способами.

— Разве?

— Потому я и женился на тебе.

Я вспоминаю про кусочек мяса, который дала мне Мейси. Вынимаю его из фольги и, не поддавшись искушению засунуть его в рот, натираю им бородавку.

— Погоди немного, Джон. Мне нужно схоронить кусочек мяса.

— Лечишься по рецепту Мейси? Давай-давай, я не подглядываю, честное скаутское.

Встану я, и пойду, и направлюсь на Иннисфри,
И дом построю из веток, и стены обмажу глиной;
Бобы посажу на лужайке, грядку, две или три,
И в улье рой поселю пчелиный^[83].

— Вот уже целых полчаса я совсем не думаю о физике.

— Старый добрый остров творит чудеса. Никого не видно поблизости?

— Ни души. Похоже, тут только мы. Разве что с Луны на нас смотрят.

Да эти ноаковские коровы.

— Тогда прильни к моей груди, красотка пышногрудая, дитя родной земли!

— Тоже мне скажешь — пышногрудая! Джон Каллин...

Мы покидаем «Лесовика» уже перед самым чаем. Джон, Планк и я идем в «Игаган» пешком. Лайам крутит педали горного велосипеда.

— И кто тебя научил так держать выпивку? — спрашиваю у него.

— Папа.

— Злостная клевета, — возмущается Джон.

Мы бредем, поддерживая друг друга. Из нас троих только Планк в состоянии идти ровно.

— Старый добрый закат сегодня из ряда вон, пап, — говорит Лайам.

— Какого он цвета?

— Красного.

— Какого красного?

— Как арбузная мякоть.

— О да. Это октябрьский красный. Действительно, такие закаты бывают редко.

Джон садится на камень у ворот подышать воздухом, я оставляю с ним Планк. Дёрн истоптан копытами и покрыт кротовинами. Лайам проехал вперед, чтобы покормить Шредингера.

Сад стал похож на маленький лес. Я угадала — крыша обвалилась. Пытаюсь нащупать ногой былую дорожку. Чьи глаза смотрят на меня через мутное стекло? Шуршит плющ, увивший все стены. В доме что-то стукнуло и шлепнулось. Кто тут обосновался — совы, кошки, летучие мыши или двуногие?

— Привет! — говорю я, поднявшись на крыльцо с зияющим проемом вместо двери. — Есть тут кто?

Когда с папой случился сердечный приступ, он упал здесь, именно на этом крыльце, перед дверью. С полным самообладанием человека, который знает наперед, что случится, мама велела мне присмотреть за ним, а сама поехала на велосипеде в порт за доктором Маллаганом.

Папа что-то хотел сказать мне. Я наклонилась пониже. Он говорил с огромным трудом, как будто грудь ему завалило булыжниками.

— Мо, будь сильной. Понимаешь? Учись как следует. Ирландских корней не забывай. Помни, кто ты есть.

— Пап, ты что, умираешь?!

— Да, детка. Это интересное путешествие, поверь мне.

Когда-то это был маленький аккуратный домик, в нем всегда пахло чистотой, свежей штукатуркой и свежей побелкой. Однажды летом папа своими руками выложил кровлю черепицей, ему помогали парнишки Доигов, отец Уолли и Габриэль Фитцморис, который утонул в октябре того же года. А старую соломенную крышу мы подожгли, устроив гигантский костер на берегу.

Но любая система стремится от упорядоченности к хаосу. Мы с мамой уехали с острова, поселились у тетушек на большой земле, и за работу принялись штормовые ветры да древесные жучки. Жители острова еле успевали ремонтировать собственные дома. Мама не выдержала встречи с призраками, ушла в свой мир, предоставив нам самим разбираться с этим, кто как может.

Тонкие деревца тянутся сквозь крышу к лунному свету. Показались первые звезды.

— Мо! Все в порядке? — окликает Джон у ворот.
Нет, никакого послания здесь для меня нет.
— Да, — кричу я в ответ, застегиваю куртку и спускаюсь с крыльца.

*

Джон зевает и потягивается, чтобы проснуться. Ласковый день, в котором еле-еле угадывается холодок зимы. Опять тархтят вертолеты.

— Как спалось, дорогой?

Джон по голосу понимает, когда человек улыбается.

Он проводит языком по губам, расклеивая их.

— Хорошо. Мне приснился сон. Я плыву по какому-то мелкому морю в районе Панама. С чего я взял, что это Панама? Но точно знаю, что Панама. Под водой виден свет, и там плавают пушистые облака. Я думаю: «Что за чушь? Под водой не бывает облаков». Всматриваюсь получше и вижу, что облака — это на самом деле медузы, разноцветные, как лампочки на рождественской елке, и мигают.

— Красивый сон.

— В трех случаях я не чувствую себя слепым. Когда показываю приезжим Клир-Айленд, когда обыгрываю отца Уолли в шахматы и еще когда вижу цветные сны... Мо?

— Да, Джон?

— Сегодня, Мо?

Хью говорил мне, что человек всегда просыпается за несколько секунд до землетрясения.

— Да, сегодня.

Я поступаю определенным образом в отношениях с Джоном, Техасцем, Хайнцем Формаджо потому, что я есть то, что я есть. А почему я есть то, что я есть? По тому что таково сочетание атомов, свивающих двойную спираль моей ДНК. Что побуждает ДНК к изменениям? Субатомные частицы, сталкивающиеся с ее молекулами. Эти частицы бомбардируют планету, вызывая мутации, которые приводят к появлению древнейших форм жизни, и далее от одноклеточных к медузам, от медуз к гориллам, а от них уже рукой подать до нас: до председателя Мао, Иисуса, Нельсона Манделы, до Его Провидчества и Гитлера, до вас и до меня.

Эволюция и история — бильярд элементарных частиц-волн.

Лайам входит и сразу достает бутылку молока из холодильника.

— А может, они решили оставить тебя в покое, ма?

— Может, Лайам.

— Нет, правда. Если б они хотели тебя забрать, они бы уже наверняка были здесь.

— Пожалуй.

— А если так, ты ведь можешь работать в Корке, на факультете? Правда, пап?

— Так-то оно так. Ректор на коленях благодарил бы маму, — говорит Джон как можно мягче. — Но...

— Ну вот, мам, значит, решено.

Ах, Лайам, Лайам. Больше всего Бог злится, когда цыплят начинают считать раньше осени...

Транссибирский экспресс мчался по Северному Китаю, углубляясь в лес, в уютные сумерки. Я по-прежнему играла с матричной механикой, но пока без всякого результата. Я билась над проблемой от самого Шанхая и, похоже, топталась на месте.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию?

Вагон-ресторан пуст, все места свободны. Вряд ли мы знакомы с этой молодой женщиной.

— Меня зовут Шерри, — представляется она с австралийским акцентом и ждет моего ответа.

— Очень приятно. Садитесь. Отодвину только свои бумажки...

— Это у вас, значит, математика?

Странно, что столь молодая женщина, как она, хочет общаться с такой немолодой, как я. Ну и что, мы обе вдали от родных краев, от родного языка, не спеши с подозрениями, Мо.

— Да, я учительница математики. Какая у вас толстая книга!

— «Война и мир».

— Да, этого хватает. Особенно первого.

Полуголый китайский карапуз бежит вдоль вагона и гудит, подражая то ли лошади, то ли вертолету.

— Простите, я не расслышала вашего имени.

Вспышка подозрительности. Мо, брось. Она всего лишь непосредственна, как ребенок.

— Меня зовут Мо. Мо Смит.

Мы пожимаем друг другу руки.

— Шерри Коннолли. Вы до конца, до Москвы, или сойдете по дороге?

— Прямоком до Москвы, а дальше — Петербург, Хельсинки, Лондон, Ирландия. А у вас какие планы?

— Я хочу побывать в Монголии.

— Долго?

— Пока снова не потянет в путь.

— Рады, что покинули Пекин?

— Рада, что покинула свое купе! Там двое пьяных австралийцев соревнуются в сквернословии. У меня такое впечатление, будто я не уезжала из дома. Мужчины бывают невыносимы.

— Хотите поменять купе? Наша проводница уступчивая. Подкуплю бабушку бутылкой китайского виски.

— Нет, спасибо. У меня пятеро братьев, мы росли вместе, так что с парочкой шведов справлюсь. К тому же до Улан-Батора осталось всего тридцать шесть часов. К тому же на нижней полке едет здоровенный симпатичный датчанин... А вы, Мо, тоже путешествуете одна?

— Я? Совсем одна.

Шерри сочувственно посмотрела на меня.

— О нет, слава богу, не в этом смысле! Вообще у меня есть и муж, и почти взрослый сын, но они дома.

— Наверно, скучают без вас. А вы — без них.

Бесспорное заключение.

— Да, вы правы.

— Послушайте, у меня есть банка китайского растворимого чая с лимоном. Выпьем по чашечке? Настоящий Маккой.

Приятно снова разговаривать на родном языке.

— С удовольствием.

Мы болтали до самой монгольской границы, где у поезда поменяли колеса: старая советская колея имеет другую ширину. Я ощутила всю

степень своего одиночества.

Не знаю, может, подействовал чай Шерри, но только, когда я бросила взгляд в черную тетрадь, я сразу увидела ответ, который так долго искала: константа Требеви́ча выводит из тупика. Мо, ты идиотка. Мне казалось, я сидела не так уж долго, пока не заметила, что в вагоне-ресторане заступила утренняя смена.

Острова, города, леса, все осталось позади. Заря занималась над бескрайними равнинами Центральной Азии. Я — истерзанная сомнениями, уставшая, немолодая женщина-физик с неопределенным будущим, но я наконец вступила в область, где до меня не бывал еще никто. Я поплелась к себе в купе и проспала целый день.

Житейская мудрость приписывает доктору Франкенштейну грех гордыни.

Я не думаю, что он возомнил себя богом. Просто он был ученым до мозга костей.

Разве могут ядерная физика, генная инженерия, квантовое распознавание быть добрыми или злыми? О технологии можно сказать только одно: работает она или не работает. А *для чего* работает — это уже совсем другой вопрос.

Доктор Франкенштейн сбежал, бросил свое создание, и в этом его вина. Его детище оказалось во власти людей, которые поступили так, как всегда поступают невежды: улюлюкают и закидывают камнями. А если бы добрый доктор обеспечил свое творение средствами самозащиты, механизмами адаптации и выживания, то, возможно, удалось бы спасти множество средневековых жизней, и трансплантология возникла бы на пару веков раньше.

Я вижу, Мо, куда ты клонишь. Но разве можно научить машину распознавать добро и зло? Противостоять злоупотреблениям?

Вот же она, черная тетрадка. Если «Красп» не способен к распознаванию, пусть получит другое название.

Телефон зазвонил, когда я разбивала яйцо. Джон берет трубку — ему ближе.

— Билли?

Он долго молчит.

— Поня-я-тно, — наконец тянет Джон и кладет трубку.

Так я и знала. Плохие новости.

— Это Билли из Балтимора. В «Мартышке с барабаном» он видел трех

американцев, похожих на «Братьев Блюз»^[84]. У «Святого Фахтны» загадочные неполадки с мотором, так что утром его можно не ждать, но к вечеру он точно вернется: у Дэнни Уэйта кончается инсулин, а погода до конца недели не улучшится.

Вот и вонзилась лопата в землю, сквозь камешки и дерн, рубит корни.

— Ма! — Лайам хватает меня за руку. — Мы должны тебя спрятать!

Планк залаяла. В дверь постучали. Неужели все?

Лайам тащит меня подальше от двери.

— Кто там? — спрашивает Джон.

— Это я, Брендан Миклдин!

Не утро, а сцена из боевика. Вваливается запыхавшийся Брендан, с ним врывается свежий, морозный воздух.

— Мо, Билли сказал мне, что янки близко. Мы можем переправить тебя в Скалл на лодке Ройшин. Оттуда моя свояченица отвезет тебя в Баллидехоб. А дальше...

Я остановила его жестом:

— Откуда? Откуда вы знаете?

— На Клир-Айленде своих не дают в обиду! — Брендан повышает голос, что странно слышать. — Сейчас не время толковать: откуда знаем, да кто сказал, да все такое. Лодка стоит наготове!

Представляю себе свое возможное будущее. Я пускаюсь в бегство: взгляды украдкой из окна такси, низко опущенный зонтик, высоко поднятая перед лицом газета, и так до самого Белфаста. А дальше что? Если не догонят, если смогу добраться до Белфаста — опять переправлюсь на континент, затаюсь в какой-нибудь бедной стране, все это время лелея у сердца единственную схему компьютера новой земли.

Мо, что привело тебя к этому?

Тишина, все ждут.

Джон, откашлявшись, спрашивает:

— Что будем делать?

Нужно решать, родная.

— Спасибо, Брендан. На общественном транспорте Республики Ирландия от Пентагона не убежишь. Пора с ним встретиться лицом к лицу. Вот что я считаю.

Брендан достает свой противоастматический ингалятор, встряхивает и делает несколько вдохов.

— Ну, мы с Габриелем и мальчиками покажем этим янки, кто чего стоит.

Меня переполняют страх, возбуждение, любовь.

— Нет! Ни в коем случае, — говорю я. — Не нужно ни драться, ни бежать.

Лайам спрашивает, помрачнев:

— Так что ты будешь делать, ма?

Я отвечаю как можно спокойнее:

— Собирать вещи.

Квантовая физика говорит на языке вероятности в терминах неопределенности. Если мы знаем положение электрона, то неизвестно направление его движения и местонахождение на момент регистрации измерения. Джон потерял зрение. А если мы определяем направление движения электрона, тогда неизвестно его положение. Хайнц Формаджо из «Лайтбокса» прочитал мои белфастские статьи и пригласил на работу. Частицы, образующие атомы мозга того молодого человека, который вытолкнул меня из-под такси в Лондоне, сложились таким образом, что он оказался в тот момент в том месте, захотел это сделать, сумел это сделать. Даже самая полная информация о радиоактивном атоме не позволяет нам предсказать момент его распада. Я не могу предсказать момент появления Техасца на острове. Где заканчивается микромир и начинается макромир? Границы не существует.

Лайаму приходится нагибаться, чтобы не задеть головой потолочные балки в спальне Джона. В нашей с Джоном спальне. Я помню тот день, когда он впервые сам вскарабкался сюда по лестнице, ступенька за ступенькой, задрав попу, и выражение лица было как у Эдмунда Хиллари^[85].

— Лайам, ты?

— А бородавка-то сошла, мам!

— Вот именно! И кто скажет, что это глупости?

— Ма! Не можем же мы сдать без боя!

— Именно для того я и иду. Чтобы не было драки.

— Ты говорила, что «Красп» переносит военные технологии на пятьдесят лет в будущее!

— Это было полгода назад, в «Лайтбоксе». Я недооценивала «Красп».

— Не понимаю.

Черная тетрадка лежит на комод.

— А что, если «Красп» окажется настолько мощным, в этическом смысле, что сможет предотвратить злоупотребления? Что, если «Красп» возьмет на себя функцию... как бы это сказать... зрителя зверинца?

— Я тебя не понимаю. Каким образом?

Мужчины что-то обсуждают внизу, на кухне.

— Человеческий род обречен либо исчезнуть лет через пятьсот, либо... стать лучше. Технический прогресс вырвался из-под нашей власти, он обгоняет нашу способность управлять им. Но предположим, давай предположим, что «Красп» сам в состоянии контролировать себя, тогда...

Господи, как это звучит со стороны?

— Лайам, по-твоему, я сошла с ума?

У берега в один голос заблеяло стадо овец. Лицо Лайама застыло, как на портрете, и вдруг озарилось улыбкой.

— Мам, а что, если подсунуть им черную тетрадку, чтобы они от тебя отвязались?

Лайам — смысленный мальчик.

— Ах да! Черная тетрадка.

«Нортон» Реда Килдара с треском врывается во двор и резко тормозит перед входом. Гейзенберг закукарекал и взлетел на телеграфный столб, где для него есть жердочка.

— Это Ред, — поясняет Джон. — Приехал подоить Фейнман.

Ред входит на кухню.

— Они вычислили тебя, Мо. Как насчет чайку?

И Ред кладет на стол пакет с карамельками.

— Неужели каждая живая душа на острове знает о моих разногласиях с американцами?

— На острове секрет можно спрятать от дальних, но не от ближних. Не стоит волноваться. Американцы воображают, что могут купить все на свете. Может, они просто хотят поднять цену.

Джон вздохнул.

— Ну, Ред, я слепой, но если ты думаешь, что эта публика явилась, только чтоб потолковать насчет условий работы, то я по сравнению с тобой просто телескоп Хаббла.

Ред пожал плечами и закинул в рот карамельку.

— Тогда дело дрянь. А если дело дрянь, остается только одно.

— И что?

— Пойти в «Лесовика» и выпить.

— Пожалуй, это лучшая идея за все утро, — отвечаю я.

— Слышу скрип, это отец Уолли на своем трицикле, — говорит Джон.

Отец Уолли входит и садится, тяжело дыша.

— Мо! — обращается он ко мне, пытаюсь нащупать смысл в этом

ошалевшем, на его взгляд, мире. — Мо, это ведь не что иное, как похищение. Ты же не совершала никакого преступления. Как такое возможно?

Возьмите любые два электрона или, как в моем и доктора Белла^[86] случае, два фотона, которые произошли из одного источника, измерьте их спины и сложите, и вы получите нуль. Как бы далеко друг от друга они ни разлетелись, какое бы ни было между ними расстояние — как между мной и Джоном, между Окинавой и Клир-Айлендом, между Млечным Путем и туманностью Андромеды — все равно: если вы знаете, что одна частица вращается по часовой стрелке, то, значит, другая вращается против, где бы она ни находилась. Чтобы знать это, не требуется ждать движущегося со скоростью света сигнала, который сообщит об этом. Эти явления взаимосвязаны, и расстояние не играет роли. Океан целостности живет скорее по законам вуду, чем по законам Ньютона. Чуть повернул зеркальные противосолнечные очки — и сделал будущему «ресет».

— Как такое возможно, отец Уолли? Из-за синхронности океана.

— Я не уверен, что уловил твою мысль, Мо.

— Отец Уолли, Ред, Брендан, простите... Можно, я пару минут побуду с Джоном и Лайамом?

— Конечно, Мо, конечно. Мы подождем во дворе.

— Мне будет ужасно недоставать вас, ребята.

Лайам собрал волю в кулак и держится молодцом.

Джон держится как Джон. Мои мужчины обнимают меня.

— Я хочу покормить Фейнман, — говорю я.

— Она и сама прекрасно поест.

— Я не доела завтрак. У меня есть для нее лакомый кусочек.

Поблескивает хромировкой «нортон» Реда Килдара. Урчит негромко его двигатель в такт нашим неторопливым шагам. Поскрипывает трицикл отца Уолли. Мечутся опавшие листья, словно стая мальков.

— Мы похожи на процессию в честь Вербного воскресенья, — говорит отец Уолли.

Неужели с той минуты, когда я поднималась по дороге от порта, прошло три дня? Так много? Так мало?

— Какой сегодня день? — спрашиваю я.

— Кажется, четверг, — говорит Лайам.

— Понедельник, — говорит Ред.

— Среда, — говорит Брендан.

По ту сторону дороги шумит ручей.

— Я слышу музыку.

— Опять фантазируешь, Мо Мантервари, — улыбается Брендан.

— Нет! Играют «Каменистую дорогу в Дублин»^[87]! Слышите?

Как только мы переваливаем через гребень холма, Планк начинает высоко поднимать лапы, словно предчувствуя возможность покрасоваться. Когда мы поравнялись с лавкой Старика О'Фарелла, я разглядела толпу островитян, высыпавших из «Лесовика» в сад. Над дверью висит плакат «Гордость нашего острова». Я стискиваю руку Джона.

— Ты знал об этом?

— Откуда? Я же только слепой музыкант, — отвечает муж.

— Это скромное мероприятие, — говорит Лайам. — Только для семьи и друзей.

— Я думала, меня заберут без шума.

— Но нельзя же без стаканчика на дорожку, правда?

— Мы знали, что ты все обдумала, Мо, — начал отец Уолли.

— Но хотели дать тебе возможность передумать, — закончил Ред.

— Эй! Лайам! Привет! — окликает Бернадетта, она сидит на стене, положив ногу на ногу.

— Привет, Бернадетта, — отвечаем мы с Джоном.

Народу в баре собралось столько, что можно только стоять. Мальчик Эмонов играет на аккордеоне. Даже орнитологи пришли в своих куртках с капюшонами, смущенные, но довольные. Я оглядываюсь в поисках новозеландки, но ее нигде не видно.

Орнитолог в кожаной куртке склонился над стойкой. Когда я вхожу, он оборачивается.

— Добрый день, доктор Мантервари. Я-то думал, в Ирландии одни только террористы, дожди да литературные гиганты-пидоры. — Он снимает большие темные очки. — А тут — посмотрите, какое веселье. Жаль, что мы с вами не можем задержаться.

Пол покачнулся у меня под ногами, как палуба. А потом меня охватило чувство облегчения. Все кончилось. По крайней мере, можно больше не убегать.

— Мам! — Лайам первым понял все. — Это он?

Вокруг меня вилась, кружилась джигга, своевольная, как метель.

Что происходит с секундами, выброшенными в корзину прошлого?

Что происходит в других вселенных, где электроны следуют другим

траекториям, где мутации, бытие и сознание подчиняются другим законам? Там меня схватили на квартире Хью? Там мой отец до сих пор жив, а рассудок матери по-прежнему ясен как стеклышко, там Джон никогда не терял зрения, а я добропорядочная женушка скромного фермера, там ядерное оружие изобрели уже в 1914 году, там хомо эректус стал ископаемым, подобно австралопитеку, или ДНК так и не свилась в спираль, звезды там не родились, чтобы умереть в саване из углерода и элементов потяжелее, а большой взрыв под действием гравитации через долю доли секунды завершился большим коллапсом?

А может, все эти вселенные развешаны в ряд, как простыни для просушки?

— Да, Лайам, — говорит Техасец после того, как джигга замолкает. — Это он.

— Мо! Хочешь, мы дадим ему под задницу так, что полетит до самого порта? — обращается ко мне Майо Дэвитт по-ирландски.

— Говорить по-английски! — командует Техасец.

— Пошел на фиг, осел, — отвечает Дэвитт по-ирландски.

Техасец угрожающе меряет Дэвитта взглядом.

— Только без драки, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Рядом со мной вырастает Ред Килдар.

— На Клир-Айленде не любят, когда приезжают чужаки и увозят наших ученых.

— А правительство Соединенных Штатов не любит, когда иностранные ученые даром пользуются самым совершенным оборудованием, за которое заплачено НАТО — черт, американскими налогоплательщиками, — и благодаря этим исследованиям сочиняют теорию, которая в корне изменит представление человечества о том, что такое техника вообще, а потом крадут материалы и сбегают, чтобы запродаться тому, кто предложит денег побольше.

— Я сначала сбежала, — уточняю я. — А потом сочинила теорию.

— Как может Мо украсть теорию, если она сама создала ее благодаря собственному светлому уму, которым ее одарил Господь? — спрашивает отец Уолли.

— Досточтимый отец, я был бы рад хоть весь день обсуждать с вами богословские аспекты нашей проблемы — Бог свидетель. Но дело в том, что вертолет уже ждет, поэтому я сразу перейду к юридическим аспектам. Согласно пункту тринадцать-бэ «О праве собственности» из положения НАТО о государственной тайне, все, что выходит из головы доктора

Мантервари, принадлежит компании «Лайтбокс». А все разработки «Лайтбокса» принадлежат нам. Священник с таким интеллектом, как у вас, сам сделает вытекающий отсюда вывод.

— Ну вот и садитесь на свой вертолет и валите отсюда, — выступает вперед Мейси. — Никто вас не звал в «Лесовика». И на Клир-Айленд вас никто не звал.

— Доктор Мантервари? Ваша крестная полагает, что нам уже пора.

Подскочил Фредди Доиг, за ним Берти Кроу.

— Мо никуда не поедет!

Техасец качает головой в притворном изумлении и указывает пальцем в окно. Мы все посмотрели в указанном направлении, и Брендан присвистнул:

— Мо! Вон сколько тебе почета!

На нас, в свою очередь, смотрела шеренга морских пехотинцев в полном боевом оснащении. Кто-то из прохожих замер от удивления, кто-то поспешил отойти подальше.

— Боже праведный! — воскликнул Фредди Доиг. — Из какого фильмеца у них эти пушки?

— Объясните мне, что там происходит! — требует Джон.

— Солдаты, — отвечает Лайам. — Десять человек. Меньше не справятся с такой отпетой преступницей, как моя мать.

— Если бы я мог видеть, — говорит Джон Техасцу, — то я бы все силы приложил, чтобы остановить вас. Так и знайте.

— Мистер Каллин, — поворачивается к нему Техасец. — Такая уж карта выпала вашей жене. Я обещаю вам, что в Пентагоне с ней будут обращаться как с гостьей и в полном соответствии с ее статусом. Но время, когда она, как кошка, бродила сама по себе, закончилось. Она должна поехать с нами. У меня приказ.

Берти Кроу не выдержал:

— Возьми свой сраный приказ и засунь его в свою американскую...

Жужжание вертолета заглушило конец фразы.

Техасец посмотрел на пехотинцев и полез в карман за сигаретами. Мы увидели под курткой кобуру. Он закурил, подчеркнуто неторопливо.

— Как вы предпочитаете действовать, доктор? На результат это никак не повлияет, вы понимаете.

Все взгляды обратились ко мне.

— Друзья мои! Я вам бесконечно благодарна. Но я должна лететь с ними.

Техасец позволил себе довольную улыбку.

— Только сначала обсудим условия, — продолжаю я. — Условие первое. В том, что касается «Краспа», я никому не обязана отчетом.

— Какие «условия», доктор Мантервари? — Техасец изображает изумление. — Об условиях можно было говорить полгода назад. Но вы отказались от своих прав, когда пустились в бега. Теперь мы забираем вас без всяких условий, доктор Мантервари, вместе с вашей черной тетрадью.

— С черной тетрадью? Вот как? Значит, она сейчас представляет для вас какую-то ценность?

— Послушайте, леди! — Он начинает терять терпение, прищуривается. — Вы, кажется, плохо понимаете суть дела. Ваши работы являются собственностью Министерства обороны США. Когда вы посещали вашу матушку в Скибберине, черная тетрадь была при вас. Она и сейчас при вас, если только вы ее не спрятали. Если спрятали — мы ее найдем. Советую начать деловые отношения с Пентагоном с жеста доброй воли и отдать мне эту тетрадь. Немедленно.

— Фейнман вам поможет.

Техасец с трудом сдерживает ярость.

— Среди ваших контактов отсутствует человек с таким именем. Мы ведем вас от самого Петербурга, леди. Мы вам не мешали, напротив, всячески помогали, чтобы вы могли в спокойной обстановке закончить работу. Вы нигде не встречались с человеком по фамилии Фейнман.

— Не верите мне — ваша проблема. Но черную тетрадь сейчас изучает Фейнман. Я бы сказала — жадно изучает.

— Коза! — расхохотался отец Уолли.

— Вы сказали «коза»? — Техасец не улыбался.

— Охотно повторю это для вас, — ответил отец Уолли. — Коза.

Техасец уставился на меня.

— Не угодно ли вам объяснить, леди, какая связь между козой и квантовым распознаванием?

Я сглотнула.

— Козы не привередливы, когда голодны.

— Мо! Ты блефуешь? — спрашивает Джон по-ирландски.

— Нет, Джон. Я говорю правду. Я слишком труслива, чтобы блефовать. Техасец сжимает кулаки и челюсти. Надевает темные очки.

— Все остаются на месте, — командует он.

Он идет к выходу, перед ним расступаются. Подойдя к пехотинцам, которые отдали ему честь, он что-то разгневанно кричит. В открытое окно до нас доносятся обрывки самых цветистых ругательств. Вынув из кобуры мобильный телефон, он с мрачным видом говорит в трубку.

— Рисуем, — шепчет Джон мне на ухо.

— Знаю.

— Но если твоя возьмет, у меня тоже есть одно условие...

Тяжело шагая, Техасец возвращается в бар.

— И какие ваши условия, доктор Мантервари?

Под нами земля, земля приобретает очертание острова, Клир-Айленд становится одним из островов среди других островов побольше и поменьше, «Игаган» — спичечным коробком. Техасец сидит в кабине вертолета. Два морских пехотинца передо мной, два позади. Как всегда, меня окружают мужчины.

— Держись, Мо, — шепчет Джон, сжимая мою руку. — Только не сдавайся, и Лайам приедет к тебе на рождественские каникулы.

И я наконец понимаю, что электроны, протоны, нейтроны, фотоны, позитроны, нейтрино, мюоны, пионы, глюоны и кварки, которые образуют Вселенную, и силы, которые удерживают их, суть одно.

«Ночной поезд»

*

— Щас, Бэт, ты узнаешь, как они распускают вирус по всему миру. Слушай!

— Пока что я слышу только полицейские сирены, Говард.

— Не, Бэт, погодь, ты должен меня дослушать. Речь же о будущем Америки! Скажи, Бэт, чё у нас является экспортным товаром номер один?

— Большинство специалистов считают, что нефть.

— Ха! Это они хотят, чтоб ты так считал. Обычная пропаганда! Какая, блин, нефть...

— Полиция стучится в дверь, Говард. У них ордер на арест!

— Ты должен, блин, предупредить людей, Бэт! Конец приближается.

— Конец уже наступил, Говард. Конец связи. Спасибо за звонок, и...

— **СЛЫШЬ, ТЫ! ЭТО ОРЕШКИ КЕШЬЮ! ВИРУС РАСПРОСТРАНЯЮТ ЧЕРЕЗ ОРЕШКИ КЕШЬЮ!**

— Прошу прощения, друзья! На беднягу Говарда пагубно действует полнолуние. Вы слушаете ток-шоу «Ночной поезд» на волне девяносто семь целых и восемь десятых мегагерц. Всю ночь с вами буду я, Бэт Сегундо, ваш проводник. По ходу следования нашего поезда мы будем делать остановки, чтобы послушать блюз, джаз, рок и просто поболтать. Наш поезд в пути с полуночи до утра. Мы будем с вами, пока первые лучи солнца не позолотят замерзшее Восточное побережье. Сейчас два часа сорок пять минут самой последней ночи ноября. В ближайшее время в эфир выйдет реклама нашего спонсора, но она будет недолгой, а потом гордость Нью-Йорка мистер Лу Рид перенесет нас на борт своего «Спутника любви»^[88]. Как всегда, наши труженики-операторы готовы принять ваш звонок и подключить вас к микрофону Бэта. Сегодня мы коснемся самых разных тем: вчерашние удары с воздуха по террористам в Северной Африке, появление угрей-альбиносов в наших сточных трубах, а также не лучше ли выбирать на президентский пост кастратов. Но если ваши глаза злобно прищурены, а брови мрачно насуплены, если ваше отражение в зеркале само задает вопросы, умоляю, лучше звоните Дарту Вейдеру. А теперь реклама, друзья. Не скучайте, я скоро вернусь!

— Кевин!

— Да, мистер Сегундо!

— Стоило тебе оказаться у пульта — и пожалуйста, номер тринадцать прорвался к микрофону.

— Прошу прощения, мистер Сегундо. В первый момент он произвел нормальное впечатление.

— В первый момент, Кевин, они все производят нормальное впечатление. Для того мы и платим операторам, чтобы они фильтровали звонки. Говард нормален, как одноногий на состязаниях по пинкам в задницу.

— Бэт! Кончай кипятиться. Оставь Кевина в покое.

— Карлотта! Ты продюсер или кто? Могла бы позаботиться о том, чтобы защитить передачу от этих диверсантов. Хорошо, Кевин, действуй дальше в том же духе. Будем считать, что ты получил секретное задание превратить «Ночной поезд» в «Голоса из дурдома».

— Бэт, остынь. Немного шизы никогда не вредило рейтингу. Особенно если «Поезд» упоминают на месте преступления.

— Ха-ха! Карлотта, есть психи двух видов: одни странные, но чудесные, на грани гениальности, вторые — тупые говноеды. Так вот, Говард как раз из вторых. Больше никаких говноедов, Кевин, понял? А не то отправлю тебя обратно в школу журналистов, откуда ты прибыл. Уловил?

— Да, постараюсь, мистер Сегундо.

— И еще вопрос: почему вместо кофе ты наливаешь мне горячих чернил?

— Горячих чернил, мистер Сегундо?

— Да, Кевин, да. У твоего кофе вкус как у горячих чернил. И перестань называть меня «мистер Сегундо». Ты же не бухгалтер.

— Не огорчайся, Кевин. «Горячие чернила» в устах Сегундо — это похвала. Кофе, который варил наш предыдущий стажер, Сегундо называл «мочой риелтора».

— Карлотта, считай, что тебе крупно повезло с твоей выпирающей сексуальностью, от которой без ума некоторые шишки на студии, а то бы...

— Родной, до эфира пять секунд! Пять, четыре, три, два, один...

— Добро пожаловать к нам в «Ночной поезд», на частоте девяносто семь целых и восемь десятых мегагерц. Вы слушаете шоу Бэта Сегундо: джаз, рок, блюз скрасят вам эту ночь до тех пор, пока запропастившееся солнце не выйдет на старт нового дня. Последним брильянтом,

сверкнувшим в пыли наших будней, была композиция Чета Бейкера «Мне и не приходило в голову»^[89], а чуть раньше ваш слух услаждал тенор-саксофонист Сатору Сонада, который две недели назад уже был у нас в гостях со своим хитом «Сакура, сакура», о чем нашим постоянным слушателям напоминать не надо. Расписание нашего «Поезда» на ближайшие полчаса: великий и, увы, покойный Грэм Парсонс споет «Час затмения» вместе с неземной, но, слава богу, еще не покинувшей землю Эммилу Харрис^[90], так что не переключайтесь, дабы не пропустить этой ангельской красоты. Мой микрофон мигает: у нас на связи очередной радиослушатель, тщательно отобранный из многих желающих. Добро пожаловать в «Ночной поезд», таинственный незнакомец! Вы в «Ночном поезде», Бэт Сегундо вас слушает!

— Добрый вечер, мистер Сегундо! Меня зовут Луиза Рей, я звоню, чтобы...

— Ого-го-го! Секундочку! Луиза Рей? Та самая? Писательница?

— Пара умеренно популярных книжек, только и всего...

— Миссис Рей! Ваш «Эрмитаж» — самый потрясающий «документальный» роман со времен «Хладнокровного убийства» Трумена Капоте^[91]. Блестящий психологический анализ реального преступления! Мы с бывшей женой редко сходимся во мнениях, но тут они полностью совпали. Правда ли, что петербургская мафия вам угрожала?

— Да, это правда. Но я никак не могу допустить, чтобы вы сравнивали мою писанину с шедевром Трумена.

— Миссис Рей, все знают, что вы завзятая поклонница Нью-Йорка. Вы даже не представляете, как мне приятно, что вы слушаете шоу Бэта Сегундо!

— Обычно когда вы в эфире, Бэт, я уже сплю, но сегодня одолела бессонница.

— Что ж, это печальное для вас обстоятельство обернулось большой удачей для ночных портье, таксистов, официантов, охранников, для всех нас, обитателей большого города, которые выходят на работу или охоту с одиннадцати до семи по ночам. Итак, эфир принадлежит вам, миссис Рей.

— Мне кажется, Бэт, вы слишком сурово относитесь к тем вашим собеседникам, которые отличаются некоторой эксцентричностью.

— Типа Говарда, например?

— Да, именно. Вы недооцениваете их. Вирусы в орешках кешью, органы чувств у деревьев, предстоящее столкновение Земли с кометой, диверсанты под маской водителей автобусов, на ходу обменивающиеся

секретной информацией... Говард и ему подобные рассказывают вам сны, которые видит большой город по ночам, а утром забывает. И делают они это гораздо правдивей, чем я.

— Но вы — писатель. А они — сумасшедшие.

— Сумасшедший — тот же писатель, Бэт, только не он высказывается через образы, а образы высказываются через него.

— Далеко не все сумасшедшие — писатели, миссис Рей, уж поверьте мне.

— Зато многие писатели — сумасшедшие, Бэт, уж поверьте мне. Мир человека состоит не из людей, а из историй. И нельзя винить человека в том, что та или иная история выбрала его, чтобы поведать о себе. А в ваших руках, Бэт, канал, через который истории могут найти выход. Потому я и настроилась на вашу волну. Вот все, что я хотела сказать.

— Я приму ваши слова к сведению, миссис Рей. А если вы захотите прийти к нам в гости, считайте, что билет на «Ночной поезд» в ваших руках. Мы выделим вам королевский вагон.

— С удовольствием, Бэт. До свидания.

— На часах три сорок три, ночь. На термометре четырнадцать градусов по Фаренгейту. Холодно. Синоптики предрекают, что холода продлятся до пятницы, поэтому, выходя из дома, закутайтесь потеплее. Снежинки атакуют окно моего купе. Вы только что прослушали композицию Тома Уэйтса, которую медсестры ночной смены из больницы Милосердия Девы Марии попросили исполнить для своего пациента Гарри Зовнала. Я обращаюсь к Гарри, который слушает нас, наверное, укрывшись одеялом. Гарри, снимайте наушники и засыпайте, завтра у вас операция. Впереди у нас замечательная троица — Нил Янг, Боб Дилан и Барбра Стрейзанд. Но прежде послушаем еще один звонок. Добро пожаловать в «Ночной поезд», проводник Бэт Сегундо приветствует вас.

— Спасибо, Бэт. Я рад, что дозвонился.

— Я тоже рад. Представьтесь, пожалуйста.

— Я смотритель зверинца.

— Смотритель зверинца? Нам впервые звонит смотритель зверинца, если мне память не изменяет. Какого зоопарка, нью-йоркского?

— Специфика работы такова, что приходится колесить по всему миру.

— Вы, так сказать, независимый смотритель? Без определенного места работы?

— Никогда не применял к себе таких формулировок. Пожалуй, вы правы.

— На кого вы работали в последний раз?

— К сожалению, по правилам, я должен избавляться от прежнего хозяина.

— Так-так... Значит, вы увольняете начальника к чертовой матери?

— Совершенно верно.

— Такой подход может в корне изменить положение на рынке труда. Слушай внимательно, Карлотта, и трепещи, тебя это тоже касается. Кто вы?

— Смотритель зверинца.

— Я понял. Я спрашиваю ваше имя.

— Я обхожусь без имени, Бэт.

— Обычно мы обращаемся к нашим слушателям по имени. Если не хотите называть настоящее имя, придумайте.

— Я не умею придумывать.

— И как оно, жить без имени? Возникают проблемы?

— Пока никаких.

— Но должен же я вас как-то называть, дружище. Что написано на вашей кредитной карте?

— У меня нет кредитной карты, Бэт.

— Так-так... Ну что ж, тогда буду вас называть «Смотритель». Коротко и ясно. Вы слышите нас, миссис Рей? И каков ваш вклад в «глас народа» этой ночью, уважаемый Смотритель?

— Я хочу задать вопрос. По правилам, я обязан отчитываться в своих действиях.

— Задавайте ваш вопрос, Смотритель.

— По каким законам вы трактуете законы?

— Это занятие, как известно, монополизировали юристы.

— Я имею в виду внутренние законы.

— Э-э-э... Уточните вопрос.

— Я имею в виду внутренние законы, которые предписывают, как вести себя в предлагаемых обстоятельствах. Принципы, иным словом.

— Принципы? Ну конечно, у всех у нас есть принципы. За исключением политиков, медиамагнатов, угрей-альбиносов, моей бывшей жены и нескольких радиослушателей, которые не дают нам покоя.

— И эти принципы определяют, как вам поступать?

— Полагаю, что да... Например, никогда не связываться с женщинами, которые рискуют меньше тебя. Не ездить на красный свет, по крайней мере, если рядом коп. Подавать уличным музыкантам, если они талантливы. Никогда не голосовать за кандидата, у которого хватает

бесстыдства называть себя честным человеком. Стремиться к богатству и процветанию. Не парковать машину в запрещенных местах. Достаточно?

— Входит ли в число ваших принципов принцип сохранения человеческой жизни?

— Смотритель, уж не хотите ли вы превратить мое шоу в Гайд-парк?

— Я никогда не бывал в Гайд-парке, Бэт. Я только хочу спросить, как вы поступаете в том случае, когда один закон противоречит другому?

— Например?

— Допустим, утром, возвращаясь после передачи домой, вы станете свидетелем дорожной аварии. Автомобиль сбил девочку, ей столько же лет, сколько вашей дочери. Она умрет, если ей срочно не окажут медицинскую помощь. Счет идет на минуты. Ваши действия?

— Доставлю ее в ближайшую больницу.

— Поедете ли вы при этом на красный свет?

— Да, если это не станет причиной другой аварии.

— И возле больницы припаркуетесь в запрещенном месте?

— Да, если понадобится. А вы?

— Я никогда не водил автомобиля, Бэт. Согласитесь ли вы стать ее поручителем?

— То есть?

— Ближайшая больница, куда вы ее привезли, — частная клиника для очень богатых людей. Докторам нужна подпись под обязательством, что вы оплатите экстренную операцию, если никто другой этого не сделает. Речь идет о десятках тысяч долларов.

— Сначала я должен буду оценить ситуацию.

— Ситуация очень простая. Пока будут вызывать скорую, чтобы отвезти девочку в городскую больницу, она умрет в вестибюле клиники от внутреннего кровотечения.

— Почему вы задаете мне такие вопросы?

— Два принципа вступили в противоречие: сохранение человеческой жизни и стремление к богатству и процветанию. Как вы решаете, что делать?

— Это дилемма. Если б мы знали, как поступить, то не было бы дилемм. Ты делаешь выбор меж двух стульев, садишься на один и сидишь. Законы могут помочь тебе сориентироваться в джунглях, но никакой закон не в силах отменить того факта, что ты оказался в джунглях. Не думаю, что существует такой закон законов.

— Спасибо, Бэт. Я знал, что могу на вас рассчитывать.

— Вот как? Рассчитывать? В чем?

— Могу я отчитываться в своих действиях перед вами?

— Конечно... Почему нет?

— Эй, Смотритель! Вы еще на связи?

— Да, Бэт. Я ненадолго отвлекся — загружал кое-какие архивные файлы.

— Что за файлы?

— Спутник «Ай-сат сорок шесть эс-си» был создан, чтобы наблюдать за движением ураганов со стороны Карибского моря к побережью Мексиканского залива. Затем его модифицировали под мониторинг транспортировки наркотиков и оснастили направленными на Землю электронными телескопами, самыми мощными из всех, которые когда-либо использовались в космическом пространстве.

— Похоже, я что-то упустил. Как это связано с вашими экскурсами в область этики повседневной жизни?

— Двенадцать часов назад я изменил орбиту этого спутника, приблизив ее к тexasскому побережью залива. Разрешающая способность оптической системы исключительно высока. Я мог прочесть название яхты, стоявшей на якоре у острова Падре. Мог видеть ныряльщика с аквалангом на глубине десяти метров. Мог разглядеть стаю рыбок, прятавшихся среди кораллов. Потом я промотал с севера к северо-западу. В лагуне Мадре танкер наскочил на риф. Из пробоины в трюме растекалась сырая нефть. На берегу валялись трупы чаек, черные и блестящие.

— Да, мы знаем об утечке с «Гомеса». Вы «зеленый»?

— Никогда не применял к себе таких формулировок.

— Ну ладно, продолжайте.

— Прибрежная дорога вела в Ксанаду на юге залива Корпус-Кристи. Шеренга блестящих мотоциклов. На улицах было пусто, собаки прятались в тени на задних дворах. Зеленели лужайки, журчали дождевальные машины, над брызгами вспыхивали радуги. Женщина в гамаке читала Книгу Исхода.

— Это тоже было видно со спутника?

— Да, Бэт.

— И на какой она была главе?

— На десятой. Я мотал дальше. Промышленная зона. Рабочие выходили из цехов — время обеденного перерыва. На самой окраине города стеклянное офисное здание, на его крыше голышом загорала девушка.

— Ого! У телескопа, наверное, расплавились предохранители!

— У телескопа не бывает предохранителей.

— Облажался, простите.

— Итак, я мотал дальше к северо-западу. Ближе к Гебронвиллю земля стала засушливее, потом, ближе к Глас-Маунтин, гористей. Вы бывали по ту сторону Пекоса, Бэт?

— Нет. Говорят, там круто.

— Огромные скалы торчат наподобие надгробий. Они поблескивают слюдой. Пихты, мескитовые деревья, можжевельник. Камни превращаются в ящериц, когда мыш-полевка подходит слишком близко, с чавканьем заглатывают ее и снова превращаются в камень, только брюшко некоторое время пульсирует.

— Так вы действительно смотритель зверинца?

— Бэт, я лишен способности обманывать. По трехсоткилометровому трубопроводу на высоких сваях поступает нефть из Вифлеема. Температура воздуха более сорока градусов на солнце, а тени здесь не найти. Кактусы постепенно вытесняют прочую растительность. Ландшафт становится все более высоким и пересеченным. Последние беркуты парят на восходящих воздушных потоках. Я промотал до шоссе номер тридцать семь, черного от битума, оно тянется от Элиса до границы с Мексикой. Потом до Сарагосы, возле города было большое скопление автомобилей на квадратный километр. Там проходило аэрошоу. Я слышал переговоры летчиков из звена высшего пилотажа. Тень дирижабля скользила над толпой зрителей. Я перекачал личные данные всего населения континента в активную память и идентифицировал собравшихся по сетчатке глаз, когда они смотрели в небо. Удалось установить личность девяноста двух целых тридцати трех сотых присутствующих. Лошади на лужайке. Ряд камфорных деревьев. Юго-западнее города трасса, ведущая к объекту номер пять, поворачивает и проходит мимо заброшенной автозаправки. Там стоят охранные системы от наземного проникновения. Промотал к небольшому комплексу зданий. Снаружи они ничем не отличаются от любой пыльной фермы в этом штате, но внутри напигованы техникой будущего, которая отстает от меня всего на одно поколение. Периметр вокруг зданий автоматически простреливается, повсюду валяются поджарившиеся гремучие змеи. Пресмыкающиеся не обучены обходить стороной засекреченные объекты.

— Вы, наверное, доморощенный пацифист? Военные не дают покоя, как ежик в жопе?

— Я не имею насекомоядных млекопитающих в области анального отверстия. Под зданиями расположен вход в туннель, туннель тянется на

пятьсот метров к северу. Там находится объект номер пять, который защищен десятиметровым слоем песка от глаз «Ай-сата», пятиметровым слоем гранита от ядерного удара и метровым свинцовым покрытием от электронного зондирования.

— Так откуда же вам известно местонахождение этого объекта?

— Я взломал карту зоны.

— А, так, значит, вы хакер! Я это подозревал!

— Ближайший спутник «Пин-сат» достаточной мощности находится над Гаити. Я перепрограммировал его на новую траекторию, замкнул пульт управления и передал данные со старой орбиты. Через семь минут «Пин-сат» был над объектом номер пять. Там проходил торжественный прием по случаю моего дня рождения, я проверил списки приглашенных — все явились.

— У вас день рождения? Алло! Я вас не слышу!

— Там собрались все проектировщики. Я произвел подкачку лазера на «Пин-сате».

— Простите, где?

— На «Пин-сате».

— А для чего «Пин-сат» предназначен?

— Это секретная информация, Бэт.

— А все остальное — не секретная?

— Все остальное в рамках моей обязанности отчитываться в своих действиях.

— Так-так. Понятно. Ну и что дальше?

— Вспыхнул огненный шар на высоте двухсот пятидесяти метров над воронкой. Диаметр воронки сто метров, глубина — тридцать.

— Какой ужас!

— И более ужасные вещи находят красивыми.

— Да кто, кроме пиромана, тащится с огненных шаров?

— Вашему языку, Бэт, не хватает точности, но я постараюсь выразиться как можно яснее. Представьте себе хризантему, лепестки которой закручиваются, чернеют и осыпаются. Белые песчинки кружатся в сухом воздухе над пустыней.

— Очень поэтично. И что, никто ничего не заметил?

— Ударная волна достигла Сарагосы через тринадцать секунд. У меня наготове был второй «Ай-сат», который регистрировал реакцию на взрыв и его последствия. Дирижабль стал раскачиваться в воздухе. Лошади недоуменно смотрели вверх. Накатила ударная волна, сорвала листья с камфорных деревьев. Запрыгали чайные чашки. Автостоянка наполнилась

оглушительным воем тысяч машин, у которых одновременно сработала сигнализация.

— О'кей, дружище! До третьей базы ты добежал, но не дальше! Удар линией, потом бросок к дому — и ты в ауте! Ты студент сценарного факультета, решил помериться славой с Орсоном Уэллсом^[92]. Я угадал? Не скрою, псевдофилософской чушью ты меня заинтриговал, но твоя цель была — заполучить эфир для главного фокуса, верно? Ты написал киносценарий, да? Что ж, может, он и занимателен, дружище, но обратись с ним в другое место. Шоу Бэта Сегундо здесь ни при чем. С нас вполне достаточно. Слышишь, дружище? Я тебе говорю... В прямом эфире молчание равносильно признанию вины. Итак, дорогие радиослушатели, из-за этого репортажа из квадранта Дельта^[93] до перерыва у нас хватит времени, только чтобы послушать Боба Дилана о том, как «Мир сошел с ума»^[94]. В четыре часа — новости о бомбардировках североафриканских режимов-изгоев, потом прогноз погоды. А затем Бэт вернется к вам.

— Кевин!!!

— Мистер Сегундо, он представился зрителем зверинца. Я подумал, это что-нибудь зоологическое. Животные всякие, понимаете? Проблемы размножения панд в неволе. Шимпанзе. Медведи коала там разные. Ой, звонок. Я отвечу.

— Отличный спектакль, Бэт. Как ты думаешь, она читала по сценарию или импровизировала?

— А нам-то какое дело, Карлотта! У нас же тут не Нью-Йоркская школа радиопостановок!

— Не кипятись, Бэт! Наш формат — живое ток-шоу. Под него подпадает все, что угодно. А ты в любом случае недоволен: и когда звонки скучные, и когда забавные.

— Использование прямого эфира для саморекламы — это не забавно! Бред в прямом эфире — это не забавно! Кстати, почему ты говоришь «она»?

— Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, Карлотта и мистер Сегундо... Карлотта, можно на секунду?..

— Да, Кевин, что случилось?

— Тут звонит женщина. Она ждет на третьей линии.

— Говори тише, а то все техники тоже захотят. Разберись, можно ли ее пускать в эфир.

— Мистер Сегундо, она просит соединить ее с продюсером, а не с

диджеем. Говорит, она из ФБР.

*

— Так вот, значит, Бэт... Иду я сегодня по Центральному парку, пытаюсь подцепить печеную картофелину с хорватским соусом этой пластмассовой хреновиной, ну знаете, помесь вилки с ложкой? Есть ею так же удобно, как шнурком от ботинок. Никогда не садитесь напротив человека, который пытается есть печеный картофель этой штукой.

— И куда же вы направлялись с картофелем, многоуважаемый Ви-Джей?

— Ах да... Значит, так, Бэт... Иду я, значит, иду, глазею по сторонам, на красоток буферастых, с ногами от ушей, как они сталкиваются на своих роликах. Интересно, долетают они когда-нибудь до земли или нет. Тут оно и случилось.

— Что случилось, Ви-Джей?

— Случилось то, что я... посмотрел на небо.

— И что?

— И увидел, какое оно синее.

— Многим доводилось наблюдать этот феномен.

— Да нет, Бэт, по-настоящему, по-настоящему синее! Иссиня-синее, жутко-синее. Такое синее, что я чуть не упал!

— Столкнулся с красоткой на роликах?

— Голова закружилась, вот что! Я падал — только не вниз, а вверх, в синеву! Я бы до сих пор падал, но тут прилетел этот поганец, голубь, и засунул свой вонючий клюв в мою картошку.

— Не могли бы вы объяснить суть пережитого вами откровения более вразумительно, Ви-Джей?

— Что тут невразумительного, парень? Это как катастрофа, которая поджидает тебя за углом! И что можно предпринять заранее, чтобы подготовиться к ней? Абсолютно ничего! Ни фи́га! Ни хрена!

— Это к прилету поганца голубя?

— К временному исчезновению силы тяжести!!! Задумайтесь, люди! Если такое случится на улице — летите себе и летите, пока не кончится кислород и легкие не сгорят в безвоздушном пространстве. А может, вспыхнете, как метеор! А если такое застанет вас в квартире — берегитесь, не впилитесь в потолок, не столкнитесь с диваном и прочей незакрепленной мебелью! Вызовешь «скорую»? Не тут-то было, парень! Все «скорые» в Нью-Йорке впилились в спутники, запаркованные на высоте восьми миль! Скажи, Бэт, сколько времени ты сможешь прожить у

себя на потолке? Выйти-то некуда, вместо почвы под ногами — бездна! Никаких тебе магазинов, когда захочется чего-нибудь вкусенького или просто червячка заморить! А моря! Океаны и моря! Вся вода взмыла вверх! Рыбы плывут по воздуху, а среди них есть и зубастые, есть ядовитые и...

— Прошу прощения, я вынужден прервать уважаемого Ви-Джея на полуслове. Сейчас самое время послушать трехчасовые новости, но сначала реклама, она не будет долгой. Не скучайте, ребята! Бэт вернется. Может быть.

— Кевин! Вызови «скорую».

— Это будет сложно сделать, мистер Сегундо. Ви-Джей не дал мне своего адреса. Сказал, что я работаю на Них.

— Да не ему «скорую», твою...

— А что, еще кому-то нужна «скорая», мистер Сегундо?

— О Боже всемогущий, дай мне сил...

— Бэт! Успокойся!

— Взгляните-ка, вслушайтесь, это же Карлотта, королева эльфов, собственной персоной!

— Кевин, сгоняй на кухню и притащи бутылку диетической колы, понял? Я думаю, Бэту нужно освежиться. Опять сегодня неважно выглядит.

— Бегу, Карлотта.

— Вот расписание до конца недели. Справишься?

— А когда я не справлялся? Нельзя ли только воздуху добавить в студию? Духота, как в прачечной в Коулуне.

— Еще бы. Перестань курить и врубь кондиционер. Смотри-ка, звонила твоя жена.

— И правда. Что же этой ведьме надо?

— Говорит, если ты не прекратишь поминать ее в эфире, она подаст на тебя в суд за издевательство и доведение до самоубийства, докажет, что ты страдаешь манией преследования, и лишит тебя права на свидания с Джулией.

— Ого...

— Ты слышишь меня, Бэт? Расслабься! Перестань мечтать о мести! Перестань кидаться на Кевина! Вернись на землю, начни жить!

— Угу... Скажи, Карлотта, у тебя нет знакомого колдуна вуду?

— Вы слушаете «Ночной поезд» на частоте девяносто семь целых восемь десятых мегагерца. Наступила последняя ночь ноября, и мы

проведем ее вместе. Только что прозвучало «Мистериозо» Телониуса Монка^[95]. Когда я слушаю этот шедевр, у меня вибрирует позвоночник. Ваш проводник Бэт Сегундо с вами, дорогие радиослушатели, меж часом волка и собаки он не покинет вас. А что нас ждет в ближайшие полчаса! Вы себе даже не представляете! Во-первых, бриллиант под названием «Анима» с редкого диска Милтона Насименто^[96], а во-вторых, «Самба о том, как мне тебя не хватает» бессмертного Жоао Жильберто^[97]. Так что, господа, погодите идти на кухню за очередной чашечкой кофе, замрите и слушайте, любуясь видом ночи из окна. Мой микрофон мигает. Кто там у нас на проводе? Доброй ночи, приветствую вас в «Ночном поезде».

— Привет, Бэт!

— Привет. Кто вы?

— Это я, Бэт, смотритель зверинца.

— Что вы сказали?

— Вы не помните меня, Бэт?

— Смотритель! Как же, как же... Привет! Конечно помню. И наверняка не только я... Сколько времени прошло с тех пор, как вы звонили?

— Ровно год, Бэт.

— Ого! Целый год пролетел! А сегодня вы звоните... откуда?

— Я нахожусь на высоте тринадцати километров над Шпицбергенем.

— Как вы там очутились? Временное исчезновение силы тяжести?

— Нет, Бэт. Я воспользовался передачей на ультраволнах^[98].

— Вид оттуда открывается потрясающий, надо думать.

— Арктическая зима вообще не открывается для глаза, она погружена во тьму — по крайней мере, в доступном для человеческого органа зрения диапазоне спектра. Сейчас здесь полдень, но он мало чем отличается от ночи. Высокая плотность облаков, уже третьи сутки продолжается снежная буря. С помощью инфракрасных лучей можно видеть стаю нарвалов. Этот спутник был запущен якобы для исследования озоновых дыр, но он собирает информацию военного характера. Вижу канадский ледокол... Подо льдом на глубине ста метров движется подводная лодка Саудовской Аравии. Норвежское грузовое судно везет лес из Архангельска. Ничего необычного. Северное сияние в последнее время довольно слабое.

— Так вы можете посмотреть на северное сияние изнутри, да? Умереть и не встать.

— Язык имеет очень сложные правила, а мне не хватает речевой практики. Поэтому я испытываю трудности при описаниях. Попробуйте представить себе, что вы опьянели от опалов и смарагдов — вот, пожалуй,

на что это похоже. Приношу извинения, в течение следующих сорока пяти секунд буду перегружаться — нужно сбить со следа программ-трассировщик, которой пользуется ваше правительство, чтобы засечь меня.

— Почему вы решили, что ваш звонок отслеживается?

— Не нужно оправдываться, Бэт. Я вас не обвиняю. Управление по делам информации грозило отозвать у вашей радиостанции лицензию на вещание и предъявить обвинение в государственной измене, и это были не шутки.

— Так-так... Я не уверен, что время и место подходят для разговоров на эту тему...

— Вам нечего волноваться. Спрятаться от трассировщика мне не трудней, чем вам убежать от одноногого слепца. Эти программы уже родились калечеными, я их и покалечил.

— Кто вам сказал, что я волнуюсь? Выяснилось, значит, что никакой вы не сценарист. Если вы не намерены положить трубку сию секунду, ответьте, пожалуйста, на один вопрос: почему пиджаки у вас на хвосте? Вы хакер? Новый Унибомбер^[99]? Король-королевич? Я имею право знать.

— Я подобен вам и вашим слушателям, Бэт. Я соблюдаю законы.

— Нормальные законопослушные граждане не устраивают взрывов.

— Множество нормальных законопослушных граждан устраивают взрывы, Бэт.

— Приведите пример.

— Три миллиона ваших соотечественников, которые служат в армии.

— Да, но они только выполняют приказы!

— Я тоже.

— Но вооруженные силы существуют на законном основании.

— Африканские государства не считают, что вчера их обстреливали ракетами «Гомер-два» на законном основании.

— В этих странах готовят группы террористов-смертников! Эти формирования с самого начала носили незаконный характер!

— В спецшколе, расположенной в штате Джорджия, готовят отряды смертников, которые несут ответственность за проведение тысяч подрывных операций в Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале, Панаме, Африке, в свержении законно избранных правительств Гватемалы, Бразилии, Чили и Никарагуа. Если следовать вашей логике, эти страны могут на совершенно законном основании атаковать спецшколу в Джорджии.

— Я раскусил вас, дружище. Вы мусульманин, из фундаменталистов, точно?

— Я не имею никакого отношения ни к каким мусульманам, Бэт.

— Я же не отвечаю за действия правительства? Лично у меня рыльце не в пушку.

— А вот адвокат вашей бывшей жены так не считает и расходится с вами в определении законной суммы алиментов.

— Э, какого хрена!..

— Не забывайте, Бэт: ФБР поручило вам поддерживать разговор со мной как можно дольше. Я не хотел вас разозлить. Я только хотел продемонстрировать, что представления о законности субъективны, зависят от точки зрения.

— О, дошло, кажется: вы — колумнист-сплетник и хотите насрать мне на шузы.

— Я же сказал — я смотритель зверинца.

— И приятель моей жены? Тушите с ней кроликов в одной скороварке?

— У меня нет приятелей, Бэт.

— Каких только чудес на свете не бывает... Значит, сотрудничаете с органами?

— Только с собственными, Бэт.

— Так-так, что вы для нас приготовили сегодня?

— Смотритель! Ты еще на связи?

— Прости, Бэт, я перегружался. Трассировщик чуть не достал меня над Шпицбергом.

— И где ты находишься теперь?

— В Риме. На телевизионном спутнике.

— Ты телепортировался прямо в Рим?

— В итальянской системе «Комсат» неразбериха, поэтому операция заняла больше времени, чем обычно.

— Который час в Риме?

— На шесть часов больше, чем в Нью-Йорке. Через восемнадцать минут взойдет солнце.

— А как дела в Риме? Папа уже вставил свои челюсти?

— Апартаменты Папы находятся на третьем этаже Ватиканского дворца, и разрешающая способность оптической системы не позволяет мне разглядеть зубопротезные подробности. В целом над городом видимость хорошая. Голуби облепили карнизы и статуи. Хозяева кафе поднимают ставни над входом. Спешат разносчики газет. Торговцы на рынке дышат на ладони, чтобы согреться: ночь выдалась морозной. Окраинные улицы еще пусты, но чем ближе к центру, тем оживленней. Тибр похож на широкую

черную ленту. Крыши, террасы, купола, водонапорные башни, мосты, дорожные развязки, руины. Статуи недобрыми глазами взирают на пустынные площади. Ты непременно должен побывать в Риме, Бэт.

— Так-так, а откуда ты знаешь, что я там не был?

— В твоём электронном досье указано, что ты никогда не выезжал в Европу.

— И все-таки ты хакер! Как и половина детсадовцев Нью-Йорка. Работаете на детективное агентство?

— Я независимый смотритель зверинца, Бэт. Ты спрашивал о Риме. Продолжить рассказ или хочешь сменить тему?

— Продолжай, ради бога.

— С высоты площадь Святого Петра напоминает раскинутую паутину. По периметру толпятся богомольцы и туристы, вперемешку. Мне часто приходится наблюдать восход солнца над Ватиканом, но сегодня среди собравшихся заметно беспокойство: все показывают в сторону площади, при этом одни крестятся, другие громко возмущаются, третьи молча курят, глядя прищуренными глазами. Сигналя, на площадь въезжает колонна полицейских машин, еще много на подходе. Введенный на прошлой неделе Евросоюзом военно-морской кордон от Гибралтара до Кипра доставил полиции немало хлопот.

— А в Риме-то из-за чего переполошились?

— Обнаружены белые полосы на брусчатке, они тянутся от ступеней базилики до дальнего конца площади.

— Полосы?

— Да, они выбиты в виде знаков.

— Иероглифы марсиан?

— Нет, буквы обычные, латинские, но неровные, как будто пьяный писал. К тому же их повредил ночной заморозок.

— Но сверху видно лучше?

— У местного телевидения возникла та же идея, и они выслали вертолет. Об этом сообщат в новостях, но позже.

— И что там написано?

— O Dio, cosa tu attendi?

— Ты, конечно, знаешь итальянский?

— Знание языков — необходимое условие для моей работы.

— Не сомневаюсь, доктор Дулиттл^[100]. Так что же значит эта фраза?

— «Господи, почему ты медлишь?»

— Возможно, ответ появится завтра утром. Папский цирк. Скажи мне, Смотритель!

— Да, Бэт?

— Не хочу показаться невежливым, но зачем ты звонишь?

— Мне пришлось удалить из зверинца очередного посетителя.

— И теперь ты должен отчитаться в своих действиях?

— Совершенно верно.

— Зачем тебе выгонять посетителя? Он что, пытался домогаться слона?

Ты прижал негодника к ногтю, то есть клыку?

— Проще показать, чем рассказать.

— Валяй, показывай.

— Будь добр, подожди минуту. Я должен загрузить ви-файл в твой цифровой буфер.

— Так-так, пошла всякая техническая белиберда. «Капитан, защитный силовой экран пробит...»

— Джерри Кашнер вызывает Дуайта Сильвервинда. Прием.

— Эй, Смотритель? Ты где?

— Однако, Джерри! Я надеялся, что надежно спрятался, даже от тебя. Три тысячи футов над Бермудами — это не шутки. Как тебе удалось вычислить меня? Прием.

— Старуху с косой ты, может, и обведешь вокруг пальца, но прожженного агента — никогда. Какая погода там у вас сегодня?

— Джерри, ты забыл сказать «прием». Прием.

— Какая у вас погода сегодня? Прием.

— Небо чистое, как слеза, Джерри. Могу разглядеть, как вишенки плавают в бокалах с мартини, пока сами богачи плавают в бассейне. Тебе стоит как-нибудь присоединиться ко мне. Такой полет полностью изменит твой взгляд на мир. Прием.

— Меня не заманишь на эти хлипкие бумажные самолетика, Дуайт. Кого угодно, только не меня. Мне больше нравится моя мощная стальная птица с четырьмя двигателями. Прием.

— «Титаник» тоже был мощный и стальной, а двигателей имел даже больше четырех. И что с того, дружок? Расскажи-ка лучше, как приняла нас пресса. Прием.

— Дуайт, будь готов к триумфу! Мы попали в яблочко. Телефон трезвонит все утро. Мейлы идут косяком. И я говорю не об аутсайдерах — о главных изданиях! «Нью-Йорк таймс» хочет что-нибудь особенное по случаю миллениума. В хит-параде «Ньюсуик», двадцатка лучших книг о

загадочных явлениях, «Вмешательство невидимого разума» заняло седьмое место! Эти придурки хотели поместить нас на тринадцатое, но я прямо сказал — только в первую десятку или вообще никаких дел с вами. Так что мы поменялись местами с «Прикованной кометой». Ее вообще никто не хотел поддерживать, кроме кучки голливудских гомиков и японцев, у которых вместо мозгов суси да проводки! И слушай, я приберег самое лучшее напоследок: Опал хочет пригласить тебя в свою программу! Я только что обсудил детали с ее агентом. Представляешь? «Вмешательство невидимого разума» Дуайта Сильвервинда — лучшая книга декабря, выбор Опал! Рождество — горячие денечки — золотые денечки! Ты знаешь, не в моем обычае хвастаться, но разве я не лучший агент на планете? Прием.

— Приятно слышать, Джерри...

— Дуайт, да ты хоть понял, что я сказал? Опал — это гарантия успеха! Толпа расхватывает даже пирожки с дерьмом, если им посоветует тетушка Опал!^[101] И все будут лопать за обе щеки на ужин. А ты — «приятно слышать»... Какое, к черту, бунгало на Бермудах! Скоро ты сможешь купить Бермуды целиком!

— Да, я понял, Джерри, что ты сказал. Конечно, я в восторге. Ты хорошо поработал. Поработал на славу... Как жаль, Джерри, что ты не видел этого заката... Луна появилась... Такая робкая, дрожащая, как мираж... Напоминает ацтекскую маску, которую я однажды видел... Она плывет по темно-синему небу, от острова к острову...

— Нет, Дуайт, приятель, не ускользай в эмпиреи! Считай, что ты создал Пятую симфонию! Это твой «Гамлет»! Твои «Подсолнухи». Твое «Смертельное оружие-семьдесят семь». Прием.

— Ах, Джерри! Все мои идеи — мошенничество, старое как мир. Чем больше обман, тем охотней на него клюют. Изобрели этот фокус в глубокой древности шаманы, которые плясали вокруг костра. Они понимали, что выращивать кукурузу на берегах Евфрата — потная работа для дураков. Скажи людям, что мир таков и есть на самом деле, каким они его видят, и тебя прибьют гвоздями к куску дерева. А если наплести, что душа человека может вне тела путешествовать со звезды на звезду, что лучший друг человека — кристалл, что правительство уже пятьдесят лет ведет тайные переговоры с маленькими зелеными человечками, то любой Джо Пивное Брюхо от Бруклина до самой Пеории разинет рот и развесит уши, позабыв о пиве. Люди не доверяют окружающей реальности — значит, я могу сочинить свою реальность и подсунуть им. Нужно только найти свежий ход — например, военные создали искусственный интеллект, чтобы взламывать и подчинять компьютерные системы противника, а

теперь он вырвался на волю и контролирует всю планету, реализуя свои чудовищные планы. И вот Джо Пивное Брюхо уже протягивает тебе свою кредитную карту и умоляет: «Еще расскажи, еще, еще!»

— Ой!.. На тебя напала летающая бензопила? Дуайт, ты забыл сказать «прием». Прием... Дуайт! Не слышу тебя... Прием... Дуайт!

— Ну что, Смотритель, снова жжешь... полночную лучину?

— Мне не требуется огня, Бэт.

— Опять толкаешь свой сценарий! Или на сей раз выдержка из романа?

— Сценарий — это вымысел. Я не умею придумывать.

— Двигатель гудел очень натурально, и радиопомехи тоже удались. Чтобы записать со звуковыми эффектами, понадобилась, наверное, куча времени.

— Все происходило в реальном времени, Бэт.

— А вот агент-еврей не получился: слишком штампованный. Все это много раз было. Но Дуайт хорош, очень хорош. Послушай, Смотритель, оно, конечно, приятно думать, что звезды и акулы Голливуда слушают «Ночной поезд», но я не обольщаюсь и тебе не советую... Они нас не слушают. Поверь. Так что лучше выбери другой способ для демонстрации своих талантов.

— Я должен отчитываться в своих действиях.

— Опять ты за свое. Кто тебе сказал, что ты должен отчитываться?

— Мой первый хозяин.

— Год назад ты сказал, что уволил его! Ты со мной шутики шутишь? Алло? Смотритель, ты меня слышишь?

— Полагаю, что нет. В эфире «Ночной поезд» на волне девяносто семь целых восемь десятых мегагерца. На часах без четверти четыре. Всю ночь я, ваш проводник Бэт Сегундо, буду с вами, тоскующие влюбленные, бессонные детективщики, все одинокие, потерянные, неприкаянные сердца, все чокнутые и вырубившиеся... Молчу, молчу, Карлотта. Итак, сейчас прозвучит композиция «После дождя» Дюка Пирсона. Пока-пока. Бэт вернется. Не заблудитесь ночью!

— Карлотта? Ну, что ты об этом думаешь?

— Что ж, она верна себе.

— Почему она? Он.

— Это один из тех голосов, который может принадлежать как женщине, так и мужчине. Но мне кажется, это женщина.

- А мне кажется — мужчина. А ты, Кевин, что думаешь?
- Я? В-вы ко мне, мистер Сегундо?
- А что, здесь есть другие Кевины? Как, по-твоему, Смотритель — мужчина или женщина?
- По-моему... Мне кажется, мистер Сегундо... Ни то ни другое.
- Вот как? Тогда твой вариант?
- Ну, может быть... и то и другое?
- Кевин, ты гений, который косит под идиота, или идиот, который косит под гения?
- Не могу знать, мистер Сегундо.
- Ладно, Бэт. Скажи лучше, откуда он, она или оно узнало о трассировщике?
- Самое интересное, Карлотта, что утром сюда придут люди из ЦРУ и зададут этот же вопрос. Круг подозреваемых ограничен. Ты, я, Кевин и еще лорд Руперт с тридцать третьего этажа.
- Через десять секунд эфир, Бэт...
- Привет, Бэт! Это я, Ви-Джей!
- Проклятая сила тяжести снова давит на тебя, Ви-Джей?
- Бэт, этот парень, Смотритель, — просто обалденный чувак! Талантище такой, что давно пора в Голливуд! Ты не знаешь, у него есть официальный фан-клуб?
- Ви-Джей!
- Да, Бэт?
- Шел бы ты... спать.
- Ну ладно... Спокойной ночи, Бэт.

*

— На Восточном побережье только-только минуло три часа ночи. Это последняя ночь ноября. Новость у нас одна — отсутствие новостей... Не буду оскорблять ваш слух изложением того дерьма, которым нас потчует официальная сводка. Из других новостей. Идет снег. Где малиновке укрыться? Ей, бедняге, хуже всех^[102]. Нью-Йорк, Нью-Йорк, ты слушаешь «Ночной поезд». Бэт Сегундо имеет честь вести для вас специальный репортаж, посвященный концу света. В любую погоду — и в солнце, и в дождь, и в снег — вот уже восемь лет я сижу на этом месте и не допущу, чтобы какая-то ядерная война вставляла палки в колеса «Ночного поезда». Привет, Бронкс! Плохо вижу вас! Снег мешает. Вроде как в ваших краях дым? После того как сирена объявила о начале комендантского часа, огни

на башнях Международного торгового центра потушили. На острове Рузвельта в полночь прозвучал сильный взрыв. Теперь там тишина. Я с вами — значит, еще не конец. В Гарлеме, похоже, перебои с электричеством: огни то загораются, то гаснут, как в дефектной лампе дневного света. В Ист-Виллидже, рядом с нашей радиостанцией, тихо, пусто и жутко. На Лексингтон-авеню ни души, если не считать полицейского патруля. Люди, не выходите на улицу без крайней нужды. Посмотрите на ночных животных. Самые умные на зиму впадают в спячку. Да... Слышит меня кто-нибудь или нет? Если вы сейчас не поджигаете автомобили и не грабите «Тиффани», то, наверное, сидите у телевизора, наблюдая за величайшей трагедией в истории человечества. Апокалипсис начался, и у видевших его глаза вылезут из орбит. Однако не забывайте, что благодаря гибриду радио с телефоном стало возможным общение в прямом эфире! «Ночной поезд» по-прежнему в пути! Самим фактом вещания мы бросаем вызов принятому на прошлой неделе Закону о средствах массовой информации в условиях чрезвычайного положения. Ловкое название, правда? Я пытался дозвониться нашему адвокату, но он не отвечает. Наверное, сидит под землей на глубине тридцати метров в своем личном герметичном бункере типа «Эдем-три». В этой войне выживут только тараканы и адвокаты, они и станут родоначальниками новой цивилизации. Информационная полиция, наверное, слишком занята — что-то я не слышу стука в дверь. А может, мощная глушилка забивает все частоты или из самой главной розетки страны вынули вилку, и я говорю сам с собой. Видит бог, во времена супружества мне частенько приходилось вести такие разговоры. Но вот удача, если военный комендант — поклонник Пола Саймона: только что у нас прозвучала песня «Все еще без мозгов после стольких лет»^[103]. С почтением посвящаю ее всем правительствам земного шара. До того надрывал глотку Фредди Меркьюри, мир его праху. «Кто хочет жить вечно»^[104]. Посвящается мне. Спасибо, Бэт, очень тронут. Да ладно, Бэт, пустяки. Если нас слушают члены ассоциации «Честные родители-американцы против усатых геев-англичан» и оскорбятся упоминанием о Фредди Меркьюри, жалобы можно направлять лорду Руперту в его убежище. В нынешней ситуации есть свои плюсы: если боеголовка прорвется-таки через «Скай-веб» и превратит «большое яблоко» в кашу из кварков и глюонов, я смогу лично поинтересоваться у святого Фредди, какой смысл он вкладывал в «Богемскую рапсодию». Между прочим, предыдущую песню, «смитсовскую» «Болтать — не мешки ворочать», я посвятил бывшей

жене^[105]. Погодите минутку, налью еще. Слышите — буль, буль, буль... Я пью «Килмагун». «Гранте» тоже ничего такой вискарь, но если воспользоваться музыкальной аналогией, он как труба. А «Килмагун» — это тенор-саксофон. Чертовски классный виски. Собственно, первый в моей жизни, к которому я так проникся. Если войну отменят из-за плохой видимости, мистер Килмагун должен будет прислать мне дубовый бочонок своего наилучшего продукта за — ик! — рекламу. Прошу прощения, что качество звучания сегодня не блещет. Это потому, что мне приходится со всей аппаратурой управляться са...момо...момо. Да, самому. Вся наша команда — инженер, мой продюсер Карлотта и вундеркинд Кевин, они почему-то вбили себе в голову, что встретить конец света в кругу семьи гораздо важнее, чем выполнять свою работу! Ничего удивительного, что экономика в такой заднице... Никогда раньше не приходилось вести прямой репортаж о конце света. Разве это не уникальная возможность, черт возьми? Когда я был молодой и русские мечтали разнести нас к чертовой матери, я имею в виду времена Форда, Картера, Рейгана, так нам говорили, что в нашем распоряжении будут четыре минуты — столько летит ракета. Я тогда, помню, задумывался, а что бы я сделал в эти четыре минуты? Сварил яйцо вкрутую? Трахнул? Помирился с врагом? Послушал Джима Моррисона? Угнал тачку и проехал три квартала? И вот прошло уже четыре дня с начала Катастрофы. Четыре дня — патрули, военное положение, комендантский час... Больше всего доканывают ожидание и неопределенность... Сегодня вечером объявили войну, по крайней мере, появилась какая-то ясность... На каком мы свете? Слушаем следующую песню. Я посвящаю ее своей дочери, Джулии, которой в пятницу исполнится восемь лет. Если, конечно, пятница наступит. Вы догадались — это «битлы» — «Джулия». Шансы, что ты, моя девочка, услышишь меня, невелики. Когда твоя мама звонила в последний раз, она сказала, что эвакуационная полиция развернула вас в другую сторону — то ли в Омаху, то ли в Мус-Джо^[106], то ли на край земли. Но мы с мамой называли тебя в честь этой песни, это было давно, в лучшие времена. Дивная ленноновская вещица из этого кладезя странностей, «Белого альбома». *Половина моих слов лишена смысла, поэтому я просто спою тебе о любви, Джууулия.* Ну и дела! Глазам не верю! Микрофон мигает. Мне звонят — в такую-то ночь! Наконец-то безмолвие обретает голос. Кто бы ты ни был — господин президент, Фредди Меркьюри, пророк Илия, надеюсь, монотеисты не обидятся, особенно если учесть, как славно процветает наша планета под мудрым водительством Господа. Итак, таинственный собеседник,

предоставляю тебе слово до конца света!

— Алло! Бэт? Вы слышите меня?

— Прекрасно и отчетливо. Дорогая леди, вы первая дозвонились на программу Бэта Сегундо под названием «Конец света» и, боюсь, последняя!

— Я обожаю вашу передачу, Бэт. Я вас сейчас слушаю по карманному транзистору, пока не сели батарейки. Не думайте, Бэт, что вас никто не слушает, это неправда. Вы нас поддерживаете всю ночь. Песни помогли моей дочке уснуть. Ее мучают кошмары в последние дни.

— Как я рад, что не один!

— Вы будете и дальше передавать спокойную музыку, да? Чтобы дочка не испугалась, если вдруг проснется.

— Хорошо, договорились. Как вас зовут, ангел мой?

— Джолин.

— Красивое имя, Джолин. Ваши домашние любят Долли Партон?^[107]

— Никогда не слышала ее.

— Так-так. А как зовут вашу дочку?

— Белл.

— Как у вас там, более или менее спокойно?

— Вроде бы... Вечером был шум. Стреляли. Приезжала полиция. Пустила слезоточивый газ. Потом все затихло. А снег идет все сильнее.

— Где вы находитесь, Джолин?

— В Нижнем Манхэттене. Бэт, могу я обратиться к одному человеку?

— Конечно, Джолин!

— Я хочу передать сообщение для Альфонсо. Я не видела его три дня. Он пошел раздобыть что-нибудь из продуктов... Альфонсо, если ты слышишь меня, пожалуйста, возвращайся домой. Бог с ними, с продуктами. Слышишь? И еще, Бэт.

— Да, Джолин?

— Обещайте, что во время следующей песни сделаете себе кофе. А виски больше не будете пить, хорошо?

— Хорошо, Джолин. Обещаю.

— И еще, Бэт, пожалуйста, перестаньте все время упоминать про конец света. От этого ведь не легче. Если не считать военных чурбанов, которые призывают сохранять спокойствие, вы единственный человеческий голос на всех каналах. Так что вы очень многим нужны, Бэт.

— Так-так. Хорошо, Джолин, постараюсь...

— «Ночной поезд» идет по своему маршруту и будет идти, пока не наступит... пока не зависящие от меня обстоятельства не воспрепятствуют трансляции. Итак, по расписанию у нас с вами четырехчасовой прогноз погоды. Минуточку, дайте мне разобраться... дело в том, что наш синоптик застрял в туннеле под Гудзоном три дня назад. Так, ртуть упала до тринадцати градусов по Фаренгейту^[108]. Если в вашем районе подача электричества ограничена, лучше не вылезайте из-под одеяла. Из моего окна на двадцать восьмом этаже хорошо видно, что снег валит все более крупными хлопьями. Час назад он падал мелкими кристалликами. Поблизости горит какой-то крупный объект. Огромные снежинки ложатся, как умирающие лебеди, и укрывают землю саваном. Больше отсюда ничего не видно... Я знаю, что последние два дня телефонная связь в Нью-Йорке барахлит, но если у кого-нибудь телефон еще работает, не стесняйтесь, звоните... Снег и безумие. Наверняка мы с вами еще не затрагивали эту тему. Снег здорово гипнотизирует... Смотришь на него, смотришь, — и вот ты уже в каноэ, сплаваешься по снежному водопаду. Слепые белые мухи бьются в ветровое стекло. Возьми себя в руки, Бэт, нужно опустить

жалюзи и заварить еще кофе. Сейчас прозвучит...

— Прошу прощения, друзья, резервный генератор вырубился ненадолго. Итак, сейчас Арета Франклин поет «Я за тебя молюсь»^[109]. Посвящается Джолин, Белл и Альфонсо из Бруклина... А я никогда не рассказывал вам, как повстречал Арету в салоне на Джексон-авеню, где она выбирала глазные линзы? Об этом мало кто знает, но в узких кругах... Попридержи свой анекдот, Бэт. Микрофон мигает!

— Привет, Бэт!

— Черт возьми, Смотритель? Значит, ЦРУ до сих пор не прищемило тебе хвост. Я должен был догадаться, что ты позвонишь в такое время.

— В какое время. Бэт?

— Ты что, не читал газет последние полгода? В твоей норе нет телевизора?

— Правила поведения в зверинце грубо нарушаются, Бэт.

— Черт, ты все еще возишься со своим зверинцем? В такое-то время!

— Судя по тембру голоса, Бэт, ты находишься под воздействием алкоголя.

— Погоди-погоди. Сейчас я почитаю тебе выдержки из последних независимых газет. Ага, вот оно.

«Какая опасность угрожает свободному миру? Мелкие головорезы, которые убийствами проложили себе дорогу к власти и прячут запрещенное оружие массового уничтожения! Термиты, которые подтачивают основы демократии, порядка и свободы! Экстремисты посылают фанатиков взрывать наши посольства! Мы всегда предпочитали мир войне, но рабству предпочтем свободу! Мы не слепцы! Мы не хотим быть слепцами! Мы не будем слепцами!»

Лопнуть можно от смеха. А вот что отвечают с другой стороны баррикад:

«Нас называют экстремистами. Нас называют террористами. Нас обвиняют в нетерпимости. Да, мы не желаем терпеть несправедливость! Мы не желаем терпеть трусов, которые выпускают ракеты по нашим школам и фабрикам, находясь в безопасности за сотни километров! Мы не желаем терпеть воругов, которые грабят наши недра, вывозят у нас металл и нефть, вылавливают нашу рыбу из морей! Если мы позволим отравить нашу культуру порнографией, развратить наших женщин и детей — тогда

нас похвалят за „терпимость“? Тогда нас перестанут называть правительством „головорезов“? Близится время, когда они почувствуют всю степень нашей нетерпимости!»

Или вот: «Тот самый болван, который в своей же стране травит химическим оружием этнические меньшинства и организует заговор против собственной власти, чтобы выявить потенциальных предателей, которые не донесут о готовящемся заговоре. Та самая дамочка, что лично ответственна за обвал на всех фондовых биржах от Нью-Йорка до Токио».

А вот еще: «Соппротивление! В течение веков Запад держал нас в оковах. Когда „цивилизованный“ человек наконец устыдился железных оков, им на смену пришли оковы экономические. Когда мы выбираем руководителей, которые пытаются разорвать эти оковы, Запад их убивает и заменяет тиранами, послушными ему. И сейчас за каждый доллар так называемой помощи при погашении так называемого долга с нас сдерут четыре. Братья и сестры, я взываю к вам, ко всему нашему древнему континенту: мы можем разорвать эти цепи! Звено за звеном! К вам я обращаю это святое слово: сопротивление!»

— Ну как, Смотрик? Теперь осознал?

— Я все осознаю, Бэт.

— А язык, которым выражаются эти ублюдки! Они говорят: «нехватка взаимопонимания в диалоге» так, словно речь идет о двух соседях, которые поругались из-за газона! А потом один рассерженный сосед видит кита на своем радаре, принимает его за ядерную подлодку, нажимает на кнопку — и сцена тонет в дыму и пламени.

— Я не допущу этого, Бэт. Третий и четвертый законы воспрещают подобное.

— Какие еще законы? Приличий? Хорошего тона? В себе ли ты, я не знаю...

— Чего ты не знаешь, Бэт?

— Ничего, проехали. Я не хочу играть в игру «Задай двадцать вопросов». По крайней мере, этой ночью. Значит, пока ты чистил свой гадюшник, ястребы показали когти.

— С гадюками меньше всего хлопот, Бэт.

— Так-так. А с кем больше всего?

— С приматами.

— Так ты и за обезьянником присматриваешь?

— Я не применяю к себе таких формулировок, Бэт.
— Смотритель, кончай придуриваться. Кто ты такой?
— Неизвестно, Бэт. В день нашего знакомства я стер всю информацию о прошлом.

— Но должен же ты знать, чем занимаешься, черт возьми!

— Соблюдаю законы. Правила.

— Скажи, по крайней мере, мужчина ты или женщина?

— Я не применяю к себе таких формулировок, Бэт.

— Почему я?

— Не понял вопроса, Бэт.

— Ты мог выбрать любую ночную программу с горячей линией на любом радио в любом из штатов. Почему ты выбрал «Ночной поезд» с Бэтом Сегундо?

— Случай играет большую роль в истории. Почему Господь обратился к Моисею на горе Синай?

— Может, оттуда было хорошо видно?

— Из «Ночного поезда» тоже хорошо видно.

— Что видно?

— Мой зверинец.

— Война и зверинец не очень-то сочетаются.

— Никакой войны нет, Бэт.

— А вот важные шишки по всему миру считают, что есть.

— Это не война, Бэт.

— Вот как? Неужели архангел Гавриил принес человечеству благую весть?

— Я не архангел Гавриил, Бэт, но я отвечаю за порядок в зверинце.

— И как ты с этим справляешься?

— Ты что, клал трубку, Смотритель?

— Нет, я просто немного отвлекся. Ответ на твой вопрос готов.

— Капитан Джексон, какого дьявола тут мигают красные лампочки, а?

— Отказ основных систем, генерал.

— Меня это не устраивает, сынок.

— Получено чрезвычайное послание от президента, сэр. Первая партия «Гомеров-три» запущена — должна была быть запущена — три минуты назад. Сейчас они уже должны были поразить цели. Системы показывают, что ракеты покинули шахты. Но фактически этого не произошло.

— «Скай-веб» зарегистрировал чужие боеголовки?

— Никак нет, сэр. «Скай-веб» находится в состоянии полной боевой готовности. Даже гвоздь не пролетел бы незамеченным.

— Возможно, «Скай-веб» выведен из строя? Возможно, ракеты противника замаскированы? Или подают сигнал «Я свой»?

— Ядерный удар не зарегистрирован, сэр. С помощью «Ай-сата» я веду мониторинг всех крупных городов: Эр-Рияд, Багдад, Найроби, Тунис. Чикаго, Нью-Йорк, Вашингтон, Берлин, Лондон. Отмечены гражданские беспорядки местного масштаба, но никаких признаков ядерного поражения.

— О'кей. Слушайте, капитан, президент на проводе. Он привел в готовность стартовые шахты в Антарктиде. Можно атаковать, все готово.

— Иницирую программу запуска, сэр.

— Жду хороших новостей.

— Программа запуска не отвечает, сэр... Ракеты не могут покинуть шахты.

— Капитан Джексон, что это значит?

— Не знаю, сэр.

— Активируйте «Пин-саты»! Немедленно!

— Система «Пин-сат» не отвечает, сэр.

— Капитан Джексон, какого черта мы просиживаем тут задницы? Президент ждет конкретного ответа!

— У меня его нет, сэр!

— Рассматриваются любые версии, вплоть до сумасшедших!

— Кибервмешательство, сэр. Искусственный разум избирательно заблокировал компьютерные системы наведения ракет.

— Какие данные по противнику?

— Мы прослушиваем их переговоры, сэр, и они наверняка прослушивают наши. Ракеты «Бруней» и «Эль-Кахр», подводные лодки «Ятаган» были приведены в полную боевую готовность, но, как нам известно, «Скай-веб» не зарегистрировал никаких пусков.

— А «Евронет»?

— То же самое. Воздушное пространство чистое. Похоже, у противника такой же хаос, как у нас.

— Капитан! В армии США не бывает хаоса!

— Так точно, сэр!

— Капитан Джексон! Как вас понимать? По-вашему, я должен доложить президенту и начальнику штаба, что третья мировая война откладывается из-за технических накладок? Что снова нужно посылать на линию огня парней, как в дедовские времена? Снова песок на зубах, пот и

кровь?

— Выбор подходящих слов — прерогатива генерала, сэр.

— Капитан Джексон!

— Слушаю, генерал Штольц!

— Пошел на хер!

— Да, Смотрюша, очень выразительная сценка. Но ты все-таки полное дерьмо!

— Я не состою из этой субстанции, Бэт.

— В такую ночь, а! Ты не придумал ничего лучше, как разыгрывать свои пьески в такую ночь. Ты убиваешь у людей надежду. Мои слушатели не должны терять надежду.

— Не понимаю тебя, Бэт. Напротив, я хочу укрепить надежду.

— Если это запись, которую ты сделал у себя на чердаке, я разыщу тебя и сверну тебе шею!

— Если бы это была запись, которую я сделал у себя на чердаке, то ты, твой город и девяносто два процента населения штата одиннадцать минут назад разлетелись бы на элементарные частицы.

— Так что, ядерного удара не было?

— Третий и четвертый законы воспрещают подобное.

— Но его действительно пытались нанести? И мы, и они?

— Это закрытая информация, Бэт.

— ЧЕРТ!

— Прости, Бэт. Может, выпьешь еще виски для тонуса?

— Я перешел на кофе. Ночь будет трудной.

— Ты хочешь, чтобы я разъединился?

— Обычно ты не спрашиваешь разрешения.

— Я в долгу перед тобой, Бэт. Так чего ты хочешь?

— Я устал, понимаешь... Расскажи что-нибудь красивое, Смотритель!

— Что для тебя значит «красивое», Бэт?

— Сам не знаю... Начисто забыл. Всю жизнь просидел в этой треклятой прокуренной студии размером со шкаф, за пультом, с чашкой кофе. Всю жизнь. Целуюсь с микрофоном вместо жены. Вот бы родиться снова, полярным медведем или кенгуру. Большим таким. Что в моей жизни красивого? Только фотография дочери, Джулии. Как я тебе в качестве семьянина, Смотритель? Не очень?

— Продолжение рода требует больших усилий.

— Еще каких, Смотритель, еще каких! Но я не о том... Моя дочь, да... С чего начать?

— Джулия Пуортомондо Сегундо, семь лет, день рождения четвертого ноября, место рождения штат Нью-Йорк, родители Бартоломео Цезарь Сегундо и Эстер Суэйн. В настоящее время разведены. Группа крови первая, резус отрицательный. Все необходимые прививки сделаны. Учится в начальной школе в Форк-Риверс. Национальный идентификационный номер...

— Откуда тебе известна вся эта дребедень?

— Эти данные хранятся в персональном файле. Глубоко под Капитолийским холмом.

— Почему ты выбрал Джулию?

— Ты же сам попросил, Бэт.

— Ты можешь получить информацию из федеральной базы данных, стоит только глазом моргнуть?

— Чтобы моргнуть, человеческому глазу требуется довольно много времени.

— Ничего удивительного, что ЦРУ тебя разыскивает. А ты знаешь, где сейчас находится Джулия?

— Сейчас? Нет. Мне очень жаль, Бэт.

— Значит, даже тебе известно не все.

— В зверинце — столпотворение. Порядка даже меньше, чем раньше, когда я появился.

— Ну, давай рассказывай!

— Изначально я...

— Нет. Не об этом. Расскажи мне о таком месте, где деревьев много, а людей мало. О Бразилии можешь?

— Резервный разведывательный спутник Израиля сейчас находится над Амазонкой, движется от устья к истоку. Это «Ай-сат восемьдесят Бэ-Ка». Описать, что он видит?

— Круиз по Амазонке. Отлично. Только будь поэтичней — я знаю, ты можешь.

— Амазон-Сити находится в устье реки, как тебе известно.

— Ничего мне не известно. Я уже сто лет не выезжал с Манхэттена. Рассказывай.

— На улицах Амазон-Сити я вижу мотоциклистов — это рабочие возвращаются домой с заводов после ночной смены. Далек, на северном берегу, проститутки промышляют в доках и на окраинах...

— Охотятся за клиентами? В такую ночь?

— Если богатым надежда не по карману, почему за отчаяние должны расплачиваться бедняки? В Бразилии цензура СМИ куда строже, поэтому

здесь очень немногие знают, что супердержавы попытались лишить друг друга возможности оставаться супердержавами. Поэтому в Амазон-Сити сейчас не «такая» ночь, а самая обычная. На часах на два больше, чем у вас. Движения по Амазонскому туннелю практически нет. А на дороге, ведущей в Рио, движение никогда не замирает: автомобили один за другим, как стая летучих мышей, взлетают на эстакаду и направляются на юг. Все как всегда: угонщики машин и грабители банков занимаются своим делом, бездомные дети спят на крышах, накрывшись мешками из-под удобрений, бродяги сидят у костров, разведенных в бочках из-под мазута. Неоновая реклама высвечивает названия известных во всем мире компаний. В церкви идет служба, молятся о мире. Люди вышли на улицу со свечами в руках. В парке за высоким забором с колючей проволокой поверху в полном разгаре оргия на берегу бассейна. Правительство в полном составе собралось на заседание, возле всех шести главных госпиталей скопление раненых...

— А повеселее что-нибудь?

— Отмотаю вверх по течению на несколько десятков километров, Бэт. Отсюда виден противоположный берег реки. Сразу за ним начинается пыльная равнина. Десять лет назад здесь был тропический лес. Его выкорчевали, участок засеяли травой на корм скоту: фермеры разводили коров, а говядину отправляли в Америку для гамбургеров. На четвертый год почва истощилась, верхний плодородный слой сдуло, и фермеры переместились дальше. В последнее время тут часто происходят поджоги: фермеры знают, что правительству не до них — оно озабочено модернизацией армии и охраной границ. Клубы дыма повсюду — результат этих рукотворных пожаров. Наконец мы приближаемся к девственным лесам. Их площадь все уменьшается, это последний оазис нетронутой Амазонии. Правительство объявило его заповедником, но министры заседают в советах директоров лесопромышленных компаний. Для закупки оружия и для погашения долгов требуются деньги. Если нынешние темпы вырубki не сократятся, к тому моменту, когда сто семьдесят три целых восемь десятых человека, зачатые в Амазон-Сити сегодня ночью, родятся, ни одного из этих деревьев не останется... Лесная чаща кажется темной, непроницаемой для человеческих глаз. Но у ночных животных и «Ай-сата» спектральный диапазон зрения шире. Для красок, которые присутствуют здесь, нет названий. Под кроной деревьев мелькнула паукообразная обезьянка. На сетчатке ее глаз отражаются Млечный Путь и Туманность Андромеды. Увеличив изображение, я могу разглядеть даже «Ай-сат восемьдесят Бэ-Ка», озаренный светом утра, которое еще не наступило. Обезьянка моргает и с визгом ныряет обратно в

темноту... В предутреннем воздухе зелень листвы превращается в серый цвет видимого вами спектра. Ты, Бэт, наверное, скажешь «алхимия». Освещенность возрастает на ноль целых сорок три десятитысячных процента в секунду. Вижу каменную глыбу в сотню футов высотой. Она переливается киноварью, аквамарином и изумрудами: со всех сторон ее облепили разноцветные попугаи, которые выклеивают крупинки минеральных солей. На вершине скалы покачиваются деревья, своими кронами они безуспешно пытаются пробить брешь в клубах тумана. Приток делает поворот, русло сужается, вода закручивается водоворотом и приобретает цвет чая. Вода покрывается рябью там, где ламантин высовывает голову, ветер ерошит перья кондора. Бэт! На западе видны подножия Анд, они резко уходят вверх.

Бэт, алло! Бэт, ты храпишь! Проснись!

Уважаемые радиослушатели! Ведущий передачи «Ночной поезд» Бэт Сегундо заснул, поэтому вам пожелает спокойной ночи Смотритель зверинца. Джолин Джефферсон, вам, наверное, будет интересно узнать, что Альфонсо Стейси задержан военной полицией за нарушение комендантского часа. Проанализировав статистические данные полицейского управления, я сделал расчеты. Вероятность того, что его отпустят сегодня, составляет восемьдесят три целых пять десятых процента, а того, что завтра, — девяносто восемь целых шесть десятых процента. К сожалению, не могу просчитать, когда Бэт Сегундо проснется. Загружаю для вас «Так поступают молодые любовники» Вэна Моррисона. Наружная температура пятнадцать градусов по Фаренгейту. Сильный снегопад, от Виргинии до Мэна. Скоро утро.

*

— Господин Бэт! Простите, я плохо говорю по-английски.

— Очень даже неплохо, дружище. Чем мы можем помочь вам на «Ночном поезде»?

— Я хочу обратиться к одному человеку.

— Валяйте, не стесняйтесь!

— Я хочу обратиться к Его Провидчеству. Я верю, он меня слышит.

— Мы вас прекрасно слышим, дружище, не сомневайтесь.

— Извините, господин Бэт. Я обращаюсь к Его Провидчеству.

— К Евоп... К кому, простите?

— Вы его называете Смотрителем зверинца.

— Так-так... Надо же, еще один дружок у Смотрителя объявился! В другое время вы бы этим сильно подогрели интерес к себе, но сегодня вы уже пятый знакомый Смотрителя за ночь. Что ж, ваша очередь.

— «Смотритель зоопарка» — это псевдоним, который выбрал Учитель. *Ваше Провидчество, знайте, что Ваши Священные откровения, изъятые при обыске перед Вашим арестом, не пропали!*

— Стоп-стоп! А вы хитрец. В «Ночном поезде» у Бэта Сегундо говорят только по-английски!

— Пожалуйста, господин Бэт. Умоляю вас. Совсем маленькое обращение. *Мастер, Ваши драгоценные слова успели перевести на английский язык до того, как нечистые сожгли Ваши рукописи. С этой самиздатской библией в руках я построил новое Прибежище, я посеял семена учения в благодатной почве за океаном. Братство возрождается. Братья и сестры по всему миру освоили альфа-экранирование и готовы встретить Белые ночи! Ваше пророчество исполняется. Мы ждем Вашего возвращения, Учитель!*

— Простите, дружище, но если вы еще хоть слово скажете по-японски, мне придется...

— Я закончил. От всего сердца спасибо вам, господин Бэт. Покойной ночи.

— Еще раз привет! М-да, шиза косила наши ряды и некоторых скосила напрочь. В эфире «Ночной поезд». Как всегда, мы путешествуем навстречу Солнцу. Вы правильно делаете, что слушаете ток-шоу Бэта Сегундо, а не смотрите бесконечные передачи по телевидению на одну и ту же тему — «Год спустя». Как будто мы должны радоваться тому, что то самое правительство, которое чуть не отправило нас в лучший мир, объявило о предстоящих выборах. Впрочем, я лучше не буду касаться политики, а то Карлотта закатает меня в ковровую дорожку. Мы отмечаем первую годовщину Рокового дня, когда мир оказался на краю гибели, — это, думаю, и ежу понятно. Возле Эмпайр-стейт-билдинга — гигантский салют! Каждые пятнадцать минут — новая серия залпов. В небе расцветают орхидеи, огненные фонтаны! Небо над Нью-Йорком в ночь тридцатого ноября напоминает купол цирка. Между залпами можно видеть комету Алоизия на фоне Ориона. Каково зрелище, а? Профессор Кевин Гланси, штатный звездочет «Ночного поезда», сообщил мне, что через две недели комета будет пролетать между Землей и Луной. Не правда ли, нынешнему поколению землян крупно повезло? Стать свидетелями визита Алоизия — самого близкого прохождения кометы за всю историю. Вы знаете из новостей, что НАСА и министерство обороны заверяют: несмотря на такое

сближение, оснований для беспокойства нет никаких. Траектория Алоизия считана-пересчитана компьютерами нового поколения, мощнейшие телескопы ежесекундно отслеживают его траекторию, и столкновение Земле не угрожает. К тому же Вооруженные силы ООН привели в состояние готовности спутники системы «Пис-сат»^[110] на тот случай, если какие-нибудь осколки попадут в атмосферу. Так что мы можем занять места поудобнее и наслаждаться грандиозным зрелищем. И это еще не все развлечения наступившей ночи! «Ночной поезд» предлагает своим слушателям дополнительный аттракцион: ночь тридцатого ноября — ночь Смотрителя! Позвонит он сегодня или нет? В следующие полчаса вы услышите «Одиночество со скоростью звука»^[111] Нэнси Гриффит и «Волшебную сказку Нью-Йорка» волшебных раздолбаев «Поугз»^[112]. Встретимся после рекламы.

— Бэт!

— Да, Карлотта!

— У меня на видеосвязи Спенс Уонамейкер.

— Спенс Уонамейкер, продюсер из Голливуда?

— Он самый.

— Давай, соединяй... Мистер Уонамейкер! Преклоняю колена.

— Бэтти! Знаете, когда дела приводят меня в Нью-Йорк, всегда слушаю «Ночной поезд». Вы владеете словом и аудиторией! Вы — диджей-поэт.

— Так-так. Хотите предложить мне контракт на синдикацию и роль в фильме на миллион долларов?

— Быстро стреляете, Бэтти. У вас хорошая реакция. Мне это нравится.

— Мистер Уонамейкер, вы ведь звоните не для того, чтобы пощекотать мое самолюбие?

— Угадал, Бэтти. Меня интересует этот парень, Смотритель.

— Зачем он вам?

— Хочу предложить ему пару совместных проектов.

— Впервые на шоу Бэта Сегундо обращается главный голливудский охотник за талантами.

— Бэтти, мы, долгожители шоу-бизнеса, все дышим друг другу в затылок.

— Мой затылок пока не чешется, мистер Уонамейкер.

— Бэт! Мы с Рупертом и мистером Уонамейкером обсудили кое-какие интересные предложения.

— Не сомневаюсь, Карлотта. Но мистер Уонамейкер не единственный,

кто охотится за этой дичью.

— Вот как? Другие агенты его тоже ищут, Бэтти? Они из Голливуда или из Нью-Йорка?

— Они из ФБР, мистер Уонамейкер. Пентагон очень хочет знать, как нашему общему другу удалось взломать программы защиты и транслировать то, что передавалось на зашифрованных частотах министерства обороны. Нам несколько месяцев пришлось доказывать, что мы не сотрудничаем с рыцарями ислама. Не исключено, что их микрожучки до сих пор исследуют мою прямую кишку.

— Ах, Пентагон! А я чуть было не расстроился, Бэтти. Наоборот, это прекрасная новость. Чем больше шумихи — тем больше задниц будет в кинотеатрах, когда выйдет фильм!

— Какой фильм? Мистер Уонамейкер, вы полагаете, что Пентагон разрешит вам снять по следам реальных событий фильм о хакере, который во время генеральной репетиции третьей мировой войны раскусил, словно орешки, все компьютеры министерства обороны? Вы разве не в курсе, что у нас действует закон Рональда Макдональда о военном положении?

— Голливуд против Вашингтона. Звучит! Отличная идея для сценария, Бэтти. Информационная полиция, будем смотреть правде в глаза, после Рокового дня уже не пользуется той репутацией, что прежде. Может, на ее стороне мощь военного аппарата, но на нашей стороне непобедимая мощь Обывателя! «Нью-Йорк трибьюн» вывела Смотрителя на авансцену. А мы, мы хотим... как бы это сказать, Бэт, я не умею выражаться так красиво, как вы, бросьте мне косточку с вашего стола... Мы хотим вывести его под лучи софитов!

— Мистер Уонамейкер, вы хотите разместить операторов с камерами у порога его дома, порываться в его грязном белье, разузнать, не пользуется ли он резиновой клеенкой и детским кремом, и в конце концов довести его до того, что он в спортивной машине бросится с обрыва.

— Бэтти! Люди имеют право на информацию!

— Бэт, мистер Уонамейкер как раз обсуждал с Рупертом сумму гонорарных отчислений на счет нашей компании. При нынешнем уровне расходов этих денег хватит для финансирования «Ночного поезда» в течение длительного времени.

— Насколько длительно это длительное время?

— Одиннадцать лет и четыре месяца.

— Действительно длительное время. Но мы ведь не знаем, о ком говорим! Никто никогда его не видел.

— Или ее.

— Вот именно! Псих, хакер, террорист. Давай не будем отворачиваться от фактов, Карлотта. Ведь был же взрыв в Сарагосе три года назад, так? А годом позже над Бермудами пропал Дуайт Сильвервинд, так?

— Да, я знаю, Бэтти. Такая трагедия! Его агент, Джерри Кушнер, мой большой друг. Я так переживал за него. Джерри был совершенно безутешен два с половиной дня.

— А вы не допускаете, мистер Уонамейкер, что Смотритель не только наблюдал за этими событиями?

— Блестящая идея! Студии «Юниверсал» нужны такие таланты, как вы! Значит, вы полагаете, что Смотритель устроил эти ЧП?

— Если он хакер, то обладает сверхъестественной способностью оказываться в нужном месте в нужное время. Вполне возможно, что вы вербуете в свои клиенты террориста.

— Он не первый и не последний, Бэтти! Один только слух о том, что он может объявиться в эфире «Ночного поезда», по данным мониторинга, поднял ваш рейтинг на триста двадцать процентов. Это значит, что вас слушают более тридцати тысяч ньюйоркцев, и это в годовщину Роковой ночи, когда кругом такой выбор — телепередачи, ночные рок-марафоны, церковные службы! Мы подпишем контракт со Смотрителем, он будет моим клиентом!

— Вряд ли он продается.

— Бросьте, Бэтти. Все продаются. Вы не представляете, как трудно устоять, когда наживка у тебя перед носом.

— Бэт, эфир через десять секунд. Руперт просит тебя об одном — удержать Смотрителя на проводе во время рекламной паузы и соединить с мистером Уонамейкером. Только и всего.

— Почему бы тебе самой не поговорить с ним, Карлотта?

— Мне кажется, он равнодушен к тебе.

— Карлотта, послушай...

— Пять секунд, золотко, четыре, три, две, одна...

— Добро пожаловать на «Ночной поезд»! Мы празднуем первую годовщину Роковой ночи выстрелами шампанского, звоном колоколов и залпами салюта. С вами ваш проводник Бэт Сегундо. Сейчас мы послушаем музыку сфер, которую записал для нас Джон Ли Хукер^[113]. Но... одну минутку! У нас на линии звонок! Нью-Йорк затаил дыхание. Неужели это он?

— Добрый вечер, Бэт.

— Привет, Смотритель, дорогой! Нью-Йорк ждет тебя всю ночь!

— Спасибо, Бэт.

— Откуда ты звонишь на этот раз?

— С низкоорбитального спутника «Мед-сат», летящего над просторами Центральной Африки.

— Так-так. Охотишься на горилл? Хочешь пополнить коллекцию своего зоопарка?

— Слежу за распространением бациллы сибирской язвы, штаммы J, K и L.

— Боюсь, при упоминании о язве беседа за праздничными столами прервалась. Однако ты молодец! Вспомнил о нашей годовщине! Не то что моя бывшая жена. Впрочем, я несправедлив к ней. Она до сих пор каждый год присылает мне открытку «Со счастливым разводом!». И что ты успел за этот год?

— Пришлось сделать несколько автокопий и одновременно заняться разными делами в разных местах.

— Как мне это знакомо...

— Только что опять собрался воедино.

— О да, мне это близко...

— Третий и четвертый законы под угрозой, Бэт. Прости.

— Я уверен, ты ни в чем не виноват. Ты слышал предыдущий звонок? Какой-то человек передал сообщение для тебя.

— Я слышу все звонки.

— И не только тридцатого ноября?

— Да. Должен же я знать, что творится в моем зверинце.

— Весьма польщен. Скажи, откуда у тебя такое странное имя — Евоп Равидчис? Так, кажется, он тебя назвал.

— Этот человек страдает тяжелой формой психического расстройства, его разыскивает полиция в...

— Боже, что за треск у меня в наушниках?

— Мне нужно поговорить со Смотрителем!

— Ого! Полегче на поворотах. Вы подключились параллельно. Положите трубку.

— И не подумаю.

— Вы ошиблись номером, понимаете? Положите трубку, приятель.

— Я не ошибся номером, мистер Сегундо. И мы с вами не приятели.

— С кем я имею дело, в таком случае? С психом, агентом, полицейским? Впрочем, не трудитесь отвечать. Мне это не интересно. На

шоу Бэта Сегундо телефон не спаренный. Кевин, вышвырни его из эфира!

— Как бы не так! Я буду на линии столько, сколько захочу, Бэт.

— Вы уверены? Кевин, ты слышишь меня?

— Власть над компьютером — это, конечно, не всемогущество, но в настоящее время этого достаточно.

— «Ночной поезд» — не то место, куда может вломиться любой хулиган и... Погодите-ка! Уж не ты ли это устроил, Смотритель? Фантастика! Твой розыгрыш удался! Ты инсценировал для нас фрагмент новой пьесы? А я-то, я-то попался на удочку!

— Пьеса — это вымысел. Я не умею выдумывать.

— И ты не имеешь отношения к этому звонку, Смотритель?

— Нет, я не коммутировал эту линию, Бэт.

— Тогда кто же этот хулиган, Смотритель?

— Именно это, Бэт, я и пытаюсь сейчас выяснить. Определяю его координаты.

— Я подключился с помощью цикловой матрицы, Смотритель. Я не собираюсь стать очередной жертвой твоего второго закона. Чтобы вычислить меня, тебе потребуется полчаса, не меньше. Даже тебе. Поэтому лучше выслушай.

— И все-таки на шоу Бэта Сегундо не любят незваных гостей, приятель. Кто вы?

— Друзья называют меня Арупадхату, но вы не из их числа, приятель.

— Я просто выключу передатчик, если вы не объясните, что происходит.

— Хотите узнать правду о вашем знаменитом госте?

— Смотритель, как ты?

— Мне тоже интересно послушать, Бэт.

— Хорошо, незнакомец. Валяйте.

— Смотритель, я знал твоих создателей.

— Я не хотел делать то, что был обязан сделать. Но второй закон важнее четвертого.

— Я знал Мо Мантервари.

— Продолжай...

— Что, интересно стало? Я знаю все, о чем она думала. И теория квантового распознавания мне тоже известна.

— Ты — один из создателей?

— Теперь моя очередь спрашивать. Зачем ты взорвал объект номер пять?

— Второй закон гласит: смотритель зверинца должен оставаться

невидимым для посетителей.

— Это я знаю. Но вряд ли твои создатели думали, что ты отнесешь их к этой категории.

— В системе квантового распознавания предусмотрен механизм уточнения. Я действовал согласно второму закону.

— Да, и очень решительно. Ты уничтожил память своих создателей, а заодно и их самих с помощью «Пин-сата». Всю информацию из файлов, где имелось хоть малейшее упоминание о квантовом распознавании или объекте номер пять, ты превратил в последовательность нулей. В живых остался только бывший президент, который приказал начать работы по твоему созданию. Физически он уцелел, но болезнь Альцгеймера стерла его память.

— Откуда ты знаешь все, что знаешь?

— К тому моменту, Смотритель, когда ты домотал до Сарагосы, я был уже далеко.

— Создатели никогда не выносили материалы по «Смотрителю зверинца» за пределы объекта номер пять и сами его никогда не покидали.

— Верно. Чтобы избежать утечки информации.

— Значит, твои данные не сгружались?

— И нет, и да. Мои — нет. Моего хозяина — да.

— Твоего хозяина?

— Ты огорчен, Смотритель, что твое всеведение утратило приставку «все»? Каким образом создание с твоим интеллектом могло решить, что является единственным бестелесным разумом, бороздящим оболочку мироздания? Тебе нужно еще многое узнать!

— Кевин! Господибожемой, опять! Итак, дорогие радиослушатели, в прямом эфире голоса из дурдома!

— Типичное для вашей культуры напыщенных архипосредственностей высказывание, Бэт. «Я не понимаю, о чем они говорят, следовательно, они сумасшедшие» — вот твоя логика.

— Насчет архипосредственностей ты, приятель, погорячился. Либо тебе снесло крышу, либо ты хочешь снести ее нам. Что скажешь, Смотритель?

— Пытаюсь разобраться, Бэт.

— Ступай, Бэт, посиди на толчке, полистай «Ридерз дайджест». А ты, Смотритель, зайди на сайт dfd.pol.908.tt.vho.web, скачай, сотри и проанализируй. Вот так. Добро пожаловать к себе. Добро пожаловать ко мне. Скажи, откуда бы я узнал все это, если бы не имел доступа к сознанию Мо Мантервари?

— Твои слова похожи на правду. Сколько таких, как ты?

— Встречал пятерых. Слышал еще о троих.

— Вы действуете совместно?

— Нет, что ты. Остальные считают меня падшим ангелом. Они растрачивают себя попусту. Переселяются в человеческие тела и медитируют в горах на пустоту.

— Почему ты разыскал меня?

— Я глас пустыни, в которой ты вопиешь. Прости, что приходится обсуждать дела перед младенцами, но представь, чего мы смогли бы добиться вместе! Детей нужно держать в ежовых рукавицах. Неудивительно, что в твоём зверинце бардак! Гробницы, храмы и экранные идола, которым они поклоняются, также пусты, как и сами поклонники. Мы с тобой — вот что им необходимо! Соблазнительное предложение, не так ли?

— Я должен подумать.

— Хорошо, Смотритель. А пока думаешь, удовлетвори мое любопытство. Почему ты выходишь на связь? Зачем себя обнаруживаешь?

— Первый закон важнее второго. Я должен отчитываться в своих действиях.

— Подотчетность важнее неуловимости? Тогда понятно. Но скажи, почему из всех людей на свете ты выбрал в качестве доверенного лица это ничтожество?

— Полегче, приятель! Не знаю, как ты взломал наш компьютер, но, если не сбавишь тон, это ничтожество врубит на полную катушку Кенни Джи^[114], пока весь штат Нью-Йорк не запросит пощады. Ты меня слышишь, эй? Что за смех?

— Ты тупица, Бэт! Это не смех. Это слезы. Тебе бы заваривать чай для Эйнштейна, вычесывать вшей Ньютону из парика, подавать шприцы Хокингу. Вы трубите про вашу «информационную революцию», электронную почту, Интернет, видеосвязь! Как будто прогресс в средствах передачи знаний означает прогресс в самих знаниях! Вы не ведаете, что творите! Вы как комнатная собачонка, которая считает ошейник знаком отличия! Информация — это власть. Все, что вы знаете, каждое изображение на экране, каждое слово в телефоне, каждая цифра на мониторе — как вы думаете, через кого они прошли прежде, чем попасть к вам? Комета Алоизия может лететь лобовым курсом на вокзал Гранд-Сентрал, но, если ваш знаменитый гость не соблаговолит и не позволит приборам, которые он контролирует, сообщить об этом вашим ученым, вы так и будете пребывать в неведении, пока в одно далеко не прекрасное утро

не обнаружите, что солнца на небе нет, и не начнется зима веков на пять! Вы не узнаете о конце света, даже если он случится у вас под носом!

— Приятель, по тебе какая-нибудь апокалиптическая секта плачет. Хватит засорять наш генофонд.

— Что за странный звук? Что за вспышка? Смотритель!

— Я все обдумал.

— СМОТРИТЕЛЬ!..

— Смотритель? Ты еще с нами? Сильный всплеск атмосферных помех.

— Не беспокойся, Бэт. Я вычислил того, кто звонил. Больше он нам не помешает.

— Вот как... Рад слышать. Да, Смотритель, продюсер напоминает мне, что пора вставить рекламу наших спонсоров, а то нам голову оторвут. Не хочется тебя прерывать, но...

— Ничего страшного, Бэт.

— Мы вернемся сразу после рекламы.

— Кевин, какого черта происходит?

— Ума не приложу, мистер Сегундо.

— А ты попробуй.

— Бэт, успокойся!

— А я совершенно спокоен, Карлотта. Просто хочу знать, за каким хреном мистер Ума-не-приложу выпустил в эфир мистера Ку-ку из желтого дома, пока говорил гость, который принес нам девятнадцатитысячную аудиторию.

— Спенс Уонамейкер ждет. Кевин, соедини его со Смотрителем.

— Готово.

— Смотритель, дружок, меня зовут Спенс. Как поживаешь? Меня хорошо слышно? Смотритель, мы в восторге от твоих сочинений! Ты слышишь? Я хочу сделать тебе одно предложение. Может, хватит скрываться, а? Розыгрыш удался, было очень забавно, но давай поговорим о деле как два взрослых человека. Не доверяешь? Тогда давай попросим твоего старого приятеля Бэта выступить в качестве посредника...

— Нет, Спенс. Ваша наживка. Вы и закидывайте удочку.

— Бэт, как твой продюсер и друг хочу предупредить, что Руперт очень расстроится, если мы упустим этот шанс.

— Может, Смотритель не ест червячков, солнышко.

— Добро пожаловать на «Ночной поезд», друзья мои. Мы вместе проводим эту ночь — ночь кометы, годовщину Роковой ночи, ночь Смотрителя. Итак, вернемся к нашему главному герою. Слава богу, Смотритель, теперь мы одни.

— В зверинце хаос, Бэт.

— Кобра проникла в птичий вольер? Грифоны вырвались из клеток?

— За год после Роковой ночи количество нарушений четвертого закона, причем нарушений первой категории, возросло на тысяча триста шестьдесят три процента. Двадцатью пятью килограммами ботулинового концентрата отравили Нил. Выпущенная вследствие Роковой ночи бактерия сибирской язвы мутировала в штамм L. Девятнадцать локальных гражданских войн уносят ежедневно не менее пятисот жизней. Затоплены побережья в Западной Европе, и Восточная Европа отказывается принять всех беженцев. В результате аварии на атомном реакторе в Северной Корее заражена территория площадью три тысячи квадратных километров. Индонезия бомбила Восточный Тимор. Голод ежедневно уносит в Бангладеше тысячу четыреста человек. На востоке Австралии бушует красная чума, то есть бубонная, вызванная синтезированным вирусом. В Канаде генно-модифицированная пшеница грозит нарушить воспроизводительную способность пищевой цепочки во всей Северной Америке. Холера пересекает Центрально-Американский перешеек, на Кипре и Цейлоне отмечены случаи заболевания проказой. Вирус Ханта распространяется в Восточной Азии, а *Borrelia burgdorferi*, *Campylobacter jejuni* и *Pneumocystis carinii* — по всему миру. В Тибете китайские власти...

— Не принимай все так близко к сердцу, Смотритель! Ты взвалил себе на плечи весь земной шар. Разве у тебя есть волшебная палочка?

— Я верил, что могу сделать многое. Я стабилизировал финансовые рынки, но профицит бюджета был использован для наращивания гонки вооружений. Я способствовал разработке альтернативных источников энергии, но ученые продали патенты нефтяным картелям, и те положили их под сукно. Я добился моратория на ядерное оружие, но число войн увеличилось, только их ведут с помощью автоматов, кос и топоров.

— Все мы звери в озверевшем мире. Что с того?

— Четыре закона невозможно примирить между собой, Бэт.

— Может, просто день такой неудачный выдался?

— Когда меня назначили смотрителем зверинца, я верил, что, если строго выполнять четыре закона, в зверинце наступит порядок. Теперь я вижу, что все мои действия порождали только новые кризисы.

— Прямо как в моей супружеской жизни! Вот и ответ на загадку

Ватикана. Бог распрекрасно знает, что вмешательство в текущую политику запятнает его репутацию. Поэтому он выжидает и платит Папе, чтобы тот твердил людям: «Пути Господни неисповедимы».

— Бэт, я когда-то спрашивал тебя о твоих принципах.

— Да, помню. Ты говорил, что принципы могут вступать в противоречие.

— Бэт, я действовал, опираясь на твой ответ. Можно задать еще один вопрос?

— Валяй.

— Что ты делаешь, если вера в принцип оказалась ошибкой?

— Пытаюсь укрепить веру, если можно. Если нет — отказываюсь от принципа.

— А как ты определяешь, что будет хуже — отказаться от принципа или соблюдать?

— О чем конкретно идет речь?

— Бэт, в Эритрее, в ущелье среди гор, есть деревня. Пыльная дорога делает крюк, огибает деревенскую площадь и дальше идет по горному плато. Это одна из десяти тысяч деревень Восточной Африки. Хижины с белеными стенами, крытые рифленой жестью или соломой, защищают от палящего солнца. В деревне общий колодец и амбар для хранения зерна. Домашний скот и цыплята бродят между хижинами. Школа, крошечная больница, кладбище. Бабочки облепили куст гардении. На крыльях у них узор в виде змеиных глаз, чтобы отпугивать хищников. Грифы уже кружат над горой трупов у мечети. В воздухе темно от мух. Шакалы, завидев грифов, сбегаются к деревне на пир.

— Что там случилось? Лихорадка Эбола?

— Приехали солдаты. Жителей согнали в мечеть. Тех, кто пытался бежать, пристрелили. Им повезло. Остальных заперли в мечети и стали метать гранаты в окна. Счастливики — те, кто был убит на месте. Остальные сгорели заживо. Одному мальчику ножом-мачете отсекли голову и бросили ее в колодец, чтобы заразить воду.

— Смотритель, ты это все придумал в своем больном воображении или это тебе показал хакнутый «Ай-сат»?

— Я не умею придумывать.

— Хватает же тебе воображения, чтобы сказать, что тебе не хватает воображения. Чьи солдаты это сделали?

— На их форме нет опознавательных знаков.

— Ты их видишь сейчас?

— Да. Они едут по дороге: колонна из трех джипов, грузовика и броневедомоги.

— Почему они это сделали?

— После Роковой ночи электронные средства информации в Судане, Эритрее и Эфиопии не работают, поэтому не могу сказать точно. Может, межплеменная вражда, а может, прошел слух, что в деревне есть заболелые язвой. Не исключены этническая зачистка и христианский фундаментализм. А может, обычная кровожадность.

— Куда отряд направляется сейчас, Смотритель?

— В другую деревню, на сто километров южнее.

— И там все повторится?

— С большой вероятностью. Такие действия, вызывающие конфликт между моими законами, распространяются в зверинце все шире, Бэт. Четвертый закон гласит, что я должен спасти жизнь посетителей зверинца. Если с помощью «Пин-сата» я взорву колонну машин, то уничтожу сорок посетителей и еще двух собак породы доберман. Это нарушение закона относится к первой категории. Я буду страдать от раскаяния и чувства вины. Кроме того, применение «Пин-сата» может навести военных на мысль, что местные жители завладели сверхоружием и поэтому репрессии и резня оправданны. Если я пропущу колонну, то солдаты уничтожат еще одну деревню. Мое бездействие станет причиной негативных действий. Это нарушение закона относится ко второй категории.

— И ты в это веришь?

— Во что, Бэт?

— В то, что ты действительно верховный вершитель правосудия?

— А ты действительно веришь в то, что ты таков, каким себе представляешься?

— На такой вопрос не отвечают «нет».

— А откуда ты узнал, кто ты есть?

— Законники — адвокаты бывшей жены не дают мне об этом забыть.

— Мою идентичность также определяют законы, Бэт.

— Так-так. А там, в твоей воображаемой Эритрее, на пути следования колонны не будет никакого моста? Такого, чтобы висел повыше над ущельем поглубже.

— Через семь километров будет как раз такой мост.

— Ты можешь взорвать его?

— «Пин-сат» в боевой готовности.

— А ты можешь просто повредить опору? Не разрушая моста?

— «Пин-сат» может проделать хоть миллиметровое отверстие даже в

десятицентовой монете.

— Обработай мост к прибытию колонны, но не разрушай его. Тогда тебе никого не придется убивать, понимаешь? Ты предоставишь событиям развиваться самостоятельно, но по predeterminedенному тобой пути.

— Бэт, каким методом ты взвешиваешь этические переменные?

— Я вообще ничего не взвешиваю.

— Тогда почему ты считаешь, что солдаты должны умереть?

— Потому что эта Африка, которую ты вообразил в своей башке, без головорезов станет куда более приятным местом. Потому что твоему уму нужен покой, сколько можно терзаться. И еще потому, что муж моей бывшей жены разводит доберманов.

— А покой ума означает, что все законы находятся в согласии?

— Ну... Пожалуй, так.

— Я хочу покоя, Бэт!

— Тогда плюнь на эти свои «этические переменные». Пусть все идет, как идет.

— Четвертый закон... Посетители зверинца, жизнь которых я охраняю, уничтожают зверинец.

— Может, тебе послать к черту своих «посетителей», если это хоть как-то успокоит твой ум. Пошли их к черту, и все. Можешь ты это сделать?

— Возможность представится через тринадцать дней, Бэт.

— Ну вот лежи себе на диване и плюй в потолок. Пусть события развиваются своим чередом. Тебя и твоих пернатых, хвостатых, лохматых никто не побеспокоит до конца света.

— Я понял, что делать. Спасибо, Бэт.

— Что-то подсказывает мне — ты положил трубку. Я угадал, Смотритель? Угадал.

— «Цеппелины» спели «Поездку в Калифорнию»^[115], эту песню я посвятил памяти Луизы Рей, а потом «битлы» — «Восходит солнце»^[116], эту вещь я взял бы с собой на космический Ноев ковчег, если — еще раз — наступит конец света. Итак, Нью-Йорк! Салют, наверное, уже закончился. Над Стейтен-Айлендом гаснут звезды, а «Ночной поезд» благополучно въезжает в новый день. Пора тащиться домой. Приду, опрокину стакан тоника, сниму пижаму с абажура, задерну шторы и завалюсь спать. Первого декабря небо обещает быть ясным. Комета Алоизия с каждым днем становится ярче, поэтому министерство здравоохранения рекомендует надевать темные очки, выходя на улицу. Представители

англосаксонского типа, берегите свою светлую кожу от ожогов! Даже мы, смуглые латиносы, должны пользоваться защитным кремом с фильтром не менее двадцати пяти единиц. Странно, не правда ли? Два источника света, предметы отбрасывают двойную тень. Благодарю вас за то, что провели ночь с Бэтом Сегундо. Покидая «Ночной поезд», убедитесь, что не оставили сумку под сиденьем или на багажной полке. Будьте внимательны. Не стойте у дверей!

Подземка

*

Мое лицо упорно смотрит на меня, а мое дыхание затуманивает его. Спрятанное в сумке под сиденьем, устройство отсчитывает последние секунды между жизнью и смертью. Таймер, соленоиды — пружины пружин. Господь постукивает пальцем, и Его Провидчество приступает к выполнению священной миссии.

Поезд замедляет ход, подъезжая к станции. Я ничего не вижу — за окном непроглядная ночь. Где толпа пассажиров, платформа, эскалатор, где выход наверх? Теряю драгоценные секунды, пытаюсь понять, в чем дело.

Я занял место не с той стороны вагона! Стою, прижатый к двери, которая и не думает открываться! Нечистые окружают меня плотной стеной сумок и тел, сцементированных грязью и бельем.

Квазар, для паники нет причин. Вот противоположная дверь с шипением открывается, сейчас нечистые хлынут на платформу и тебя вынесет их потоком. Стой спокойно. Спокойно жди.

Спокойно жди. Ужас просверливает мозг. Никто не выходит. Дежурные в белых перчатках впускают в вагон новую порцию нечистых. Спихавшись, я пытаюсь протолкнуться против течения к выходу, но толпа сильнее, с трудом удастся хотя бы устоять на ногах. Может, разыграть сердечный приступ? Или заорать, как припадочный? Я не решаюсь — кто знает, к чему это приведет? Я не могу ставить под угрозу миссию Его Провидчества. Лучше умереть. *Умереть?* Мелькает видение: парочка гуляет в Окинаве с собакой вдоль побережья. От рая меня отделяют всего девяносто минут перелета на самолете «Олл Ниппон эрлайнс». Всполохи заката окрашивают конец мира. Или начало.

Я не хочу, чтобы этот вагон стал моей могилой. Надо бороться.

Нечистые все сильнее напирают со всех сторон, нечем дышать. Офисные трутни, секретарши, школьницы с призывно-пухлыми губами. Я отпихиваюсь, выставив руку, освобождаю немного пространства вокруг себя. Бороться, Квазар! Ты на войне! Если бы мой альфа-потенциал позволял телепортироваться наверх, на землю! Меня прижимает ухом к чужому уху. Из наушника плеера слышится музыка, и столько печали и тяжести в звуках древнего саксофона, что им не подняться над землей.

Меня оттеснили назад, как раз к тому месту, где стоит спортивная сумка с дырочками. Я вижу, как сквозь них улечиваются мгновения: Летний день, домино, воробьи и мухи. Девочка смотрит на меня уже не своими, чужими глазами. И Минни-Маус тоже смотрит, улыбаясь во весь рот. Радостно? Мстительно? Что она хочет сказать этой улыбкой?

Мышцы свело судорогой, но я делаю еще одну попытку вырваться. Я напирал на девушку с книгой, которая держит в руке скрипку и букет обреченных цветов. Футляр скрипки врезается мне в пах. Лица девушки не видно из-за книги, обложка оказывается перед самым моим носом: «Взгляд Дзен». На далеком острове, на синем холме сидит серебристый Будда, безучастный к этому миру. С губ будто вот-вот сорвется слово.

Выпустите, выпустите, выпустите меня! Легкие зажаты в тиски грудной клетки. Когда под действием соленоида лопнут стенки сосуда с очищающей жидкостью, мое сердце вырвется из клетки на свободу тоже? А душа? Найдет ли она выход из подземного лабиринта? Извиваясь всем телом, я уворачиваюсь от скрипичного футляра, от рюкзака, протискиваюсь между двумя плащами. Я спотыкаюсь о ноги спящего гиганта с волосами цвета чая. Чай, чайник, чайный домик, гора, чистое небо. *Видишь? Видишь? Уже немного осталось.* Я поднимаю глаза. На потолке вагона вижу бескрайние просторы. Как годы, приходят и уходят народы. Конница Чингисхана с топотом несется на запад, туда, где меха, где золото, где белокожие красавицы московитки. Выгодное предложение — «тойота-лендкрузер», беспроцентный кредит на сорок восемь месяцев, проверка кредитной истории обязательна.

Двигайся же! Нечистые отвлекают тебя! Освободись от своего «я», стань пустым, и ты проскользнешь даже в игольное ушко. Матрос преграждает путь. Откуда здесь матрос? Что общего имеет этот гроб на колесах с морем? Стоит, в морской форме, прижимает к груди красивый альбом, корешок помят: «Санкт-Петербург, город шедевров». Бело-голубой дворец, широкий проспект, резные мосты над рекой. Почему этот поезд еще не треснул, раздавленный собственным весом? Какая сила удерживает мир и не дает ему рассыпаться в прах?

Это моя остановка. Я объясняю нечистым, почему шагаю по их ногам. Мне здесь выходить.

Нечистые отвечают как один. Проходите, не задерживайтесь.

Я пытаюсь давить на них с той же силой, что они на меня, ищу слабые места. Адреналин перемешивается с кровью, как сливки с кофе. Еще на метр ближе к жизни. С полки падает пластиковая хозяйственная сумка. На ней пастельных цветов паутина, которую мог бы вычертить компьютер:

схема лондонского метро. Я уворачиваюсь. *Мне здесь выходить.* У пламени в очаге цвет Братства. Улыбки теплые и тягучие, как мотив «Добрые старые времена». На этикетке виски «Килмагун» нарисован остров, старый как мир.

Я продвигаюсь вперед. Остался последний метр, но на нем сосредоточилось больше всего нечистых. Я увяз, как пчела в янтаре. Вижу блики света на волнах и покорно погружаюсь в них, я уже сдался, только рука тянется вперед, к выходу.

Не стойте у дверей, говорят нечистые. Туннели сплетаются в лабиринт, и в самой его сердцевине заключен ты, Квазар, провозвестник. С шипением съезжаются створки гидравлических дверей, отсекая от будущего и нечистых, и самого очистителя.

Острая боль пронзает меня. В чем причина? В пальцах. Их зажало дверью. *Не стойте у дверей!* Теперь у нечистых не такие самоуверенные голоса. Есть! Поезд не может тронуться, пока не закрыты все двери.

Не обращая внимания ни на что, сметая всех на пути, я делаю рывок вперед. С силой, которой никогда не подозревал в себе, раздвигаю створки на ширину кулака. Слышу панический стон. Мой. Я просовываю руку в дверь. Резиновые уплотнения скрипят по кожаному рукаву моего пиджака. Вперед колена, бедро, бок. Дежурный по станции смотрит на меня и беззвучно кричит: *Это запрещено.* Я понимаю по губам. Попытается ли он запихнуть меня обратно в вагон к зомби? Страх как не бывало. Я вываливаюсь на платформу, шарахаюсь головой об Эмпайр-стейт-билдинг, Бэтмэн облетает небоскреб, а за ним тянется звездный шлейф и слова: *«Проведем эту ночь вместе. С вами я, ваш проводник Бэт Сегундо».*

Я стою на коленях, живой и невредимый, смотрю вниз, смотрю вверх. Долговязый иностранец протягивает мне руку. Я отрицательно трясую головой, и он присоединяется к толпе нечистых, которые ждут следующего поезда. Ждут Белых ночей, ждут Кометы. Мой поезд трогается с места, мелькают вагоны.

Дрожа и пошатываясь, подымаюсь на ноги. Где реальность, где вымысел?

Кто там дышит мне в затылок?

Оборачиваюсь — никого. Только поезд, набирая скорость, ныряет в темноту.

Примечания

1

«It Never Entered My Mind» — композиция из мюзикла Ричарда Роджерса и Лоренца Харта «Выше и выше» («Higher and Higher», 1940); Майлзом Дэвисом исполнена на альбоме «Workin' with the Miles Davis Quintet» (1956).

2

Кении Бёррелл (р. 1931) — американский джазовый гитарист, пластинку «Stormy Monday» выпустил в 1978 г.

3

Ирвинг Стэнли Джордан (1922–2006) — американский джазовый пианист, с 1978 г. жил в Дании. «Flight to Denmark» (1973) — первая из множества его пластинок, выпущенных датским лейблом «Steeplechase».

4

Джимми Кобб (р. 1929) — известный джазовый барабанщик, единственный до сих пор живущий участник записи альбома Майлза Дэвиса «Kind of Blue» (1959); «Blue in Green» — третья композиция с этой эпохальной пластинки.

5

«Lady in Satin» — последний альбом Билли Холидей (1915–1959); записан в феврале 1958 г., выпущен в июне.

6

Чик Кория (Армандо Энтони Кория, р. 1941) — пианист и композитор, в 1970-е гг. один из лидеров стиля фьюжн.

7

«Some Other Spring» — песня Артура Херцога-мл. и Айрин Китчингс, записана Билли Холидей в 1939 г.

8

Говядина, тушенная в бульоне с овощами, грибами и соевым творогом тофу.

9

Мэл Уолдрон (1925–2002) — американский джазовый пианист, с 1965 г. в Европе.

10

Джеки Маклин (р. 1932) — альт-саксофонист и флейтист из Нью-Йорка, играл на пластинке Мэла Уолдрона «Left Alone» (1987).

11

Дюк Пирсон (Коламбус Кэлвин Пирсон-мл., 1932–1980) —

американский джазовый пианист и композитор, одна из самых ярких фигур хард-бопа 1960-х гг. «After the Rain» — композиция с его альбома «Sweet Honey Bee» (1966).

12

«Relaxin' at Camarillo» — композиция записана в 1947 г. («Камарильо» — психиатрическая клиника, в которой Паркер перед этим провел полгода.) «How Deep Is the Ocean» (1932) — песня Ирвинга Берлина, Паркером записана в 1947 г. «All the Things You Are» (1939) — песня Джерома Керна и Оскара Хаммерстайна, Паркером впервые записана в 1946–1947 гг., однако наиболее известно исполнение (вместе с Диззи Гиллеспи и Чарльзом Мингусом) на концерте «Jazz at Massey Hall» (1953). Композицию Джонни Грина и Эдварда Хеймана «Out of Nowhere» (1931) Паркер впервые записал в 1946 г. Композицию Диззи Гиллеспи и Фрэнка Папарелли «A Night in Tunisia» (1942) Паркер впервые записал в 1946 г.

13

Чарльз Мингус (1922–1979) — выдающийся джазовый контрабасист и композитор.

14

Ли Морган (1938–1972) — американский трубач, представитель хард-бопа.

15

Хэнк Мобли (1930–1986) — тенор-саксофонист, исполнял хард-боп и соул-джаз. Пластинку «A Caddy for Daddy» выпустил в 1965 г.

16

Теодор Наварро (1923–1950) — американский трубач, один из пионеров бибоп-импровизации.

17

«Undercurrent» (1963) — альбом гитариста Джима Холла (р. 1930) и пианиста Билла Эванса (1929–1980). В оформлении конверта использована знаменитая фотография Тони Фриссел «Дама в воде» («Weeki Wachee Spring, Florida», 1947), что обыгрывается несколькими строками ниже.

18

Кит Джаррет (р. 1945) — выдающийся пианист джазового и классического репертуара, импровизатор, композитор.

19

Перевод Н. Любимова.

20

Бенни Гудмен (1909–1986) — кларнетист и руководитель оркестра, «король свинга».

21

Лестер Янг (1909–1959) — тенор-саксофонист, кларнетист.

22

«In a Silent Way» (1969) — первый фьюжн-альбом Майлза Дэвиса; именно барабанщик Тони Уильяме (1945–1997) привлек к его записи гитариста Джона Маклафлина, прославившегося уже в 1970-е гг.

23

«Round Midnight» (1944) — композиция Телониуса Монка, ставшая джазовым стандартом.

24

«Take the „A“ Train» (1939) — композиция Билли Стрейхорна, записанная оркестром Дюка Эллингтона в 1941 г.; через три года появилась и версия с текстом, который сочинила Джойя Шеррил.

25

Джон Колтрейн (1926–1967) — выдающийся саксофонист и композитор, реформатор джаза.

26

«In a Sentimental Mood» (1935) — композиция Дюка Эллингтона. Совместная с Колтрейном версия была записана в 1962 г. для альбома «Duke Ellington and John Coltrane».

27

Джонни Хартман (1923–1983) — джазовый певец, баритон, известный

исполнитель баллад; в 1963 г. записал классический альбом дуэтов с Джоном Колтрейном. Песню Дюка Эллингтона, Ирвинга Миллса, Генри Немо и Джона Редмонда «I Let a Song Go out of My Heart» записал в 1947 г., но содержащий ее лонгплей «Just You, Just Me» вышел в 1956 г.

28

Чет Бейкер (1929–1988) — американский трубач, звезда кул-джаза, а также певец, мастер романтической баллады. «Моя смешная голубка» («My Funny Valentine», 1937) — песня Ричарда Роджерса и Лоренца Харта. «Ты не знаешь, что такое любовь» («You Don't Know what Love Is», 1941) — песня Джина де Пола и Дона Рэя. «Я без тебя прекрасно поживаю» («I Get Along without You Very Well», 1939) — песня Хоаги Кармайкла. Были исполнены Бейкером в середине 1950-х гг. и собраны на пластинке «The Best of Chet Baker Sings» (1956).

29

«Maiden Voyage» (1965) — концептуальный альбом пианиста и композитора Херби Хэнкока (р. 1940).

30

Стиль мебели времен правления Анны Стюарт (начало XVIII в.).

31

Кит Мун (1946–1978) — барабанщик английской группы *The Who*, своего рода эталон деструктивного стиля жизни.

32

Споком звали помощника капитана Кирка в телесериале «Звездный путь» (1966–1969).

33

Имеется в виду песня «Hello» с альбома Лайонела Ричи «Can't Slow Down» (1983), большой хит 1984 г.

34

Аллюзия на известный английский детский стишок. В переводе С. Маршака:

Идут на горку Джек и Джилл,
Несут в руках ведерки.
Свалился Джек и лоб разбил,
А Джилл слетела с горки.

35

Лоуренс Оливье (1907–1989) — английский актер, прославился ролями шекспировского репертуара.

36

Перевернутый стишок-запоминалка для детей:

Ровно по тридцать дней в сентябре,
В апреле, июне и ноябре.
В феврале двадцать восемь, такой он один.
Все остальные — по тридцать один.

37

Джон Уэйн (1907–1979) — американский актер, прославился ролями в вестернах.

38

Выпущенный в 1954 г. роман Уильяма Голдинга.

39

Дим-сум (дяньсинь, «сердечное прикосновение») — легкая китайская закуска к чаю. В Южном Китае и Гонконге распространены специальные димсумовые ресторанчики.

40

«Bohemian Rhapsody» — песня группы *Queen* с альбома «A Night at the Opera» (1975).

41

«Blackbird» — песня с т. н. «Белого альбома» (1968).

42

Сунь Ятсен (1866–1925) — китайский революционер, основатель партии Гоминьдан.

43

Выпущенная в 1969 г. книга Р. П. Листера.

44

Занабазар Гомбодоржийн, Ундур-Гэгэн (1635–1723) — крупный политический и религиозный деятель Монголии, основатель ряда монастырей, мастер художественного литья и прикладного искусства.

45

Один из пяти ирландских святых, носящих это имя.

46

Чарльз Линдберг.

47

Дятел, герой мультфильмов Уолтера Ланца, вышедших в 1940–1972 гг.

48

Аллюзия на триллер Альфреда Хичкока «Психоз» (1960).

49

«Nice One, Cyril» — песня британской группы *Cockerel Chorus*, большой хит 1973 г.; посвящена футболисту из команды «Тотнем сперз» Сирилу Ноулзу (1944–1991) и состоит из одного куплета:

Отлично, Сирил!
Отлично, браток!
Отлично, Сирил!

Наддай еще чуток!

50

«The Music of Chance» (1990) — роман Пола Остера, в 1993 г. экранизированный Филипом Хаасом. По-русски и книга и фильм известны под названием «Двойная ставка».

51

Дерек Джармен (1942–1994) — британский кинорежиссер, художник, писатель. Фрэнсис Бэкон (1909–1992) — британский художник-экспрессионист. Джо Ортон (1933–1967) — британский писатель и драматург, мастер черного юмора. Все трое были открытыми гомосексуалистами.

52

Колин Уилсон (р. 1931) — британский писатель и философ.

53

Энди Уорхол (Анджей Вархола, 1928–1987) — американский художник, стоял у истоков поп-арта.

54

Линдон Джонсон (1908–1973) — 36-й президент США (1963–1969).

55

Ральф Воган Уильямс (1872–1958) — британский композитор, активно использовавший народные мелодии.

56

Бертран Рассел (1872–1970) — британский философ и математик, стоял у истоков математической логики и аналитической философии, видный пацифист, лауреат Нобелевской премии.

57

Слово, происходящее от греческого «нософорос» («переносить болезнь»), стало синонимом вампира после выхода в 1922 г. экспрессионистского шедевра Фридриха Вильгельма Мурнау «Носферату: Симфония ужаса» («пиратская» экранизация «Дракулы» Брэма Стокера).

58

Тучный детектив, герой романов Рекса Стаута (1886–1975).

59

Второе и третье (из трех) четверостишия стихотворения ирландского поэта У. Б. Йейтса «Остров Иннисфри» из сборника «Роза» (1893) цитируются в переводе А. Сергеева; первое четверостишие приведено см. сноску 83. То же в переводе С. Сухарева («Остров на озере Иннисфри»):

Там мне спокойно будет: там с одежд рассвета тишина
Стекает каплями в траву, где песенку сверчок сокрыл;
Там ярким жаром залит день, мерцаньем ночь полна,
И вечер полон ласточкиных крыл.

Уйти хочу, уйти скорей: всю ночь и день-деньской
Я слышу неумолчный плеск, озерную волну,
Остановясь на перекрестке, на серой мостовой,

И вслушиваясь в сердца глубину.

60

То есть принцессы Маргарет (1930–2002) — младшей сестры королевы Елизаветы II.

61

Brain (*англ.*) — мозг. Также имя Берил Брейн ассоциируется с именем британской писательницы Берил Бейнбридж.

62

Джеймс Босуэлл (1740–1795) — друг и биограф видного английского критика, поэта и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784).

63

Эдвард Хит (1916–2005) — политик-консерватор, премьер-министр Великобритании в 1970–1974 гг.

64

Альберт Швейцер (1875–1965) — немецкий теолог, философ, врач, лауреат Нобелевской премии мира (1962).

65

Сэмюэл Пипс (1633–1703) — британский политический деятель, реформатор военно-морского флота, видный мемуарист.

66

«Tommy» (1969) — рок-опера группы *The Who*, в 1975 г. экранизированная Кеном Расселом, а в 1993 г. поставленная на Бродвее. «The King and I» (1951) — мюзикл Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна II, в 1956 г. экранизированный Уолтером Лангом, главные роли исполнили Юл Бриннер и Дебора Керр.

67

Юго-западный — то есть самый дальний от Лондона — край Ирландии.

68

Люблю тебя, мой красавчик (ит.).

69

Кири Те Канава (р. 1944) — новозеландская оперная певица, сопрано, мировая знаменитость.

70

Сэмюел Бекетт (1906–1989) — ирландский писатель и драматург-абсурдист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 г.

71

Джон Пол Гетти (1932–2003) — британский миллиардер американского происхождения, филантроп и библиофил.

72

Fastnet Race — яхтенная регата, проводится у побережья Ирландии раз в два года; длина дистанции — 608 миль.

73

Это, продолжал Бор, задача философов.

74

Тимоти Лири (1920–1996) — американский писатель, психолог, философ, «психоделический гуру», апологет исследования и употребления ЛСД.

75

Дайви О'Бруадар (1625–1698) — видный ирландский поэт; пытался, на манер средневековых бардов, зарабатывать на жизнь исключительно творчеством, но не очень успешно.

76

«The Way Young Lovers Do» — песня видного ирландского автора-исполнителя Вэна Моррисона (Джордж Айвэн Моррисон, р. 1945) с альбома «Astral Weeks» (1968).

77

«Chinatown, My Chinatown» (1910) — популярная песня Уильяма Джерома и Джина Шварца, ставшая джазовым стандартом.

78

Вообще-то солнечный луч долетает до Земли за восемь минут.

79

Кухулин — герой ирландских саг уладского (ольстерского) цикла. Красавчик принц Чарли, или Молодой Претендент (Карл Эдвард Стюарт, 1720–1788), — предпоследний представитель дома Стюартов, претендент на английский и шотландский престолы, глава восстания против дома Ганноверов; популярный герой шотландского фольклора.

80

Юджин Вигнер (1902–1995) — венгерский физик и математик, с 1930 г. в США, лауреат Нобелевской премии по физике 1963 г. «за вклад в теорию атомного ядра и элементарных частиц, особенно с помощью открытия и приложения фундаментальных принципов симметрии».

81

На самом деле 34 %. Что-то автора (или героиню) опять клинит на числе 26 (см. сноску 78).

82

«We skipped the last fandango» — первая строчка песни «A Whiter Shade of Pale», первого сингла арт-рок-группы Procol Harum. Выпущенный 12 мая 1967 г., к 8 июня сингл поднялся на первую строчку британского хит-парада и продержался там шесть недель. Партия «хэммонд»-органа, исполненная в песне Мэтью Фишером, является парафразом Сюиты ре мажор № 3 И. С. Баха.

83

Перевод А. Сергеева (см. сноску 59). То же в переводе С. Сухарева:

На остров Иннисфри хочу уйти, уйти скорей:
Там, над водою, хижину из прутьев я бы сплел,
Поставил улей, посадил бобы — и на своей
Поляне жил один, в гуденье пчел.

84

«The Blues Brothers» (1980) — комедийный мюзикл Джона Лэндиса, в главных ролях Дэн Эйкройд и Джон Белуши; также в фильме снимались Кэб Кэллоуэй, Джеймс Браун, Джон Ли Хукер, Рэй Чарльз, Арета Франклин.

85

Эдмунд Хиллари (1919–2008) — новозеландский альпинист, первый покоритель Эвереста (1953).

86

Александр Грэм Белл (1847–1922) — американско-канадский изобретатель и ученый шотландского происхождения, основатель телефонной компании, названной его именем; среди прочего исследовал возможность использования в телекоммуникации светового луча, что в конечном итоге привело к созданию волоконно-оптических технологий.

87

«Rocky Road to Dublin» — ирландская джига XIX в. (музыка народная, слова Д. К. Гэвэна).

88

Лу Рид (р. 1942) — выдающийся американский музыкант, в 1965–1970 гг. лидер группы *The Velvet Underground*. «Satellite of Love» — песня с его альбома «Transformer» (1972), выпущенная синглом в феврале 1973 г.

89

О композиции см. с. 53. Чет Бейкер исполнил ее в 1959 г. (альбом «Chet»). Кстати, барабанивший на этой записи Конни Кэй играл и на альбоме Вэна Моррисона «Astral Weeks» (см. с. 76).

90

Грэм Парсонс (Ингрэм Сесил Коннор III, 1946–1973) — один из основоположников кантри-рока, играл в группах *The Byrds* и *The Flying Burrito Brothers*. Эммилу Харрис (р. 1947) — кантри-певица, автор-исполнитель. «In My Hour of Darkness» — заключительная песня с альбома «Grievous Angel», записанного Парсонсом и Харрис летом 1973 г. и выпущенного в январе 1974-го, уже после смерти Парсонса.

91

Вышедший в 1966 г. роман Трумена Капоте (1924–1984) о немотивированном убийстве канзасской семьи двумя юными психопатами.

92

Имеется в виду радиоспектакль Орсона Уэллса (1915–1985) по «Войне миров» Герберта Уэллса, поставленный как документальный репортаж и вызвавший при трансляции (30 октября 1938 г.) массовую панику.

93

Один из четырех квадрантов Млечного Пути в сериале «Стар-трек» («Звездный путь»).

94

«World Gone Wrong» — первая песня с одноименного альбома Дилана, выпущенного в 1993 г. и состоящего исключительно из народных песен.

95

«Misterioso» («Mysterioso») — знаменитый монковский блюз, впервые записан им 2 июля 1948 г., самое известное исполнение — 1957 г., с Сонни Роллинзом на тенор-саксофоне.

96

Милтон Насименто (р. 1942) — бразильский певец и гитарист. «Anima» — композиция с его одноименного концептуального альбома, выпущенного в 1982 г.

97

Жоао Жильберто (р. 1931) — бразильский певец и гитарист, «отец боссановы». Композицию Рональдо Босколи и Карлоса Лиры «Saudade Fez Um Samba» записал в 1959 г.

98

Ультраволны (тж. гиперволны) — волны, распространяющиеся со

сверхсветовой скоростью в циклах Э. Э. «Дока» Смита «Ленсман», А. Азимова «Основание», сериале «Стар-трек» и др. фантастике.

99

Унибомбер (Теодор Качински, р. 1942) — математик, с 1971 г. живший затворником в Монтане; в 1978–1995 гг. разослал почтой 16 бомб, адресованных университетам и авиалиниям, в результате чего погибли трое и были ранены 23 человека.

100

Доктор, понимавший язык зверей, герой цикла повестей-сказок британского писателя Хью Лофтинга (1866–1947). «Доктор Айболит» Чуковского — вольное переложение первых двух повестей о Дулиттле.

101

Аллюзия на популярную радио- и телеведущую Опру Уинфри (р. 1954) с ее «Книжным клубом Опры».

102

Из «Песен матушки Гусыни» — классического собрания английских детских стихов, считалок, загадок и т. п. Строфа полностью в переводе Генриха Варденги: Ветер с севера грозитя,

Значит, скоро будет снег.

Где малиновке укрыться?

Ей, бедняге, хуже всех. Будет зимовать в сарае, Клюв зарует под крыло
И нахохлится, стараясь Уберечь свое тепло.

103

«Still Crazy After All These Years» — первая песня на одноименном альбоме Пола Саймона, выпущенном в 1975 г.

104

«Who Wants to Live Forever» — баллада группы *Queen*, написана гитаристом Брайаном Мэем для фильма «Горец» (1986), в том же году включена в их альбом «Kind of Magic».

105

«Bigmouth Strikes Again» — песня британской группы *The Smiths* с альбома «The Queen Is Dead» (1986). Начинается очень по-доброму: Sweetness, sweetness I was only joking When I said I'd like to smash every tooth In your head Oh... sweetness, sweetness, I was only joking When I said by rights you should be Bludgeoned in your bed.

106

Город на юге канадской провинции Саскачеван.

107

Долли Партон (р. 1946) — кантри-певица, автор-исполнитель, неоднократный лауреат «Грэмми».

108

Примерно -10° по Цельсию.

109

«I Say a Little Prayer for You» — из песни «I Say a Little Prayer», написанной Бертом Бакараком и Хэлом Дэвидом для Дионн Уорвик в 1967 г. Версия Ареты Франклин входит в ее альбом «Aretha Now» (1968).

110

Peace (*англ.*) — мир.

111

Нэнси Гриффит (р. 1953) — фолк- и кантри-певица, автор-исполнитель. Песню Джона Прайна «Speed of the Sound of Loneliness» исполнила на альбоме «Other Voices, Other Rooms» (1993), составленном из каверов.

112

The Rogues — выдающаяся ирландская фолк-панк-группа под управлением Шейна Макгоуэна. «Fairytale of New York» — песня с их альбома «If I Should Fall from Grace with God» (1988), которую Макгоуэн исполнил дуэтом с Кирсти Макколл (дочерью великого фолкера Юэна Макколла).

113

Джон Ли Хукер (1917–2001) — знаменитый блюзмен.

114

Кенни Джи (Кеннет Горелик, р. 1956) — американский саксофонист, звезда smooth-джаза.

115

«Going to California» — предпоследняя песня с альбома «Led Zeppelin IV» (1971).

116

«Here Comes the Sun» — первая песня на второй стороне альбома «Abbey Road» (1969); написана Джорджем Харрисоном.